

В. П. Жуков

РУССКАЯ фразеология

---

*учебное пособие
для вузов*

В.П.Жуков

РУССКАЯ фразеология

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для студентов филологических специальностей
высших учебных заведений

МОСКВА «ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1986

ББК 81.2Р-9
Ж86

Рецензенты:

кафедра русского языка Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского (зав. кафедрой проф. О. Б. Сиротинина);
д-р филол. наук, проф. В. М. Мокиенко (Ленинградский государственный
университет им. А. А. Жданова).

Ж $\frac{4602010000-480}{001(01)-86}$ КБ-22-15-86

Предисловие

Настоящее учебное пособие опирается на ныне действующую программу курса «Современный русский язык» для университетов, в котором заметное место отводится фразеологии (классификация фразеологических единиц, выявление категориальных признаков фразеологизма, структурная организация и экспрессивно-стилистическая квалификация фразеологических оборотов и т. д.). Кроме того, в пособии рассматриваются вопросы, дополняющие программу: например, вопрос о систематизации фразеологических единиц разной степени сложности, освещается уровневое положение фразеологизмов в языковой системе, указываются основные пути их образования, подробно анализируются фразеологизмы в семантическом, морфологическом и синтаксическом плане, дается типологическая характеристика компонентов, слов-компонентов и слов-сопроводителей, в связи с чем намечается шкала переходности (промежуточности) фразеологических единиц, и т. д.

При освещении всех этих и других вопросов постоянно принимаются во внимание межуровневые связи фразеологизма, учитываются переходные явления в сфере фразеологии, процесс неравномерной деактуализации компонентов, влияние оценочного значения на грамматические свойства фразеологизма, роль внутренней формы в семантической эволюции фразеологических единиц и т. д.

Описание фразеологизмов в пособии проводится в синхронном плане. В отдельных случаях, когда синхронные данные требуют своего уточнения, автор прибегает к данным диахронии.

При анализе фразеологизмов применяется метод наложения (аппликации) фразеологизма на свободное словосочетание эквивалентного состава (если оно налицо) и связанная с этим методика развернутых толкований фразеологизма. Названный метод позволяет установить меру сохранения или, напротив, утраты в компоненте словесных качеств — лексических, грамматических, стилистических и др.

Не все вопросы, обсуждаемые в пособии, решаются однозначно и освещаются с одинаковой полнотой, что связано с неразработанностью отдельных исходных положений фразеологической теории. В процессе изложения нередко учитываются противоборствующие точки зрения, с тем чтобы, во-первых, представить явление во всей его сложности, а во-вторых, раскрыть проблематичность вопроса.

Во введении раскрываются некоторые общие понятия фразеологии (компонент, семантическая целостность, мотивированность и выводимость, внутренняя форма и др.), определяются объект фразеологии, ее объем и границы. В главе I приводятся краткие сведения из истории изучения русской фразеологии в отечественном языкознании. В главе II освещаются различные аспекты систематизации фразеологических единиц. В главе III подробно рассматривается вопрос о фразеобразовании, вскрываются причины возникновения фразеологических оборотов. В главе IV уделяется особое внимание компонентному составу фразеологических единиц различной степени сложности. V глава посвящена семантическому анализу фразеологизмов. В этой главе показана роль компонентов в образовании фразеологического значения, которое сопоставляется со значением лексическим; проводится разграничение между явлениями вариантности и синонимии, определяется место и роль оценочного значения в смысловой структуре фразеологизма и т. д. В главе VI дается морфологическая характеристика фразеологизмов, определяется фразеологическая специфика видовых отношений, выясняется степень парадигматической активности различных разрядов фразеологических

оборотов и т. п. Заключительная глава VII посвящена синтаксической характеристике фразеологизмов. Здесь устанавливаются контекстуальные связи фразеологизма со словом, рассматривается управление при глагольных фразеологизмах, описывается структура предложений с глагольной фразеологией. В конце книги дается предметный указатель и список использованной литературы.

Параграфы 3, 4, 25 и глава IV написаны доцентом А. В. Жуковым.

Автор несет полную ответственность за аутентичность приведенного в книге иллюстративного материала.

Автор благодарит доктора филологических наук профессора В. М. Мокиенко (ЛГУ) за ценные указания и советы, которые позволили при доработке книги уточнить некоторые теоретические положения, и членов кафедры русского языка Саратовского университета, взявших на себя труд ознакомиться с рукописью пособия и высказавших замечания, которые направлены на совершенствование данной работы.

Автор

Введение

§ 1.

Фразеологизм как значимая единица в системе русского языка. Основные признаки фразеологизма

Фразеология (от греч. *phrasis* — оборот речи, *logos* — учение) представляет собой особый раздел лингвистики, в котором изучаются семантические, морфолого-синтаксические и стилистические особенности фразеологизмов.

Фразеологизм — это воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний (непредикативного или предикативного характера), обладающий целостным (или реже — частично целостным) значением и сочетающийся со словом (*ни рыба ни мясо, ни холодно ни жарко; гнуть спину, стрелять из пушки по воробьям; как без рук, как в воду опущенный; на носу, не за горами; хлеб-соль, печки-лавочки; каши просят* (что), *руки не доходят* (у кого, до чего) и т. д.).

Фразеологизм возникает тогда, когда, по меньшей мере, два слова (чаще знаменательных), участвующих в его формировании, оказываются семантически преобразованными в такой мере, что полностью или частично утрачивают собственное лексическое значение. Сказанное вместе с тем означает, что между фразеологизмами и нефразеологизмами возможны переходные, промежуточные образования.

Фразеологизм наделен целым рядом существенных, определяющих признаков: устойчивостью, воспроизводимостью, семантической целостностью значения, расчлененностью своего состава (раздельнооформленным строением), незамкнутостью (открытостью) структуры.

Воспроизводимость — это регулярная повторяемость, возобновляемость в речи языковых единиц разной степени сложности, т. е. неоднородных, разнокачественных образований; воспроизводятся крылатые изречения (*И дым отечества нам сладок и приятен*), пословицы и поговорки (*Тише едешь, дальше будешь; Без хозяина дом сирота*), составные термины и наименования (*серная кислота, переменный ток, белый медведь, почтовый ящик*), фразеологические сочетания (*обращать внимание, попадать в зависимость, повышать ответственность*), собственно фразеологизмы (*валять дурака, выжимать сок*) и т. д.

Идиоматичность — это смысловая неразложимость фразеологизма вообще. Устойчивость — это мера, степень

семантической слитности и неразложимости компонентов. В этом смысле устойчивость неразрывно связана с идиоматичностью. Чем выше мера семантического расхождения между словами свободного употребления и соответствующими компонентами фразеологизма, тем выше устойчивость, тем идиоматичнее такой оборот. Справедлива и обратная зависимость.

Исходя из этого следует признать, что фразеологизмы с целостным немотивированным значением типа *у черта на куличках* 'очень далеко' характеризуются большей устойчивостью, чем фразеологизмы с целостным немотивированным значением типа *носить воду решетом* 'бесцельно и безрезультатно трудиться', а эти последние отличаются большим «коэффициентом устойчивости», чем фразеологизмы с частично целостным мотивированным значением типа *на дружеской ноге* 'в близких, приятельских отношениях'. Чем устойчивее в этом смысле фразеологизмы, тем в большей мере его компоненты теряют ранее присущее им исходное, общепринятое значение, и наоборот.

Устойчивость может быть исследована в каждом конкретном случае методом соотношения общего (целостного) значения фразеологизма со значением слов, входящих в одноименное свободное словосочетание, если оно теоретически возможно, или путем соотношения общего (частично целостного) значения фразеологизма с системой значений соответствующих слов в их свободном употреблении, если свободное словосочетание эквивалентного состава нельзя образовать.

Поскольку мерилom устойчивости служит степень семантической сплоченности компонентов, она (устойчивость) не зависит от предсказуемости компонентов на лексическом уровне. Изучение такой предсказуемости представляет узкоспециальный интерес в области конструирования информационных машин. Нельзя допустить, будто в языке возможны «неустойчивые идиоматические сочетания» типа *намылить голову*, *подложить свинью*, *чесать язык* и др. В составе подобных фразеологизмов обнаруживается устойчивость на семантическом уровне, на уровне сочетания семем (если этот термин распространить на компоненты). Этот уровень обуславливает ограничения в выборе форм и на всех остальных уровнях.

Принимая в расчет сказанное, можно заключить, что устойчивость — это мера сопротивляемости фразеологизма как особой, качественно определенной единицы языка свободному словосочетанию, и прежде всего своему прототипу — переменному словосочетанию эквивалентного состава, а также словам

свободного употребления, с которыми фразеологизм структурно связан в языке и речи. Такое понимание устойчивости находится в полном соответствии с законами материалистической диалектики. «Всякая качественная определенность материального объекта имеет смысл лишь постольку, поскольку происходят внешние взаимодействия его с другими материальными объектами. Устойчивость характеризует способность материальных тел сопротивляться внешним воздействиям. Это можно выразить с помощью принципа отрицательного обратного действия. Суть этого принципа заключается в том, что при всяком внешнем воздействии, изменяющем материальный объект, в нем возникают силы, стремящиеся вернуть его к первоначальному состоянию. Принцип отрицательного обратного действия столь же универсален, сколь и понятие меры. Он является выражением относительной устойчивости определенного качественного состояния» [54, т. I, с. 290—291]¹.

Итак, устойчивость и воспроизводимость — понятия сопрягающиеся, но отнюдь не тождественные. Все языковые единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимы, но не все воспроизводимые «сверхсловные» образования наделены устойчивостью.

Под семантической целостностью условимся понимать такое внутреннее смысловое единство фразеологизма, которое в конечном итоге приводит к полной или частичной потере компонентами собственного лексического значения. Иначе говоря, семантическая целостность — это проявление идиоматичности применительно к конкретному фразеологизму.

Существуют ли какие-либо формальные признаки, выражающие семантическую целостность фразеологизма? Думается, что существуют. Однако измерить степень семантической спаянности, притяженности компонентов и в особенности установить степень утраты ими смысловой самостоятельности, т. е. определить семантическую «величину» компонента, крайне затруднительно.

Представляется, что семантическая целостность не является постоянной, неизменной языковой величиной. Высшей степенью семантической целостности обладают фразеологизмы с утраченной внутренней формой (ср.: *бить баклуши*, *валять дурака*). Такого рода фразеологизмы имеют закрытую, семантически непроницаемую структуру. Это проявляется в невозможности распространять компоненты фразеологизма словами

---

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указаны номер, под которым в списке использованной литературы приведена цитируемая работа, номер тома и страница.

полного или местоименного значения. Такие фразеологизмы обладают **св е р х ц е л о с т н ы м** значением.

Напротив, меньшая степень семантической целостности присуща фразеологизмам, у которых каждый компонент обладает семантической соотнесенностью (но не тождеством!) с однозвучными словами свободного употребления. Так, к каждому компоненту фразеологизма *находить общий язык* последовательно можно подобрать слова-идентификаторы — ‘добиваться взаимного понимания’. Цепочка словоформ, составленная из слов-идентификаторов, является вполне осмысленной и более или менее верно передает содержание этого фразеологизма. При этом слова, входящие в развернутое определение, относятся к тем же частям речи, что и определяемые компоненты, отчего модель фразеологизма полностью отражается в модели идентифицирующего словосочетания. Семантическая структура подобных фразеологизмов характеризуется семантической проницаемостью, известной «открытостью».

Между высшей и низшей степенями семантической целостности размещается непрерывная цепь переходных звеньев, отражающих постепенное сближение (но не слияние!) компонента фразеологизма со словом, а фразеологизма в целом со словосочетанием.

Целостность значения фразеологизма достигается полным или частичным переосмыслением, деактуализацией компонентов. **Д е а к т у а л и з а ц и я** — это семантическое преобразование слова в составную часть фразеологизма, его компонент. В результате семантического преобразования компоненты, как правило, не укладываются со стороны содержания в смысловую структуру исходных слов свободного употребления. Поэтому собственно фразеологизмы определяются, разъясняются посредством такого словесного материала, которым не располагает толкуемый фразеологический оборот. Невозможно, например, фразеологизмы *висеть над головой* ‘постоянно угрожать’, *мыльный пузырь* ‘что-то очень непрочное, легко разрушающееся’ соответственно растолковать посредством знаменательных слов в их свободном употреблении: *висеть, голова, мыльный, пузырь*. Следовательно, развернутое определение служит одним из существенных средств обнаружения семантической спаянности компонентов и выявления их внесистемных, внутрифразовых значений.

Семантическая целостность наиболее полно проявляется у фразеологизмов, возникших в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же лексического состава: *выбивать из седла, выворачивать наизнанку,*

вязать петли, дальше ехать некуда, даром хлеб есть, еле дышать, ждать у моря погоды; гусь лапчатый, дальний прицел, детский лепет, длинный язык, кровь с молоком и др. В составе, например, фразеологизма *брать быка за рога* 'смело начинать с самого важного' *рог* — это не 'костяной вырост на черепа некоторых животных', а нечто другое, не содержащееся в смысловой структуре этого слова. Действительно, в слове *рог* различают, кроме названного значения, еще другие: а) 'музыкальный или сигнальный инструмент в виде изогнутой трубы с расширяющимся концом'; б) 'острая торчащая часть чего-нибудь' (*рог луны*). Зачастую выявить собственное значение компонентов трудно или вовсе невозможно, что служит показателем высокой идиоматичности фразеологизма.

Значение фразеологизма тем целостнее, чем вероятнее возможность «наложения» в прошлом или настоящем того или другого фразеологизма на свободное словосочетание одинакового состава, и наоборот, значение фразеологизма тем аналитичнее, чем меньшая вероятность такого противопоставления (здесь не принимаются в расчет некоторые фразеологизмы с архаическим составом компонентов типа *ничтоже сумняшеся*).

Важным признаком фразеологизма является его расчлененное строение, неоднословность. Так, фразеологизм *стреляный воробей* и свободное словосочетание *голубое небо* построены по одному образцу «прил. + сущ. в им. п.», являются раздельно-оформленными единицами и не отличаются друг от друга по своим внешним признакам.

Фразеологизм, как отмечалось выше, имеет незамкнутую, открытую структуру. Это означает, что он обычно всем своим составом, как одно неделимое целое, сочетается в речи со знаменательными словами (словом), составляющими фразеологическое окружение. Приведем такой пример: «— Поживешь с нами в деревне, как словно в аду. — Навязла она у меня в зубах, деревня эта» (Ч.). Глагольный фразеологизм *навязнуть в зубах* 'крайне надоесть, наскучить кому-либо' структурно связан с субъектным и объектным окружением. Этот фразеологизм семантически реализуется при подлежащем со значением отвлеченного предмета и при дополнении со значением лица. Вне окружения соответствующий фразеологизм трудно отличить от эквивалентного свободного словосочетания.

Одни признаки фразеологизма характеризуют его внутреннее содержание, а другие — его форму. Определяющими признаками служит семантическая целостность, раздельно-оформленность состава, структурная связь со словом.

Многим фразеологизмам присуща экспрессивность. Тем не менее это свойство распространяется далеко не на все фразеологические обороты. Стилистически нейтральным оборотам не свойственна экспрессивность, например: *во что бы то ни стало* 'обязательно', *в один голос* 'единодушно', *в двух словах* 'коротко и ясно', *день ото дня* 'постепенно', *время от времени* 'иногда', *в порядке вещей* 'обычно'; *выходить в свет* 'печататься', *выходить из строя* 'переставать действовать', *выбиваться из сил* 'крайне изнемогать', *входить во вкус* 'проявляя интерес, привыкать' и др.

Компонент — это составная часть фразеологизма, представляющая собой семантически преобразованное слово. В семантическом отношении компонент — величина непостоянная, так как степень преобразования бывает неодинаковой: одни компоненты теряют какую-либо семантическую связь со словами свободного употребления (*куры не клюют* 'очень много'), другие лишь частично сохраняют семантическую близость со словом (*короче воробьиного носа* 'очень невелик'), третьи почти не несут какие-либо семантические потери (ср. *находить общий язык* 'добиваться взаимного понимания'). Компонент воспринимается как слово (семантически преобразованное) до тех пор, пока ему может быть однозначно приписано то или иное внесистемное (специфическое) значение. Например, в составе фразеологизма *витать в облаках* 'бесплодно мечтать' компоненту *витать* легко присваивается внесистемное значение *мечтать*. Во всех остальных случаях компонент приходится рассматривать как такую составную часть фразеологизма, которая лишена словесных свойств, несоизмерима со словом.

Семантическое преобразование компонентов, их деактуализация вызывается чаще всего метафорическим переосмыслением свободного словосочетания — объекта метафоризации. Метафоризация слова и словосочетания — явления качественно разного порядка. При метафоризации слова возникает новое переносное значение. Например, слово *тюлень* в переносном значении характеризует неуклюжего, неповоротливого человека. При метафоризации свободного словосочетания возникает фразеологизм, наделенный обобщенно-переносным значением; при этом компоненты в составе такого фразеологизма не приобретают переносного значения. *

Фразеологизмы с обобщенно-переносным значением типа *плевать в потолок* 'предаваться безделью' резко отличаются от таких словосочетаний, которые состоят из порознь переосмысленных слов. Приведем такой пример: «Как велика и густа была туча мух, окружавших великого писателя, и как

надоедливы были некоторые из паразитов, кормившихся от духа его. Каждая муха стремилась оставить след свой в жизни и в памяти Толстого» (М. Г.). В словосочетании *туча мух* каждое слово в отдельности употребляется в переносном значении: слово *туча* означает 'множество, большое количество кого-либо', а сочетающееся с ним слово *муха* приобрело индивидуальное лексическое значение 'пошлый, низкий прихлебатель'. Если бы это словосочетание стало воспроизводимой языковой единицей, оно все равно не перешло бы в разряд фразеологизмов, так как лишено целостного значения.

Характер и механизм семантического преобразования компонентов остается до сих пор неизученным.

Нельзя, однако, не заметить, что в процессе фразеологизации не все словесные свойства компонентов равномерно и без остатка поглощаются общим значением фразеологизма: отдельные компоненты обладают особой предрасположенностью к передаче символического значения или к переходу в так называемые «потенциальные слова», некоторой части компонентов присуще внесистемное значение, многие компоненты в составе фразеологизма являются семантически доминирующими, оказываются смысловым центром и т. п. Наиболее прочно удерживается в составе грамматически господствующего компонента категориальное значение, но оно в силу своей абстрагированности при толковании фразеологизма не получает словесного воплощения.

Факты показывают, что в объяснительной части, отражающей семный состав толкуемого фразеологизма, компонентам нередко приписывается такое внесистемное значение, которое передается одним словом отвлеченного содержания.

Соответствующие компоненты семантически элементарны, их собственное (внесистемное) значение не поддается развернутому определению. В противоположность этому слова свободного употребления имеют многосемную структуру, вследствие чего их значение передается развернутым словосочетанием.

«Семантическое расстояние» между исходным словом и соответствующим компонентом может быть определено посредством развернутого толкования фразеологизма. Поясним сказанное таким примером. Значение глагольного фразеологизма *строить воздушные замки* можно передать словосочетанием *придумывать нереальные планы*. Здесь каждому компоненту сообщается определенное значение. Каждое слово в составе этого словосочетания носит более отвлеченный характер, чем те слова, на базе которых сформировался этот

фразеологизм. Глаголы *строить* 'создавать какое-либо сооружение' и *придумывать* 'догадываться что-либо сделать' непосредственно не связаны друг с другом. Между ними обнаруживается опосредованная семантическая связь через глагол *создавать*, который участвует в определении слова *строить*. Дело в том, что при толковании глагола *придумывать* 'догадываться что-либо сделать' используется одно и то же слово *сделать*, являющееся носителем общего семантического элемента у соответствующих слов.

Из примеров видно, что степень семантического расхождения между словом свободного употребления *строить* и соответствующим компонентом фразеологизма относительно невелика и поддается измерению¹. Характер и величину этих расхождений можно измерить в составе тех фразеологизмов, составляющие которых допускают покомпонентный внутриязыковой перевод (ср. *золотить пилюлю* 'смягчать неприятность').

Взаимодействием свободного словосочетания с переосмысленным на его основе фразеологизмом создается внутренний образ, внутренняя форма фразеологизма, живущая в семантической структуре фразеологической единицы и во многом предопределяющая ее семантическую эволюцию. Внутренняя форма присуща лишь фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное словосочетание такого же лексического состава и на его фоне дают семантический и метафорический эффект, например: *вводить в русло* (что), *вертеть хвостом*, *взлетать на воздух*, *вырывать с корнем*, *заблудиться в трех соснах*, *лежать на боку*, *махнуть рукой*; *кожа да кости*, *медвежий угол*, *мокрая курица*, *тертый калач* и др.

Общее (целостное) значение таких фразеологизмов не выводится из значений компонентов (ввиду их деактуализации), а мотивируется внутренним образом (внутренней формой), который подлежит расшифровке. Мотивировка и выводимость — явления различного порядка в области фразеологии. Так, значение фразеологизма *носить воду решетом* 'бесцельно и безрезультатно трудиться' мотивировано, ибо ясно осознается его внутренняя форма, образ, лежащий в его основе, но это значение нельзя вывести из значения каждого компонента в отдельности, так как они деактуализованы в семантическом отношении. Прибавим к этому, что собственное значение компонентов *вода* и *решето* определить невозможно. Напротив, в фразеологизме *от молодых ногтей* 'с мо-

---

¹ О семантической непрерывности слов в словаре см. [38, с. 75].

лодых лет, смолоду' значение отчасти определяется семантически доминирующим компонентом *молодых*. Не случайно в развернутое толкование включен этот смыслообразующий компонент. Строго говоря, фразеологизмы типа *на дружеской ноге* и др. не имеют внутренней формы, так как не могут с точки зрения современного языкового сознания быть противопоставлены эквивалентному свободному словосочетанию из-за невозможности его образовать. Подобным оборотам свойственна не мотивировка, которая предопределяется внутренней формой, а выводимость.

Внутренняя форма участвует в образовании фразеологического значения, которое возникает в результате метафорического переосмысления того словосочетания, которое формирует внутренний образ фразеологизма, его внутреннюю форму. При этом именно образ, лежащий в основе такого фразеологизма, предсказывает объект обозначения, т. е. несет своеобразную указательную функцию, иначе нельзя было бы говорить о мотивированности целостного значения.

Внутренняя форма, предопределяя семантическое развитие фразеологизма, сама по себе не способна выступать в качестве смыслоразличительного (дифференциального) признака фразеологического значения. Поэтому фразеологизм нельзя определить посредством тех слов, которые входят в словосочетание, образующее внутреннюю форму. Так, при определении фразеологизма *вилять хвостом* 'раболепно выражать свою покорность' невозможно использовать слова *вилять* 'колебать из стороны в сторону' и *хвост* 'у животных: придаток на заднем конце тела'.

То обстоятельство, что внутренняя форма имеет словесную основу, а не компонентную, еще не означает, будто она (внутренняя форма) находится лишь на глубине «совмещенной стадии», когда фразеологизм характеризуется якобы двойным планом (буквальным и фигуральным). В действительности, однако, двойным планом отличаются лишь пословицы типа *Кашу маслом не испортишь*, а фразеологизмы лишены такой особенности: они не могут одновременно употребляться в буквальном и в переносном значении. При употреблении в буквальном значении фразеологизмы перестают быть самими собой, становятся качественно новыми образованиями — свободными словосочетаниями такого же лексического состава.

Фразеологизмы в системе языка тесно соприкасаются со словами и словосочетаниями, но между этими языковыми единицами наблюдается существенное различие.

В составе свободного словосочетания слова употребляются в своих обычных, социально закрепленных значениях. В противовес этому в составе фразеологизма, совпадающего со свободным словосочетанием, компоненты семантически преобразованы, деактуализованы, так что семантически реализуется весь фразеологизм, а не его составляющие. Сравним два предложения: «Парень рванулся в сторону с такой силой, что куртка на нем затрещала по всем швам» и «— Да, бывают положения, затрещит жизнь по всем швам, — задумчиво говорит Ефим» (Лавр.). В первом предложении налицо свободное словосочетание, в составе которого слово *трещать* реализуется в значении 'издавать треск, разрываясь на части', а слово *шов* означает 'место соединения сшитых кусков ткани'. Во втором предложении семантически реализуется весь фразеологизм 'находиться под угрозой краха, развала; расстраиваться, разлаживаться', а не его отдельные компоненты, собственное значение которых выявить достаточно трудно: они непосредственно не связаны с семантическим строем слов свободного употребления.

В тех случаях, когда одновременно семантически реализуются и весь словесный комплекс и его составляющие, говорящий думает и о словосочетании в целом и о смысле отдельных слов, входящих в словосочетание. Семантическая реализация фразеологизма, напротив, предполагает забвение смысла составляющих его частей.

Будучи качественно разными единицами языка, фразеологизм и слово, входящее в свободное словосочетание одинакового состава, нередко реализуют свое значение в различном словесном окружении. Так, глагол *затрещать* употребляется в качестве сказуемого при подлежащем со значением конкретного предмета (*куртка*), а фразеологизм в функции сказуемого реализуется при подлежащем со значением отвлеченного предмета (*жизнь*).

В отличие от слов, фразеологизмы имеют раздельно-оформленное строение. Значение фразеологизма создается семантическим взаимодействием всех компонентов, тогда как лексическое значение порождается семантическим взаимодействием морфем, доля участия которых в образовании зна-

чения слова неодинакова: основная семантическая нагрузка всегда принадлежит корневой морфеме, а остальные морфемы формируют словообразовательное и грамматическое значение.

Границей фразеологизма на уровне словосочетания служит фразеологическое сочетание, а на уровне предложения — пословицы, поговорки и крылатые изречения.

Слово с фразеологически связанным значением обладает определенной долей смысловой самостоятельности и не теряет словесного качества. Важно при этом подчеркнуть, что в составе фразеологического сочетания одно слово-компонент имеет фразеологически связанное значение, а другое выступает в качестве конкретизирующего слова. Иначе говоря, в составе фразеологического сочетания наблюдается односторонняя семантическая зависимость одного слова-компонента от другого, тогда как в составе собственно фразеологизма отмечается обоюдная, сквозная семантическая взаимосвязанность компонентов.

Подтверждением того, что слово с фразеологически связанным значением отличается лексико-семантической и грамматической самостоятельностью, могут служить следующие показатели:

1. Многие фразеологические сочетания допускают относительно свободное переоформление своей структуры. Такое переоформление носит не индивидуальный, а общественно осознанный (узуальный) характер. Ср., например: «Мы взяли на себя обязательства» и «Обязательства, которые мы на себя взяли, были выполнены». Подобную трансформацию легко произвести над фразеологическими сочетаниями типа *обеспечивать безопасность, наносить поражение, отражать нападение, производить впечатление, выполнять обязательство, оказывать доверие* и др.

2. Сочетаемость слов с фразеологически связанным значением постоянно расширяется. С расширением сочетаемости расшатывается стабильность контекста, а фразеологические сочетания постепенно могут перейти в разряд свободных словосочетаний. Так, глагол *погружаться* 'приходить в какое-либо психическое или физическое состояние' обладает широкой сочетаемостью: *погружаться в воспоминания, в раздумье, в думу, в мечты, в задумчивость, в мечтания, в размышление, в печаль, в молчание, в сон* и т. д. В современных словарях не даются какие-либо указания на характер сочетаемости этого глагола с другими словами. В редких случаях учитываются сочетаемость свойства глагола *погружаться* [28, с. 94].

Переход фразеологических сочетаний в подлинные фразео-

логические образования, охваченные сквозной семантической деактуализацией компонентов, почти не наблюдается. Дело в том, что фразеологизмы преимущественно образуются в результате метафорического переосмысления такого свободного словосочетания, которое состоит из слов первичного, конкретного значения. Такого рода слова характеризуются отчетливо выраженной предметно-логической соотносительностью. Фразеологические сочетания образованы из слов отвлеченной семантики и потому не могут, как правило, подвергаться метафоризации.

Узкая сочетаемость свойственна и многим словам с ярко выраженными предметно-логическими связями, что, в сущности, стирает грань между фразеологически связанным и свободным значением (ср.: *прищуривать глаза, хмурить брови, насупить брови; окладистая борода; вороной, гнедой, буланый, игреневый конь (жеребец)* и т. п.).

3. Слова с фразеологически связанным значением нередко содержат в себе достаточно емкую информацию. Именно в этих случаях соответствующие слова трактуются описательно. Так, слово *бреющий* (в составе фразеологического сочетания *бреющий полет*) означает 'горизонтальный полет на небольшой высоте'; развернутое описание получают такие фразеологически связанные значения, как *прожигать (жизнь)* 'вести беспорядочную жизнь, проводя время в удовольствиях и развлечениях', *квасной (патриотизм)* 'ложный патриотизм, проявляющийся в приверженности к мелочам национального быта' и т. д.

В отличие от слов с фразеологически связанным значением, компоненты фразеологизма в тех случаях, где допустим внутриязыковой перевод, подвергаются однословной замене (примеры см. выше).

4. Слова с фразеологически связанным значением могут вступать в синонимические отношения с другими лексическими единицами (сначала на уровне индивидуальной речи, а затем и на уровне языка): *расквасить нос — разбить нос*, где слова *расквасить* и *разбить* являются скорее лексическими, чем контекстуальными, синонимами. Фразеологическое сочетание *закадычный друг* может быть противопоставлено словосочетанию *заклятый враг*, где слова *закадычный* и *заклятый* вступают в антонимические отношения.

О семантической обособленности слов с фразеологически связанным значением, их заменяемости синонимами акад. В. В. Виноградов пишет следующее: «Для фразеологического сочетания характерно, что его лексические компоненты, хоть и плотно пригнаны один к другому, все же ощущаются как отдельные, имеющие свое особое значение слова. Правда,

одно из слов, входящих в состав фразеологического сочетания, употреблено в несвободном, связанном значении и, следовательно, не вполне самостоятельно. Но и оно не теряет здесь своей семантической раздельности, обособляемости. Ведь это несвободное слово легко может быть заменено синонимом, например: *расквасить нос* — *разбить нос*, *обагрить кровью* — *окрасить кровью*, *сардоническая улыбка* — *язвительно-насмешливая улыбка* и т. д.» [16, с. 137–138].

Фразеологические сочетания могут подвергаться семантическому стяжению [108, с. 203], при котором слово, ранее имевшее фразеологически связанное значение, приобретает полную семантическую и грамматическую самостоятельность. Например, глагол *выйти* в составе фразеологического сочетания *выйти замуж* (за кого-либо) стал употребляться в том же значении вне сочетания с конкретизирующим словом *замуж*. Компоненты же фразеологизма сами по себе не способны актуализироваться, отдельно воспроизводиться, так как лишены лексико-семантической самостоятельности. Случаи употребления компонентов в качестве «потенциальных слов» относятся к сфере речи и прямо не связаны с явлением семантического стяжения слов-компонентов.

5. Фразеологическое сочетание, по существу, не имеет внутренней формы; носителем ее является каждое слово в отдельности, из которых состоит такое словосочетание. Это и понятно. Фразеологическое сочетание не может быть противопоставлено свободному словосочетанию такого же состава. Лишь в единичных случаях возможно образование фразеологизма вследствие метафоризации фразеологического сочетания. Например, фразеологизм *пустить корни* ‘прочно обосноваться’ возник из фразеологического сочетания такого же состава. В этой ситуации само по себе фразеологическое сочетание является внутренней формой фразеологизма. В отличие от фразеологических сочетаний фразеологизмы обладают внутренней формой, благодаря которой компоненты объединяются в одно целое.

Близко примыкают к фразеологическим сочетаниям многие составные термины и наименования: *белый медведь*, *грудная клетка*, *прогрессивный паралич*, *серная кислота*, *ядерный реактор*, *мертвый мяч* ‘мяч, который нельзя принять’, *вратарская площадка*, *мертвая зыбь* ‘зыбь при полном безветрии’ и т. д. В составе таких словосочетаний слова сохраняют лексико-семантическую самостоятельность. Поэтому соответствующие термины и составные названия не относятся к фразеологизмам.

Но среди составных терминов и названий выделяется незначительная группа образований фразеологического характера:

анютины глазки, божья коровка, заячья лапка, мертвая голова, сидеть на колесе, сухой лист и т. д. Составные термины и наименования этого типа возникли вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания и должны относиться к разряду фразеологизмов.

Таким образом, включение терминологических сочетаний в разряд фразеологизмов должно основываться не на специфике их значения, «не на отсутствии в них эмоционально-экспрессивного начала» (Н. Н. Амосова), а на семантических свойствах компонентов, входящих в терминологическое сочетание [15, с. 358; 8, с. 13–29].

Попутно отметим, что вследствие метафоризации свободного словосочетания фразеологизм наделяется особой абстрагирующей способностью — обобщенно-метафорическим значением. При этом фразеологизмы как двукомпонентного, так и многокомпонентного состава обладают приблизительно одинаковой степенью абстракции, если они легко налагаются на свободное словосочетание одинакового состава, ср., например: *высовывать язык* ‘тратить последние силы, слабеть’, *валить в (одну) кучу* ‘путать, не различать совсем неодинаковые предметы, явления и т. п.’, *валить через пень колоду* ‘делать кое-как, небрежно’.

В сфере терминологических словосочетаний нефразеологического характера прослеживается иная закономерность: чем многочисленнее термины, тем уже понятие, передаваемое этим терминологическим сочетанием, тем уже сфера приложения терминологического образования. Так, многокомпонентные спортивные термины служат названиями определенных упражнений: *вис лежа сзади верхом на нижней жерди* [41].

В конечном итоге чем идиоматичнее фразеологизм, чем в большей мере семантически преобразованы его компоненты, тем выше абстрагирующая их способность (компоненты, деактуализуясь, приобретают все более отвлеченное значение), и наоборот.

Что касается пословиц, поговорок и крылатых выражений, то они в коммуникативном отношении представляют собой законченное предложение и конструктивно на связаны со словом. К тому же поговорки и крылатые изречения состоят из слов с вполне определенным лексическим значением. Поэтому слова, входящие в состав этих построений, выделяются или могут быть выделены логическим ударением: *Будет и на нашей улице праздник; И на нашей улице будет праздник; Праздник будет и на нашей улице*. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического уда-

рения. Компоненты фразеологизмов, таким образом, лишены актуального членения.

Лишь немногие пословицы, имеющие только переносное значение, семантически и синтаксически не членимы. В составе этих пословиц слова в такой же мере семантически преобразуются, как и в составе фразеологизмов, ибо поглощаются общим смыслом выражения. Сюда могут быть отнесены пословицы типа *Бабушка надвое сказала; Быть бычку на веревочке; Перемелется, мука будет; Завьем горе веревочкой; Игра не стоит свеч; Нашла коса на камень; Старого воробья на мякине не проведешь* и др. Одно обстоятельство не позволяет рассматривать пословицы этого типа как фразеологизмы: соответствующие выражения не сочетаются со словом, представляют собой такое построение, которое служит для передачи законченной информации. Пословично-поговорочные выражения способны сочетаться с предложениями или частями предложения, порождая тем самым «связную речь» (дискурс).

По вопросу об отношении пословиц к фразеологии ведутся нескончаемые споры. Одни исследователи включают их в состав фразеологии [105; 47; 103], другие, напротив, не без основания отграничивают пословичные выражения от фразеологизмов [9; 91; 43]. Следовательно, вопрос об объеме фразеологии не получил до сих пор однозначного решения.

Необходимо отметить, что составной частью фразеологизма не являются слова-сопроводители, т. е. такие слова (или реже — одно слово) свободного употребления, без которых немислима семантическая реализация фразеологического оборота. Так, по отношению к наречному фразеологизму *как кошка с собакой* словами-сопроводителями оказываются семантически близкие разнovidные глаголы *жить, прожить*.

Слова-сопроводители обладают предметной и признаковой соотносительностью, семантической свободой и самостоятельностью. Именно поэтому при разъяснении смысла фразеологизма они и не нуждаются в толковании: *во все горло кричать* означает 'очень громко' (кричать), *с распростертыми объятиями* принимать значит 'радушно, охотно' (принимать) и т. д.

Будучи семантически полноценной, независимой языковой единицей, слово-сопроводитель¹ употребляется в качестве отдельного члена предложения. Так, в предложении «Дождь лил как из ведра, молния сверкала за молнией» (Гонч.) глагол-сопроводитель *лить* употребляется как простое глагольное

---

¹ О словах-сопроводителях более подробно см. с. 127 и сл., а также в иной связи с. 252 и сл.

сказуемое, а примыкающий к нему фразеологизм выступает в качестве обстоятельства. От глагола-сопроводителя к фразеологизму легко поставить грамматический вопрос: *(дождь) лил как? в какой мере? с какой силой?*

В подобных случаях глагол-сопроводитель является носителем категориального значения глагольности, а примыкающий наречный оборот, естественно, служит носителем наречного признака. Здесь налицо синтагматическое взаимодействие категориальных значений.

В противоположность этому в фразеологизмах типа *на дороге не валяется* 'достается с большим трудом', *на козе не подъедешь* 'невозможно найти подход (из-за строгости, важности, недоступности)' и т. д. глагольный компонент определяет категориальное значение фразеологизма в целом.

Впрочем, здесь возможны и переходные случаи. Таково устойчивое образование *молчать в тряпочку*. Этот оборот можно растолковать двояко: 'совсем не высказываться' и 'совершенно молчать'. Если исходить из первого определения, то придется отнести этот оборот к разряду глагольных и в компонентный состав фразеологизма включить глагол *молчать*, который, впрочем, и в такой семантической интерпретации фразеологизма достаточно прозрачен по смыслу (между глаголами *молчать* и *не высказываться* налицо прямая семантическая связь). Придерживаясь второго определения, придется глагол исключить из компонентного состава, а фразеологизм *в тряпочку* отнести к разряду наречных.

За пределами фразеологии остаются и перифразы, т. е. описательные обороты, заменяющие общепринятые названия лица, предмета, явления и т. п. В таких, например, перифразах, как *голубое золото* (газ), *черное золото* (нефть), *белое золото* (хлопок), *царь зверей* (лев), *хозяин тайги* (медведь), *город на Неве* (Ленинград) и т. п., слова по преимуществу употребляются в своих обычных, социально закреплённых значениях (прямых или переносных). В этом смысле развёрнутые словарные толкования функционально сближаются с перифразами. Имеются и определенные различия: словарные определения не воспроизводятся в речи, тогда как описательные выражения характеризуются воспроизводимостью. Кроме того, в словарных толкованиях не всегда указаны те семантические признаки, которые содержатся в перифразах. Например, слово *газ* употребляется в значении 'газообразное топливо'; в словосочетании *голубое золото* заключена дополнительная информация, связанная с цветообозначением.

Перифразы соотносятся в первую очередь с именем су-

ществительным (или другим субстантивированным словом); напротив, фразеологизмы соотносятся с самыми разнообразными частями речи.

§ 3.

Уровневое положение фразеологизмов в языковой системе

Под тем или иным языковым уровнем (ярусом) обычно понимают относительно замкнутый набор однородных, однокачественных единиц языка (элементов), обнаруживающих иерархические отношения с качественно другими единицами языковой системы и обладающих парадигматическими и синтагматическими свойствами. Эти отношения и свойства составляют категориальную основу одноуровневых единиц.

Наряду с основными уровнями языка (фонетико-фонологическим, морфемным, лексико-семантическим и др.) выделяют также промежуточные уровни (морфонологический, словообразовательный и др.) [40, с. 137]. Единицы промежуточного, переходного типа удерживают, как правило, разноуровневые признаки и качества.

Вместе с тем следует отметить, что в теории языковых уровней отдельные принципиальные вопросы остаются еще не до конца решенными или достаточно спорными (например, вопрос о критериях выделения основных и промежуточных уровней, количестве уровней и их типологии).

Определенный теоретический интерес вызывает и проблема уровневой квалификации фразеологического материала.

Многие фразеологи, затрагивающие эту проблематику, выделяют фразеологический уровень (ярус) (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин и др.) или «фразеологический пласт» (или подсистему) (И. И. Чернышева). Наличие фразеологического уровня наряду с лексико-семантическим доказывается тем, что фразеологизмы как единицы фразеологического уровня качественно отличаются от лексических единиц своей структурной организацией, наличием специфического фразеологического значения, в функционально-стилистическом отношении и т. д.

Отдельные ученые придерживаются противоположного взгляда и полагают, что фразеологизмы являются заменителями слов, «не представляют собой системного материала языка и являются языковыми излишками» (М. В. Никитин).

Некоторые ученые относят фразеологизмы к промежуточным языковым явлениям, которые соответственно образуют промежуточный ярус в структуре языка. В. И. Кодухов объясняет принадлежность фразеологических единиц к проме-

жуточному ярусу их двойственной природой: «...фразеологические единицы двойственны: с одной стороны, возникая из сочетания слов, они образуют своеобразное устойчивое сочетание, а с другой стороны, они обладают единым значением, функционируя как и обычные номинативные единицы — лексемы» [40, с. 147]. Эта точка зрения нам представляется наиболее приемлемой.

Не подлежит сомнению тот факт, что фразеологизмы, подобно другим единицам языка, обладают парадигматическими свойствами, причем в парадигматические отношения наряду с фразеологизмами вовлекаются также и слова (ср.: *бить баклуши, считать ворон, лежать на печи, бездельничать, лодырничать, баклушничать* и т. п.). Синтагматические связи фразеологизмов имеют ограниченную сферу приложения. Они практически не сочетаются друг с другом, их синтагматика целиком осуществляется за счет слов. Иначе говоря, названные уровневые признаки выражены у фразеологизмов недостаточно полно и четко.

Самостоятельный интерес представляют иерархические отношения фразеологизмов. Иерархичность языковых единиц выражается, во-первых, в их способности члениться на более мелкие элементы, состоять из них и, во-вторых, в способности порождать более сложные единицы путем последовательного сложения собственных элементов. Присущи ли иерархические отношения фразеологизму подобно основным единицам языка? Думается, что нет. Казалось бы, фразеологизм состоит из компонентов, строится из них. Однако аналогия между фразеологизмом и основными единицами языка является ложной. Дело в том, что компонент лишен той данности, качественной определенности, какими наделены фонемы, морфемы или слова. Компонент не существует до фразеологизма, он вторичен, произведен и в этом смысле является системоприобретенным продуктом. Следовательно, внесистемные значения субъективно присваиваются или навязываются компонентам уже после того, как сформировалась фразеологическая единица, и по этой причине не обладают прогнозирующей силой. Они несут потенциальный (вероятностный) характер. Весьма спорно, на наш взгляд, и признание внутренней интегративности фразеологизма в духе «семейной сочетаемости» [42]. Думается, что внесистемных значений нет и не может быть у компонентов до образования фразеологизма. Выделение особого «компонентного» уровня лишено реальных оснований. Компоненты, например, налагаемых оборотов типа *плевать в потолок* сами по себе не существуют, не воспроизводятся в языке наподобие слов. По этой

причине нельзя составить словарь компонентов, хотя полезен словарь таких лексических единиц, которые участвуют в образовании фразеологизмов.

Иерархические отношения отсутствуют как внутри фразеологизма, так и за его пределами. В отличие от фонем, морфем и лексем фразеологизмы не могут порождать качественно новых единиц путем последовательного сложения собственных элементов. Суммирование фразеологизмов в «фразеосочетания» и «фразеопредложения» носит искусственный или экспериментальный характер (ср., например: «Прекрасный пол хлебом не корми — денно и ночью перебивают косточки синим чулком и белым воронам»). Именно эту особенность фразеологизмов подразумевал В. Л. Архангельский, отмечая, что «над фразеологическим уровнем и его единицами нет других уровней и единиц, по отношению к которым как единицам высшего порядка инварианты единиц фразеологического уровня являлись бы единицами низшего порядка» [6, с. 98—99].

Особое место фразеологизмов в языковой системе можно объяснить тем, что при целостности значения они имеют расчлененную структуру. «Эта глубинная противоречивость проецируется на многие свойства фразеологизма и создает особый, присущий ему внутренний динамизм» [60, с. 149].

Известно, что в результате переосмысления исходное словосочетание полностью или частично деактуализируется. В соответствии с тезисом о единстве содержания и формы можно сделать вывод о том, что словосочетание в целом и отдельные его части (слова) не только преобразуются семантически, но в той или иной мере утрачивают первоначальные формальные качества. Вот почему форма фразеологизма не может быть полностью уподоблена форме исходного словосочетания. В частности, своеобразие фразеологической формы ярко проявляется в ограничении парадигматических и синтагматических возможностей фразеологизма в целом и отдельных его компонентов по сравнению с аналогичными свойствами исходного словосочетания и слов. Вместе с тем надо отметить, что актуальная форма фразеологизма в меньшей степени «удалена» от генетической, чем актуальное значение фразеологизма от его этимологического значения. Некоторое «отставание» актуальной формы фразеологизма от его актуального содержания объясняется предельно отвлеченным характером грамматической семантики по сравнению с семантикой лексической и непосредственно связано с процессом семантической редукции слова [34, с. 67—68]. Грамматическая семантика, крайне формализованная по своей природе и в силу

этого обладающая высокими «инерционными» качествами, предопределяет некоторую несогласованность актуальных элементов фразеологического знака. Однако в процессе общения эта несогласованность в значительной мере снимается благодаря тому, что актуальное значение и форма фразеологизма выступают в единстве, отгесняя на второй план или даже нейтрализуя этимологическое значение и форму. Так, видимо, преодолевается конфликт старой формы с новым, непривычным ей содержанием.

Если со стороны своей формы фразеологизм, несмотря на некоторый этимологический остаток, не тождествен исходному словосочетанию, то со стороны своего содержания он далеко не всегда уравнивается словом. Напротив, более типичны случаи, когда найденный поначалу «рабочий» лексический эквивалент, постепенно уточняясь, дополняется различными концептуальными и коннотативными характеристиками, вследствие чего значение фразеологизма полностью раскрывается, как правило, только через словосочетание, тем более что у многих фразеологизмов слова-идентификаторы вообще отсутствуют. Сравните, например, следующие толкования фразеологических единиц: *белая ворона* 'человек, резко отличающийся от окружающих, не такой, как все'; *бабье лето* 'теплые дни ранней осени'; *водить на помочах* 'руководить беспомощным человеком, лишая его свободы действий'; *висеть на хвосте* 'находиться в непосредственной близости от того, кого догоняют, преследуют'; *шито белыми нитками* 'неумело, искусно скрыто что-либо'; *ни пава ни ворона* 'кто-либо отошел от одних и не примкнул к другим'.

Таким образом, двойственность природы фразеологизма состоит в противоречивом совмещении этимологического и актуального значения в плане содержания и этимологической и актуальной формы в плане выражения. Это противоречие осложняется некоторым несоответствием актуального значения и актуальной формы, которые, однако, образуя единство, в процессе функционирования фразеологизма, как правило, вытесняют этимологическое значение, если исключить случаи игры слов, субъективной этимологии, потенциальной знаковости компонентов и т. д. [ср.: 59, с. 169—170].

Свойством переходности (двойственности, промежуточности) в изложенном понимании наделены все фразеологизмы, еще до вхождения их в фразеологическую систему. Переходность такого типа можно назвать системообразующей, или первичной. «Системообразующие свойства, — пишет В. М. Солнцев, — это присущие элементам свойства независимо от их участия в системе, формирующие внутрисистемные

связи и отношения. Эти свойства являются проявлением качественной определенности объектов (элементов) данной системы и отражают их природу... Системообразующие свойства присущи элементам до вхождения в данную систему» [90, с. 51]. Системообразующую, или первичную, переходность целесообразно отличать от переходности, постепенно формирующейся уже непосредственно в пределах фразеологической системы и выступающей в той или иной разновидности. Переходность последнего типа можно назвать *системоприобритенной*, или *вторичной*. «Системоприобретенные свойства — это те свойства, которыми система и системные отношения наделяют элементы (объекты). Это те свойства, которых нет у объекта вне системы. Объект приобретает их, становясь элементом системы» [90, с. 51—52]. Оба типа переходности находятся между собой в отношении преемственности, обуславливаясь рядом общих факторов: системным характером языка, неоднородностью его единиц, взаимодействием уровней, противоречием между планом содержания и планом выражения, семантической редукцией слова и т. д.

Следовательно, фразеологическая переходность — одно из проявлений уровневого характера языка.

Итак, фразеологизмы лишены свойства иерархичности, а их синтагматические связи крайне ограничены, что дает основание ответить на вопрос об уровне статусе фразеологизмов в целом отрицательно. Фразеологизмы обладают формальными и содержательными признаками сразу двух уровней — лексико-семантического и синтаксического, в полной мере не принадлежа ни одному из них. Фразеологизмы возникают в результате взаимодействия названных уровней и особого их синтеза. Фразеологизм — гибридная единица языка, функционально и семантически тяготеющая к слову, а в формальном отношении в силу своеобразной уровневой инерции напоминающая синтаксические единицы. Следовательно, переходность (промежуточность) фразеологизмов надо понимать не как их локализованность между лексико-семантическим и синтаксическим уровнями, а как своеобразную синтетичность, лексико-синтаксическую гибридность, проявляющуюся в противоречивом совмещении признаков и свойств разнокачественных единиц в плане содержания и в плане выражения.

§ 4. Познавательная ценность фразеологизмов

Понятие познавательной ценности языковых единиц (морфем, слов, фразеологизмов и т. д.) может быть осмыслено в различных аспектах.

В гносеологическом плане под познавательной ценностью следует понимать способность языковых единиц отражать своим внутренним содержанием объективную действительность и тем самым служить средством ее познания. Мышление человека создает в процессе трудовой и сигнально-речевой деятельности определенные понятия о вещах, их свойствах и отношениях. В семантике языковых единиц результаты познавательной деятельности воплощаются не только в виде различных знаний и представлений (обыденных и научных), но и в форме всевозможных оценок, выражающих субъективное отношение человека к миру.

Философское содержание понятия познавательной ценности конкретизируется в той или иной области научного знания. Например, в теории информации значимость единиц сообщения определяется степенью их новизны и неожиданности [22, с. 31—32].

Среди собственно лингвистических аспектов проблемы познавательной ценности важными представляются ономаσιологический и лексикографический. В ономаσιологическом плане языковые единицы рассматриваются с точки зрения формирования их как средств номинации. При лексикографическом осмыслении проблемы предметом анализа становятся идентифицирующие возможности языковых единиц на уровне словарных определений (дефиниций).

Рассмотрим более подробно вопрос о познавательной ценности фразеологизмов.

Фразеологизмы, подобно другим номинативным единицам языка, служат средством отражения и познания объективного мира. Это подтверждается прежде всего существованием и функционированием обширной сферы номенклатурных и терминологических устойчивых словосочетаний — научных, технических, политических, спортивных и т. д. (ср.: *порочный круг, внутренняя форма, грудная жаба, холодная война, пятая колонна, сухой лист*), а также в особенности наличием объективной фразеологии. Фразеологизмы с объективной семантикой обозначают предметы, явления и отношения действительности, существующие вне и независимо от человека или только косвенно с ним связанные (ср., например: *презренный металл* 'деньги, золото', *белые мухи* 'падающий снег, снежинки', *бабье лето* 'теплые дни ранней осени', *белый свет* 'окружающий мир, земля со всем существующим на ней').

Однако если по тем или иным соображениям исключить терминологический пласт идиоматики из состава фразеологии, то может возникнуть или усилиться сомнение в способности

фразеологизмов конкурировать со словами с точки зрения номинативно-познавательных функций. Не случайно отдельные исследователи склонны отвести фразеологизмам вспомогательную или факультативную роль специфических коннотативных «довесков» или дублетов слов [97, с. 19]. Безусловно, для этого имеются объективные причины, заложенные в самой природе фразеологизма. Вместе с тем есть основания констатировать, что сама идея о преобладании в смысловой структуре фразеологизма коннотативного элемента над концептуальным не носит абсолютного характера и справедлива лишь для определенной части фразеологического фонда. В свете затронутой проблематики следует также заметить, что противопоставление познавательной и эмоционально-оценочной деятельности субъекта достаточно спорно в аспекте гносеологии. Дело в том, что «оценка не может быть противопоставлена познанию... <...>». Оценка предполагает достаточно сложную познавательную деятельность, участие не только логических, но и чувственных форм в отображении действительности» [44, с. 153–154]. Эмоционально-оценочная деятельность не просто дополняет абстрактно-логическую или сопутствует последней, а образует с нею нерасторжимое диалектическое единство; причем эмоции и оценки выступают как особые формы отражения и познания человеческим мышлением объективного мира. «... Без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*» [1, с. 112]. Следовательно, фразеологические единицы (как и слова) выполняют познавательную функцию независимо от своей предметной ориентации, а также соотношения в их смысловой структуре понятийного и коннотативного элементов.

«Совершенствование языка, — замечает В. Дорошевский, — это его улучшение как средства выражения, а улучшение средства выражения — это облегчение передачи различных содержаний, как эмоциональных, так и рациональных, а тем самым обеспечение большей познавательной функции языка в ее общественных аспектах» [30, с. 12].

Ниже предлагается одна из возможных методик качественно-количественного учета познавательной ценности фразеологизмов. Эта методика служит своего рода «технической» иллюстрацией при лексикографическом освещении данной проблемы, хотя очевидно, что методический аспект так или иначе связан с философским (гносеологическим) и ономаσιологическим.

Под познавательной ценностью фразеологизма (в лингвометодическом и лексикографическом плане)

понимается его способность уподобляться со стороны своего значения и функций (номинативно-информативной, грамматической, эмоционально-оценочной и др.) слову или словосочетанию, выступающим в качестве объяснительного минимума в составе словарного определения. Подразумевается, что объяснительный минимум совпадает с содержательным ядром фразеологического значения. В содержательное ядро включаются обязательные семы (элементарные смыслы) [63, с. 95], словесно представленные в объяснительной части. «При решении ряда практических задач, — отмечает Ю. Н. Караулов, — удобно приравнивать минимальный отрезок смысла, элементарное значение к слову», так что «сам язык-объект становится в определенных условиях своим метаязыком» [38, с. 65–66].

Предполагается, что имеет место следующая зависимость: чем шире объем объяснительного минимума, тем выше познавательная ценность фразеологизма, и наоборот.

Поиск объяснительного минимума целесообразнее в методическом отношении осуществлять по линии сжатия, а не расширения толкующей части. Такой прием играет роль сдерживающего, «профилактического» фактора, оберегающего фразеологизм от субъективного превышения его познавательной ценности. Все «излишки» толкования (например, дублирующие синонимы в составе дефиниции, так называемые нулевые компоненты — «связки» — типа *у кого-либо, за чем-нибудь, то, чем* и т. д. [38, с. 195]) по возможности сокращаются до объяснительного минимума. Если при этом операция сжатия определения до слова окажется безуспешной, то тем самым факт познавательной ценности фразеологизма можно будет считать подтвержденным.

Следует также учесть то обстоятельство, что коннотативный элемент фразеологического значения может быть не выражен (или недостаточно выражен) в объяснительном минимуме, так что реальная познавательная ценность фразеологизма в ряде случаев окажется несколько заниженной.

Условимся считать, что фразеологизм обладает: а) нормальной (стандартной) познавательной ценностью, если число слов в объяснительном минимуме равно числу компонентов фразеологизма¹; б) пониженной познавательной ценностью, если число слов в объяснительном минимуме меньше

---

¹ При «огрубленном» учете познавательной ценности качественным отличием знаменательных и служебных слов условно можно пренебречь. Как показали дополнительные подсчеты, различие это в большинстве случаев нейтрализуется и в методических целях может быть признано несущественным.

числа компонентов, и в) повышенной познавательной ценностью, если число слов в объяснительном минимуме больше числа компонентов.

Меру познавательной ценности фразеологизма можно, на наш взгляд, представить в виде дроби, помещая показатель количества слов в объяснительном минимуме в числитель, а показатель количества компонентов фразеологизма — в знаменатель.

Следовательно, $M = \frac{K_1}{K_2}$, где M — мера познавательной ценности фразеологизма, K_1 — количество слов в объяснительном минимуме и K_2 — количество компонентов фразеологизма. Из формулы, в частности, видно, что у фразеологизмов с нормальной познавательной ценностью $M = 1$, у фразеологизмов с пониженной познавательной ценностью $M < 1$ и у фразеологизмов с повышенной познавательной ценностью $M > 1$.

Проиллюстрируем сказанное примерами из «Школьного фразеологического словаря русского языка» [33]. В соответствии с определением познавательной ценности и описанной выше методикой ее учета фразеологизмы приводятся в несколько «оголенном» виде: без вариативных и факультативных компонентов, без слов-сопроводителей и обязательного грамматического окружения, без грамматических и стилистических помет. При этом оттенок фразеологического значения условно рассматривается как отдельное значение. Объяснительный минимум выделяется жирным шрифтом, а сами фразеологизмы располагаются в порядке возрастания индивидуальной меры познавательной ценности.

Примеры фразеологизмов с пониженной познавательной ценностью: *ни к селу ни к городу* 'совсем некстати, **невпопад**'; *ни божу свечка ни черту кочерга* 'ничем не выделяющийся, **посредственный человек**'; *барашек в бумажке* '**взятка**'; *в чем мать родила* '**голый**, без всякой одежды'; *выводить на чистую воду* '**разоблачать** чьи-либо темные дела, махинации, злые намерения; выявлять недостатки'; *несолоно хлебавши* 'не добившись своего, ни с чем, **безрезультатно**'; *медвежий угол* 'отдаленное, глухое малонаселенное место; **захолустье**'; *сотрясать воздух* 'говорить не по существу, праздно болтать; **разглагольствовать**'; *навязнуть в зубах* '**крайне надоест**, наскучить'; *при царе Горохе* '**очень давно**, неизвестно когда'; *птица высокого полета* '**влиятельный человек**'; *сидеть между двух стульев* '**занимать неопределенное положение**, неясную позицию'; *ставить точки над и* '**добиваться полной ясности**; доводить все до конца'. К данной группе относятся также фразеологизмы *ни с того ни с чего*, *пройти огонь и воду*, *после дождичка в четверг*, *сидеть сложа руки*, *ставить*

на колени, в костюме Адама, в один прекрасный день, вдоль и поперек, вертеться как белка в колесе, вылететь в трубу, наобум лазаря, находить общий язык, не лезть ни в какие ворота, сматывать удочки, ставить на одну доску, валить через пень колоду, ветер свистит в карманах, видеть на три аршина в землю, висеть на шее, витать в облаках, брать под обстрел и др.

Приведем примеры фразеологизмов с нормальной познавательной ценностью: *стреляный воробей* 'опытный, бывалый человек'; *аредовы веки* 'очень долго'; *ахиллесова пята* 'уязвимое место, слабая сторона'; *ветряная мельница* 'пустой, легкомысленный человек'; *вливать новое вино в старые мехи* 'вкладывать новое содержание в старую форму'; *путеводная нить* 'то, чем руководствуются в чем-либо'; *определяющее начало*, *основа чего-либо*; *стрелять из пушки по воробьям* 'тратить много сил по пустякам'; *давать жару* 'сильно ругать'; *золотить пилюлю* 'смягчать, скрашивать чем-либо причиняемую неприятность, обиду'. Сравните также толкования фразеологизмов: *голубая кровь*, *зажимать рот*, *завязать узелок*, *глас вопиющего в пустыне*, *гусь лапчатый*, *девятый вал*, *держат ухо остро*, *за здорово живешь*, *за семью замками*, *играть первую скрипку*, *кисейная барышня* и др.

Укажем, наконец, на случаи повышенной познавательной ценности фразеологизмов: *вариться в собственном соку* 'жить или работать без общения с другими, не используя чужого опыта'; *брить лоб* 'отдавать в солдаты'; *притягивать за волосы* 'использовать для объяснения необоснованные доводы'; *висеть на волоске* 'находиться в крайне опасном положении, быть близким к гибели'; *прятать концы в воду* 'ловко скрывать следы чего-либо предосудительного, недозволенного, преступного'; *вправлять мозги* 'заставлять кого-либо поступать более обдуманно, благоразумно'; *ворона в павлиньих перьях* 'человек, безуспешно старающийся казаться лучше, чем он есть на самом деле'; *выворачиваться наизнанку* 'прилагать все силы, старания и т. п., чтобы добиться желаемого'; *снимать пенки* 'брать, присваивать себе лучшее без всяких на то оснований'; *вторая молодость* 'прилив новых сил в пожилом возрасте'; *синий чулок* 'женщина, лишенная обаяния и поглощенная книжными, учеными интересами'; *мышинный жеребчик* 'молодящийся старик, любящий ухаживать за молодыми женщинами'. Сравните также фразеологизмы: *из кулька в рогожку*, *запретный плод*, *делать погоду*, *заваривать кашу*, *держат порошок сухим*, *без ножа резать*, *калиф на час*, *вить гнездо*, *закрывать глаза*, *закусить удила*, *приложить руку*, *заговаривать*

зубы, пушечное мясо, бабье лето, белая ворона, клевать носом и др.

Понятие познавательной ценности комплексно характеризует фразеологизм в нескольких отношениях, а именно: а) выявляет его номинативные и информативные свойства и системные (в первую очередь парадигматические) связи с другими фразеологизмами, а также со словами и словосочетаниями; б) оценивает его идентифицирующие возможности на уровне словарных определений и в) позволяет сравнивать цельнооформленные и раздельнооформленные единицы языка с точки зрения принципа языковой экономии.

Несложно предвидеть возможные трудности и издержки практического использования описанной методики. Они связаны прежде всего с поиском оптимального варианта толкования и, соответственно, объяснительного минимума. Вместе с тем, думается, сплошная и более тщательная проверка предлагаемой методики позволит сделать определенные объективные выводы о соотношении познавательной ценности слов, словосочетаний и фразеологизмов, которые будут иметь важное теоретическое и практическое значение для лексикологии, фразеологии и лексикографии.

Глава I

Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет

§ 5.

О разработке общих проблем русской фразеологии

Фразеология как лингвистическая дисциплина завоевала в настоящее время достаточно прочные позиции. В этой области выделились такие самостоятельные разделы, как фразообразование, диалектная фразеология, сравнительно-сопоставительная, историческая и т. п. По всем этим и другим разделам ныне ведутся интенсивные исследования на материале различных языков.

Начало научной разработки русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины было положено известными трудами акад. В. В. Виноградова. В последующие годы в Советском Союзе было написано огромное количество работ, посвященных анализу фразеологического состава произведений художественной, общественно-политической, научно-популярной, художественно-документальной, мемуарной и другой литературы. Сюда же примыкают и многочисленные исследования, относящиеся к изучению стилистических функций фразеологизмов.

В целом ряде работ фразеологизмы анализируются в семантическом, лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом отношении.

Особое место занимают исследования семантики фразеологических оборотов. Довольно подробно изучена семантическая парадигматика фразеологизмов: вариантность фразеологических единиц, их синонимия и антонимия, многозначность и т. д. Вместе с тем пока еще остается, например, невыясненным соотношение лексического значения с фразеологическим, не определена сущность фразеологического значения, не полностью выявлены лексико-семантические свойства компонентов и т. д.

Отдельные языковеды главное различие между лексическим и фразеологическим значениями видят в разном характере их образности. В лексическом значении образность якобы имеет более уточняющий характер, чем в фразеологическом. В действи-

тельности, однако, оказывается, что оценка через слово и фразеологизм во многом совпадает. Так, и в слове с переносным значением, и в фразеологизме с обобщенно-переносным значением можно обнаружить одни и те же компоненты квалификативной структуры: собственно квалификацию, субъект квалификации, объект квалификации и, наконец, основание квалификации.

Слово с переносным значением может быть развернуто по отдельным его свойствам. Так, В. Н. Телия дает следующую языковую оценку слову *кляча*: «...такая лошадь (объект квалификации), которую говорящий (субъект квалификации) считает по сравнению с «нормальными» лошадьми (основание квалификации) плохой (собственно квалификация) из-за ее немощности или неказистого вида (предмет квалификации)» [92, с. 205]. При таком положении вещей установить, в какой мере фразеологизмы типа *голова на плечах* или *дубина стоеросовая*, *медный лоб* абстрактнее слов *башковитый* или *туповатый*, затруднительно. Семный состав этих единиц примерно один и тот же: 'кто-либо достаточно умен, сообразителен; очень умный, способный' или, напротив: 'ограниченный, пустой человек' и 'тупой, ограниченный человек'.

В 60–80-е годы появилось немало книг и брошюр [7; 105; 6; 91; 66; 97; 65; 59; 102; 55; 34], тематических сборников [20; 74], сотни статей, в которых так или иначе освещается фразеологическая проблематика.

Интенсивная разработка фразеологического материала дала свои ощутимые результаты. Если на первых порах исследователи нередко ограничивались чисто интуитивными критериями, то в последних работах усилилось стремление придать этим критериям по возможности четкий и более объективный характер. Оценивая наиболее значительные работы, можно выделить те принципиальные линии, по которым у нас ведется исследование проблем фразеологии.

В первую очередь выделяются проблемные вопросы, связанные с уточнением понятия фразеологизма как категориальной единицы языка, его свойств и признаков, его соотношения с другими единицами языковой системы (словом, словосочетанием, предложением). Важный круг проблем возникает в связи с раскрытием таких понятий, как устойчивость и идиоматичность, форма и содержание, тождество и различие фразеологизмов, знаковые и информативные свойства компонентов, их типология и т. п.

По всем этим проблемным вопросам нет единого мнения. Существуют разные взгляды на предмет фразеологии. В науке давно бытует так называемое узкое и широкое понимание

объема этой отрасли языкознания. Узкое понимание отчасти утвердилось в связи с лексикографической разработкой фразеологизмов, которые включались и включаются в толковые словари наряду с лексическими единицами. Разумеется, в словари попадали прежде всего фразеологизмы, эквивалентные слову, и почти не попадали устойчивые выражения, образованные по модели предложения. Широкому пониманию объема фразеологии в определенной мере содействовала разработка устойчивых сочетаний в историческом плане. Дело в том, что в письменных памятниках древнерусского языка сравнительно редко встречаются устойчивые словосочетания, охваченные сквозной деактуализацией компонентов. Поэтому объектом исследования становились все воспроизводимые словосочетания (или предложения) независимо от характера и степени семантической спаянности непосредственно составляющих.

Двоякое понимание объекта фразеологии укрепилось и в связи с выявлением основных, категориальных признаков фразеологизма. В зависимости от того, какой признак считался решающим, — а на этот счет имеются весьма различные точки зрения — границы фразеологии то расширялись, то сужались. В качестве главного, дифференциального признака выдвигаются: непереводаемость на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский), образность (А. И. Ефимов, В. Ф. Рудов, Ю. Р. Гепнер), воспроизводимость (Н. М. Шанский, С. Г. Гаврин, Л. И. Ройзензон), сочетаемость лексем и семем (М. М. Копыленко), внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский), идиоматичность (А. И. Смирницкий), целостность номинации (О. С. Ахманова), характер отношения к действительности (Е. Н. Толикина), семантическая целостность (И. С. Торопцев), лексическая неделимость (Е. А. Иванникова) и т. д.

Многие исследователи не без основания считают, что фразеологизм наделен целым комплексом признаков. А. М. Бабкин, например, считает, что для фразеологизма характерны такие признаки, как смысловая целостность, устойчивость сочетания слов, переносное значение, экспрессивно-эмоциональная выразительность [8]. А. И. Молотков в качестве главных, категориальных признаков фразеологизма выдвигает лексическое значение, компонентный состав и грамматическое значение [62]. Довольно резкое расхождение во взглядах исследователей можно объяснить сложностью фразеологизма как категориальной языковой единицы.

Несмотря на существенные расхождения во взглядах, у исследователей фразеологии наметились и точки соприкосно-

вения: они занимаются неоднословными образованиями, «привычными» сцеплениями слов, имеющими семантическое, структурное и функциональное своеобразие, отличающее их и от лексем, и от абстрактно-моделированных синтаксических конструкций. Некоторое сближение позиций различных ученых можно объяснить более гибким, диалектическим подходом к раскрытию природы фразеологических единиц, подходом, лишенным прямолинейности и абсолютизации выдвигаемых признаков.

Серьезное внимание исследователи фразеологии уделяют вопросу об уточнении понятий «устойчивость» и «идиоматичность». Большинство ученых склонно сводить устойчивость к воспроизводимости или простой повторяемости [105, с. 3]. Часть лингвистов связывает понятие устойчивости с предсказуемостью компонентов на лексическом уровне. М. М. Копыленко, например, устойчивость определяет «как меру ограничения лексемной сочетаемости. Так, лексема *впросак* сочетается только с лексемой *попасть*, а лексема *баклуши* — только с лексемой *бить*. Это случаи стопроцентной устойчивости сочетаний (по элементам *впросак* и *баклуши*)» [43, с. 29]. Идиоматичность же понимается М. М. Копыленко как мера семантической неразложимости, «как мера семемной сочетаемости». Так, в составе фразеологизма *закинуть удочку* «семема лексемы *закинуть* сочетается с одной-единственной семемой лексемы *удочка*, и наоборот» [43, с. 29]. Налицо, по мнению М. М. Копыленко, стопроцентная идиоматичность. Некоторые фразеологи понимают устойчивость как явление комплексного порядка, как «ограничение в выборе переменных» на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [6]. Под идиоматичностью обычно понимается смысловая неразложимость. Часто идиоматичность определяют через невыводимость значения целого из значений частей или через «единичный перевод». Все эти точки зрения так или иначе связаны между собой.

Таким образом, М. М. Копыленко устойчивость отграничивает от идиоматичности. В. Л. Архангельский специально не останавливается на том, как взаимодействует (и взаимодействует ли) устойчивость с идиоматичностью. И все же нетрудно заключить, что чем устойчивее фразеологизм на семантическом уровне, тем выше идиоматичность, и наоборот.

По нашему мнению, устойчивость органически связана с идиоматичностью. Устойчивость, как уже отмечалось выше, — это мера идиоматичности. Воспользуемся примерами М. М. Копыленко. Из образований *бить баклуши*, *закинуть удочку* и *попасть впросак* наиболее высокой устойчивостью обладает

фразеологизм с целостным немотивированным значением *бить баклуши*, несколько меньшей устойчивостью наделен фразеологизм с целостным мотивированным значением *закинуть удочку*, а семантически разложимое образование с аналитическим значением *попасть впросак* наделено самой низкой устойчивостью. В составе этого воспроизводимого словосочетания слово *попасть* не нуждается в разъяснении, оно не деактуализируется в семантическом отношении, так что *попасть впросак* означает 'попасть (очутиться, оказаться) по своей оплошности в неприятное, трудное положение'. То, что наречие *впросак* сочетается лишь с одним-единственным глаголом *попасть*, не усиливает идиоматичность словосочетания в целом. Слово *попасть* внутри словосочетания *попасть впросак* и за его пределами равно самому себе. Вот почему фразеологизмы *бить баклуши*, *закинуть удочку*, с одной стороны, и словосочетание *попасть впросак* — с другой, разнокачественные образования; словосочетание *попасть впросак* обладает воспроизводимостью, а не устойчивостью и потому не является подлинным фразеологизмом.

Устойчивость фразеологизмов связана с их вариантностью. По нашим наблюдениям, чем устойчивее фразеологизм, тем меньшей вариантностью он обладает, и наоборот [32].

Наряду с этим исследователи занимаются разработкой таких важных проблем, как форма и содержание, тождество и различие фразеологизмов. При решении соответствующих вопросов приходится использовать неуточненную терминологию, что усугубляет сложность проблематики. Специфика формы, внешнего выражения фразеологизма обнаруживается прежде всего в раздельнооформленности его строения [87, с. 206], в незамкнутости структуры, в характере границ, в явлениях вариантности и факультативности и т. д.

Под вариантностью понимается взаимозаменяемость компонентов фразеологизма. Варьирование — довольно сложная и многоаспектная организация фразеологизмов, включающая в себя набор формальных и содержательных характеристик [29]. В одних случаях новые варианты фразеологизма возникают вследствие замены одного какого-либо компонента другим, чаще сходным или совпадающим по значению. В других случаях тот или иной вариант появляется за счет формального или словообразовательного видоизменения одного из компонентов. Наконец, новый вариант может образоваться в результате лексико-грамматической перестройки фразеологизма. В связи с этим выделяются фонетические варианты (*посыпать голову [главу] пеплом*), морфологические (*носить воду решетом [в решете]*), видовые (*садиться [сесть] на го-*

лову), структурные (*каши не сваришь [не сварить] с кем*), словообразовательные (*протереть с песком [с песочком]*), лексические (*бить [ударять] по карману*). Возможны случаи со вмещения в одном фразеологизме нескольких вариантных форм.

Кстати сказать, вариантность свойственна и пословично-поговорочным выражениям. В пословицах и поговорках, в отличие от фразеологизмов, явление вариантности охватывает, как правило, только отдельные слова и никогда не распространяется на весь лексический состав, ввиду чего образуется относительно небольшое количество разновидностей одной и той же пословицы.

С точки зрения своего выражения форма фразеологизма, как известно, характеризуется: а) раздельнооформленным строением, наличием компонентного состава, причем компоненты на уровне языковой нормы могут иметь контактное и дистантное расположение; б) особой структурной организацией (фразеологизмы строятся по модели словосочетаний и реже — предложений); в) вариантностью компонентов; г) факультативностью компонентов; д) наличием внешней (выводной) и внутренней грамматической формы (посредством внешней формы осуществляется связь фразеологизма с другими словами; посредством внутренней грамматической формы передается морфолого-синтаксическая зависимость компонентов внутри фразеологизма).

Значительно сложнее вопрос о содержании фразеологизма. Например, по мнению А. И. Молоткова, содержание фразеологизма определяется его лексическим и грамматическим значением, тогда как форма предопределяется компонентным составом [62, с. 29].

А. М. Мелерович пытается доказать, что существует зависимость и соотнесенность между структурной организацией фразеологизма (план выражения) и элементами фразеологического значения (план содержания) [55, с. 39]. Исходя из этого строится в названных работах и семантический анализ фразеологических единиц.

Утверждение А. И. Молоткова должным образом не аргументируется. Большая часть фразеологизмов, образованных по модели непредикативных словосочетаний типа *умывать руки, снимать стружку; гусь лапчатый, стреляный воробей, бездонная бочка; сломя голову, в два счета* и др. соотносится с понятием и действительно по своему семному составу сближается с лексическим значением; другая часть фразеологизмов, образованных по модели предложения, типа *вожжа под хвост попала* (кому) 'кто-либо ведет себя крайне

неуравновешенно, взбалмошно', *свет не клином сошелся* (на ком, на чем) 'не все дело в ком-либо или в чем-либо, найдутся и другие люди или места', *черная кошка пробежала* (между кем) и под., не соотносится с понятием, а стало быть, и расходится с лексическим значением. Толкуются эти обороты своеобразно, не так, как фразеологизмы типа *давать жару* 'сильно ругать кого-либо', *мотать на ус* (что) 'твердо запоминать, учитывать на будущее' и т. п. Фразеологизмы, образованные по модели предложения, определяются посредством предложения по принципу «подобное подобным», а фразеологизмы, образованные по структурной схеме непредикативных словосочетаний, разъясняются посредством словосочетаний непредикативного же типа.

Фразеологизмы типа *глаза на лоб лезут* (у кого) занимают со стороны содержания и синтаксической функции срединное, промежуточное положение между пословично-поговорочными выражениями и фразеологизмами. Соотнести соответствующие обороты с тем или иным членом предложения, как правило, затруднительно. Например, в предложении «Нет, господа хорошие, мы вам еще покажем, где раки зимуют» (Бл.) оборот *где раки зимуют* употребляется в значении придаточной части сложноподчиненного предложения. Нередко разбираемые обороты сближаются с пословицами и употребляются в качестве самостоятельных предложений. Так, в сочетании с глаголами-сопроводителями *наговорить*, *наобещать* оборот *семь верст до небес и все лесом* употребляется в качестве обстоятельства образа действия; но этот же оборот может выполнять самостоятельную коммуникативную функцию. Ср.: «Дочь лесника долго и старательно рассказывала... и наговорила семь верст до небес и все лесом» (Сол.) и «Заткните глотку этому пустобреху! — Семь верст до небес и все лесом» (Козл.). Рассматриваемые обороты не поддаются однословной замене и не вступают в синонимические отношения с фразеологизмами, образованными по схеме непредикативных словосочетаний.

Лишь отдельные фразеологизмы этого рода, тяготеющие к категории состояния, употребляются в качестве безличного сказуемого. Таков, например, оборот *небо с овчинку кажется* (кому) 'становится тяжело, не по себе от страха, ужаса, боли и т. п.'. Не случайно содержание этого фразеологизма передается посредством безлично-предикативных слов и выражений типа «тяжело», «не по себе» и т. п. «Погоди, скоро отпляшет! — сурово замечал дед Харитон. — Еще покажется фашисту небо с овчинку» (Мальц.). Любопытно отметить, что ученые, понимающие фразеологию широко (на-

пример, В. Л. Архангельский), относят разбираемые обороты к устойчивым фразам, противопоставляя им фраземы, — воспроизводимые словесные комплексы, образованные по схеме словосочетаний.

Все сказанное позволяет заключить, что фразеологизмы типа *веревка плачет* (по ком) в содержательном отношении (по составу сем) соответствуют не столько лексической единице, сколько предложению. И лишь то обстоятельство, что данные образования сочетаются в речи со словом (они имеют открытую структуру), позволяет относить их к разряду фразеологизмов, а не пословично-поговорочных выражений.

В своей работе А. М. Мелерович семантический анализ фразеологизмов строит на сопоставлении развернутого толкования фразеологической единицы с ее структурной схемой. В этой работе исследуются семантические свойства компонентов методом словарных толкований. На этой основе делается вывод о взаимодействии компонентов со словами свободного употребления, о словном характере компонентов, о разной степени их семантической самостоятельности, выделяются в составе фразеологического значения эксплицитные, полуэксплицитные и имплицитные элементы [55]. При выявлении собственного значения компонентов автор отдает предпочтение такому речеописательному толкованию, которое в наибольшей степени повторяет структуру анализируемого оборота. Так, фразеологизм *делать из мухи слона* растолковывается посредством развернутого словосочетания сходной структуры 'считать, представлять что-либо незначительное значительным, особо важным', где компоненту *делать* приписывается значение 'считать, представлять', компоненту *муха* — 'что-либо незначительное, несущественное', а компоненту *слон* — 'нечто важное, значительное, существенное'.

Возможны случаи, когда в структуре фразеологического значения одновременно сочетаются различные семантические элементы. Например, в составе глагольного оборота *загрести жар чужими руками* 'присваивать результаты чужого труда, усилий, достижений', по мнению А. М. Мелерович, глагольный компонент *загрести* обладает непосредственно эксплицитным значением 'присваивать', субстантивный компонент *жар* наделен опосредованно эксплицитным значением 'результаты труда, усилий, достижений', а адъективному компоненту *чужими* свойственно полуэксплицитное значение 'чужой, не свой собственный (труд)'. Так производится параллельное членение формы и содержания в любой

фразеологической единице разной степени сложности — от фразеологического сочетания до пословиц, поговорок и пословично-поговорочных выражений.

Попытка определить и выявить семантические свойства компонентов, их знаковую predisposedность вызывает большой интерес. Под тем или иным углом зрения эта проблема рассматривается в ряде работ.

Выскажем по этому поводу несколько критических соображений.

Прием развернутых определений, на наш взгляд, имеет в области фразеологии ограниченную сферу применения. Чаще развернутые толкования не повторяют структурной схемы разясняемого оборота. Например, глагольный фразеологизм *марать бумагу*, образованный по модели «гл. + сущ. в вин. п.», разясняется посредством обстоятельного словосочетания 'писать бездарно, неумело', т. е. по формуле «глагол + наречие». Компоненту *бумага* при таком толковании трудно приписывать какое-либо специфическое, несистемное значение: наречия *бездарно*, *неумело* семантически не соприкасаются и резко расходятся в категориальном отношении. Скорее всего в этой ситуации семантическое содержание компонента *марать* раскрывается всем словосочетанием *писать бездарно*, а компонент *бумага* остается неразъясненным.

Возможны случаи, когда структура речеописательного толкования близка или повторяет модель фразеологизма, но одному из компонентов приписывается значение, которое невозможно соотнести с общепринятым значением того слова, к которому восходит компонент. Так, фразеологизм *гнуть спину* легко разясняется посредством словосочетания сходной структуры 'выполнять тяжелую работу'. Субstantивному компоненту *спина* неожиданно сообщено внутрифразовое (несистемное) значение 'работа'. Эти два слова ни в одном из своих значений в системе языка непосредственно не связаны между собой по смыслу. Фразеологизм *гнуть спину* может быть без особого труда определен и обстоятельным словосочетанием 'трудиться до изнеможения', так что субstantивный компонент *спина* в этом случае остается без разяснения. В данной языковой ситуации предложено-падежную группу с усилительным значением 'до изнеможения' трудно семантически соотнести с каким-либо компонентом.

Нельзя не заметить, что грамматически господствующий компонент, предсказывающий категориальное значение фразеологизма, навязывает говорящему тип словосочетания,

посредством которого растолковывается фразеологизм. Нередко главное слово этого словосочетания взаимодействует, коррелируется с господствующим компонентом толкуемого фразеологизма. Часто это наблюдается в глагольных оборотах: *гладить по головке* 'потворствовать чьим-либо поступкам' (*гладить — потворствовать*); *задирать нос* 'слишком важничать, зазнаваться' (*задирать — важничать*).

Встречаются наряду с этим фразеологизмы сложного семантического наполнения. Соответствующие обороты разъясняются лишь посредством развернутых словосочетаний, отличающихся необходимой полнотой, исчерпанностью. Например, фразеологизм *закусывать удила* означает 'в состоянии запальчивости, раздражения и т. п. действовать, не зная удержу, не считаясь ни с чем'. В подобном положении о каком-то семантическом сближении грамматически господствующего компонента *закусывать* с грамматически главенствующим словом *действовать*, вошедшим в объяснительную часть толкования, говорить нельзя. Слово *действовать* семантически опустошено, оно нуждается в смысловых конкретизаторах, так что грамматически господствующий компонент *закусывать* при этих обстоятельствах находится вне пределов семантической досягаемости.

Грамматически господствующий компонент многих субстантивных фразеологизмов последовательно передается в объяснительной части местоименным существительным *человек*. Например: *белая ворона* 'человек, резко отличающийся от окружающих'; *белая кость* 'человек знатного (чаще дворянского) происхождения'; *бесструнная балалайка* 'болтливый, неделовой человек'; *мокрая курица* 'человек, имеющий жалкий, забитый вид'; *отставной козы барабанщик* 'человек, занимающий невысокое положение в обществе'; *последняя спица в колеснице* 'человек, играющий незначительную, жалкую роль в жизни, в обществе и т. п.' и др.

Из примеров видно, что главенствующий компонент фразеологизма предсказывает лишь категориальную принадлежность опорного слова в объяснительной части определения и не всегда согласуется с соответствующим словом с точки зрения одушевленности. Очевидно, что одно и то же местоименное существительное *человек*, входящее во все развернутые определения, не в состоянии передать семантические особенности различных компонентов (*ворона, кость, балалайка, курица, барабанщик, спица*), которые восходят к различным по значению словам свободного употребления.

Не удивительно, что в структуре фразеологизмов, где

компоненты деактуализированы в семантическом плане, нет и не может быть смыслообразующих элементов. В этом случае пропадает какая-либо семантическая связь между одинаковыми компонентами различных фразеологических оборотов. Компонент *нос*, например, входит в состав самых различных фразеологизмов: *вешать нос*, *водить за нос*, *высунуть нос*, *держать нос по ветру*, *задирать нос*, *нос не дорос* (у кого), *с гулькин нос*, *совать свой нос*, *из-под самого носа*, *комар носа не подточит*, *короче воробьиного носа* и т. д. Между этими оборотами не наблюдается какое-либо семантическое тяготение. Объясняется это тем, что общие компоненты в подобных оборотах лишены семантической самостоятельности, внутриязыкового перевода, специфического значения. Если даже такое значение теоретически допустимо, то внутри каждого фразеологизма один и тот же общий компонент (*нога*, *рука*, *вода* и т. д.) имеет свое особенное, внесистемное значение. Иными словами, в подобных случаях общий компонент выполняет преимущественно формально-строевую функцию и не выполняет смыслообъединяющей (интегрирующей) роли.

Высказанные здесь соображения характеризуют довольно сложные и многообразные отношения между формой и содержанием фразеологизма. Часто при этом наблюдается известная самостоятельность содержания по отношению к форме.

Обычно семантическое соотношение между компонентами фразеологизма и словами, входящими в определение, наблюдается тогда, когда при толковании фразеологизма учитывается и его структурное своеобразие. Это в первую очередь относится к таким оборотам, в составе которых семантически противопоставляемые компоненты относятся к словам различного содержания, например: *из кулька в рогажку* (попасть) 'из плохого положения в худшее' (попасть), *делать из мухи слона* 'придавать чему-либо незначительному большое значение' и др.

Любопытно отметить, что при толковании пословичных выражений нередко приходится подражать их синтаксическому строю. Так, между составными частями многих русских пословиц наблюдается условная зависимость. Это обстоятельство принимается во внимание при объяснении смысла соответствующих пословиц. Например, пословица *Волков бояться — в лес не ходить* разъясняется так: 'Если страшиться трудностей, то нечего и браться за дело'.

Итак, в тех редких случаях, когда объяснительная часть (развернутое толкование) повторяет структурную схему

фразеологизма, осуществляется покомпонентный перевод разъясняемого оборота. В этом случае каждому компоненту в отдельности присваивается то или иное специфическое значение. Во всех других случаях посредством словарных толкований удается установить семантическое своеобразие лишь отдельных компонентов.

Успешное решение той или иной проблемы зависит от надежности и объективности методов исследования. Фразеологический материал в настоящее время исследуется различными методами и приемами: контекстологическим, трансформационным, дистрибутивным и связанным с ним приемом анализа по окружению, вариационным, приемом идентификации и связанным с ним приемом внутриязыкового и межъязыкового перевода, методом словарных дефиниций, приемом моделирования и т. д. Каждый из них имеет относительно ограниченную сферу применения.

Посредством контекстологического приема изучаются связи и отношения семантически реализуемого слова с указательным минимумом, т. е. словом или группой слов, которые несут необходимую семантическую информацию [3]. Используя контекстологический прием, можно исследовать отношения между словами с самостоятельным значением в пределах свободного словосочетания, а также между словами с самостоятельным и связанным значением в рамках фразеологического сочетания, но затруднительно или вовсе невозможно изучить внутрикомпонентные отношения слов в составе одноименного словосочетания переменного типа. Поэтому целесообразнее изучать контекстуальные связи фразеологизма как целостной языковой единицы со словом свободного употребления.

Нередко при этом структурные показатели сближаются и перекрещиваются с контекстуальными данными. Так, слова, входящие во фразеологическое окружение, не только структурно связаны с фразеологической единицей, но и выполняют смыслоуказательную функцию, т. е. служат «указательным минимумом» к семантически реализуемому фразеологизму. Когда же «указательный минимум» находится за пределами фразеологического контекста, то между названными типами отношений намечается существенное расхождение. В таком случае между ключевыми словами и фразеологизмом нередко возникают синонимические отношения, так что фразеологизм в ряду других слов может рассматриваться как член лексико-семантической парадигмы. Например, в предложении «Дождь льет как из ведра» между глаголом-сказуемым *льет* и наречным фразеологизмом в роли

грамматического обстоятельства устанавливаются не только структурно необходимая связь, но и контекстуальные отношения, поскольку глагол *лжет* обладает достаточной конкретизирующей силой для выявления значения этого фразеологизма.

Структурные и контекстуальные отношения, будучи различными по своей природе, вместе с тем отражают две ступени проявления целостной семантики фразеологизма. На уровне структурных связей фразеологизм выступает как языковая единица, соотносительная с той или иной частью речи, обладающая определенным категориальным значением и наделенная вполне конкретным типом грамматических отношений. На уровне контекстуальных связей и отношений фразеологизм выступает как составная языковая единица со свойственным ей индивидуальным значением, т. е. обладает известной содержательной стороной.

Близко примыкает к контекстологическому методу анализ по окружению, т. е. анализ конструктивных языковых связей фразеологизма со словами свободного употребления. Конструкция, образованная на основе таких связей, составляет конфигурацию. «Метод анализа по окружению, — отмечает М. Т. Тагиев, — изучает такие конструкции, которые образуются на основе собственно структурной связи, и ограничивает свой объект от конструкций, основанных на ситуативно структурной связи» [91, с. 42 и сл., 66 и сл.].

Метод анализа по окружению имеет неоспоримые достоинства, так как в его основе лежат семантические факторы. Дело в том, что слова, вступающие в собственно структурную связь с фразеологизмом, нередко выполняют смыслоуказательную функцию и служат средством семантической реализации фразеологизма. Так, при глагольном фразеологизме *махнуть рукой* субъектное окружение заполняется именем существительным в роли грамматического подлежащего со значением лица, а объектное — именем существительным в роли дополнения со значением лица и отвлеченного предмета: «(Дима) махнул рукой на все срочные заказы и уехал куда-то в совхоз» (Рыл.). Анализ окружения является одним из способов обнаружения многозначности фразеологизма.

Но не всегда удастся посредством анализа по окружению установить подлинные границы фразеологизма. Многие глагольные обороты по лексическому составу совпадают со свободным словосочетанием (ср.: *махнуть рукой*, *носить на руках*, *лежать на боку* и мн. др.). В предложениях типа «Он махнул рукой на врача»; «Он целый день лежит

на боку»; «Она зажала ему рот» и т. д. трудно или невозможно отличить фразеологизм от свободного словосочетания. Ключевые слова и словосочетания находятся за пределами собственно структурных связей. И только в контексте большего объема и большей протяженности однозначно раскрывается истинное назначение этих языковых единиц. То же можно сказать и в отношении глаголов-сопроводителей при наречных фразеологизмах (ср.: *беречь, хранить как зеницу ока, не видеть как своих ушей, надеяться как на каменную гору, держать в ежовых рукавицах, пропускать мимо ушей* и т. д.). Одни глаголы-сопроводители обладают специфическим субъектным или объектным окружением, а другие — нет, но несмотря на это они не входят в формулу фразеологизма.

Анализ по окружению не всегда позволяет с достаточной определенностью судить о степени семантической целостности того или иного образования. В силу таких обстоятельств в один ряд иногда объединяются разнокачественные единицы (ср.: *совать свой нос, строить на песке и приводить в исполнение, проводить в жизнь* и т. д.). М. Т. Тагиев относит, например, устойчивые словосочетания типа *выходить замуж, повышать тон, приводить в исполнение, претворить в жизнь, проводить в жизнь* и мн. др. к подлинным фразеологизмам на том основании, что соответствующие образования выступают с однотипным зависимым окружением. Действительно, субъектное окружение при этих словосочетаниях выражено существительными с семантикой лица, а объектное — соответственно с семантикой лица и отвлеченного предмета. При ближайшем рассмотрении оказывается, что все эти обороты относятся к фразеологическим сочетаниям, а эти последние близко примыкают к составным терминам и наименованиям типа *серная кислота, ядерный реактор* и т. д., которые, по мнению М. Т. Тагиева, не имеют окружения. В составе, например, фразеологического сочетания *претворить в жизнь* глагол *претворить* употребляется в значении 'превратить во что-нибудь, воплотить в каком-нибудь виде'. В предложении «Мы претворили проект в жизнь» глагол со связанным значением *претворить* структурно и по смыслу связан со словом *проект* и со словом *жизнь*, входящим в фразеологическое сочетание. Оба эти слова выполняют смыслоуказательную функцию по отношению к семантически реализуемому глаголу.

Таковыми же структурно-семантическими связями наделе-

ны и составные наименования, которые, с точки зрения М. Т. Тагиева, не обладают окружением и на этом основании не являются фразеологизмами [91, с. 32 и сл.].

В свете высказанных соображений надо отличать составные образования, которые относятся к словам из окружения всем составом своих компонентов, от таких составных единиц, в структуре которых каждое слово в отдельности может быть распространено словами из окружения.

Посредством вариационного приема [6, с. 180 и сл.] изучаются внутрикомпонентные отношения на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. С помощью этого приема не всегда удастся установить «точку отсчета» фразеологизмов, т. е. определить, где кончается переменное словосочетание и начинается собственно фразеологизм. Например, словосочетания типа *понурить голову, прищурить глаза* и под., относимые В. Л. Архангельским к фразеологическим единицам, по существу, сливаются с обычными словосочетаниями переменного типа и не могут быть сопоставлены «с теоретически возможным эквивалентом фразеологической единицы».

Вариационный прием наиболее продуктивно может быть использован среди двучленных (бинарных) фразеологизмов и ограниченное применение находит среди трехчленных и многочленных фразеологизмов, которые не удастся расчленить на бинарные «противочлены».

Прием идентификации и связанный с ним прием внутриязыкового и межъязыкового перевода рассчитаны главным образом на лексико-семантический уровень [95]. Сущность приемов идентификации и внутриязыкового перевода при всем их различии сводится к нахождению такого слова, фразеологизма или словосочетания, которые передали бы смысловое содержание исследуемого фразеологизма. Вся задача смыслового сопоставления исследуемой единицы со словом-идентификатором или свободным словосочетанием сводится к тому, чтобы установить, не употребляется ли тот или иной компонент в своих обычных значениях и нельзя ли приравнять по смыслу слова свободного словосочетания к тем или иным компонентам анализируемого фразеологизма. При внутриязыковом переводе каждый компонент толкуемого фразеологизма нередко получает свой единичный перевод, свою специфическую синонимику. Например: *не делать погоды* = 'не иметь значения'.

Оправданным, с нашей точки зрения, является прием «наложения» (аппликации) фразеологизма на свободное словосочетание такого же состава, если оно налицо, а также

соотнесения общего (развернутого) значения фразеологизма с системой значений слов свободного употребления, если нельзя образовать соответствующее свободное словосочетание.

Возьмем в качестве примера глагольный фразеологизм *перегрызть горло* (кому) 'жестоко расправиться с кем-либо'. Этот фразеологизм возник в результате метафорического переосмысления эквивалентного свободного словосочетания, в составе которого глагол *перегрызть* означает 'грызя, разделить надвое', а слово *горло* употребляется в значении 'передняя часть шеи, заключающая в себе начало пищевода и дыхательных путей'. Слова, входящие в развернутое определение фразеологизма, и слова, посредством которых толкуется смысл лексических единиц *перегрызть* и *горло*, семантически не связаны между собой. Это означает, что данный фразеологизм обладает высокой степенью семантической слитности компонентов.

Методом аппликации, таким образом, определяется степень семантической спаянности компонентов, характер неравномерной их деактуализации (семантического преобразования), природа целостного значения исследуемой единицы. При «наложении» фразеологизма на свободное словосочетание возможен положительный и отрицательный эффект: положительный — в случае наличия переменного словосочетания, отрицательный — в случае отсутствия такого словосочетания.

Прием фразеологической аппликации часто уточняет погрешности метода синонимического сопоставления. Так, И. С. Торопцев, используя (и в целом довольно успешно) прием синонимического сопоставления, относит образование *бить по карману* 'лишать средств, причинять убыток' к свободному словосочетанию [96, с. 46] на том основании, что компонент *бить* синонимизируется с глаголами *опустошать*, *причинять ущерб*, а *карман* — со словом *средств*. С этим утверждением нельзя согласиться, так как в смысловой структуре глагола *бить* нет этого значения. Соответствующее образование возникло на основе метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же состава. В составе эквивалентного свободного словосочетания (объекта метафоризации) слова *бить* и *карман* употреблены в своих прямых, исходных значениях. Слову *карман* нельзя приписать значение 'средства' ввиду бессмысленности такого словосочетания. У слова возникает переносное значение (с точки зрения собственно языковой ситуации) чаще всего тогда, когда оно (слово) вступает в не-

посредственную связь с другим каким-либо словом неконкретного или собирательного значения (ср.: *жевать резинку* и *жевать фразу*). Это означает, что в данном словесном окружении глагол *бить* и существительное *карман* не могут получить переносного значения.

Методом аппликации удастся установить, что компоненты, например, апплицируемых (налагаемых) фразеологизмов несоизмеримы со словами свободного употребления в семантическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом отношении, равно как и фразеологизм не эквивалентен слову.

Предложенный метод может быть использован не только в синхронном плане, но и в рамках диахронии. Этот метод тем надежнее, чем лучше и достовернее разработана прежде всего в лексикографическом отношении система значений, подзначений и оттенков значений слова. Прием «наложения» используется и при этимологизировании слова, а также при установлении его значащих частей.

Метод фразеологической аппликации соприкасается с компонентным анализом, с методом словарных толкований, так как при соизмерении компонента фразеологизма со словом приходится опираться на словесный состав развернутого определения соответствующего фразеологизма.

Представляется наиболее приемлемым такой метод, который направлен в сторону изучения семантических особенностей компонента фразеологизма. К таким приемам, кроме названных ранее, можно отнести трансформационный, рассчитанный на различного рода структурные преобразования фразеологизма. Сравним такие языковые единицы, как *питать пристрастие* и *собак гонять* 'слоняться без дела'. Фразеологическое сочетание *питать пристрастие* легко трансформируется, например, в предложении: «Пристрастие, которое я ранее питал к фантастическим романам, с годами все более ослабевает». Такое преобразование стало возможным потому, что слова *пристрастие* и *питать* обладают вполне самостоятельным лексическим значением: *пристрастие* 'сильная склонность, влечение к кому-либо, чему-либо', *питать* 'испытывать по отношению к кому-либо, чему-либо какое-либо чувство'. Недопустима подобная трансформация у фразеологизма *гонять собак*, ибо соответствующие компоненты (*гонять* и *собак*) семантически преобразованы, деактуализированы. Метод трансформации может быть распространен лишь на фразеологические сочетания, образованные по модели «гл. + сущ. в им. п.».

Ни один из рассмотренных здесь методов не может

быть признан решающим, единственно пригодным и совершенным. Лишь комплексный подход избавляет исследователя от излишнего субъективизма и односторонности анализа [5, 71, 47].

В заключение отметим, что рассмотренные здесь вопросы далеко не исчерпывают фразеологической проблематики. Предметом исследования многих языковедов продолжают оставаться такие важные проблемы, как уточнение классификации фразеологизмов; определение места фразеологии в языковой системе; соотношение фразеологизма и его компонентов со словом и словосочетанием и на этой основе изучение семантических, словообразовательных, морфологических, знаковых свойств компонентов; попытка выработать более объективные методы исследования фразеологических оборотов с точки зрения компонентного анализа; выяснение отношений фразеологизма к языку и речи и многое другое.

Вместе с тем определились новые подходы к изучению фразеологических единиц разной степени сложности: комплексное решение проблемы перевода с одного языка на другой; изучение диалектной фразеологии; сравнительное изучение фразеологизмов в близкородственных и неродственных языках; лингвострановедческий подход к выявлению фразеологической семантики; рассмотрение фразеологических оборотов с точки зрения ономазиологической и номинативной и т. д.

§ 6.

Об изучении исторической фразеологии русского языка

Важно исследование фразеологизмов и с точки зрения их исторического развития. Эта область славянского языкознания стала объектом изучения многих лингвистов. Исторической проблематике посвящены, например, работы В. Л. Архангельского, О. В. Горшковой, О. А. Лаптевой, С. Г. Шулержковой, А. Г. Ломова, Н. Г. Самойловой и др.

Вопросы исторической фразеологии освещены в ряде монографий. Остановимся на отдельных работах более подробно. Так, М. М. Копыленко в своей книге [43] стремится выработать объективные методы анализа фразеологического материала; автора интересуют существующие в языковой системе ограничения в сочетаемости семем и лексем, приводящие к образованию фразеологических единиц. Правда, методы изучения устойчивости и идиоматичности сочетаний лексем и семем в одном или нескольких

языках малоэффективны для изучения явлений диахронической фразеологии IX—XII вв., ибо до нас дошло сравнительно немного письменных памятников той поры. Это обстоятельство не позволяет достоверно судить о фразеологической системе древнерусского и древнерусского языков того периода.

В монографическом исследовании В. М. Филипповой [99] изучаются валентные свойства глаголов, сочетающихся с грамматически зависимым и в то же время конкретизирующим именным компонентом. Такого рода устойчивые словосочетания образуют серии и, следовательно, обладают структурно-семантической моделированностью. Определенный теоретический интерес представляет вопрос об изменении в сочетаемости глаголов, о вытеснении одних глаголов другими в рамках определенной структурно-семантической модели.

В кругу работ по исторической фразеологии заметное место занимает монография Г. А. Селиванова «Фразеология русской деловой письменности XVI—XVII веков» (М., 1974). Автор, используя сравнительно-исторический метод, нередко прибегает к внутренней реконструкции и установлению относительной хронологии процессов, определивших развитие тех или иных фразеологических явлений. Часто Г. А. Селиванов сопоставляет фразеологические единицы XVI—XVII вв. с соответствующими единицами современного русского языка, показывая тем самым характер внутренних преобразований или, напротив, тождество фразеологического оборота на протяжении длительного отрезка времени. В этом плане анализируются такие, например, образования, как *слыхом не слышать*, *знать в лицо*, *всякая всячина*, *очная ставка*, *истекать кровью*, *принимать участие* и т. д.

Интересные соображения высказываются в связи с анализом таких сложных языковых явлений, как контаминация, тавтология, калькирование и т. д. Автор впервые обнаруживает явление фразеологической контаминации составных терминов и формул в новгородских договорных грамотах XIII—XIV вв., устанавливает разную степень сближения или наложения контаминированных образований типа *суд и исправда дати* (из *суд дати* и *исправа дати*), *дати вера и правда* (из *вера дати* и *правда дати*) и др. Г. А. Селиванов выявляет разные типы фразеологической контаминации: а) по характеру объединения материала: совместительная, заместительная и восполнительная (возместительная) контаминация; б) по охвату звеньев в речевой цепи (полная, частичная); в) по результатам — простое усложнение состава,

деформация элементов, а также образование новой, вторичной единицы; г) по участию контаминирующихся элементов и т. д.

Довольно убедительно автор определяет место фразеологии в региональных сферах языка. Важнейшими из них в различные периоды истории русского языка признаются Новгородско-Псковская (XII—XV вв.), Московская (XIII—XVI вв.), Донская (с XVI в.), Урало-Сибирская (с XVI в.) и Волго-Каспийская (с XVIII в.). Каждая из названных сфер характеризуется своим специфическим, исторически и социально обработанным фразеологическим составом. Так, Новгородско-Псковскую региональную сферу характеризуют такие устойчивые образования, как *ухо положить* 'поставить свидетеля', *ухо дать* 'свидетельствовать', *повод сложить* 'не признать показаний' и т. д. В Московскую региональную сферу входят образования типа *великий князь всея Руси*, *блюсти вотчины*, *быти в целовании* 'поддерживать политику более сильной стороны' и т. п. Автор справедливо полагает, что язык Москвы явился той передаточной средой, благодаря которой областные, локально ограниченные слова и выражения получают широкое распространение, становятся общерусскими.

В этом исследовании подробно и обстоятельно анализируются грамматические средства, характеризующие деловую речь. Так, среди грамматических построений важное место занимают, например, паратаксические и гипотаксические устойчивые словесные комплексы типа *суд и расправа*, *и наги и босы*, *крестьянин и поганин* и др.; *разбойная тюрьма*, *дворовый пожар* и т. д.

Вместе с тем, по нашему мнению, в работе имеются существенные недочеты. Автор во многих случаях в один ряд ставит разнородные словесные комплексы разной степени устойчивости и неодинаковой структуры. Так, говоря о фразеологических штампах в деловом языке, Г. А. Селиванов в одном ряду рассматривает такие качественно несхожие обороты и словесные комплексы, как *а о чём, тому следуют пункты*, *память мне и жалоба мне*, *грѣхъ ради нашихъ*, *бить батоги*, *еже бысть*, *король его милость*, *бью (бьем) челом до лица земного*, *обретаюсь с живыми*, *обретаюсь в тоске* и т. д. Этот перечень вызывает ряд недоумений. Приведенные образования разной стилистической окраски (ср.: *бить батоги* и *а о чем, тому следуют пункты*), структурно разнотипны, обладают неодинаковой степенью семантической спаянности (ср.: *бить челом* и *обретаться в тоске*, *обретаться в возбуждении*).

Понятие устойчивости в этом исследовании излагается поверхностно, по чисто внешним признакам. Г. А. Селиванов то говорит о номинативно-экспрессивной устойчивости (применительно к терминам), то о чисто внешней, формальной устойчивости (применительно к штампам), то о ситуативной и узуальной устойчивости (применительно к различного рода формулам, а также к грамматикализированным образованиям). Автор не связывает проблему устойчивости с проблемой идиоматичности. Без опоры на строгие языковые показатели понятие «устойчивость» утрачивает определенность и рельефность.

В исследовании нередко встречаются образования, которые никак не могут быть причислены к единицам фразеологического характера при самой расширительной трактовке фразеологии. Г. А. Селиванов «к безусловно устойчивым словосочетаниям» относит, например, словосочетание *дайте мне отдохнуть* (это образование извлекается из книги Б. А. Ларина «Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джеймса». Л., 1959). Обычное предикативное словосочетание *пал туман* квалифицируется как устойчивое, возникшее «под влиянием образов, создаваемых оборотами (?) *пала ночь* и *пала роса*». Безоговорочно причисляется к фразеологии пушкинская строка «*Пошел поп по базару*».

В анализируемой работе недооценивается роль контекстуальных связей фразеологической единицы со словом. Ориентация на контекстуальные связи помогла бы отграничить обороты типа *с часу на час*, *среди бела дня*, *днествовать* и *ночевать*, *бить челом*, *всести на конь* и под. от таких стационарных конструкций, как *добра хотети*, *держаться звычаю*, *гнев божий*, *святое крещение* и др. Фразеологизмы первого типа вступают в сочетательную связь с другими словами всем своим составом, а обороты второго типа сами по себе составляют особый микроконтекст, ибо каждое слово выполняет для другого необходимую смыслоуказательную функцию.

В книге М. Ф. Палевской [68] исследуются варианты свойства фразеологизмов. Автор считает, что лексическая вариантность возникает не в результате механической замены одного компонента другим, а вследствие параллельного употребления в речи свободных словосочетаний, которые постепенно подверглись метафорическому переосмыслению.

Анализируя семантику разноструктурных образований, М. Ф. Палевская выясняет причины развития и обогащения семантической структуры фразеологических единиц: появление нового значения в результате повторной мета-

форизации одного и того же свободного словосочетания, появление новых значений вследствие компрессии фразеологизмов, возникновение нескольких значений в результате развития первоначального значения фразеологического оборота и т. д. Усложнение семантической структуры, по наблюдениям автора, является наиболее характерной чертой в развитии фразеологических оборотов XVIII в.

В исследовании М. Ф. Палевской уделяется внимание становлению некоторых фразеологизмов, эволюционированию их отдельных звеньев. В работе указывается, как в отдельных случаях «вариантные отношения нарушаются развитием многозначности и расхождением семантических структур фразеологических единиц». Таков фразеологизм *с часу на час*, обособившийся в семантическом отношении от фразеологизма *час от часу*. В XVIII в., по мнению автора, было завершено расхождение фразеологизма *сломить голову* и деепричастной формы *слома голову*, о чем говорит несовпадение в значениях: *сломить голову* означало 'погибнуть, погубить', а *слома голову* стало употребляться в значении 'стремительно, опометью, стремглав'.

Не без основания М. Ф. Палевская считает, что развитию многозначности препятствует наличие семантического центра. Исследуя лексическую наполняемость изучаемых моделей, автор приходит к выводу, что фразеологизмы, в состав которых входит дважды одно и то же существительное, формировались за счет немногих имен, главным образом обозначающих части человеческого тела (*бок, волос, зуб, ухо, уста, руки, плечо, лицо, лоб, голова* и др.), а также за счет имен с временным и пространственным значением (*минута, миг, час, год, век, конец, шаг*).

Вместе с тем в книге оказались невыявленными такие понятия, как целостность значения, ослабленность значения, образность и многое другое, что находится в русле исследовательских интересов автора.

В работе встречаются отдельные противоречия и неувязки. С одной стороны, неотъемлемым признаком фразеологизма признается его семантическая целостность, а с другой стороны, отстаивается словность компонентов. С одной стороны, говорится о том, что главной причиной фразеологизации свободных словосочетаний является их образность, с другой стороны, многие безобразные обороты типа *впасть в ум, делать впечатление* квалифицируются как подлинные фразеологические единицы.

Дело в том, что в структуру устойчивых словосочетаний последнего типа входят отвлеченные слова, которые не

подвергаются каким-либо семантическим сдвигам, остаются равными самим себе внутри оборота и за его пределами и вследствие этого не создают целостного значения, которое, по справедливому мнению М. Ф. Палевской, служит важнейшим признаком фразеологизма.

В монографии Ф. Г. Гусейнова [27] подробно изучаются внешние связи фразеологизма со словом. Автор стремится доказать, что анализ фразеологизмов по окружению вполне приемлем как способ разграничения фразеологических и нефразеологических образований, а также как прием описания фразеологических единиц в синхронном и диахронном плане.

Изучая структурно-грамматические связи фразеологизма со словом, Ф. Г. Гусейнов выявляет ряд общих закономерностей. В особенности много внимания уделяется доказательству того, что фразеологизация непосредственно зависит от характера сочетаемости: чем уже сочетаемость, тем выше «коэффициент» фразеологизации. Справедлива и обратная зависимость. Общей тенденцией в развитии собственно дистрибутивных связей фразеологических единиц признается последовательное сужение сочетаемости.

Со знанием дела анализируются процессы, затрагивающие изменение структуры фразеологических единиц: редукция (сокращение структуры фразеологизма), оптимализация (расширение структурной формулы), выравнивание (координирование первоначальной структурной формулы с вновь установившимися отношениями в языковой системе), субституция (процесс замещения компонентов фразеологизма), депарадигматизация (процесс полной или частичной утраты парадигмы) и т. д.

Наблюдая развитие и становление отдельных фразеологизмов, автор не теряет из поля наблюдения внутрискруктурные связи и отношения между фразеологизмами, их внутренние противоречия и борьбу. Так, убедительно доказывается утрата во фразеологизме *благим матом* значения 'очень быстро', ибо в этом своем значении данный фразеологизм не мог «противостоять выражениям *во весь дух, во весь опор, со всех ног, сломя голову*, для которых значение быстрого передвижения было выделяющим». Достаточно полно выявлены также причины выпадения отдельных фразеологизмов из синонимического ряда. Например, выражение *с ног до головы* в качественно-характеризующем значении не могло выдержать конкуренции наречных оборотов *до мозга костей* и *до конца ногтей*. Синонимия в данном случае отражала основное, характерное значение указанных фразеологизмов, а для

оборота *с ног до головы* это значение оказалось побочным, второстепенным, немаркированным.

Довольно детально прослеживается на ряде примеров варьирование отдельных фразеологизмов и их стилизация. Первоначально, например, в составе фразеологизма *на широкую ногу* большим диапазоном варьирования характеризовалось адъективное звено: *на европейскую, дворянскую, щегольскую, военную* и т. п. *ногу*. Неизменной оставалась лишь фразеологическая рамка *на ... ногу*. Затем, как считает автор, «образуется полное соответствие между окружением *жить (жизнь)* и адъективом *широкий* со значением 'жить с размахом, широко'». Так постепенно закрепляется, индивидуализируется адъективный компонент структуры.

С интересом читается раздел книги, отражающий изменения, связанные с утвердительно-отрицательными формами фразеологических единиц. Безусловно, прав автор, доказывающий, что наиболее сильной оппозицией в подобной языковой ситуации является отрицательная форма. «Эта форма эмоциональнее, выразительнее утвердительной формы, эмоциональная же выразительность — один из характерных признаков фразеологических единиц» (с. 74).

В этой работе встречаются, однако, отдельные недочеты и упущения, нередко обусловленные все еще недостаточной общетеоретической разработкой фразеологии как лингвистической дисциплины.

Думается, слишком категорично звучит утверждение автора о том, будто фразеологизация, т. е. становление фразеологической единицы, «представляет собой не что иное, как процесс развития узких собственно дистрибутивных связей». Бесспорно, многие фразеологические единицы в процессе фразеологизации сужают свою сочетаемость; многие, но далеко не все. Существует немало фразеологизмов, которые обладали и обладают широкой сочетаемостью на стадии фразеологизации и после нее. Таков, например, наречный фразеологизм *то и дело*, примыкающий к самым разнообразным лексическим группам глаголов: *то и дело звонил телефон; то и дело бежал на кухню; то и дело задавали вопросы; то и дело натыкался на следы грибов; то и дело выпархивали птицы; то и дело приходится останавливаться; то и дело тер уши рукавом шинели; то и дело плескалась мелкая рыбка; то и дело сознание проваливалось в черную бездну; но то и дело оглядывалась ты, как там, вдали, зловеще твое прошлое горело; охалки сена то и дело взлетали кверху; то и дело посылает связных* и т. д. и т. п.

Все эти примеры заимствованы из произведений совре-

менных прозаиков и поэтов. Этот фразеологизм столь же широко семантически сочетался с разнообразными глаголами и в произведениях XVIII и XIX вв.

Широта и свобода сочетаемости наречных фразеологизмов, по нашим наблюдениям, зависят от ряда причин: во-первых, от принадлежности наречных фразеологизмов к тому или иному разряду; во-вторых, от степени широты и отвлеченности их значения и, в-третьих, от индивидуальных значений фразеологизмов. Так, фразеологизмы с временным, местным, причинным значением сочетаются с самым разнообразным кругом глаголов.

Тот факт, что каждый фразеологизм имеет свой «потолок сочетаемости», свидетельствует о наличии определенной смысловой связи (семантического согласования) между глаголом и примыкающим к нему фразеологизмом. Вместе с тем эта связь не является обязательной, необходимой и по степени интенсивности, «силе» притяжения подобна слабому управлению.

Бесспорен тот факт, что ни один прием в отдельности не в состоянии раскрыть подлинную природу фразеологизации. Только комплексный подход к этой проблеме может избавить исследователя от односторонности анализа, излишней категоричности суждений и рискованных выводов. Говоря, например, о том, что на начальном этапе фразеологизации сочетаемость особенно бывает широкой, в силу чего фразеологическая единица страдает семантической многоплановостью и диффузностью, необходимо доказать, что мы имеем дело в какой-то отрезок времени с несостоявшимся фразеологизмом, находящимся на «перепутье» от свободного словосочетания к подлинно фразеологическому образованию. А доказать это нелегко, если налицо а п п л и ц и р у е м ы е, налагаемые фразеологизмы, совпадающие по своему лексическому составу со свободными словосочетаниями. Дело в том, что у подобных фразеологизмов степень семантического затемнения, деактуализации компонентов носит принципиально равномерный характер, так что ни о каком длительном промежутке времени говорить не приходится. Фразеологизм может возникнуть сразу же — сначала, может быть, как явление речевого порядка, а затем как факт языка. Суть от этого не меняется. В этом случае окружение — всего лишь проявитель самого по себе процесса фразеологизации, но не его первопричина, не первоисточник.

Доказать диффузность семантики легче всего приемом идентификации, путем развернутого речеописательного толкования. Если при этом значение фразеологизма в тот или иной

момент его реализации нельзя определить ни одним из его компонентов, то процесс фразеологизации уже состоялся. Поэтому мы отрицаем изначальную диффузность в семантической структуре таких, например, фразеологизмов, как *вертеться как белка в колесе, вешаться на шею, взлететь на воздух, вывести на чистую воду, держать на привязи, как с цепи сорвался, как осиновый лист, лезть на стены, лить пули, на носу, поймать на удочку, пройти огонь, воду и медные трубы, руки чешутся, сорвать маску, стереть в порошок, ударить по рукам, указать на дверь, шапками закидать* и под. Если исходить из признания диффузности семантики соответствующих оборотов, то потребуются доказать, что в речи семантически реализуются компоненты, а не сами по себе фразеологизмы. Но это не соответствует действительности.

Итак, уравнивать все фразеологизмы с точки зрения их становления невозможно, да и не нужно. Фразеологические единицы чрезвычайно индивидуальны в своем развитии и проявлении, у каждого своя судьба: одни сужают свою сочетаемость, другие расширяют, третьи совмещают то и другое и т. д.

В учебном пособии Р. Н. Попова [72] подробно анализируются фразеологизмы, содержащие в своем составе грамматические и лексические архаизмы. Изучение такого рода фразеологизмов и фразеологизированных конструкций в определенной степени помогает реконструировать вымершие словоформы и частично восстановить былые словосочетательные связи, так что данные фразеологии, как показывает работа Р. Н. Попова, могут быть использованы для изучения исторического прошлого языка. В работе подробно освещается вопрос о нормализующем воздействии языковой системы на архаичные компоненты; при этом доказываем, что процесс вытеснения старых форм новыми протекал медленно, в течение длительного времени. Из этого наблюдения могут быть сделаны определенные теоретические выводы о возникновении нового качества в языке.

По мнению Р. Н. Попова, нормализующее воздействие языковой системы на компонентную структуру фразеологизма свидетельствует о том, что компоненты являются словами. К числу таких показателей автор относит, например: а) явление выравнивания архаичных грамматических форм в структуре компонентов фразеологической единицы: *ни синь пороку — ни синь пороха, опочить в бозе — опочить в боге, прильпе язык к гортани — прилип язык к гортани* и т. д.; б) явление лексической, словообразовательной и лексико-фонетической вариантности в структуре фразеологизма: *как зеницу ока — как*

зеницу глаза, с головы до пят — с головы до ног, глас вопиющего в пустыне — голос вопиющего в пустыне и т. п.; в) дистантный и инверсионный характер расположения компонентов: *бить* (целый день) *баклуши*, *глаза мозолить* и *мозолить глаза*, но: *скрепя сердце* — при невозможности сказать *сердце скрепя* и др.; г) расширение компонентного состава за счет атрибутивных слов: *ни на* (единую) *йоту*, *без* (всякого) *зазрения совести* и многое другое.

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти и подобные изменения, вызванные нормализующим воздействием языковой системы, никоим образом не нарушают смыслового тождества фразеологической единицы, поскольку аналогичные изменения регулируются смысловой и только смысловой структурой фразеологизма. Эти изменения обусловлены раздельно-оформленным строением фразеологизма и не имеют прямого отношения к выявлению словесных признаков компонента.

Так, идиома *бить баклуши* легко допускает изменение порядка следования своих компонентов (ср.: *баклуши бить*), а наречный фразеологизм *так себе* не допускает их перестановки. Делать какой-либо вывод о том, что в первом фразеологизме словесные свойства компонентов проявляются как-то ярче, чем во втором, нельзя. Дело в том, что первый фразеологизм образован по модели глагольного словосочетания. Фразеологизмы, оформленные по такой схеме, как правило, свободно допускают на уровне языковой нормы перестановку своих компонентов.

Но иногда даже простая перестановка компонентов может нарушить смысловое единство фразеологизма. При такой перестановке компоненты переходят в слова свободного употребления, а фразеологизм — в свободное словосочетание (ср.: *ноль внимания* и *внимания ноль*). По этим же соображениям многие глагольные фразеологизмы оценочного значения типа *стоять одной ногой в могиле* не могут быть употреблены в конкретном (актуальном) настоящем или в форме повелительного наклонения, ибо в соответствующих грамматических формах они воспринимаются как буквальное свободное словосочетание.

Таким образом, изучение вопроса о нормализующем воздействии языковой системы на структуру фразеологизма помогает выявить в лучшем случае синтагматическую и парадигматическую активность фразеологической единицы.

Что касается вопроса о собственно словесных свойствах компонентов фразеологизма, то эти свойства могут быть исследованы в результате соотношения общего (развернутого) значения фразеологизма с системой значений слов свободного

употребления, нередко входящих в эквивалентное словосочетание переменного характера. Словесные свойства компонентов могут быть доказаны лишь при условии, если окажется выявленной лексическая и грамматическая самостоятельность каждого составляющего элемента, определены черты сходства и различия, прежде всего на семантическом уровне, между компонентом фразеологизма и соответствующим словом свободного употребления.

В анализируемой работе, к сожалению, не содержатся какие-либо сведения о «возрасте» фразеологизмов с некротическими элементами, а также данные о путях и способах формирования соответствующих фразеологизмов. Такие, например, фразеологизмы, как *отворити хляби небесные, от молодых ногтей, семо и овамо, бог вестъ, во веки веков, святая святых, пролити кровь, сестъ на конь, стать в пень, идти на вы, яко мать родила, по вся дни, душою и телом, земля обетованная* и многие подобные широко представлены в «Повести временных лет», «Новгородской 1 летописи по Синодальному списку», сочинениях Владимира Мономаха и других письменных памятниках старейшей поры. Вот несколько примеров: «Да не посраимъ землѣ Руськыѣ, лязѣмъ костию ту» (Пов. вр. л., 971 г., с. 83); «обнаживъше, яко мати родила, и съверша и съ моста» (Новг. 1 лет. Син. сп., 1141 г., л. 21 об., с. 26); «и ради быша Новгородѣ вси от мала и до велика» (Новг. I лет. Син. сп., 1197 г., л. 59, с. 43).

Вместе с тем наличие архаичного элемента не всегда свидетельствует о давности того или иного фразеологизма или фразеологического выражения. В качестве примера приведем пословично-поговорочное выражение *На миру и смерть красна*, в составе которого сохранено старинное значение существительного *мир* 'сельская община, члены этой общины'. Если опираться на современное языковое восприятие, без оглядки на прошлое, то может создаться впечатление, что разбираемое выражение сохраняет первоначальную языковую оболочку. Но это не так. Более ранним вариантом этого выражения является *С людьми и смерть красна* (см., например, работу П. Симони «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий». Спб., 1899, с. 142). Любопытна еще одна деталь. Вариант *На людях и смерть красна* широко встречается в произведениях писателей XVIII и середины XIX вв. (например, у А. Болотова в его книге «Жизнь и приключения Андрея Болотова...», а также в произведениях Загоскина, Железнова, Кокорева и других писателей). Вариант же *На миру и смерть красна* употребляется исключительно в произведениях советской литературы.

В монографии Ю. А. Гвоздарева [23] всесторонне освещаются вопросы, связанные с изучением русского фразообразования: выявляются типы деривационных баз, на основе которых образуются в русском языке новые фразеологизмы, устанавливаются определенные закономерности образования фразеологических единиц в русском языке, рассматривается словообразовательная структура фразеологических оборотов, делается попытка определить типологию компонентов и на этой основе дать систематизацию фразеологического материала и т. д.

Хотелось бы отметить следующие наиболее важные, с нашей точки зрения, достоинства настоящего исследования. Прежде всего автор стремится изучить с позиций фразообразования динамику и взаимодействие «внешних» и «внутренних» признаков фразеологических единиц. По справедливому мнению Ю. А. Гвоздарева, многие фразеологические исследования страдают односторонностью анализа: одни ученые на первый план выдвигают чисто «внешние» по отношению к фразеологизмам показатели (воспроизводимость, целостность значения, отдельность фразеологической единицы), другие исследователи, напротив, особое внимание обращают на выявление внутренних свойств фразеологических единиц (внутрикомпонентные связи, наличие семантически самостоятельных и несамостоятельных компонентов, характер сочетаемости лексем и т. д.). В действительности же фразеологическая единица должна изучаться разносторонне.

Одинаково важно знать, когда и в какой мере сама по себе фразеологическая единица функционально сближается со словом и при каких обстоятельствах отдельные ее компоненты семантически соотносятся с лексической единицей.

Утверждение некоторых ученых, что компоненты фразеологизма не являются подлинными словами, нуждается в самом серьезном обосновании и перепроверке. Язык наш постоянно сталкивается с такими промежуточными случаями, когда компоненты фразеологизмов семантически «просвечивают», тяготеют к словам полного значения (ср.: *на дружеской ноге* и т. д.).

Процессы фразообразования в этой работе освещаются с онтологических позиций. Автора интересует вопрос о том, как облекается понятие (новое или уже закрепленное в словесном материале) фразеологической оболочкой. Эта проблема применительно к фразеологическому материалу русского языка в таком объеме решается впервые.

В связи с изучением фразообразовательных процессов Ю. А. Гвоздарев вводит два новых термина — деривационная база и мотивирующая база. *Деривационная база* — это исход-

ное словосочетание, которое подвергается лингвистической объективации. По мнению Ю. А. Гвоздарева, с помощью деривационной базы «материализуется мотивирующая база». М о т и в и р у ю щ а я б а з а — это значение, подлежащее материализации во фразеологической единице и оформленное в виде слова или комбинации слов.

Автор достаточно подробно и обстоятельно рассматривает характер соотнесенности деривационной и мотивирующей базы и на этой основе делает попытку выявить и обосновать многие внутрифразеологические явления: образность фразеологической единицы, степень ее семантической целостности, характер связанности компонентов (эксплицитно и имплицитно фразеологически связанные значения компонентов), фразеобразовательные способы (лексико-фразеологический, синтактико-семантический, семантический, синтактико-фразеологический) и многое другое.

Соотнесение мотивирующей базы с деривационной имеет строго семантическую направленность. Налагая фразеологическое значение на исходное словосочетание, мы всякий раз выясняем, в какой мере исходный материал содержится в фразеологическом значении. Семантические результаты от соотнесения мотивирующей базы с деривационной принципиально те же, что и при наложении (аппликации) фразеологизма (носителя фразеологического значения) на свободное словосочетание (носителя деривационной базы). Разница лишь в направлении семантического поиска.

Немало интересных наблюдений содержится в книге в связи с характеристикой типов переноса и перифраз, фразеологического стяжения, в связи с типологической оценкой компонентов и определением на этой основе тех семантических потерь, которые несет слово, когда оно становится неотъемлемой частью фразеологического целого, и т. д. В отдельных частях вполне убедительно определяется собственное значение компонентов в структуре таких оборотов, которые по традиции квалифицируются как семантически неразложимые (ср. фразеологизмы типа *важная птица, стреляный воробей, вольный казак* и т. д.).

Нам представляется недостаточно обоснованной и аргументированной концепция фразеологически связанных значений эксплицитного и имплицитного характера. Эта концепция в настоящем исследовании полемично направлена против идеи «десемантизации» слов, входящих в состав семантически неразложимых фразеологических единиц. Автор исходит из того, что признание десемантизации компонентов приводит к выводу об отсутствии внутренней формы у фразеологизмов. Не подлежит сомнению, что в языке существуют слова с маркированным фразеологически связанным значением. Надо, однако, заметить,

что фразеологически связанное значение не существует без своего слова-конкретизатора, обладающего полным значением. Поэтому все фразеологические сочетания имеют принципиально двучленную структуру. Это обстоятельство в одинаковой мере должно распространяться и на выражения с имплицитно связанными компонентами. В действительности, однако, фразеологизмы довольно часто имеют многокомпонентное строение: *ловить рыбу в мутной воде, брать быка за рога* и т. п. В подобной языковой ситуации нет объективных условий для получения сплошь связанных значений, ибо связанное значение существует лишь постольку, поскольку существует слово-конкретизатор. Любопытно отметить, что в сфере словообразования, как это убедительно доказывается в исследовании О. П. Ермаковой [31], широко распространены деривационно связанные значения корня. При этом тип связанности корней подобен семантической связанности компонентов фразеологического сочетания. Таково, например, слово *водворить* в значении 'помещать что где-нибудь, куда-нибудь. О неодушевленных предметах'. Вне окружения приставки и суффикса это значение локальности у корня не функционирует, следовательно, оно деривационно связано.

Иными словами, связанность корня, как и связанность компонента, не проявляется без своих конкретизаторов, обладающих полным значением. Кроме того, установить собственное значение компонентов во многих случаях решительно невозможно. Это обстоятельство усугубляется фразеологической полисемией, при которой семантическая индивидуальность компонента пропадает в силу возросшей семантической самостоятельности фразеологизма в целом.

Что касается внутренней формы, то она не является элементом фразеологического значения. Связующая роль внутренней формы отдаленно напоминает связующую роль понятия, являющегося посредником между звуковой оболочкой слова и конкретным предметом. Короче говоря, проблема собственного значения компонента остается по-прежнему нерешенной.

Ю. А. Гвоздарев полагает, что фразеологические единицы образуются на базе отдельных слов русского языка. Это положение нам кажется уязвимым в силу ряда обстоятельств. За счет отдельных слов с периферийным значением могут возникать в основном фразеологические сочетания, т. е. воспроизводимые устойчивые словосочетания, в составе которых одно слово имеет связанное, а другое — свободное значение. Такое образование и по форме и по содержанию лишено какой-либо самостоятельности и системных связей с фразеологическими образованиями

типа сращений и единств, так как фразеологические сочетания и фразеологизмы — явления разного языкового порядка.

Таким образом, в области исторической фразеологии ведутся самые разнообразные исследования. Изучаются внутренние и внешние преобразования фразеологизмов на протяжении определенного периода времени: перестройка вариантных, синонимических и антонимических отношений, появление новых значений и оттенков значений, изменение компонентного состава фразеологизма, вытеснение старых форм новыми, развитие дистрибутивных связей фразеологизма со словом и многое другое.

Историческая фразеология, как видно из ранее изложенного, исследуется различными методами: сравнительно-историческим и сопоставительным методами, методами анализа по окружению и фразеологической аппликации, методом соотношения общего значения фразеологизма с системой значений слов свободного употребления (методом семантического соотнесения), контекстологическим приемом, формализованными приемами, приемом межъязыкового перевода и т. д.

Нельзя не заметить, что языковеды, изучающие состав и изменение устойчивых образований в более ранний исторический период, неизменно придерживаются расширительного понимания фразеологии. Напротив, лингвисты, анализирующие фразеологические единицы по произведениям XVIII и XIX вв., нередко относят к фразеологии лишь такие составные единицы языка, которые охвачены сквозной деактуализацией компонентов.

§ 7.

Краткие сведения из истории изучения фразеологической семантики русского языка

Интересные соображения в области лексической и фразеологической семантики были высказаны уже акад. Ф. Ф. Фортунатовым, который впервые обратил внимание на соотношение общего значения так называемых слитных слов и слитных речений со значением тех слов свободного употребления, на базе которых сформировались соответствующие языковые единицы. Ф. Ф. Фортунатов, например, отмечает, что частица *не* и слово *приятель* в составе слитного слова *неприятель* (враг) семантически преобразуются, вследствие чего «слитное слово не разлагается на слова, входящие в его состав» [100, с. 173].

В языке, по мнению Ф. Ф. Фортунатова, могут существовать устойчивые словосочетания типа *железная дорога*, которые по значению однородны слитным словам, ибо семантически не разлагаются на самостоятельные лексемы «без изменения значе-

ния». Соответствующие устойчивые словосочетания Ф. Ф. Fortunатов называет слитными речениями.

Начало научной разработки русской фразеологии вообще и ее семантики в частности было положено известными трудами В. В. Виноградова. В своей ранней работе [21] В. В. Виноградов стремится выявить собственное значение таких слов, которые реализуются в строго ограниченных сочетаниях. Так, слово *крошечный*, с точки зрения В. В. Виноградова, «лишено собственного значения», так как оно не имеет никакой свободы передвижения и «почти превратилось в составную часть идиомы» (с. 121). Естественно, в составе идиомы компоненты теряют свои лексические значения и «становятся лишь морфологическими компонентами сложной лексической единицы» (с. 122).

Широкую известность получила также работа В. В. Виноградова, в которой выявляются основные типы лексических значений слова. Опираясь на сочетательные способности лексических единиц, он выделяет слова со свободным, конструктивно обусловленным, синтаксически обусловленным и фразеологически связанным значением [17].

Опираясь на учение В. В. Виноградова, языковеды распространяют выявленные им типы лексических значений слова на фразеологизмы. Н. М. Шанский выделяет три основных типа значений: свободное значение, фразеологически связанное и синтаксически обусловленное [105, 48]. Так, фразеологизм *носить на руках* 'обожать' обладает свободным значением: связи этого фразеологизма с другими словами «определяются предметно-логически» и потому являются широкими и разнообразными. Фразеологизм *без задних ног*, напротив, семантически реализуется в сочетании лишь с определенными словами и обладает фразеологически связанным значением. Наконец, отдельные фразеологизмы типа *кровь с молоком* закрепились в качестве сказуемого. Подобные обороты наделены синтаксически обусловленным значением.

В специальной статье Б. А. Ларина, освещающей систематизацию и методы исследования фразеологического материала в исторической перспективе, также затрагивается семантическая проблематика. Интересно в этом отношении следующее высказывание Б. А. Ларина: «Самым существенным и решающим условием преобразования простого предложения в идиоматическое было семантическое обогащение, называемое метафоризацией, сущность которого в расширении и обобщении значения в сторону образной типичности» [51, с. 220].

С учетом метафоризации свободных словосочетаний Б. А. Ларин строит свою трехчленную классификацию фразеологического материала. При этом свободные словосочетания

в этой классификационной схеме объединены в одну группу с фразеологическими сочетаниями, так как последние обладают наименьшей степенью идиоматичности и вследствие этого находятся «как бы на периферии подлинной фразеологических объединений». Таким образом, подлинными фразеологизмами в понимании Б. А. Ларина являются метафорические образования типа фразеологических единств и сращений.

Отдельные наблюдения в области фразеологической семантики встречаются в монографии А. М. Бабкина [9], в основном ориентированной на лексикографическую разработку фразеологического запаса. В этой книге рассеяно много тонких наблюдений над изменением семантики и стилистической окраски отдельных фразеологизмов (ср., например, семантическую эволюцию фразеологизма *идти рука об руку* — с. 52 и сл.), раскрываются синонимические связи и отношения между отдельными фразеологизмами (ср.: *и был таков, и след простыл, как сквозь землю провалился, как в воду канул* и т. д. — с. 87—93), показано воздействие фразеологической системы на лексическую в плане ее обогащения (ср.: *меднолобый* (от *медный лоб*), *сиюминутный* (от *сию минуту*) и т. д. — с. 103 и сл.), подробно рассмотрен вопрос о возникновении новых фразеологизмов в результате контаминации семантически сближенных оборотов и т. п.

Разносторонне фразеологическая семантика анализируется в известной книге Н. М. Шанского [105]. Здесь довольно подробно говорится о явлении многозначности фразеологизмов (ср.: *первая ласточка* — 1) ‘первые признаки появления чего-нибудь’ и 2) ‘зачинатель, пионер в чем-либо’ (с. 56 и сл.), о пересечении многозначности с фразеологической омонимией (ср. *зеленая улица* ‘строй солдат со шпицрутенами, сквозь который прогоняли провинившихся’ и *зеленая улица* ‘свободный путь’).

Н. М. Шанский в своей работе рассматривает фразеологизмы, охваченные явлением вариантности, отграничивает подобного рода обороты от фразеологических синонимов, имеющих в своем составе одинаковые компоненты (дублетные синонимы) (ср.: *задать баню — задать перцу, от всего сердца — от всей души* и под.), выявляет условия, способствующие возникновению вариантности в сфере фразеологии, и т. д.

Семантическая проблематика затрагивается в интересных и полезных работах по общей и русской фразеологии, в частности в исследованиях Ю. Ю. Авалиани, Н. Н. Амосовой, В. Л. Архангельского, С. Г. Гаврина, Ю. А. Гвоздарева, А. Н. Кожина, М. М. Копыленко, А. В. Кунина, И. Я. Лепешева, В. М. Мокиенко, А. И. Молоткова, А. Г. Назаряна,

В. М. Огольцева, Р. Н. Попова, Л. И. Ройзензона, М. И. Сидоренко, Л. Г. Скрипник, М. Т. Тагиева, В. Н. Телия, А. Н. Тихонова, Е. Н. Толикиной, В. Т. Шклярова, Г. М. Удовиченко, А. И. Федорова, И. И. Чернышевой, Д. Н. Шмелева, Ф. М. Янковского и др.

Изучению фразеологической и лексической семантики посвящено монографическое исследование В. Н. Телия [92]. В этой работе, на которой остановимся подробнее, анализируется особый тип лексического значения — фразеологически связанное значение, участвующее в формировании фразеологических сочетаний.

Изучению фразеологически связанных значений слов посвящено немало работ. В. В. Виноградов, например, специально останавливается на соответствующих образованиях в связи с типологической характеристикой лексических единиц, а также при классификации фразеологизмов [17; 15]. Ю. А. Гвоздарев посвятил рассмотрению и систематизации фразеологических сочетаний отдельную монографию [24]. М. М. Копыленко и З. Д. Попова касаются связанных значений при рассмотрении вопроса о сочетаемости лексем и при изучении характера направленности слов со связанным значением на внеязыковой ряд [42]. Вышел специальный словарь-справочник глагольно-именных словосочетаний русского языка. В справочник вошло около 5000 устойчивых словосочетаний [28].

До сих пор, однако, слова со связанным значением рассматривались односторонне, под каким-либо определенным углом зрения. В. Н. Телия, в отличие от своих предшественников, опираясь на новейшие достижения в области лингвистики, психолингвистики, философии и т. п., анализирует все виды связанных значений слов. В своем исследовании [92] В. Н. Телия изучает различную предположенность слов со связанным значением к выполнению ими знаковой функции. Одни связанные значения сохраняют полноту знаковой функции (*старый друг*), другая часть связанных значений функционально сближается в этом плане с аффиксальными морфемами. Автор вместе с тем доказывает, что связанное значение обладает неавтономностью знаковой функции, способностью указывать на предметы и явления обозначаемой действительности только совместно с другим, семантически опорным, ключевым словом. Именно в этих случаях цельность номинации довлеет над структурной раздельностью частей (О. С. Ахманова).

Автор доказывает, что составные наименования (косвенная номинация) неизбежны в языке в силу ряда обстоятельств. Дело в том, что количество слов в языке определенным

образом ограничено, а понятий бесконечно много, так что «пополнение номинативного инвентаря идет за счет переосмысления уже имеющихся в языке слов». К тому же при обозначении предметного ряда часто между словом и перифразой наблюдается расхождение функционально-стилистического характера (ср.: *белый гриб и боровик*). Нередко перифраза обозначает то, что невозможно передать одним словом из-за недостаточности или нереализуемости аффиксальных средств (ср.: *лыжи — ходить на лыжах*, при невозможности сказать *лыжить* [с. 138]). Фразеологическое сочетание и слово-идентификатор часто неравнозначны по объему содержащейся в них семантической информации (ср., например: *объявлять (объявить) выговор и выговаривать (кому за что) и т. д.*).

Продолжая рассуждать в этом направлении, автор сосредоточивает свое внимание на взаимодействии семантически опорного слова и семантически реализуемого, связанного. Семантически регулирующую роль, по убеждению исследователя, играют опорные слова, задающие и регламентирующие, так сказать, выбор слов со связанным значением. Об «актуализирующем воздействии» опорного слова говорится, например, в связи с проблемой косвенной номинации.

В работе приводится типология связанных значений. При этом выделяются: а) связанное значение с предметно ориентированной семантикой типа *черный кофе, зеленый чай, дом книги* и т. д., где наблюдается родо-видовое и парциальное членение объекта в акте номинации; б) связанное значение глагола аналитического характера (*мысли витают, надежда живет*), где нередко наблюдается преобразование глагола в имя, сопровождающееся появлением супплетивных форм: *мысли витают — полет мысли, аплодисменты гремят — гром, взрыв аплодисментов*; в) связанное значение существительного с реляционно-аналитической семантикой (*плоды труда, короб новостей*), где можно наблюдать случаи, когда грамматически господствующее слово становится семантически зависимым, а семантически опорное структурно подчинено слову со связанным значением (*раб привычек*). Любопытно отметить, что семантически связанное слово в этом случае предсказывает появление новых предикатов и тем самым повышает коммуникативную ценность соответствующих перифраз (ср.: «Блеснул ← луч надежды»; «Надежды голос → ободрил его»).

В работе содержатся многочисленные указания на то, какую роль играют связанные значения в построении предложения и в осуществлении коммуникации. Так, выявляя специфику экспрессивно окрашенного значения и в связи с этим говоря о таких компонентах квалификативной структуры,

как субъект квалификации, объект квалификации, основание квалификации и т. п., В. Н. Телия приходит к заключению, что смысловую организацию квалификативной структуры можно представить в форме модальной «рамки», «имеющей вид суждения». В другом месте, оценивая связанные значения глаголов в перифразах типа *приходить в смущение, принимать на себя ответственность* и т. п., В. Н. Телия говорит о том, что глагольные компоненты могут «служить средством указания на возможное распределение актантов по ролям подлежащего и дополнения (или дополнений)» (с. 187 и сл.).

В книге слова и конструкции со связанным значением рассматриваются с точки зрения всякого рода лексических замен, т. е. на парадигматической и синтагматической оси. Благодаря этому становится возможным определить функциональные свойства изучаемых объектов в рамках предложения. Анализируя, например, составные наименования типа *бурные аплодисменты, сухой прием, тяжелое горе, горечь поражения* и т. д., автор не без основания считает, что это «свертки предложений, и сочетание в целом имеет пропозитивный тип семантики» (с. 213 и сл.). Ср.: «Ему был оказан сухой прием» $\rightleftharpoons$ «Его приняли сухо». Нетрудно видеть, что в структуре предложения именное словосочетание типа *сухой прием* несет основную смысловую нагрузку и с этой точки зрения предрасположено выполнять текстообразующую функцию.

На почве семантического сближения или разъединения слов в структуре фразеологического сочетания можно наблюдать случаи семантического согласования или рассогласования сочетающихся в линейной последовательности слов.

Автору удастся выяснить ряд интересных закономерностей и закономерных тенденций, регулирующих выбор и комбинации слов в их связанном значении. Когда, например, классификационная функция превалирует над оценочной, происходит своеобразная смысловая переориентировка составляющих, вследствие чего опорное наименование, семантически смещаясь, «суживает или расширяет свое значение» (с. 213). Так, в словосочетании *холодная война* слово *война* выражает «акции, направленные на подрыв потенциального противника без объявления войны» (с. 214). Нетрудно заметить, что в образованиях этого типа семантическая целостность преобладает над аналитичностью значения, что создает предпосылки для перехода их на семантической основе в ранг подлинных фразеологизмов.

Много интересных и тонких наблюдений содержится в главе, освещающей коннотативный аспект связанного значения. Здесь, в частности, выявляются различного рода ассо-

циативные признаки, основанные на сходстве или смежности, которые, однако, не входят в значение опорного наименования, ибо соответствующие признаки «извлекаются из иноприродного материала». Так, по справедливому мнению автора, отвлеченные существительные типа *спор*, *любовь* или *страсть* ассоциируются с тепловой отдачей. Именно поэтому возникают такие воспроизводимые сочетания, как *горячий спор*, *жаркая любовь*, *неугасимая страсть* и под.

Таким образом, в исследовании В. Н. Телия предпринят разносторонний анализ связанного значения. Это способствует выявлению многих категориальных свойств слов соответствующего типа.

Имеются в этой монографии и спорные места.

Автор, как отмечалось выше, считает, что связанное значение формируется прежде всего на базе опорного, ключевого слова, от которого исходит семантическое указание. Представляется, однако, что появление связанного значения вызвано не только актуализирующим влиянием опорного наименования, но и системообразующим воздействием семантической парадигмы. Дело в том, что слова со связанным значением вступают в сложные семантические связи и отношения с другими словами на парадигматической оси; причем связанное значение нередко замыкает смысловую структуру многозначного слова, являясь своеобразным семантическим дериватом.

Так, глагол со связанным значением *производить* употребляется в сочетании с отвлеченным существительным *впечатление*: «Меж тем Онегина явление у Лариных произвело На всех большое впечатленье» (П.).

Собственное значение слова *производить* легко растолковывается посредством глаголов *вызывать*, *порождать*. Это частное значение теснейшим образом связано с производно-номинативным значением этого глагола 'давать жизнь, рождать' (ср.: *производить потомство*). Так создаются предпосылки для возникновения связанного значения под влиянием частных значений многозначного слова. Любопытно отметить, что в словаре С. И. Ожегова глагол связанного значения *производить* 'вызывать, делать' сопровождается пометой (*перен.*) и тем самым акцентируется зависимость связанного значения от свободного. То обстоятельство, что глагол *производить* в связанном значении определяется посредством семантически сближенных глаголов полного значения *вызывать*, *порождать*, *делать*, в свою очередь говорит о предрасположенности этого глагола вступать в синонимические отношения с другими глаголами-идентификаторами.

Слова со связанным значением могут вступать между собой

в антонимические отношения (ср.: *приводить в состояние — выводить из состояния*); кроме того, эти слова способны расширять свои сочетательные свойства (ср.: *крошущий ад, мрак, тьма, ночь, мгла* и т. п.). С расширением сочетаемости связанное значение постепенно сближается со свободным.

Слова полного значения, не выдержав конкуренции, могут менять свою типологическую характеристику и занимать новое место в семантической парадигме и в лексико-семантической системе в целом. Не случайно В. В. Виноградов связывал появление фразеологических сочетаний с утратой или ослаблением основных значений слов. Так, в глаголе *пробудить* (*пробуждать*) прямое значение постепенно вытеснилось синонимами *будить, разбудить* (кого-нибудь), вследствие чего глагол полного значения *пробудить* стал семантически приспособляться к ограниченному кругу слов: *интерес, желание, страсть, охота* и т. п.

На наш взгляд, в конструкциях со связанным значением своеобразно преломляется знаковая функция языка. Здесь прослеживается определенная закономерность. Чем четче выделяется посредством словарных избыточных толкований семантический объем связанного значения слова, тем полнее такое слово выполняет знаковую функцию, и наоборот.

Фразеологические сочетания, в составе которых более или менее легко определяются собственные значения слов-компонентов, допускают на уровне языковой нормы относительно свободное переоформление своей структуры. Ср., например: «Она произвела на нас хорошее впечатление» и «Впечатление, которое она произвела на нас, было хорошим». Фразеологические сочетания этого типа наделены двойной знаковой функцией: они отражают внеязыковую действительность и всем своим составом, и каждым словом-компонентом в отдельности, если процесс деактуализации таких слов не зашел слишком далеко. Многое зависит от характера взаимодействия аналитических и синтетических тенденций в составе фразеологических сочетаний.

Таким образом, одни ученые в орбиту семантического исследования включают все воспроизводимые сверхсловные образования разной степени сложности независимо от характера слитности компонентов (пословицы, поговорки, крылатые выражения, фразеологические сочетания и т. д.), другие ученые, напротив, стремятся изучать материал типа фразеологических сращений и единств. Так на почве семантической классификации фразеологических единиц сложились две противоположные точки зрения на предмет фразеологии — узкое и широкое понимание объема этой отрасли языкознания.

Выработанная В. В. Виноградовым типологическая классификация значений слов, основанная на сочетательных свойствах лексических единиц, распространяется и на фразеологизмы, обладающие целостным значением. Что касается фразеологических сочетаний, то они сами по себе составляют своеобразную единицу микроконтекста, так что компоненты фразеологизмов с целостным значением и слова с фразеологически связанным значением типа *чреватый* (последствиями), *производить* (впечатление) и т. д. занимают различное место в системе языка.

Глава 2

Систематизация фразеологических единиц

Фразеологические единицы русского языка в настоящее время систематизируются с точки зрения вариационного метода, раскрывающего внутрикомпонентные связи (В. Л. Архангельский), аппликативного метода, ориентированного на сопоставление фразеологизма со свободным словосочетанием такого же лексического состава (В. П. Жуков), метода анализа по окружению (М. Т. Тагиев), формализованного метода (М. М. Копыленко), компликативного способа (С. Г. Гаврин) и др.

Довольно широко распространена классификация В. В. Виноградова, положившая начало научной разработке фразеологизмов русского языка. Все фразеологизмы с точки зрения семантической слитности компонентов расчленены на три категории — фразеологические сращения, единства и фразеологические сочетания.

Фразеологические сращения — это семантически неделимые обороты, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов» [15, с. 345].

К числу сращений относятся такие обороты, как *бить баклуши*, *валять дурака*, *втирать очки*, *собаку съел*, *почить ласы (балясы)*, *поминай как звали*, *давай бог ноги*, *во всю ивановскую*, *у черта на куличках*, *очертя голову* и др.

Среди фразеологических сращений наиболее четко выделяются обороты, легко противопоставляемые свободным словосочетаниям эквивалентного состава (*собаку съел*, *подложить свинью*, *перемывать косточки*, *подводить под монастырь*, *умывать руки*). Соответствующие обороты возникли из свободных словосочетаний. Например, фразеологизм *перемывать косточки* возник из свободного словосочетания *перемывать косточки* 'мыть останки умершего, чтобы вновь их закопать в землю', как того требовал древнейший обычай «второго захоронения».

Семантическая неразложимость сращений часто может поддерживаться (но не создаваться!) фонетическими, лексическими и грамматическими архаизмами типа *у черта на куличках*, *во всю ивановскую*, *бить баклуши*, *почить в бозе*, *притча во языцех*, *темна вода во облацех*, *очертя голову*, *спустя рукава*, *сломя голову* и т. д. Отдельные фразеологизмы этого рода возникли из буквальных словосочетаний. Так,

из свободного словосочетания тянуть канитель 'изготавливать тонкую металлическую нить (канитель) для вышивания' (эта работа была медленной, утомительной) на основе метафорического переосмысления этого словосочетания появился фразеологизм такого же лексического состава со значением заниматься каким-либо однообразным, надоедливым, утомительным делом'.

Фразеологические сращения, по мнению В. В. Виноградова, характеризуются абсолютной невыводимостью значения целого из значений составляющих компонентов. Фразеологическое сращение — это «химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [15, с. 348]. Будучи семантически и грамматически неразложимой языковой единицей, сращения допускают эллиптическое сжатие, сокращение компонентного состава без ущерба для смысла: *ни в зуб ногой толкнуть* → *ни в зуб ногой* → *ни в зуб*.

К фразеологическим сращениям В. В. Виноградов относил и такие обороты, в составе которых отдельные компоненты (знаменательные или служебные) все еще сохраняют отголоски исходного былого значения, например: *души не чаять* (в ком), *ни к селу ни к городу*; *не мытьем, так катаньем*; *держат в ежовых рукавицах, сбоку припека, неровен час, под добру - поздорову, диву даться, труса (трусу) праздновать, заморить червячка, при пиковом интересе, сон в руку, так себе, выжить из ума, мало ли какой, из рук вон плохо; раз, два и обчелся* и др.

Ко второй категории относятся фразеологизмы, общее значение которых вытекает из значения составляющих частей. Этот разряд получил наименование фразеологических единств, подавляющая часть которых образовалась в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний: *взваливать на плечи, видеть насквозь, вить гнездо, всадить нож в спину; белая ворона, вагон и маленькая тележка, гусь лапчатый, кровь с молоком, обсевок в поле, стреляный воробей, тертый калач; за гробом, за спиной, на носу, не за горами* и др.

Не все фразеологические единства отличаются одинаковой степенью семантической неразложимости. На периферии этого разряда находятся обороты, не налагаемые в настоящее время на свободное словосочетание. В их составе, по крайней мере, один из компонентов является смыслообразующим, семантически маркированным, например: *на дружеской ноге* 'в дружеских отношениях', *на равной ноге* 'как равный с равным', *на собственной шкуре* 'на собственном опыте' и т. д. Легко заметить, что смыслообразующий компонент внутри каждого

оборота и вне его не переосмысливается, остается равным самому себе, не несет каких-либо семантических потерь.

Между сращением и единством много общего, но имеются и существенные расхождения.

«Фразеологические единства, — отмечает В. В. Виноградов в своей статье, — являются потенциальными эквивалентами слов. И в этом отношении они несколько сближаются с фразеологическими сращениями, отличаясь от них семантической сложностью своей структуры, потенциальной выводимостью своего общего значения из семантической связи компонентов» [15, с. 353].

Между сращением и единством наблюдается тесное взаимодействие: единства постепенно перерождаются в сращения. При этом чем ярче и выразительнее внутренняя форма, тем медленнее протекает процесс такого перерождения, и наоборот. Между компонентами сращений и единств утрачены живые синтаксические связи, так как эти компоненты вследствие деактуализации утратили свое былое, словарное значение. Сказанное не означает, что компоненты превратились в ничто. Когда фразеологизм *надевать маску* растолковывают путем словосочетания 'скрывать сущность', а фразеологизм *срывать маску* определяют через словосочетание 'обнаруживать истинную сущность', то каждый компонент в отдельности передает нечто новое по сравнению со словами *надевать*, *срывать* и *маска* в их свободном употреблении. Здесь мы наблюдаем случай вторичной семантизации компонентов. Это семантическое приращение возникает в результате метафорического переосмысления свободного словосочетания во всем объеме.

Фразеологические сращения утратили внутреннюю форму, поэтому их значение является целостным немотивированным (ср. *втирать очки*, *гонять лодыря*, *валять дурака*), в противоположность этому у фразеологических единств внутренняя форма удерживается, легко осознается, отчего и общее значение является целостным мотивированным (*носить воду решетом*, *носить на руках* (кого), *отрезанный ломоть*, *пальцем не шевельнуть*).

Сращения, в отличие от единств, содержат различные архаические элементы. Компонентам сращения труднее приписать какое-либо специфическое значение, чем компонентам единств. Так, сращение *бить баклуши* может быть истолковано словосочетанием 'предаваться безделью': глаголу *бить* здесь присвоено внесистемное значение 'предаваться', а компоненту *баклуши* — значение 'безделье'. Подобный внутриязыковой перевод в кругу сращений носит, как правило, искусственный

характер. К тому же фразеологические сращения могут вступать в синонимические отношения с фразеологизмами иного лексического наполнения. Например, фразеологизм *бить баклуши* вступает в синонимические связи с фразеологизмами *валять дурака*, *гонять лодыря*, *лежать на боку*, *плевать в потолок*, *считать ворон* и др., так что разным компонентам в этой ситуации приписывается одно и то же значение.

Кроме того, один и тот же компонент может входить в состав самых различных фразеологизмов: *собаку съел* 'приобрел большой опыт', *собак гонять* 'слоняться без дела', *как собак нерезаных* 'очень много' и т. д.

В составе фразеологических единств компонентам легче приписать внесистемное значение, так как в определенных условиях, например при антонимическом противопоставлении, компоненты подвергаются, как отмечалось выше, вторичной семантизации: *из мухи делать слона*, *из огня да в полымя*, *ни рыба ни мясо*, *ни к селу ни к городу*, *ни свет ни заря*, *ни холодно ни жарко* и т. д.

К фразеологическим единствам В. В. Виноградов причисляет без каких-либо оговорок пословицы, поговорки и пословично-поговорочные выражения типа: *Не до жиру, быть бы живу*, *Не твоя печаль чужих детей качать*, *Федот, да не тот*, *Первый блин комом*, *Нет худа без добра*, *На вкус, на цвет мастера нет*, *Хорошенького понемножку* и др.

Хотя В. В. Виноградов и пишет о том, что составные термины должны быть рассмотрены отдельно, тем не менее к разряду фразеологических единств приобщены такие сложные наименования, как *белый гриб*, *прогрессивный паралич*, *вопросительный знак*, *карета скорой помощи*, *борьба за существование* и т. п.

Таким образом, разряд фразеологических единств оказался неоднородным по своему составу и степени семантической спаянности, о чем писал Б. А. Ларин в своей работе по фразеологии [51].

Особое место принадлежит фразеологическим сочетаниям. К ним относятся воспроизводимые словосочетания, состоящие из двух знаменательных слов, из которых одно имеет самостоятельное, а другое связанное значение: *обращать внимание*, *оказывать помощь*, *производить впечатление*, *принимать решение*, *впадать в нужду* и многие другие.

У многих фразеологических сочетаний один компонент легко подменяется другим (близкой или родственной семантики). Так создаются разновидности фразеологического сочетания (серии): *возводить поклеп*, *возводить обвинение*, *возводить клевету*, *возводить напраслину* и т. п.

В составе фразеологического сочетания не все слова наделены одинаковой семантической полноценностью и самостоятельностью.

Выделяются редкие фразеологические сочетания, в составе которых слово со связанным значением не соотносится с системой значений производящего слова: *крошущий ад (тьма)*, *зеленая скука*, *воробьиная ночь*, *наострить слух* и др. Собственное значение отдельных слов здесь установить довольно трудно. Подобные слова-компоненты, лишенные внутренней формы, имеют идиоматически связанное значение.

По большей части слова с фразеологически связанным значением не выпадают из системы значений слова, а входят в нее наряду с другими частными значениями многозначного слова. Например, вокруг глагола *отбивать* под разными его значениями группируются различные фразеологические сочетания типа *отбивать атаку (нападение, удар)*, *отбивать шаг*, *отбивать минуты (секунды)* и т. п.

Фразеологические сочетания качественно отличаются от сращений и единств и со стороны структурной организации, и в семантическом отношении: а) фразеологические сочетания имеют принципиально двучленную структуру (*азбучная истина*, *трескучий мороз*, *гробовая тишина*; *бередить раны*, *воспринять духом* и т. д.); сращения и единства часто имеют сложное построение (*наступать на любимую мозоль*, *склонять во всех надеждах* и под.); б) слова-компоненты в составе фразеологических сочетаний преимущественно передают отвлеченное значение, отчего фразеологическое сочетание в целом приобретает отвлеченно-аналитическое содержание (*обращать внимание*, *вызывать гнев*, *давать совет*, *выражать благодарность* и т. д.); в) слова-компоненты легко реализуют, актуализируют свое значение. Ср., например: «Он произвел хорошее впечатление» и «Впечатление, которое он произвел, было хорошим». Компоненты сращений и единств лишены этой возможности.

Таким образом, многие слова с фразеологически связанным значением постепенно преобразуются в слова со свободным значением; компоненты сращений и единств становятся обычными словами лишь в особых языковых условиях, чаще всего при дефразеологизации. Например, когда-то оборот *попасть впросак* воспринимался как идиома. Как только глагол *попасть* стал употребляться в значении 'оказаться, очутиться', то компонент *впросак* стал обычным наречием, правда, употребляющимся пока с одним глаголом-конкретизатором. Попутно отметим, что дефразеологизация наступает тогда, когда компоненты (или один из компонентов в дву-

членных образованиях) приобретают полную семантическую самостоятельность, и преобразуются в слова с отвлеченным системным значением.

В ходе развернутого толкования фразеологизма каждому компоненту приписывается обычно отвлеченное значение (и в этом проявляется одна из особенностей фразеологической абстракции), которое, однако, является внесистемным, внутрифразовым.

Следовательно, фразеологизм остается фразеологизмом до тех пор, пока внутрифразовое значение компонента не становится общепринятым.

Н. М. Шанский, помимо фразеологических сращений, единств и сочетаний, выделяет новый разряд фразеологических единиц — фразеологические выражения. К этому разряду относятся, по мнению Н. М. Шанского, такие воспроизводимые обороты речи, которые состоят целиком из слов со свободными значениями [105, с. 84], например: *Волков бояться — в лес не ходить; Не все то золото, что блестит; Любви все возрасты покорны; социалистическое соревнование, трудовые успехи* и т. д. Как видно из примеров, одна часть фразеологических выражений в коммуникативном отношении эквивалентна предложению, а другая часть оборотов относится к словосочетаниям, к единицам номинативного характера.

Б. А. Ларин предпринял попытку систематизировать фразеологический материал с позиций исторической фразеологии [51, с. 222]. Он выделяет три типа словосочетаний: переменные, метафорические словосочетания и идиомы.

Переменные словосочетания — самый распространенный тип языковых единиц. К этому разряду причисляются и фразеологические сочетания.

Ко второй категории Б. А. Ларин относит метафорические словосочетания, образованные в результате метафорического переосмысления переменного словосочетания такого же лексического состава, например: *гнуть спину, выносить сор из избы, махнуть рукой* (на что), *тертый калач* и многие другие. Метафорические словосочетания, как полагает Б. А. Ларин, соответствуют разряду фразеологических единств в схеме В. В. Виноградова.

Наконец, третий и последний разряд составляют идиомы, в которых затемняется и вовсе пропадает семантическая двуплановость. Этот разряд приравнивается к фразеологическим сращениям в схеме В. В. Виноградова и «неразложимым речениям» в трактовке Ш. Балли [10, с. 97].

Таким образом, с точки зрения Б. А. Ларина, фразеологические сочетания не являются подлинными фразеологиче-

скими образованиями и сливаются с обычными свободными словосочетаниями. По замыслу автора, такая классификация отражает «этапы истории словосочетания — от «свободного» к неразложимому» [51, с. 223].

Примечание. Из сказанного ранее явствует, что фразеологические единства и сращения, выделенные В. В. Виноградовым, сохраняются в классификационной схеме Б. А. Ларина и Н. М. Шанского. Эти же исследователи причисляют к фразеологическим единицам наряду с фразеологизмами, образованными по модели словосочетания, и обороты коммуникативного характера.

Вместе с тем наметились и существенные расхождения в оценке составных «сверхсловных» образований разной степени сложности: Б. А. Ларин, как уже упоминалось, исключает из сферы фразеологии фразеологические сочетания, Н. М. Шанский, напротив, выделяет новый, четвертый разряд фразеологических единиц — фразеологические выражения. Так постепенно на почве систематизации сложилось два противоположных взгляда на объем и границы фразеологии — так называемое узкое и широкое понимание этого раздела языкознания.

С нашей точки зрения, требуют критического пересмотра: а) отнесение составных терминов и наименований к фразеологии, если в составе подобных устойчивых словосочетаний слова не подвергаются каким-либо семантическим преобразованиям, например: *аттестат зрелости, прогрессивный паралич, дом отдыха, прямая кишка, вопросительный знак* и т. п.; б) объединение в одном разряде устойчивых словосочетаний и пословично-поговорочных выражений типа *социалистическое соревнование, трудовые успехи* и *Любви все возрасты покорны* и т. п. Соответствующие образования являются разнокачественными, неоднородными единицами языка и в коммуникативном отношении, и с точки зрения семантической спаянности компонентов. В словосочетаниях типа *трудовые успехи* слова употребляются в свободном значении, тогда как в составе пословицы типа *Волков бояться — в лес не ходить* слова (кроме глагола *бояться*) преобразованы, подобно тому как преобразованы они, например, в составе фразеологизмов типа *держать камень за пазухой* 'таить злобу против кого-либо', *перегибать палку* 'впадать в излишнюю крайность' и под.

С учетом внутрикомпонентных связей и отношений на лексическом, семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях строит классификацию фразеологических единиц В. Л. Архангельский [6, с. 180]. Он устанавливает три вида зависимости между частями фразеологических единиц: взаимозависимость (взаимная детерминация), односторонняя зависимость (детерминация) и совмещение (индетерминация). При этом семантическая и лексическая зависимость признаются определяющими, главенствующими «для фразеологического аспекта».

По этой классификации выделяются три типа фразеологических единиц, в каждом из которых различаются определенные разновидности.

Так, к первому типу относятся три разряда фразеологических единиц, характеризующиеся, по мнению автора, наиболее тесной лексико-семантической спаянностью частей, «наибольшей устойчивостью». Сюда прежде всего относятся

обороты, основанные на семантической и лексической взаимной предсказуемости членов, например: *гога и магога, шерочка с машерочкой, денно и ночью* и т. д. К особой разновидности первого типа причисляются фразеологические единицы, основанные на семантической взаимной детерминации (или детерминации) при лексической индетерминации, например: *подложить свинью, разводить бобы, втирать очки* и т. д.

Во втором типе объединяются фразеологические единицы, между компонентами которых устанавливаются односторонние лексико-семантические, лексико-морфологические и лексико-синтаксические отношения, например: *бить баклуши, задать феферу, точить балясы; высуня язык, положила руку на сердце, скрепя сердце, сломя голову; гроб повапленный* и др. В этот же тип оказались включенными и образования с аналитическим значением, например: *поймать с поличным, идти насмарку, вперить взор, плакать навзрыд, целоваться взапас* и под.

Наконец, третий классификационный тип охватывает такие воспроизводимые словосочетания, как *заклятый враг, расквасить нос, трескучий мороз, топорная работа* и под. Эти словосочетания, по мнению В. Л. Архангельского, характеризуются «наименьшей теснотой сцепления членов» и в основном сливаются с разрядом фразеологических сочетаний, выделенных В. В. Виноградовым.

По мере изучения различных зависимостей между компонентами могут быть выявлены парадигматические и синтагматические свойства соответствующих частей фразеологической единицы. Так, в линейной последовательности, на синтагматической оси между компонентами фразеологизмов *спустя рукава и скрепя сердце* обнаруживаются взаимная семантическая связь и, напротив, непредсказуемые отношения на лексическом уровне. На парадигматической оси ни один из этих компонентов не варьируется ни на одном уровне.

Примечание. Метод внутрикомпонентных отношений, несмотря на свои достоинства, нельзя признать универсальным и основным. Взаимная предсказуемость компонентов, например на лексическом уровне, не всегда сопровождается семантической неразложимостью фразеологизма.

Приведем ряд фразеологизмов, основанных на взаимной предсказуемости компонентов на лексическом уровне. Сюда можно отнести такие обороты, как *ни холодно ни жарко, ни слуху ни духу, денно и ночью, ни то ни се, ни ответа ни привета, не за страх, а за совесть, и нашим и вашим* (служить, угождать), *маменькин сынок, (все) ходы и выходы* (знать), *(каждый) встречный и поперечный, дневать и почевать, от мала до велика* и многие другие.

Нетрудно заметить, что приведенные фразеологизмы удерживают внутреннюю форму, отдельные компоненты, относящиеся к служебным частям речи (ср.: *ни то ни се* 'ни плохо ни хорошо'), сохраняют свое исходное значение.

В сопоставлении с такими семантически неразложимыми оборотами, как *бить баклуши*, *точить лясы*, *гроб поваленный* и др., разбираемые фразеологизмы характеризуются меньшей степенью семантической спаянности составляющих. Иными словами, фразеологизмы первого типа, вопреки мнению В. Л. Архангельского, наделены меньшей мерой идиоматичности, чем фразеологизмы второго типа.

Положение усугубляется еще тем, что в одном ряду с высокоидиоматичными оборотами *бить баклуши*, *точить лясы* по этой классификации выстраиваются словосочетания аналитического характера *поймать с поличным*, *курить втяжку*, *ни зги не видно* и т. д. При этом в словосочетаниях типа *курить втяжку* слова семантически согласуются так же, как это наблюдается в обычных свободных словосочетаниях типа: *рубить топором*, *управлять рулем*, *писать письмо* и др.

У фразеологизмов с утраченной внутренней формой типа *бить баклуши*, *гонять лодыря*, *собаку съел*, *лить колокола* и т. д. внутрикомпонентные отношения на семантическом уровне не поддаются строгой оценке, ибо собственное значение таких компонентов выявить невозможно. Попытка приписать компонентам то или иное значение путем развернутого определения фразеологизма дает искаженное представление о семантической ценности компонента.

На лексическом же уровне внутрикомпонентные отношения и внутрисловные связи в рамках свободного словосочетания — явления различного порядка. Так, во фразеологизме *заморить червячка* налицо взаимная предсказуемость частей, тогда как в свободном словосочетании такого же лексического состава подобного явления не наблюдается и не может наблюдаться.

Легко заметить, что компоненты, восходящие к словам иноязычного или старославянского происхождения (ср.: *шерочка* с *машерочкой*, *гога* и *магога*, *денно* и *ночно* и под.), отличаются высокой мерой предсказуемости, но она лишь сопровождает идиоматичность, а не порождает ее.

Итак, внутрикомпонентные отношения в пределах фразеологизма на одном из уровней не совпадают, не повторяют межсловных отношений в свободном словосочетании одинакового или сходного состава. Здесь возможно лишь частичное пересечение и совпадение.

Посредством вариационного приема трудно отграничить слова-сопроводители от собственно фразеологизмов. Пользуясь приемом предсказуемости, часто приходится объединять явно неоднородные, разнокачественные языковые единицы.

Фразеологизмы русского языка могут быть систематизированы посредством приема фразеологической аппликации, под которым понимается наложение фразеологического оборота на эквивалентное свободное словосочетание, если оно налицо. При такого рода наложении общее (целостное) значение фразеологизма сравнивается, соотносится с лексическим значением слов, входящих в свободное словосочетание такого же лексического состава. Попутно отметим, что в русском языке насчитывается до 1500 фразеологизмов, совпадающих по своей звуковой оболочке со свободными словосочетаниями: *бить в цель*, *брать на буксир*, *вариться в собственном соку*, *рыться в грязном белье* и т. д.

Так как предлагаемая ниже классификация строится на основе метода фразеологической аппликации (об этом см. выше, с. 46 и сл.), то разряды и рубрики в этой классификационной схеме должны определенным образом отражать как различный характер удаленности того или иного фразеологизма от исходных, производящих словосочетаний (если они налицо), так и различную степень удаленности компонентов фразеологизма от соответствующих слов свободного употребления (если нельзя образовать эквивалентного переменного словосочетания).

Все фразеологизмы русского языка с рассматриваемой позиции можно разделить на два больших типа: а) на фразеологизмы, которые в синхронном плане могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям такого же лексического состава, — апплицируемые, налагаемые фразеологизмы и б) на фразеологизмы, которые с точки зрения современного языкового состояния не могут быть наложены на свободное словосочетание из-за невозможности его образовать, — неапплицируемые, неналагаемые фразеологизмы. Между выделенными типами размещаются промежуточные образования, отнесение которых к строго определенному типу затруднительно.

В пределах каждого из этих типов в свою очередь выделяется несколько разновидностей. К первому разряду относятся фразеологизмы, которые на фоне свободных словосочетаний такого же состава не дают метафорического эффекта, например: *барашек в бумажке, белая кость; заварить кашу, в сорочке родился, собаку съел, брить лоб, перемывать косточки, подводить под монастырь, подложить свинью, отлить пули, лить колокола, скакать в крапиву, посыпать голову пеплом, умыть руки* и др.

Такие фразеологизмы утратили внутреннюю форму, тот образ (реальный или нереальный), который положен в основу их наименования. Поэтому соответствующие фразеологизмы обладают целостным немотивированным значением. Процесс семантического угасания компонентов внутри подобных фразеологизмов протекал более или менее равномерно с одинаковым охватом составляющих элементов (знаменательных и служебных). Аналогичные фразеологизмы с целостным немотивированным значением можно отнести к идиоматическим единствам.

Ко второму, самому многочисленному и продуктивному разряду относятся фразеологизмы, которые на фоне свободных словосочетаний эквивалентного состава дают метафорический эффект, например: *бить мимо цели, бить по рукам,*

бросать грязью, бросать перо, вбивать клин, вбивать осиновый кол (в могилу), веревки вить; белая ворона, белое пятно, белые мухи, мыльный пузырь; кожа да кости, вдоль и поперек, от зари до зари, с пеной у рта и др. Подобные фразеологизмы с целостным мотивированным значением могут быть определены как метафорические единства.

Компоненты в составе такого рода фразеологизмов и слова в составе эквивалентных словосочетаний несоизмеримы, резко расходятся прежде всего в семантическом отношении: слова в структуре свободного словосочетания имеют строго закрепленное речевым узусом конкретное (первично-номинативное) значение. В противоположность этому сходнозвучные компоненты фразеологизма семантически преобразуются, деактуализуются. Там, где выявить собственное значение компонентов не удастся, формируется сложнотеленная семема, т. е. качественно новый лингвистический знак. Семантическая неразложимость в особенности свойственна тем фразеологизмам, смысловой объем которых передается одним словом, например: *протянуть ноги* 'умереть'.

Замечено, что «внесистемное значение» каждого компонента, если оно может быть выявлено методом внутриязыкового перевода (ср. *бить мимо цели* 'не достигать желаемого'), всегда отвлеченнее системного, узуального. Эта закономерность проливает свет на характер фразеологической абстракции и не знает исключений, по крайней мере, в границах рассматриваемого разряда фразеологических единиц.

Из сказанного вытекает также, что компоненты соответствующих фразеологизмов не могут вступать в омонимические отношения с отдельными словами. Омонимами могут быть слова с самостоятельным лексическим значением. Компоненты подобных фразеологизмов не удовлетворяют такому требованию, ибо лишены отдельного лексического значения.

Разновидностью выделенного разряда служат фразеологизмы типа *влиять хвостом, загребать жар чужими руками, замазывать глаза, золотить пилую, мелко плавать, отогреть змею на груди, перегибать палку; жирный кусок, золотые руки, ноль без палочки, стреляный воробей* и др.

Подобные обороты легко противопоставляются свободным словосочетаниям и вследствие этого осознаются как метафора. Вместе с тем общее значение аналогичных фразеологизмов сближается или совпадает по смыслу с переносным значением слова в свободном употреблении (ср., например, фразеологизм *перегибать палку* 'впадать в ненужную крайность в делах, поступках и т. п.' и глагол в переносном значении

перегибать 'допускать перегиб, неумеренность, крайность в чем-либо').

Процесс образования фразеологизмов, как показывают факты, протекает совершенно независимо от появления в слове переносного значения; вместе с тем и переносные значения в словах чаще всего появляются независимо от формирования фразеологизмов. Объясняется это тем, что переносное значение часто возникает тогда, когда слово с конкретным содержанием сочетается с каким-либо другим словом неконкретного или собирательного значения. Например, глагол *жевать*, сочетаясь со словами неконкретного содержания, приобретает переносный смысл 'долго и нудно обсуждать одно и то же': «Довольно! Надоело жевать один и тот же вопрос» (Н.-П.). В составе свободного словосочетания *жевать мочало* глагол непосредственно сочетается с именем существительным конкретного, первичного значения, ибо слово *мочало* однозначно и не располагает отвлеченным значением. Фразеологизм *жевать мочало* возник в результате метафоризации аналогичного свободного словосочетания. Отсюда явствует, что компоненты в составе подобных фразеологизмов соотносятся со словами конкретного, а не производно-переносного значения [32, с. 98—102].

По преимуществу в составе налагаемых фразеологизмов все компоненты приблизительно в одинаковой мере участвуют в формировании целостного значения, так что соответствующие обороты, как правило, не поддаются семантическому членению по составляющим.

Многие фразеологизмы с точки зрения современного языкового состояния не могут быть наложены на свободное словосочетание. В кругу неаплицируемых (неналагаемых) фразеологизмов в свою очередь можно обнаружить несколько разрядов.

Прежде всего выделяются фразеологизмы с архаическим составом компонентов. Фразеологизмы этого разряда неоднородны по своему составу: а) отдельные фразеологизмы сплошь состоят из лексических и лексико-фонетических архаизмов (*благим матом, опочить в бозе, притча во языцех, семо и овамо, вкупе и влюбье*); б) значительная часть фразеологизмов включает лишь отдельные неупотребительные или вымершие лексические элементы (*бить баклуши, во всю ивановскую, за тридевять земель, точить лясы, у черта на куличках*); в) многие фразеологизмы полностью или частично охвачены грамматической архаизацией (*во вся тяжкая, ничтоже сумняшеся, отверзошася хляби небесные, прильпе язык к гортани, еле можаху, очертя голову, спустя рукава*) и т. д.

Не все фразеологизмы этого разряда обладают одинаковой степенью семантической спаянности компонентов. Одна часть фразеологизмов может быть противопоставлена свободным словосочетаниям такого же лексического состава лишь в историческом плане (*бить баклуши, точить лясы, бить челом, подпускать турусы на колесах, семи пядей во лбу, ни кола ни двора, козел отпущения, благим матом, во всю ивановскую*). Так, например, фразеологизм *бить челом* возник из буквального словосочетания *бить челом* 'низко кланяться, доставая челом (лбом) до земли, до пола'. По установившемуся в Древней Руси обычаю *били челом* при вручении жалобы или прошения. Данные фразеологизмы можно отнести к разряду исторически апплицируемых фразеологизмов, обладающих максимальной сплоченностью своих компонентов. Лексические некротизмы в составе такого рода фразеологизмов «являются неотъемлемой частью материальной основы» (Н. Н. Амосова) их целостного значения.

Существуют неналагаемые фразеологизмы с архаичными формами типа *камо грядеши, ничтоже сумняшеся* и др. Если архаичные формы заменить в них современными, то окажется, что в составе этих оборотов слова употребляются в своих обычных значениях. Так, оборот *ничтоже сумняшеся* 'ничуть не сомневаясь, не задумываясь' представляет собой старую форму простого прошедшего времени (имперфекта) 2-го и 3-го л. ед. ч. вместо современной формы прошедшего времени (*сомневался*), а в слове *ничтоже* отражено суффиксальное употребление частицы *же* в составе отрицательного местоимения (*ничто + же*). Обороты этого разряда резко отличаются от предыдущих фразеологизмов лексико-семантической самостоятельностью своих компонентов. Эти примеры говорят о том, что фразеологизация — явление лексико-семантического порядка, связанное в первую очередь с семантическим преобразованием слова.

Особое место занимают фразеологизмы, лексико-грамматическое перерождение которых не завершилось. Так, у фразеологизмов типа *как пить дать* (ср.: *как рукой сняло*) глагольный компонент частично изменяется по лицам и родам (*как пить дадут, как пить даст, как пить дала*), т. е. не окончательно утратил согласовательные связи с субъектом действия: «Все заберут в лапы, Ермилыч, как пить дадут» (М.-С.); «А то, того гляди, лиходей какой высмотрит, накроет сонного, как пить даст» (Шишк.); «Приплыла наутро щука, как пить дала» (С.-Щ.). Подобного рода архаизацией охвачены фразеологизмы глагольного происхождения, перешедшие в разряд адвербиальных фразеологических единиц (*во что бы*

то ни стало, как ни в чем не бывало, как следует, раз плюнуть, рукой подать и т. д.).

Поскольку главной приметой фразеологизмов рассматриваемого разряда является наличие в их составе архаических элементов, которые поддерживают идиоматизацию фразеологической единицы [10, с. 105], то подобного рода фразеологизмы с целостным немотивированным значением могут быть отнесены к разряду архаизированных единств.

Отдельные лингвисты (например, Р. Н. Попов) справедливо отмечают, что соответствующие фразеологизмы подвергаются нормализующему воздействию языковой системы. Эти изменения отражают противоречивое взаимодействие аналитических и синтетических тенденций во фразеологизме, причем аналитические тенденции обусловлены расчлененным строением фразеологизма; напротив, синтетические тенденции вызваны семантической целостностью фразеологической единицы и характеризуют ее форму. До тех пор пока между формой и содержанием поддерживается неустойчивое равновесие, пока не нарушается семантическое тождество фразеологизма, никакие изменения на парадигматической или синтагматической оси, вопреки мнению некоторых фразеологов, не свидетельствуют о словесных свойствах компонентов. Подобные изменения, охватывающие один или несколько компонентов, характеризуют динамичность формы конкретно данного фразеологизма в целом.

Следующий разряд образуют неналагаемые фразеологизмы, в составе которых один из компонентов является семантически отмеченным, а остальные лишены смыслообразующих свойств. Смыслообразующий компонент соотносится (но не совпадает) с соответствующим словом свободного употребления. К этой категории можно причислить фразеологизмы типа *под веселую руку* 'в состоянии радостного возбуждения', *на дружеской ноге* 'в близких, приятельских отношениях', *с (от) молодых ногтей* 'с раннего возраста', *из первых рук* 'непосредственно' и т. д.

Смыслообразующие компоненты обнаруживают разную степень смысловой и лексико-грамматической соотнесенности со словами свободного употребления. В составе одних фразеологизмов компоненты соотносятся по смыслу, но расходятся в категориальном отношении. Таковы фразеологизмы *живой рукой, живым манером*, где форма творительного падежа имени существительного, как слабоуправляемая, способствует адвербиализации фразеологизма и, следовательно, предсказывает категориальное значение наречности, тогда как определение, стоящее при этом существительном, выполняет смыслообразу-

ющую функцию и не совпадает с соответствующим прилагательным в категориальном отношении.

В составе других фразеологизмов типа *на живую руку*, *под веселую руку*, *под горячую руку* и др. подобные компоненты, сохраняя семантическую соотнесенность со словами свободного употребления, в то же время обнаруживают специфическую валентность, т. е. не повторяют сочетательных свойств соответствующих слов в их свободном употреблении.

Смыслообразующий компонент в фразеологизмах анализируемого разряда является семантическим центром и вместе с тем показателем неравномерной деактуализации компонентов фразеологизма.

Наряду с только что рассмотренным разрядом выступает и другой, более аналитический разряд фразеологизмов. У такого рода фразеологизмов каждый компонент является семантически маркированным, смыслообразующим. Несмотря на аналитический строй значения таких фразеологизмов, каждый компонент в отдельности не передает того, что они выражают совместно. Здесь можно говорить лишь о семантической соотнесенности компонента и одинакового по звучанию слова свободного употребления. Вследствие этого соответствующие фразеологизмы и слова свободного употребления, семантически соотносительные с компонентами таких фразеологизмов, невзаимозаменяемы: фразеологизм обладает своеобразным семантическим остатком по сравнению с каждым отдельно взятым словом в его свободном употреблении. Любопытно при этом отметить, что компоненты фразеологизма, если принимать во внимание их некоторую смысловую самостоятельность, по сравнению с подобными словами обладают большей степенью отвлеченности. Например, слово *загубить* в свободном употреблении выражает идею смерти, гибели; в составе же фразеологизма *загубить век* (чей) глагольный компонент *загубить* непосредственно не передает этой идеи.

К этому сравнительно малочисленному и периферийному разряду можно причислить фразеологизмы типа *отбивать хлеб*, *находить общий язык*, *поднимать голос*, *загубить век* (чей), *падать духом* и др. Фразеологизмы двух последних разрядов относятся к категории фразеологических единств с частично целостным значением.

Смысловая соотнесенность компонента со словом наиболее отчетливо проявляется тогда, когда каждому компоненту можно приписать вполне определенное значение, свой идентификатор. Так, в составе фразеологизма *поднимать голос* 'решительно высказывать свое мнение' каждый из компонентов семантически связан с одноименными словами в их свободном

употреблении: компонент *поднимать* соотносится по смыслу со значением этого слова 'вызывать появление чего-либо, быть причиной какого-либо действия, состояния': «Изнамена Миронова снова поднимала споры об отношении к бывшим офицерам царской армии» (Ф.); компонент *голос* соотносится по смыслу со значением того же слова 'суждение, высказывание, мнение': «На другой день не получились известия из армии, и общий голос стал тревожен» (Л. Т.).

Существуют определенные языковые показатели, свидетельствующие о том, что компоненты аналогичных фразеологизмов и соответствующие слова свободного употребления — не тождественные единицы языка. При этом роль связующего звена между компонентом и словом выполняет слово-идентификатор, выступающее по отношению к идентифицируемому компоненту в качестве своеобразного контекстуального синонима.

Компоненты фразеологизмов с частично целостным значением, как правило, не могут быть (без нарушения семантического тождества фразеологизма) заменены словами-идентификаторами. Так, фразеологизм *находить общий язык* 'добиваться взаимного понимания' тотчас же разрушается при замене одного из компонентов словом-идентификатором; нельзя или затруднительно сказать: *добиваться взаимного языка* или *находить взаимный язык*. Можно, пожалуй, сказать: *добиваться общего понимания* и *находить общее понимание*. Такая взаимозамена свидетельствует о том, что глагольный компонент *находить* в силу своей отвлеченности и широты значения наделен большей лексико-семантической самостоятельностью, чем остальные компоненты.

Не только компоненты фразеологизма, но и слова свободного употребления нельзя заменить словами-идентификаторами. Например, фразеологизм *отбивать хлеб* (у кого) идентифицируется посредством словосочетания *лишать заработка, чего-либо необходимого*; причем слово-идентификатор *лишать* не может быть заменено глаголом свободного употребления *отбивать*. В предложении: «Я ездил с абреками отбивать русские табуны» (Л.) глагол *отбивать* невозможно без нарушения смысла заменить глаголом-идентификатором *лишать*.

Любопытно отметить, что у этого фразеологизма глагольные компоненты могут варьироваться — *отбивать (отнимать) хлеб* (у кого): «[Коринкина:] А коли у ней деньги, так зачем она в актрисы пошла, зачем рыщет по России, у нас хлеб отнимает?» (Остр.). Второй компонент сравнительно легко заменяет в этом же предложении глагол полного значения *отбивать*. Это означает, что глагольный компонент *отнимать* обладает несравненно большей лексико-семантической самостоятельностью,

чем компонент *отбивать*. Компонент *отнимать* находится на грани перехода в слово полного значения.

Компоненты фразеологизма, соотносительные с ними слова свободного употребления и слова-идентификаторы не способны распространяться одними и теми же словами полного значения. Компоненты фразеологизма вообще лишены сочетательных свойств слова, так что по отношению к другим словам предложения фразеологизм выступает как неделимое целое. Живые синтаксические связи между компонентами рассматриваемых фразеологизмов ослаблены в меру ослабленности их значения.

Ни один из компонентов подобного рода фразеологизмов не в состоянии функционировать в качестве «потенциального» слова, которое, вычленившись из структуры фразеологизма, приобретает способность отдельного воспроизведения. Такой способностью наделены апплицируемые фразеологизмы с высокой степенью семантической целостности. Эти фразеологизмы обладают обобщенно-переносным значением (ср.: *из мухи делать слона, выжимать соки, брать быка за рога, висеть на волоске, держать камень за пазухой, выносить сор из избы; выведенное яйцо, бездонная бочка* и т. д.).

Что касается разбираемых фразеологизмов с частично целостным значением типа *находить общий язык*, то они, как уже отмечалось, не способны противопоставляться всем составом своих компонентов свободному словосочетанию. Вследствие этого компоненты не могут стать «потенциальным» словом, которое по отношению к однозвучному слову свободного употребления имеет окказионально-метафорическое (переносное) значение. При этом слова свободного употребления, являющиеся объектом метафоризации, обладают первично-номинативным значением. В противоположность этому слова, тяготеющие к семантическому сближению с компонентами неапплицируемых фразеологизмов, всегда находятся на периферии семантической структуры многозначного слова.

Не удивительно, что словосочетания, образованные из слов с периферийным, производным значением, по нашим наблюдениям, с трудом и довольно редко подвергаются метафорическому переосмыслению. Следовательно, семантические свойства компонентов и на этой основе степень семантической целостности фразеологизма определяются семантическими особенностями слов за пределами фразеологической единицы.

Сказанное позволяет заключить, что компоненты неапплицируемых фразеологизмов занимают промежуточное лексико-семантическое положение между компонентами апплицируемых фразеологизмов, с одной стороны, и самостоятельными сло-

вами — с другой, но «неопределенность границ факта не мешает его единству и его истинности» (Н. Г. Чернышевский).

Таким образом, посредством метода фразеологической аппликации можно выделить следующие пять основных типов фразеологических единиц:

а) исторически апплицируемые фразеологизмы, наделенные целостным немотивированным значением: *бить баклуши, точить ласы, благим матом, козел отпущения* и т. п.;

б) апплицируемые обороты, обладающие целостным немотивированным значением в современном языке: *перемывать косточки, родиться в сорочке, подложить свинью, заваривать кашу, куда Макар телят не гонял*;

в) апплицируемые фразеологизмы с целостным мотивированным значением: *лежать на боку, мало каши ел, махнуть рукой, мелко плавать*. Эти обороты составляют основное ядро;

г) неапплицируемые фразеологизмы, мотивированные, с частично целостным значением: *под веселую руку*. Один из компонентов семантически соотносится с однозвучным словом свободного употребления;

д) неапплицируемые фразеологизмы, мотивированные, с частично целостным значением: *поднимать голос, находить общий язык*. Все компоненты являются смыслообразующими и соотносятся со словами в их свободном употреблении.

Таким образом, прием фразеологической аппликации позволяет по-новому расклассифицировать фразеологический материал и вместе с тем обнаружить скрытые лексико-семантические процессы синтетического и аналитического характера, протекающие внутри каждого фразеологического разряда.

Глава 3

Образование фразеологизмов

В образовании фразеологизмов особое значение имеет внутренняя форма — тот образ (реальный или нереальный), который лежит в основе наименования фразеологического оборота¹.

Возникновение фразеологизма обуславливается тем, что в процессе речи нередко возникает необходимость определенное значение, выраженное одним словом или развернутым словосочетанием, передать через конкретный образ, через живое, наглядное представление о ком-либо или о чем-либо. Найденный образ строится на базе свободного словосочетания, с помощью которого одновременно оформляется звуковая оболочка фразеологизма. Так образуются фразеологизмы, совпадающие по своему компонентному составу со свободным словосочетанием.

Идеальное значение, подлежащее объективации, и актуальное значение фразеологизма раскрываются в данном случае посредством таких слов, которые не участвуют в образовании подобных фразеологизмов. В силу этих обстоятельств соответствующие фразеологизмы являются однородными, однокачественными языковыми единицами с целостным значением. Для возникновения целостного значения, кстати сказать, необходимо, чтобы весь словесный комплекс, имеющий образную основу, был направлен на тот или иной предмет реальной действительности как единое целое.

Внутренняя форма, как отмечалось, имеет словесную основу. Между словосочетанием, лежащим в основе внутренней формы фразеологизма, и эквивалентным свободным словосочетанием обнаруживаются черты сходства и различия.

В составе сопоставляемых словосочетаний слова употребляются в своем самостоятельном, общепринятом значении. Так, в буквальном словосочетании *мылить голову* глагол *мылить* выступает в значении 'натирать мылом, мыть мыльной пеной', а слово *голова* означает 'часть тела человека, состоящая из черепной коробки и лица'.

Вместе с тем словосочетание, образующее внутреннюю форму, может видоизменяться в строго определенных, заданных границах: такое видоизменение не должно нарушать тождества образа. Можно, например, сказать *мылить голову*, *мылить шею*, при невозможности сказать *мыть лицо*, *мыть спину* и т. п.

---

¹ Сходное определение внутренней формы находим у В. Г. Гака [21, с. 20].

В первом случае с видоизменением лексического состава словосочетания один образ сменяется другим (сходным), но каждый из них характеризует соответствующие синонимические обороты *мыть голову* и *мыть шею* с общим значением 'делать строгое внушение, давать нагоняй'. В последних примерах словосочетания *мыть лицо*, *мыть спину* пока не являются внутренней формой ни одного из фразеологизмов русского языка. В противоположность этому свободное словосочетание типа *мыть лицо* (ср.: «Он сначала вымыл руки, а потом стал мыть лицо») сравнительно легко поддается видоизменению: *мыть спину*, *мыть посуду*, *мыть полы* и т. п.

Многие языковеды (Б. А. Ларин, А. В. Кунин, Л. И. Ройзензон, Е. И. Диброва) полагают, что фразеологизмы формируются в течение длительного отрезка времени, постепенно. Так, Е. И. Диброва говорит о пяти этапах развития фразеологических единиц от референтно-денотативного значения (I этап), служащего деривационной базой для образования фразеологизма, до косвенно-сигнификативного (V этап). Если воспользоваться классификационной схемой акад. В. В. Виноградова, то окажется, что I этап проецируется на свободное словосочетание, а IV и V этапы падают соответственно на фразеологические единства и сращения; II и III этапы, по мнению Е. И. Дибровой, «характеризуют переходное семиотическое состояние единицы» [29, с. 47].

Другие исследователи (И. С. Торопцев, Ю. Я. Бурмистрович) считают, что процесс образования фразеологизмов протекает довольно быстро, так как их творцом «выступает отдельный человек».

Нам думается, что истина лежит посередине. Действительно, многие фразеологизмы, легко налагаемые на свободные словосочетания эквивалентного состава, возникают сразу же в процессе речи сначала как окказиональные фразеологизмы, а затем как общеупотребительные языковые единицы.

В повести Г. Троепольского «Кандидат наук» несколько раз встречается окказиональный оборот *потряхивать животом* со значением 'улыбаться, смеяться, хохотать': «Затем (Чернохаров) развернул журнал «Крокодил» и стал рассматривать картинки, слегка потряхивая животом, то есть улыбаясь». Значение этого фразеологизма ничего общего не имеет со словами *потряхивать* и *живот* в их свободном употреблении. Образ, лежащий в основе этого окказионального оборота, распознается на фоне свободного словосочетания такого же лексического состава. Этот фразеологизм возник сразу же, в акте речи, но не вошел в общее употребление, так как не выдержал конкуренции таких распространенных оборотов, как *скалить зубы*, *держаться за бока* (за жи-

вом), надирать живот (животы), покатываться со смеху и т. д.

В процессе общения смысл вновь возникших оборотов может быть не понят из-за неумения слушателем, собеседником сразу же расшифровать образ фразеологизма. Отсюда возникают переспросы. Например: «Сергей, возвращаясь к себе домой, всегда предварительно 'очищается водою' и требует того же самого и от других. Он, загадочно улыбаясь, взглянул на меня. — Как 'очищается водою'? Не купается же он каждый раз в Неве? — Нет! — уже совсем расхохотавшись, ответил Грибоедов. — Наискось от его улицы, находящейся на той стороне Невы, есть на нашем берегу пароходная пристань, и около нее всегда бывают лодочки, перевозящие желающих за десять копеек через реку. Ты понимаешь, что если за тобой незаметно следят и ты сядешь в лодку, то шпиону ничего не останется сделать, как взять другую лодку и ехать сзади. Ты его сейчас же и увидишь. Нева широка, а отставать ему далеко от тебя нельзя. Уйдешь. Вот это Сергей и называет 'очищением себя водою'» (Мор.). Этот же оборот встречается в другом месте: «Только после того, как я сел в лодочку и доехал до другого берега Невы без всякого постороннего сопровождения, я почувствовал, что, как Сергей, окончательно 'очистился водою'» (Мор.). Ср. еще: «'Очистившись водою', т. е. переплыв Неву в наемной лодочке, чтоб убедиться, что сзади нет никакого подозрительного субъекта, я по-прежнему высадился на другом берегу, вошел во двор его дома и через него в небольшую его квартиру в две комнаты» (Мор.). В этих речевых отрезках семантически реализуется окказиональный оборот *очищаться водою* 'ловко, незаметно скрываться по воде от тайного преследователя'.

Попутно отметим, что многие окказиональные обороты не входят в активное употребление по той причине, что их образная мотивировка оказывается малопонятной, неубедительной или недостаточно выразительной. Например: «За обедом присутствовал незнакомый молодой капитан Аракчеев, которого Павел рекомендовал Кутузову: «Это человек, умеющий носить панталоны!» Так Павел Петрович называл людей с твердым характером» (Рак.). Смысл этого индивидуального фразеологизма не был бы расшифрован без дополнительного авторского разъяснения. Эти и подобные примеры говорят и о том, что отдельные фразеологизмы типа сращений могли возникнуть сразу, не пройдя стадии фразеологических единств (ср. *на всю железку, до лампочки* и под.).

Не все фразеологизмы, однако, могут возникнуть в короткий промежуток времени. Например, многие обороты, связанные с обозначением различных выразительных телодвижений, становятся подлинными фразеологизмами лишь тогда, когда собст-

венно жестовое содержание, совпадающее с актуальным значением фразеологизма, постепенно уступает место фразеологическому. На это уходит время. Такие фразеологизмы, как *махнуть рукой* (на кого, что), *чесать затылок*, *разевать рот*, *дуть губы*, *ломать голову* и т. д., как правило, в речи не сопровождаются жестом или мимикой. В тех случаях, где, напротив, в речевом употреблении жест или мимика играют решающую роль, о преобразовании свободного словосочетания в фразеологизм говорить затруднительно (ср., например: *переминаться с ноги на ногу*, *топать ногами*, *сжимать кулаки* и под.).

Определенный интерес вызывают исследования, выявляющие структурно-семантическую схему, по которой создаются фразеологизмы [59, с. 40—75].

Как показывают факты, моделируемость фразеологических единиц наиболее отчетливо обнаруживается в явлениях вариантности и синонимии. Установлено, например, что варьируются прежде всего компоненты, восходящие к словам сходной или тождественной семантики. Учитывая эту закономерность, можно предвидеть заранее расширение вариантных рядов в сфере фразеологии. Так, фразеологизм *бог знает* 'неизвестно, никому неведомо' легко обновляет свой состав за счет видоизменения субстантивных компонентов, восходящих к словам, которые обозначают сверхъестественные существа: *бог* (*господь*, *аллах*, *черт*, *бес*, *леший* и т. п.) *знает*.

В кругу глагольных фразеологизмов варьируемые глагольные компоненты обычно восходят к словам близким или совпадающим по значению. Например: *вилять* (*вертеть*, *крутить*) *хвостом*, *блуждать* (*бродить*) *в потемках*, *витать* (*парить*) *в облаках* и т. д. Реже вариантная парадигма здесь формируется за счет компонентов, восходящих к словам одной лексико-семантической группы типа *держать* (*носить*) *камень за пазухой*.

В противоположность этому варьируемые субстантивные компоненты сравнительно редко пополняются за счет близких или совпадающих по смыслу слов (*надевать маску* (*личину*)) и чаще всего образуются за счет лексических единиц, входящих в одну лексико-семантическую группу (в одно поле) (*вожжа* (*шля*) *под хвост попала*, *избитая дорога* (*тропа*) и др.).

В пределах синонимического ряда большой протяженности можно установить различные типы (и подтипы) образной мотивировки, что в конечном счете способствует выявлению оттеночных значений, присущих тому или иному обороту в отдельности. Так, довольно обширный синонимический ряд составляют глагольные фразеологизмы с общим значением 'раболепно выражать свою покорность': *вилять хвостом*, *ходить на задних лапках*, *становиться на задние лапки*, *лизать пятки*

(ноги, сапоги, руки), *гнуть спину (горб)* (перед кем), *гнуть шею* (перед кем), *гнуть в дугу* (перед кем), *ломать шапку* (перед кем), *ползать на коленях (на брюхе)* (перед кем), *смотреть в рот* (кому), *смотреть в глаза* (кому), *извиваться ужом* (перед кем), *стлаться ковром* (перед кем), *забегать вперед* (перед кем), *юлить как бес перед заутреней* (перед кем) и т. д.

Внутренняя форма в приведенных фразеологизмах организуется по определенным правилам, по определенным семантическим моделям, количество которых в фразеологической системе ограничено. Этих моделей в данном случае несколько: 1) 'своими унижительными поступками чем-то напоминать поведение и повадки животных' (ср.: *вилять хвостом*, *лизать пятки*); 2) 'принимать унижительные позы' (ср.: *смотреть в рот* (кому), *смотреть в глаза* (кому)); 3) 'делать унижительные жесты рукой' (ср.: *ломать шапку* (перед кем)); 4) 'делать унижительное движение' (ср.: *гнуть спину* (перед кем), *ползать на коленях* (перед кем)).

В границах одной модели может быть несколько смысловых оттенков, так как каждый из них непосредственно зависит от внутренней формы отдельно взятого фразеологизма.

В рассматриваемом синонимическом ряду фразеологизмы *вилять хвостом*, *ходить на задних лапках* употребляются со значением 'лестью, угодничеством добиваться чьего-либо расположения, быть подхалимом'; фразеологизм *лизать пятки*, входящий в эту же семантическую модель, употребляется в значении 'унижаться в знак раболепной покорности, подличать'.

Выявив типологию образной мотивировки, можно иногда предугадать развитие того или иного фразеологизма с утраченной внутренней формой. Так, В. М. Мокиенко, выдвигая гипотезу о происхождении идиомы *бить баклуши*, полагает, что этот фразеологизм образовался по семантической модели 'играть в какую-нибудь игру, развлекаться' (ср.: *играть в бирюльки*). «Переход от процесса игры в городки или бабки к символическому обозначению безделья соответствует семантике данного фразеологического ряда. Учитывая широкую употребительность фразеологизма *бить баклуши* и популярность игры, лежащей в основе его мотивировки, можно предполагать существование в разговорной речи более конкретной модели (подгруппы): «сбивать городки, рюхи, бабки = бездельничать» [59, с. 67–68].

Представляется, что из нескольких фразеологизмов, заполняющих ту или иную структурно-семантическую модель, один оказывается господствующим, производящим; в остальных оборотах внутренняя форма организуется с учетом найденного образца.

Известно, что фразеологизмы образуются по тем же структурным схемам, что и свободные словосочетания. Все словосочета-

ния в зависимости от стержневого слова делятся на глагольные, субстантивные, адъективные и наречные. Так как фразеологизмы, по существу, повторяют структурную схему производящего свободного словосочетания, то они в основном соотносятся с четырьмя частями речи — глаголом, существительным, прилагательным и наречием.

Фразеологизмы русского языка образуются по модели словосочетаний непредикативного и предикативного характера. По модели непредикативных словосочетаний формируются:

а) глагольные фразеологизмы разнообразной структуры, содержащие в качестве грамматически главенствующего компонента глагол: *бить баклуши*, *тянуть жилы* (из кого), *ломать голову* (над чем), *рвать на части* (кого), *становиться на горло* (кому), *совать нос* (во что), *пускать пыль в глаза* (кому) и т. д.;

б) субстантивные фразеологические обороты, грамматически господствующим компонентом которых выступает имя существительное: *белая ворона*, *гусь лапчатый*, *стреляный воробей*, *козел отпущения*, *отставной козы барабаничик*, *седьмая вода на киселе*, *калиф на час*, *шишка на ровном месте* и т. д.;

в) наречные обороты типа *сбоку припеку*, *так себе*, *очертя голову*, *скрепя сердце*, *ни в зуб ногой*, *до морковкина заговенья*, *с ног до головы* (вооружен), *краем уха* (слышать) и др. Часть наречных оборотов образована по модели адverbиальных словосочетаний, в составе которых наречие выступает в качестве грамматически господствующего слова (*наобум лазаря*); в составе других оборотов грамматически господствующий компонент не поддается выделению (ср.: *ни в зуб ногой*, *с ног до головы*);

г) адъективные фразеологизмы, в составе которых стержневым компонентом преимущественно выступает прилагательное в краткой форме: *нечист (нечистый) на руку*, *тяжел (тяжелый) на подъем*, *легок (легкий) на помине* и др.

Относительно небольшую группу составляют фразеологизмы, которые образованы по модели предложения, имеющего незамкнутую, открытую структуру: *глаза на лоб полезли* (у кого), *руки чешутся* (у кого), *небо с овчинку показалось* (кому), *вертится в голове* (у кого), *ворона влетит в рот* (кому), *в чем душа только держится* (у кого), *кишка тонка* (у кого), *рука не дрогнет* (у кого), *голова варит* (у кого) и др.

Структурные типы фразеологических оборотов в русском языке обстоятельно изучены; выявлены и нерегулярные модели, по которым образованы отдельные фразеологизмы [105, с. 99—117].

Далеко не все знаменательные слова русского языка одинаково способны участвовать в образовании фразеологизмов. Многие лексические единицы, по-видимому, вообще лишены фразеобразующих свойств.

Все фразеологизмы с точки зрения лексического наполнения можно разделить на две группы. В первую группу объединяются фразеологизмы, которые противопоставляются свободным словосочетаниям одинакового состава (*лежать на боку, вариться в собственном соку* и т. д.). Эта категория фразеологизмов занимает центральное место, составляет основное ядро. Во вторую, периферийную группу входят фразеологизмы, не способные по тем или иным причинам противопоставляться свободным словосочетаниям (*притча во языцех, от молодых ногтей, находить общий язык* и т. д.).

Фразеологизмы первой группы в основном возникают в результате метафорического переосмысления таких свободных словосочетаний, в составе которых слова употребляются преимущественно в своем первично-номинативном, исходном значении. С помощью таких слов формируется наиболее выразительная, запоминающаяся внутренняя форма фразеологизма.

Сюда прежде всего относятся наиболее употребительные слова, являющиеся названиями частей человеческого тела (голова, глаза, нос, лоб, рот, уши, волосы, шея, язык и т. п.), именующие домашних и диких животных и птиц (корова, коза, собака, свинья, волк, петух, курица и т. п.), насекомых (комар, муха), слова, называющие конкретные физические действия, перемещение в пространстве и т. д. Компоненты многих фразеологизмов восходят к названиям построек, домашней утвари, одежды, упряжи, средств передвижения, продуктов питания и другим бытовым наименованиям. Не случайно одно и то же слово может входить в качестве общего компонента в состав различных фразеологических оборотов. Например, компонент *рот* входит в состав разнообразных фразеологизмов: *смотреть в рот* (кому), *во весь рот* (кричать), *капли в рот не брать*, *полон рот* (забот), *разжевать и в рот положить*, *разинуть рот*, *как воды в рот набрал*, *замазывать рот* (кому), *пальца в рот не клади*, *с пеной у рта* и др.

Попутно отметим, что между перечисленными оборотами трудно установить какую-либо семантическую связь, так как они передают разные понятия. Здесь общий компонент не способен одновременно содержать смыслообъединяющие (интегрирую-

щие) и смысловозначительные (дифференциальные) семантические признаки значения. Так, оборот *смотреть в рот* (кому) означает 'угодливо, покорно слушать кого-либо', а фразеологизм *капли в рот не брать* употребляется в значении 'совсем не пить спиртного'. В этих развернутых определениях никак не отражено наличие общего компонента *рот*.

Одним словом, общий компонент, если он лишен символического значения, в составе налагаемых (апплицируемых) фразеологизмов не участвует в формировании семантического поля.

Наблюдения показывают, что большая часть слов русского языка не предрасположена к образованию фразеологизмов. Сюда можно причислить:

1. Слова абстрактного содержания: *ласковость, лежание, лейтмотив, леность, лепка, лесничество, лесть, либерализм, лиризм, лишение* и др. Посредством таких слов невозможно создать конкретный образ, лежащий в основе фразеологизмов с обобщенно-метафорическим значением типа *лежать на боку*. Вот почему, как только какой-либо знаменательный компонент начинает развивать отвлеченное значение, тотчас наступает процесс дефразеологизации.

2. Обычно компоненты фразеологизмов не восходят к словам с переносным значением, а также со значением качественной характеристики кого-либо (реже чего-либо), например: *медведь* (о человеке), *мелюзга, мешок* (о неуклюжем человеке), *мартышка* (о некрасивом человеке), *лапоть* (об отсталом человеке), *лентяй, летун, ловкач* и т. д. Подобные слова приблизительно несут такую же эмоционально-экспрессивную нагрузку, как внутренняя форма фразеологизма. Правда, слова типа *лапоть, мешок, медведь* в качестве компонентов входят в состав фразеологизмов *лаптем щи хлебать* 'быть некультурным, невежественным', *купить kota в мешке* 'приобретать что-либо, не зная заранее о качестве приобретаемого', *делить шкуру неубитого медведя* 'заранее распределять прибыль в еще не осуществленном деле' и т. д. Соответствующие фразеологизмы возникли из свободных словосочетаний такого же лексического состава. Внутри этих словосочетаний слова *лапоть, мешок* и *медведь* семантизируются в своих исходных, а не переносных значениях. Следовательно, соответствующие фразеологизмы ничего общего не имеют со словами *лапоть, мешок* и *медведь* в их переносном значении (здесь «не тот лапоть», «не тот мешок», «не тот медведь»).

3. В состав фразеологизмов современного русского языка, как правило, не входят знаменательные компоненты, восходящие к диалектизмам, иноязычным словам, неологизмам, профессионализмам, к словам узкой сферы распространения, например: *лайба* (лодка), *лайда* (луг), *ландрин* (леденцы), *латка* (обл.,

род миски), *летник* (обл., летняя дорога, ср.: *зимник*), *летось* (обл., в прошлом году), *лигатура* (спец., знак в виде дуги, связывающий две одинаковые по высоте ноты), *муштабель* (спец., подставка, употребляемая живописцами при работе), *личинка* (спец., часть затвора винтовки) и др. В настоящее время не входит в состав фразеологизмов многочисленная архаическая лексика, например: *мокой* (устар., акула), *лечебник* (устар., книга, содержащая сведения о лечении разных болезней) и т. д. На базе редкой, нераспространенной лексики, неизвестной большинству говорящих на русском языке, трудно или вовсе невозможно создать общепонятный образ.

В особую группу, как уже отмечалось, объединяются непротивопоставляемые свободным словосочетаниям фразеологизмы. Обширную разновидность здесь составляют фразеологизмы с историзмами и лексическими архаизмами (ср.: *бить в набат*, *бить челом*, *вставать на дыбы*, *ни кола ни двора*, *стоять у кормила*, *тянуть канитель*, как *зеницу ока* (беречь), *направить свои стопы*, как *кур во щи* (попасть) и т. д.), а также с архаическими значениями и формами слов (*не на живот, а на смерть*, *яко тать в нощи* 'незаметно', *притча во языцех* 'о ком-либо или о чем-либо очень надоевшем'). Подобные обороты могли возникнуть из свободных словосочетаний. Так, фразеологизм *тянуть канитель* 'заниматься каким-либо однообразным, утомительным делом' появился из буквального словосочетания *тянуть канитель* 'изготавливать тонкую металлическую нить (канитель) для вышивания'. В современном языке лексика архаического характера не участвует в образовании новых фразеологизмов.

Таким образом, фразеологизмы образуются за счет наиболее распространенных слов, которые обычно восходят к единицам основного словарного фонда и обладают наибольшей фразеобразующей способностью.

§ 9.

Основные способы образования фразеологизмов русского языка

В русском языке существует несколько способов образования фразеологизмов разной степени сложности¹.

Чаще всего фразеологизмы образуются вследствие метафорического переосмысления свободных словосочетаний типа *белые мухи*, *вагон и маленькая тележка*, *кровь с молоком*, *мыльный пузырь*, *тертый калач*; *биться об стену*, *брать за горло*, *брать быка за рога*, *бумагу марать*, *ворон считать*, *вылететь из гнезда*, *гладить по головке*, *гонять голубей*, *держаться за пазухой*,

---

¹ См. об этом более подробно [23, с. 59—137].

перевертывать вверх дном, пережечь пробки; из-под палки, на носу, не за горами, под башмаком, до корней волос и др.

Посредником между свободным словосочетанием и образованным на его основе фразеологизмом служит внутренняя форма, которая является носителем образного представления, подлежащего дальнейшему преобразованию в понятие. На уровне внутренней формы слова не подвергаются какой-либо семантической деактуализации; на уровне фразеологизма, обозначающего определенное понятие, слова деактуализуются, перерождаются. В силу этих обстоятельств внутренняя форма, живущая в семантической структуре фразеологизма, не является составной частью фразеологического значения. Свободное словосочетание преобразуется в фразеологизм лишь тогда, когда оно становится материальным выражением внутренней формы, указывающей направление мотивации. Благодаря «найденной» внутренней форме происходит слияние звуковой оболочки (в виде свободного словосочетания) с новым фразеологическим значением.

У фразеологизмов с прозрачной внутренней формой типа *плевать в потолок* семантическая деактуализация компонентов протекает равномерно, так что о каком-то длительном процессе фразеологизации говорить здесь не приходится. Фразеологизм может возникнуть сразу же — сначала, может быть, как явление речевого порядка, а затем как факт языка. Существо дела от этого не меняется.

Как известно, важнейшим источником возникновения соответствующих фразеологизмов является устная разговорная речь, связанная с различного рода ремеслами (*ни сучка ни задоринки*), охотой и рыболовством (*попадать на крючок*), бытом (*рыться в грязном белье, выносить сор из избы*), трудовой деятельностью (*гнуть спину, мозолить руки*), с суеверным представлением, гаданием (*гадать на кофейной гуще*), карточной игрой (*втирать очки*) и др.

Нередко источником подобных оборотов с обобщенно-метафорическим значением служит устное народное творчество (*змея подколотная, сказка про белого бычка*) и произведения русской литературы (*тришкин кафтан*).

Фразеологизмы, совпадающие по своей звуковой оболочке со свободным словосочетанием, могут возникнуть на базе составных терминов вследствие их переносного употребления, например: *дымовая завеса, квадратура круга, замкнутый круг, общий знаменатель, удельный вес, лакмусовая бумажка, нулевой цикл; повернуть на сто восемьдесят градусов, закладывать фундамент, держать руку на пульсе, выдавать на-гора* и др. Так, терминологическое словосочетание *удельный вес*, став фразеологизмом,

употребляется в значении 'определенная роль, место кого-либо или чего-либо в чем-либо', например: «Его (зимнего лова) удельный вес в годовом плане рыбодобычи пока весьма незначителен» (А. Ч.).

При фразеологизации подобных терминологических словосочетаний происходит более или менее равномерная дуактуализация составляющих, их семантическая и референтная переориентировка. Чем выше степень семантического расхождения между словами, входящими в терминологическое словосочетание, и соответствующими компонентами, тем идиоматичнее такой оборот.

Некоторые фразеологизмы происходят от пословиц. Такие, например, обороты, как *старый воробей, собака на сене, рыть яму, на мякине не провести, садиться не в свои сани, гоняться за двумя зайцами* и т. п., соответственно возникли в результате компрессии (сокращения) следующих пословиц и поговорок: *Старого воробья на мякине не проведешь; Собака на сене лежит, сама не ест и скотине не дает; Не рой другому яму, сам в нее попадешь; Не в свои сани не садись; За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь* и т. д.

Соответствующие обороты заимствуют значение производящей пословицы, так что, например, пословица *Старого воробья на мякине не проведешь* означает: 'опытного, бывалого человека не перехитришь, не одурачишь' и как бы заключает в себе значение двух фразеологизмов. Дело в том, что в пословицах, если они возникают в результате метафоризации свободного предложения, слова в такой же мере семантически деактуализуются, как и в составе обычных фразеологизмов с обобщенно-метафорическим значением.

Некоторые фразеологизмы могут возникнуть на основе уже существующих в результате их модификации, лексико-грамматического преобразования (ср. пары: *длинный рубль — за длинным рублем, холостой ход — на холостом ходу, острый угол — под острым углом, птичий прах — на птичьих правах* и т. д.).

Особое место с точки зрения образования занимают фразеологизмы, возникшие по структурной схеме типа *от ... до...*, *от... к...*, *ни... ни...* и под. В составе таких фразеологизмов служебные компоненты образуют фразеологическую рамку, которая заполняется вполне определенным лексическим материалом. При этом служебные конструирующие компоненты в силу отвлеченного содержания семантически не преобразуются, а знаменательные компоненты переосмысляются, например: *от корки до корки* 'от начала до конца', *от слова до слова* 'полностью', *от темна до темна* 'очень долго, напряженно (работать)', *от точки до точки* 'очень подробно, детально

(разъяснять)' и т. д. Повторением одного и того же лексически полнозначного компонента здесь создается усилительное значение; знаменательные же компоненты семантически деактуализуются. Обороты типа *ни рыба ни мясо, ни свет ни заря, ни складу ни ладу, ни слуху ни духу, ни сучка ни задоринки, ни тпру ни ну, ни уха ни рыла, ни холодно ни жарко* и т. п. построены на смысловом противопоставлении знаменательных компонентов. При этом служебные компоненты в известном отношении предсказывают появление знаменательных: лексический материал, заполняющий рамочную конструкцию, должен удовлетворять общему значению 'ни то ни другое' (ср. *ни то ни се*).

Подобные конструкции могут обладать известной грамматической и семантической самостоятельностью. Это обстоятельство налагает известные ограничения на формирование фразеологизмов. Так, фразеологизованные конструкции с повторяющимися союзами (*не то... не то...; то ли... то ли...* и под.) служат для соединения частей сложносочиненного предложения. В силу языковых условий на базе таких построений не может быть сформирован фразеологизм, соотносящийся со словом.

Многие фразеологизмы русского языка содержат архаические элементы лексического или грамматического характера. Часть таких оборотов могла возникнуть в результате метафоризации свободных словосочетаний. Например, из буквального словосочетания *перемыкать косточки* появился соотносительный фразеологизм.

Другая часть оборотов признается фразеологизмами условно, в силу чисто грамматических причин (ср.: *ничтоже сумняшеся* и под.). Если освободить эти обороты от архаических напластований, то они будут восприниматься как обычные устойчивые словосочетания, в составе которых слова употребляются в своем собственном (системном) значении. Именно поэтому в современном языке наблюдается встречный процесс грамматического выравнивания, снятия ложной идиоматичности.

Впрочем, грамматические архаизмы содержатся и в фразеологизмах с семантически преобразованными компонентами типа *прильп язык к гортани* (у кого) 'кто-либо внезапно потерял способность говорить' и т. д. Подобные обороты также способны подвергаться нормализующему воздействию современной языковой системы, например: «Шел к тебе гоголем, а как увидел твою кротость и милосердие твое, язык прилип к гортани и всю мою совесть вверх тормашками перевернуло» (Ч.).

Выделяется непродуктивный разряд налагаемых оборотов типа *пиши пропало, ох не скажет* и под., образованных в результа-

те метафорического переосмысления конструкций с прямой речью: *Пиши: «Пропало»; Не скажет: «Ох»* и т. д.

На базе соединения прямой речи с авторскими словами построены и отдельные пословичные выражения типа: *Слепой сказал: «Посмотрим», например: «Устин поравнялся с Давыдовым. — Ну, председатель, держись за землю! Зараз устроят тебе бабы вторую выволочку!.. — Слепой сказал: «Посмотрим!» — бодро ответил Давыдов, погоняя лошадей вожжами»* (Ш.).

В языке бытуют фразеологизмы, которые употребляются в качестве шаблонного ответа на поставленный вопрос, например: *«Куда это ходил с лопатой? — На кудыкину гору... — зло ответил отец»* (Ив.).

Чаще в подобной речевой ситуации возникают пословично-поговорочные выражения. В их состав часто входят слова, которые как бы вставлены из предыдущего предложения. Таковы, например: *Дела как сажка бела; Есть-то есть, да не про вашу честь; Живем, хлеб жуем; На нет суда нет; Слухом земля полнится; Сорока на хвосте принесла* и т. д.

Фразеологизмы могут возникать вследствие перехода придаточной части сложного предложения в члены предложения, например, *как следует, куда это годится, что хочешь, как хочешь, как попало, куда попало, где попало, где угодно* и др.

Обороты типа *кто куда, кто где* и под. появились в силу семантико-грамматического слияния двух местоимений, одно из которых в структуре предложения выступало как подлежащее, а другое — как обстоятельство места. В конечном итоге соответствующие фразеологизмы употребляются в обстоятельном значении и соотносятся с наречиями места.

Фразеологизмы нередко возникают вследствие слияния частицы *хоть* с формой повелительного наклонения глагола. Сюда могут быть отнесены такие обороты, как *хоть в гроб ложись, хоть волком вой, хоть святых выноси, хоть кол на голове теши, хоть шаром покати, хоть трава не расти, хоть в петлю лезь, хоть стой хоть падай, хоть глаз выколи, хоть брось, хоть лопни, хоть плачь, хоть разорвись, хоть убей, хоть пруд пруди* и др. Часть соответствующих оборотов соотносится с глаголами в личной или безличной форме: *хоть брось* 'никуда не годится', *хоть стой хоть падай* 'в смущении не знает, что делать', *хоть глаз выколи* 'ничего не видно'; другие фразеологизмы тяготеют к неопределенно-количественным словам: *хоть пруд пруди* 'очень много, в избытке', *хоть отбавляй* 'слишком много' и т. д.; наконец, отдельные образования рассматриваемого типа трудно соотнести с какой-либо частью речи, так как они передают не понятие, а суждение. Так, смысл фразеологических оборотов

типа *хоть волком вой, хоть караул кричи* легко передается предложением 'создалось трудное, безвыходное положение'.

Фразеологизмы могут возникать на основе иноязычного материала. Заимствованные обороты по степени освоения их русским языком расчленяются на несколько групп. Прежде всего выделяются иноязычные фразеологизмы, которые употребляются в русских текстах без перевода, например: лат. *ab ovo* 'с яйца' (т. е. с самого начала), лат. *alma mater* 'питающая мать' (почтительное наименование студентами своего университета), нем. *alte Geschichte* 'старая история', лат. *alter ego* 'второе я' (о ближайшем единомышленнике), фр. *comme il faut* 'как надо, как приличествует', лат. *idea fixa* 'неотступная мысль, навязчивая идея', лат. *idem per idem* 'то же через то же', лат. *tabula rasa* 'чистая доска' (о пустоте, пустом месте) и др. Подобные обороты могут сохранять написание языка-источника, а могут быть написаны и русскими буквами. Иногда одни и те же обороты передаются тем и другим способом одновременно. Обычно графическими средствами русского языка передаются наиболее распространенные фразеологические единицы. По этому поводу справедливо замечает А. М. Бабкин: «...актуальность и широкая употребительность некоторых иноязычных выражений... приводит к их неизбежной транслитерации, и нет никакого основания отказываться от написания русскими буквами таких, например, словосочетаний, как *перпетуум мобиле, модус вивенди...* и т. п.» [9, с. 244].

Фразеологические единицы иноязычного происхождения чаще всего переходят в русский язык в результате калькирования — покомпонентного межъязыкового перевода. Здесь условно можно выделить два разряда оборотов. В один объединяются фразеологизмы, иноязычный облик которых выражен достаточно отчетливо. Во внутренней форме соответствующих оборотов особо выделяются такие детали, которые ускользают от русского языкового восприятия, например: *синий чулок* (англ. *blue stocking*) 'о женщине, лишенной обаяния и поглощенной книжными, учеными интересами'; *не в своей тарелке* (фр.: *ne pas être dans son assiette*) 'в плохом, подавленном настроении'; *таскать каштаны из огня* (фр. *tirer les marrons du feu*) 'делать какое-либо трудное дело, результатами которого воспользуется другой' и т. д.

Другой довольно обширный разряд составляют фразеологизмы, которые не воспринимаются как иноязычные, например: *ломиться в открытую дверь* (ср. фр. *enforcer une porte ouverte*), *брать за горло* (ср. фр. *prendre qn à la gorge*), *вставлять палки в колеса* [ср. фр. *jeter (mettre) des bâtons dans les roues*], *мы(ли)ть голову* (ср. нем. *j-m den Kopf waschen*), *ломать голову* (над чем)

[ср.: *головоломка*; нем. sich (über etw.) den Kopf zerbrechen], *совать (свой) нос* (куда, во что) [ср. нем. die (seine) Nase in etw. stecken].

В отдельных случаях одна и та же внутренняя форма содержится в фразеологических оборотах нескольких языков, например: *подливать масло в огонь* (ср.: фр. verser de l'huile sur le feu, нем. Öl ins Feuer gießen). Иногда наблюдается незначительное расхождение в компонентном составе того или иного оборота, например: *водить за нос* [ср.: фр. mener qn par le bout du nez, букв. *водить за (кончик) нос(а)*; нем. j-n an der Nase herumführen (herumziehen)].

Перечисленные обороты легко противопоставляются соотносительным свободным словосочетаниям. Внутренняя форма этих фразеологизмов формируется на базе слов конкретного, первично-номинативного значения. Все это создает наиболее благоприятные условия для появления фразеологизмов, имеющих одинаковую образную основу одновременно в нескольких языках. В подобной языковой ситуации наблюдается совпадение внутриязыковой и межъязыковой идиоматичности.

§ 10.

Идиоматичность фразеологизма и слова в связи с вопросами фразообразования и словообразования

Идиоматичность пронизывает различные ярусы и подсистемы языковой структуры — морфемы, слова, словосочетания, фразеологизмы, предложения и т. п.

На каждом языковом ярусе идиоматичность преломляется своеобразно. В связи с этим необходимо отвергнуть попытку отдельных языковедов дать универсальное, «надъярусное» определение идиоматичности. Так, по мнению Н. А. Янко-Триницкой, идиоматичны любые «отступления от правил интеграции значимых единиц в одну более сложную» [см. 113]. Н. А. Янко-Триницкая на этом основании считает, например, морфему *-ел* в слове *козел* идиоматичной, так как она единична в системе русского словообразования.

Характер и величина идиоматичности, с нашей точки зрения, непосредственно зависят от того, какие единицы языковой структуры взаимодействуют между собой в синтагматическом ряду, какой степенью самостоятельности наделены соответствующие языковые единицы. При интеграции одних элементов языковой структуры порождается единица смысла (значения), не сводимая к значению составляющих ее частей; при интеграции же других единиц смыслообразующая роль интегрантов остается явно выраженной.

Проблема сводимости, о которой здесь говорится, — это не узколингвистическая проблема, — она носит философский, общенаучный характер. «Взаимоотношения части и целого прежде всего характеризуются наличием определенных, твердо фиксированных многосторонних взаимодействий между частями в составе целого, имеющих вид связей. <...> Именно связи, — поясняет акад. В. А. Энгельгардт, — составляют то новое скрытое слагаемое, которое отличает целое от суммы частей» [112, с. 108].

Об идиоматичности в сфере лексической и отчасти фразеологической семантики, как уже отмечалось, высказал ряд соображений Ф. Ф. Фортунатов (см. главу 1, с. 63). Говоря о сочетании слов свободного употребления, Л. В. Щерба отмечал, что при сложении смыслов возникает не простая сумма смыслов, а «новые смыслы» [110, с. 24].

Особое место занимают такие словосочетания, в составе которых происходят тесное семантическое (синтагматическое) взаимодействие значений, их согласование, удвоение (ср.: *шить (пальто) иголкой, резать (бумагу) ножницами, рубить (дрова) топором* и т. д.). Семантическая нерасчленимость (совместность) значений связана, как известно, с лексико-семантическими факторами и способностью падежной формы совмещать несколько значений [79, с. 478].

На почве семантического согласования значений, благодаря которому обеспечивается регулярная повторяемость словосочетания, могут возникнуть устойчивые словосочетания типа *рулевое управление*, где наблюдается удвоение семы «управлять». Семантически согласуются слова, объединяющиеся на основе смысловой общности в лексико-семантические группы разной степени абстрагированности.

Идиоматичность свойственна и предложению, в составе которого слова участвуют в формировании единого смысла. «Предложение — это целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово — компонент предложения, в нем проявляется часть смысла всего предложения. Но слово не обязательно выступает в предложении в том же самом смысле, который оно имеет как самостоятельная единица» [11, с. 133]. Идиоматичность распространяется не только на содержательную часть предложения, но и на план выражения, ибо форма языковой единицы не представляет собой простой суммы грамматических форм слова. «Формы слов, составляющие форму предложения, вступают в синтагматические отношения и образуют качественно новую лингвистическую единицу, свойства которой не равны сумме свойств форм слов» [102, с. 71]. А. А. Потебня, рассматри-

вая синтаксические формы слов, писал, например: «Ведь отдельно взятые буду и дел а т ь указывают вовсе не на то, на что их сочетания» [73, с. 47].

Чаще всего термин «идиоматичность» применяется в связи с раскрытием свойств фразеологических единиц разной степени сложности. Трактуются этот термин по-разному. Многое зависит от понимания предмета фразеологии. Идиоматичность фразеологических оборотов иногда связывают с сочетательными свойствами слов. Например, О. Н. Селиверстова под фразеологичностью языкового ряда понимает такие случаи, «когда удобнее перечислить слова, которые сочетаются с исследуемым словом, чем слова, которые не могут с ним сочетаться» [82, с. 13].

Обычно под идиоматичностью понимают степень выводимости значения фразеологического оборота из значений компонентов. При этом величина идиоматичности, как уже отмечалось, зависит от меры семантического расхождения между компонентом фразеологизма и соответствующим словом. Идиоматичность словосочетания резко отличается от идиоматичности фразеологизма. В свободном словосочетании слова семантически актуализируются, не подвергаясь какому-либо смысловому «выветриванию» [13, с. 211]. Напротив, в составе фразеологизма слова деактуализуются, семантически преобразуются (см. более подробно с. 113 и сл.).

Особое место занимают фразеологические сочетания, в составе которых одно слово является семантически самостоятельной единицей, а другое — семантически связанной, частично опустошенной. Скорее всего смысловое «выветривание» слов происходит на почве многозначности и распространяется прежде всего на лексические единицы с высокой частотностью.

Под идиоматичностью (фразеологичностью) слова принято понимать способность его выражать нечто большее, чем то, что содержится в совокупности его составных частей. Иначе говоря, величину идиоматичности значения слова можно приближенно определить в результате соизмерения словообразовательного значения, как значения, выраженного внутрисловными средствами, со значением лексическим. Говоря о фразеологичности лексической семантики, М. В. Панов отмечает, что в слове «целое есть не только произведение частей, но и еще добавочная некая величина: $A \times B + (X)$ » [69, с. 147; см. также 37, с. 219; 73].

По тому, каков удельный вес идиоматичности в значении того или иного производного слова, как показали исследования О. П. Ермаковой, можно в определенной мере судить о многих семантико-словообразовательных явлениях: о своеобразии семантической структуры многозначных слов, об иерархии и взаимодействии частных значений, о направлении семантиче-

ской деривации, о типологии лексических значений, о разных степенях членимости слова, о предрасположенности разных частей речи к идиоматичности и т. д. [31].

Если исходить из тех определений идиоматичности, которые здесь даны, то между идиоматичностью фразеологизма и идиоматичностью слова обнаруживается существенное, коренное различие.

Идиоматичность семантики фразеологизма и слова характеризуется неодинаковыми языковыми показателями. Существенным показателем идиоматичности фразеологизмов следует признать их способность противопоставляться/не противопоставляться свободным словосочетаниям эквивалентного состава. Апплицируемые (налагаемые) фразеологизмы типа *вырывать с корнем, вязать петли, гладить по головке, зажимать рот* (кому), *мелко плавать* (в чем), *мокрая курица, наломать дров* и др. обладают высокой идиоматичностью и равномерной деактуализацией составляющих. Еще более высокая степень идиоматичности свойственна фразеологизмам, утратившим внутреннюю форму (*собаку съел, бить баклуши* и под.).

Напротив, меньшей степенью идиоматичности обладают неналагаемые обороты, в составе которых один из компонентов является смыслообразующим. Например, в составе оборота *на дружеской ноге* 'в близких, приятельских отношениях' прилагательное *дружеский* оказывается семантически маркированным и легко входит в развернутое толкование этого оборота.

Что касается фразеологических сочетаний, то характер их идиоматичности определяется по степени связанности, семантической несамостоятельности того или иного слова. Наиболее высокая идиоматичность присуща фразеологическим сочетаниям, в составе которых слово с фразеологически связанным значением утрачивает или утратило собственное лексическое значение. Так, слово *крошечный*, по мнению акад. В. В. Виноградова, «в сущности, лишено собственного значения: оно имеет лишь фразовый смысл — и то в строго ограниченных сочетаниях: *тьма крошечная* и *ад крошечный*» [19, с. 121]. Подобные слова-компоненты, лишенные внутренней формы, имеют идиоматически связанное значение. Довольно часто в состав фразеологических сочетаний входят слова, имеющие метафорический характер: *волчий аппетит, девичья память, телячий восторг, золотая молодежь, шапочное знакомство, мертвая тишина, жгучий брюнет, круглый дурак, железная дисциплина, зеленая тоска* и т. д.

В составе подобных фразеологических сочетаний слова с переносным значением имеют отчетливо выраженную внутреннюю форму, которая проясняет смысл словосочетаний. И тем не менее возможны случаи, когда фразеологически связанное слово

с переносным значением семантически опустошено. Возьмем фразеологическое сочетание *жгучий брюнет*. Слово *жгучий* в современном русском языке означает: 1) 'горячий, обжигающий'. *Жгучие лучи солнца*. // 'вызывающий ощущение жжения'. *Жгучий мороз*. // 'страшный, волнующий'. *Жгучий поцелуй*; 2) *перен.* 'остро переживаемый'. *Жгучий стыд*.

Прилагательное *жгучий* не укладывается в систему значений соответствующего слова, не соотносится ни с одним из его частных значений и смысловых оттенков. Поэтому определить собственное значение данного компонента почти невозможно. Дело в том, что слово *брюнет* 'мужчина с черными, очень темными волосами' почти ничем не отличается по смыслу от фразеологического сочетания *жгучий брюнет* 'человек с совершенно черными волосами и глазами'. Слова-компоненты, сохраняющие внутреннюю форму, имеют метафорически связанное значение. В подобных случаях фразеологическое сочетание в целом получает высокую степень идиоматичности.

Величина идиоматичности слова целиком зависит от доли участия морфем в образовании лексического значения. Чем выше смыслообразующая (семантизирующая) функция морфем, тем соответственно ниже фразеологичность семантики слова, и наоборот. По мере понижения смыслоопределяющей роли морфем увеличивается семантический остаток (приращение), не получивший формального выражения. Размах колебания идиоматичности может быть самым различным. Примером высокой идиоматичности могут служить слова типа *желток*, *желтуха*, *белок*, *синяк*, *синица* и т. д. Напротив, в словах типа *учитель*, *носильщик* приращение является несущественным смысловым элементом.

Важное место при определении характера и величины семантического приращения занимают развернутые словарные определения, посредством которых устанавливается состав интегрирующих семантических признаков слов. Возьмем в качестве примера глагол *осушить*. Возможно двояким образом истолковать это слово в его исходном значении: 'сделать сухим' и 'сделать сухим (путем отведения или испарения воды)' [86, т. 8, с. 1216]. Если остановить свой выбор на первом определении, которое отражает морфемный строй этого слова, то придется признать, что семантика глагола *осушить* лишена какой-либо идиоматичности. Напротив, второе определение, которое, на наш взгляд, является более точным, содержит дополнительные семантические признаки, не выраженные словообразовательными средствами. В силу этих обстоятельств следует считать, что глагол *осушить* обладает фразеологичностью семантики.

Кстати, отметим, что для производных слов с идиома-

тичной семантикой свойственно положительное (синтаксическое и лексическое) и отрицательное наращение. Так, в словах типа *барабанщик* не выражено значение действия, а в словах типа *безрезультатный* наращение как бы усложняет семантику производящей основы, добавляет к ней ограничительный или оценочный компонент [31]: *безрезультатный* — значит 'без положительного, нужного результата'. Всех этих наращений не знает семантика фразеологизмов.

Идиоматичность семантики фразеологизма существенно отличается от идиоматичности семантики слова характером мотивационных отношений между производящим и производным. Так, фразеологизмы с обобщенно-переносным значением типа *белая ворона*, *тертый калач*, *кожа да кости*, *кровь с молоком*, *нож в спину*, *плевать в потолок*, *тянуть кота за хвост*, *подставлять ножку* и др. не способны включать в смысловую структуру семантические признаки эквивалентных свободных словосочетаний. И лишь только внутренняя форма, являющаяся семантическим посредником между свободным словосочетанием и образованным на его основе фразеологизмом, показывает направление семантической деривации от словосочетания к фразеологизму.

В отличие от этого значение производящего слова так или иначе может быть включено в толкование производного в одном или в нескольких значениях. Например, в слове *песочница* содержится несколько значений, каждое из которых взаимодействует со значением производящего слова *песок* 'сыпучие крупинки кварца или иных твердых минералов': 1) 'прибор, употр. в старину для посыпания песком написанного с целью просушки'; 2) 'в паровозе: ящик с песком, автоматически выбрасываемым на рельсы во время буксования колес (спец.)'; 3) 'четыреугольник из досок, заполненный песком, для детских игр' [85, т. 3, с. 157].

Между производящим и производным словами в словообразовательной цепочке устанавливаются, как известно, довольно сложные и многоступенчатые связи и отношения, основанные на последовательной мотивированности и смысловой общности (ср.: *красный* → *краснеть* → *покраснеть* → *покраснение*; *след* → *следовать* → *последовать* → *последователь*) [79, с. 133].

Фразеологизмы не связаны подобными отношениями мотивации¹.

¹ В фразеобразовательной цепи взаимодействуют величины разного порядка: словосочетание (ср.: *лежать на боку*) — фразеологизм (того же лексического состава); поговорка (*Стреляного воробья на якине не проведешь*) → фразеологизм (*стреляный воробей, на якине не проведешь*) и т. д.

В области фразеологии мотивировка и выводимость, как уже отмечалось, — явления различного порядка. Например, значение апплицируемого фразеологизма *разрываться на части* 'стараться сразу выполнить множество разных дел, поручений и т.п.' мотивировано; в то же время оно не может быть выведено из значения каждого компонента в отдельности, ибо они деактуализованы и не поддаются строгой семантической оценке.

В производных словах с идиоматичной семантикой явления мотивировки и выводимости практически совпадают. При этом независимо от характера идиоматичности доля участия морфем в образовании лексического значения неодинакова. Основную семантическую нагрузку выполняет корневая морфема, значительно меньшую смыслоуказательную роль играют словообразовательные аффиксы, а формообразующие аффиксы и окончания являются носителями категориального и грамматического значений. Такая специализация морфем обнаруживается и при толковании слова, когда, например, суффиксы отвлеченности передаются словами абстрактного содержания. Так, слова *стеснительность* и *стойкость* соответственно в Словаре русского языка определяются так: 'Свойство по прил. *стеснительный*' и 'Свойство по знач. прил. *стойкий*' [85, т. 4, с. 363, 371].

В смысловой структуре фразеологизма и слова своеобразно проявляется внутренняя форма. Как уже упоминалось, фразеологическое значение может возникнуть в результате метафорического переосмысления словосочетания, образующего внутреннюю форму фразеологизма. При этом семантическая деактуализация слов происходит не в свободном словосочетании, а в словосочетании, которое формирует найденный образ фразеологизма.

Внутренняя форма, предсказывая и обуславливая семантическое развитие, сама по себе не способна выступать в качестве дифференциального признака фразеологического значения. Поэтому фразеологизм нельзя объяснить посредством тех слов, которые входят в словосочетание, образующее внутреннюю форму. Так, при определении фразеологизма *вилять хвостом* 'раболепно выражать свою покорность невозможно использовать слова *вилять* 'колебать из стороны в сторону' и *хвост* 'у животных: придаток на заднем конце тела'. Случаи типа *завилять хвостом*, где общее значение фразеологизма 'повести себя уклончиво или угодливо' совпадает с переносным значением глагола *завилять*, к делу не относятся, так как процесс образования фразеологизма не связан с появлением в слове переносного

значения. Эти процессы, как правило, протекают самостоятельно [32, с. 98—102].

По-иному преломляется внутренняя форма в смысловой структуре слова. При самой высокой идиоматичности семантики внутренняя форма (если она налицо) так или иначе может входить в значение производного. Даже такое слово с идиоматичной семантикой, как *змеевик*, толкуется в словарях как 'изогнутая спиралью трубка'. Часть семантических признаков это слово заимствует от существительного *змея* 'пресмыкающееся с длинным извивающимся телом'. Внутренняя форма является составной частью таких слов, как *желток* 'в птичьем яйце: окруженное белком густое желтое вещество', *желтуха* 'болезнь печени, сопровождающаяся пожелтением кожи', *белок*, *синяк*, *колокольчик*, *песчинка*, *подснежник*, *подоконник*, *подорожник* и др.

Внутренняя форма фразеологизма не только указывает на его идиоматичность (семантическую целостность) и на равномерный характер деактуализации компонентов, но вместе с тем служит показателем обобщенно-метафорического значения фразеологизма.

Производные слова с отчетливо выраженной внутренней формой обычно не подвергаются метафоризации, ибо они достаточно выразительны, образны в своем прямом значении. В таких случаях мотивирующий признак, как правило, содержится в лексическом значении слова. Например, слово *кит-полосатик* в словарях толкуется как 'морское млекопитающее отряда китов, имеющее глубокие продольные борозды на коже горла и брюха'.

Напротив, непроеизводные слова типа *дуб*, *змея*, *заяц*, *осел*, *рыба*, *свинья*, *ворона* и др. в результате метафоризации приобретают способность совмещать переносное значение с внутренней формой. При этом слова в переносном значении содержат такие семантические признаки, которых нет на уровне языковой нормы в прямом значении соответствующих слов. Например, слово *осел* означает: 1. 'Родственное лошади животное невысокого роста, с большой мордой и длинными ушами'. 2. перен. 'О тупом упрямец (прост., бран.)'. Как видно из примера, переносное значение связано с той образной характеристикой, которая живет в народном сознании (издавна ослу приписывается тупое упрямство, медведь считается животным неуклюжим и неповоротливым и т. д.). Иными словами, внутренняя форма здесь как бы срастается, соединяется воедино с переносным значением. И тем не менее внутренняя форма постепенно может забываться, а пере-

носное значение все еще сохраняться в слове. Так случилось, например, со словом *колпак* в переносном значении. «Едва ли можно сомневаться в том, — пишет В. В. Виноградов, — что для современного языкового сознания внутренняя форма этого употребления слова *колпак* наполвину утрачена. Ведь шутовской, дурацкий колпак, из которого выросло метонимическое именование дурака, шута (а затем и всякого простофили) колпаком, в обстановке современного культурного быта уже потерял свою экспрессивную внушительность. Но переносное значение слова *колпак* еще очень ощутимо. Оно поддерживается глаголом *околпачить*» [18, с. 334].

Из сказанного вытекает, что внутренняя форма существенно влияет на идиоматичность семантики фразеологизма и слова. Во фразеологизме внутренняя форма, не являясь частью фразеологического значения, указывает на семантическую деактуализацию компонентов, собственное значение которых трудно или совсем невозможно установить. Такие налагаемые обороты, как отмечалось, обладают высокой идиоматичностью. Напротив, по мере того, как доля участия внутренней формы (мотивирующего признака) в формировании лексического значения слова возрастает, соответственно падает идиоматичность семантики производных слов и слов с переносным значением.

Идиоматичность фразеологизма в редких случаях может как-то пересекаться, перекрещиваться с идиоматичностью производных сложных слов в переносном употреблении. В русском языке существуют производные слова типа *раскудахтаться*, *накаркать* и т. п., переносное значение которых как бы слагается из переносного же значения производящих *кудахтать* 'ворчать'¹, *каркать* 'предвещать что-л. неприятное' и значения морфем. Нетрудно заметить, что при метафоризации производного слова суффиксы не подвергаются деактуализации (ср.: *наговорил*, *посидел*, *поработал* и т. д.).

Возможны и более сложные случаи, когда степень спаянности морфем оказывается достаточно тесной. Так, в слове *беззубый* 'лишенный остроты, слабый; бессильный' приставка и корень в этом значении составляют нерасторжимое семантическое единство. И тем не менее в составе этого слова приставка *без-* все еще сохраняет следы изначального, исходного значения.

---

¹ Ср.. «— Вот не ожидал! Вот не думал! — кудахтал Шапкин» (Ч.).

Дело в том, что аффиксы обладают абстрактным значением, которое имеет тенденцию (наравне с отвлеченными словами в структуре устойчивых словосочетаний) не растрачивать элементы своего собственного значения, не нести какие-либо семантические потери. Вот почему при метафоризации полностью сохраняют свое значение суффиксы отвлеченности *-(н)ость, -(е)ние, -изн(а)* и т. п. (ср., например: *бесцветный* 'невыразительный, ничем не замечательный', но: *бесцветность* 'свойство по значению прилагательного *бесцветный*').

Метафорическое переосмысление свободных словосочетаний дает иной семантический эффект. В акте метафоризации слова, в отличие от морфем, деактуализируются в семантическом отношении, приобретая при этом нечто новое, не укладывающееся в систему обычных значений соответствующих слов. Во многих же случаях вследствие деактуализации собственное значение компонента, как уже отмечалось, выявить невозможно. Но при любых обстоятельствах компоненты в составе апплицируемых оборотов не сохраняют былого значения слов свободного употребления и не выполняют смыслообразующей и смыслообъединяющей функции.

Приравнивание с позиций идиоматичности внутрикомпонентных отношений к внутриморфемным приводит к тому, что сложные слова типа *лоботряс, лежебока, зубоскал, молокосос* и т. д. по степени целостности составляющих корневых морфем уподобляют различным типам фразеологических единиц — соответственно сращениям и единствам. При этом делается допущение, что значение сложного слова в целом создается переносным употреблением его частей в совокупности.

Такое сближение разнокачественных языковых единиц, на наш взгляд, не согласуется с реальными фактами. Сложные слова типа *зубоскал, лежебока, молокосос* возникли на базе реальных (*скалить зубы, лежать на боку*) и потенциальных (*сосать молоко*) фразеологизмов. Но так как при метафоризации свободного словосочетания не возникает переносного значения компонентов (здесь переносное значение целого делает невозможным образование переносного значения частей, целое как бы «отпугивает» части), то невозможно существование нескольких корней с переносным значением внутри единого сложного слова. Когда каждый компонент словосочетаний получает переносное значение, фразеологизм теряет свое качество, перестает быть самим собой. В составе подобных словосочетаний каждое слово в отдельности

сохраняет свое самостоятельное лексическое значение (узуальное или окказиональное).

Таким образом, нельзя проводить параллели между словообразовательными и фразеологическими явлениями с точки зрения идиоматичности. Представляется, что каждый ярус языковой структуры наделен своей особой идиоматичностью, так что идиоматичность морфем не повторяет идиоматичности слова, а идиоматичность слова невозможно отождествить с идиоматичностью фразеологизма, предложения и целого текста. Поэтому не может быть идиоматичности вообще, но есть идиоматичность морфем, слов, фразеологизмов и т. п.

Короче говоря, идиоматичность фразеологизма и слова — явления разного семантического порядка. В процессе фразеологизации, когда словосочетание перерождается в фразеологизм, слова деактуализуются в семантическом отношении, доходя в своем крайнем проявлении этого качества до потери собственного значения. В противоположность этому идиоматичность слова сопровождается различного рода семантическим приращением, которое, как правило, не приводит к семантическому «выветриванию» морфем.

Глава 4

Компонентный состав фразеологизмов

Вопрос о сущности компонента и компонентном составе фразеологизма вполне обоснован и актуален. Известно, что в современной фразеологической теории природа компонента понимается далеко не однозначно. Наиболее четко вырисовываются три основных направления, отличающиеся в той или иной мере оценкой содержательных и формальных свойств компонента. Сторонники первого направления полностью отказывают компоненту в какой-либо семантической, тем самым функционально сближая его с единицами фонетико-фонологического уровня [62, с. 26]. Вторую, полярную точку зрения отстаивают и популяризуют лингвисты, считающие, что компоненты фразеологизма, подобно словам в составе словосочетания, объединяются друг с другом по правилам «семемной сочетаемости» (термин «семема» употребляется при этом в значении 'содержательная сторона, лексико-семантический вариант слова'). По мнению этих авторов, фразеология в «узком» смысле (т. е. сращения и единства) является всего лишь «вырожденным случаем» в общей и непрерывной шкале семемной комбинаторики. Понятно, что объект фразеологии при таком подходе очерчивается в весьма широких границах — от свободных словосочетаний до идиом [42, с. 77]. Третью линию в решении проблемы компонента пытаются обосновать и утвердить фразеологи, доказывающие, что компоненты в результате фразеологизации приобретают особые, несистемные значения, совершенно чуждые соответствующим словам в их свободном употреблении. Разные авторы именуют эти значения то «специфическими», то «имплицитными связанными», то «внутрифразовыми» и т. п. Так, например, в составе глагольного фразеологизма *подкладывать свинью* у первого компонента обнаруживается «эксплицитное» значение 'подстраивать исподтишка', а второму компоненту соответственно приписывается особое значение 'неприятности, каверзы' [55, с. 57].

Общий недостаток приведенных трех точек зрения состоит в абсолютизации различных свойств компонента, которые в действительности присущи не всем компонентам, проявляются в разной мере или же носят потенциальный характер. Ф. П. Филин отмечает: «Вообще всякое абсолю-

тизирование одной из сторон языка и одного из методов исследования с претензией на главенствующее положение в языкознании обязательно приобретает философскую значимость, желает того языковед или нет» [98, с. 8]. В этой связи представляется методологически спорной попытка отдельных лингвистов в равной мере признать и оправдать любое понимание фразеологизма и границ фразеологии при условии, что субъективно отбираемый материал согласуется с авторской интерпретацией фразеологического объекта. Вполне понятно, что факты в зависимости от наличия и соотношения в них общих и различительных признаков могут подводиться под единое определение. Но это, конечно, не означает, что факты должны подгоняться под известное определение или, напротив, определение должно подтягиваться к произвольно отобранному фактам. Оценивая ту или иную позицию ученого, важно убедиться не только и не столько в том, в какой мере последовательно, непротиворечиво и корректно автор выдерживает ее, но, главное, в том, насколько существенны для объекта те признаки, что положены в основание классификации. Лишь классификации, учитывающие существенные свойства объекта, имеют познавательную ценность.

Более близко к решению поставленной проблемы стоит четвертое направление, представители которого, в целом настаивая на принципиальном различии слов и компонентов в отношении их содержания и формы, вместе с тем допускают возможность сохранения или восстановления в компонентах отдельных словесных качеств. Отдельные «атавистические» проявления в компонентах (например, смысловой центр) объясняются при этом неравномерностью процесса деактуализации. Вместе с тем идея неравномерности процесса деактуализации, важная для уяснения природы компонента, требует конкретизации и дальнейшего углубления. Как полагаем, одним из опорных и конкретизирующих моментов в раскрытии идеи неравномерности является понятие семантической редукции слова, связывающее воедино вопрос о типологии компонентов с проблемой фразеологической переходности.

Фразеологизм формируется в ходе особого лингвистического процесса — фразеологизации. Фразеологизация — это переосмысление базового словосочетания (или предложения), основанное на сравнении, метафоре, метонимии, гиперболе, эвфемизме, алогизме и т. д. В результате фразеологизации словосочетание и его составные части (слова) утрачивают первоначальную семантику, десемантизируются. Важно отме-

тить, что фразеологизация носит целостный, а не раздельный характер. Это значит, что фразеологическое значение не складывается и не синтезируется из переносных, «специфических» или каких-либо иных значений отдельных слов, а возникает вследствие семантического преобразования, «перекодирования» исходного словосочетания в целом.

Фразеологизация, следовательно, сопровождается денотативно-понятийным смещением во внутреннем содержании исходного словосочетания и соответствующих слов, т.е. деактуализацией. Деактуализация слова опосредованна и вторична по сравнению с деактуализацией словосочетания в целом. Деактуализация протекает, как правило, по линии отвлечения от смысла исходного словосочетания и значений его составляющих. Деактуализируется слово в целом, в единстве его лексических, категориальных, грамматических, деривационных и прочих элементов. Перечисленные элементы смысловой структуры слова, являясь абстракциями разного уровня и различной семантической природы, деактуализируются в неодинаковой мере. В этой связи правомерно разграничивать лексическую, деривационную, лексико-грамматическую (категориальную) и т.д. деактуализации слова, помня при этом, что такое расчленение оправдано только целями лингвистического анализа и что в действительности деактуализация семантики фразеологизма носит целостный характер.

Процесс неравномерной деактуализации слова, вызванный различной абстрагирующей способностью элементов его смысловой структуры, условимся называть семантической редукцией слова. Названный процесс предопределяет наличие в составе фразеологизма компонентов, различающихся характером и мерой семантической маркированности.

Так, абстрагирующая способность лексического значения заметно выше абстрагирующей способности значения лексико-грамматического. Сопоставляя лексические и грамматические значения, В. М. Солнцев замечает: «Различные виды так называемого грамматического значения также представляют собой некоторые факты сознания, хотя и не столь явно (а иногда вообще неявно) предметно ориентированные... Грамматические значения — значения высокой степени абстрактности... Некоторые виды грамматических значений, по-видимому, являются абстракциями абстракций. В них отображаются внутриязыковые отношения и связи» [89, с. 9]. Вот почему лексико-грамматическое значение фразеологизма (глагольного, субстантивного, наречного и

т. д.), как правило, предопределяется категориальным значением грамматически опорного слова исходного словосочетания: глагольное словосочетание преобразуется в глагольный фразеологизм (ср. *чесать языком* 'сплетничать, суесловить'), субстантивное словосочетание — в субстантивный фразеологизм (ср. *тепленькое местечко* 'материально выгодная должность, доходная служба'), наречное словосочетание — в наречный фразеологизм (*вдоль и поперек* 'хорошо, во всех подробностях'). Соответствующие компоненты становятся категориально маркированными.

Может возникнуть, вероятно, сомнение в правомерности понятия семантической редукции слова в связи с утверждением части лингвистов о принципиальной неоднородности лексического и грамматического значений. Такую позицию, в частности, отстаивал А. А. Реформатский. Однако эти соображения не противостоят идее семантической редукции слова, поскольку согласуются с признанием того, что «явления лексики конкретны по сравнению с абстрактными фактами грамматики» [77, с. 244]. Именно последним обстоятельством объясняется различная абстрагирующая способность тех и других. Что касается существа проблемы, то вслед за рядом лингвистов мы полагаем, что лексические и грамматические значения являются различными, но преемственными звеньями единого процесса языковой абстракции.

Относительно высокой отвлеченностью словообразовательной семантики объясняется в свою очередь наличие деривационно маркированных компонентов. Например, в значении глагольного фразеологизма *перегибать палку* 'впадать в крайность при осуществлении чего-нибудь' заметно остаточное влияние приставки *пере-* в значении 'чрезмерность, излишек, преобладание в действии'.

Следующие два типа — прономинально (от лат. *pronomen* — местоимение) и препозиционно (от лат. *praepositio* — предлог) маркированные компоненты. Например, наречный фразеологизм *для отвода глаз* 'с целью отвлечь внимание' семантически соотносится с предлогом *для* в целевом значении, а в составе фразеологизма *бежать во все лопатки* 'в полную силу, очень быстро' «просвечивает» компонент *все* со значением полноты, высокой степени проявления признака.

Особый тип образуют партикулярно (от лат. *particula* — частица) маркированные компоненты. Так, в семантике фразеологизма *не от мира сего* 'не приспособленный к практической жизни, далекий от ее забот' явно

заметна доля участия отрицательной частицы. Подобные фразеологизмы не следует смешивать с идиомами, которые могут употребляться без *не* и где частица уподобляется функционально слову-сопроводителю (ср.: *по плечу* — не *по плечу*, *с руки* — не *с руки*, *в духе* — не *в духе*, *по душе* — не *по душе*). Сравните, с другой стороны, фразеологизмы, в составе которых частица является неотъемлемым элементом структуры: *не покладая рук* ‘очень старательно, не переставая’ (трудиться, работать), *ни под каким видом* ‘ни при каких условиях, ни за что’.

Остановимся более подробно на лексически маркированных компонентах, или словах-компонентах. Соответствующие элементы фразеологической структуры восходят к полнозначным словам, на уровне своих прямых или переносных значений обнаруживающим семантическую соотнесенность с фразеологизмом. Так, например, лексическая маркированность наречного фразеологизма *на дружеской ноге* ‘в приятельских отношениях’ носит явный, поверхностный характер. Напротив, субстантивный фразеологизм *последняя спица в колеснице* ‘человек, играющий самую незначительную, ничтожную роль в чем-либо’ семантически соотносится уже не с прямым, а с переносным значением прилагательного *последний* ‘низший в ряду других, самый незначительный из всех, плохой’).

В крайне редких случаях лексически маркированными оказываются все компоненты фразеологизма. Например, суммарное значение глагольного фразеологизма *находить общий язык* ‘добиваться взаимопонимания, договариваться’ удастся разложить на части, соотносимые с переносными значениями соответствующих слов свободного употребления (*находить*, *общий* и *язык*; ср. также оборот *отбивать хлеб* ‘лишать того, что является важным, необходимым для кого-либо’).

Показателем лексической маркированности может быть также дериват компонента. Такую лексическую маркированность условно можно назвать опосредованной. Например, глагольный фразеологизм *скользить по поверхности* ‘не вникая глубоко в суть чего-нибудь, ограничиваться лишь приблизительным, внешним знакомством’ семантически проницаем на фоне переносного значения прилагательного *поверхностный* ‘не входящий в существо, глубину чего-нибудь, несерьезный’ (ср. также: *задать храповицкого* и *храпеть*, *дрожжи продавать* и *дрожать*, где деривационные отношения имеют, по-видимому, каламбурную основу).

Следовательно, лексическая маркированность бывает прямой, производной (переносной) и опосредованной.

Лексическая маркированность нередко совмещается с другими видами семантической маркированности компонентов — например, с категориальной. Лексически маркированные компоненты, выполняющие одновременно функцию грамматически опорных элементов фразеологической структуры, условимся называть компонентами-сопроводителями. Как будет показано далее, названные элементы, являясь словами-компонентами, вместе с тем потенциально способны выработать и развить свойства слов-сопроводителей (ср.: *задевать* за живое, *вертеться* как белка в колесе, *капля* в море).

Уже из приведенных выше примеров достаточно ясно, что лексическая маркированность может быть свойственна компонентам в различной мере: в большей — компонентам, семантически «просвечивающим» на уровне прямых значений исходных слов, и в меньшей — компонентам, обнаруживающим семантические связи на уровне переносных значений соответствующих слов или их дериватов.

В том случае, когда показателем семантической маркированности является только часть исходного значения (семного состава) компонента, правильнее говорить уже не о лексической, а о семной маркированности и, соответственно, семно маркированных компонентах. Например, субстантивный фразеологизм *белые мухи* употребляется в значении 'падающий снег, снежинки'. Генетически связанное с фразеологизмом прилагательное *белый* имеет значение 'цвета снега или мела'. Таким образом, между значением фразеологизма и исходным значением компонента наличие частичное совпадение — наличие интегральной семы 'снег'.

Семная маркированность, по-видимому, является одной из предпосылок возникновения так называемых потенциальных слов. Сравним смысл фразеологизма *делать из мухи слона* 'что-либо крайне преувеличивать' и значение слова *слон* 'крупное млекопитающее тропических стран, с длинным хоботом и двумя бивнями'. Общий элемент в семантике фразеологизма и слова — сема 'очень; высокая степень' — предопределяет некоторую речевую вероятность проявления в компоненте *слон* окказионального «значения» 'нечто значительное, важное', чему в определенной мере способствует семантико-синтаксическое подобие исходного словосочетания и фразеологизма [55].

Имеются основания для выделения особого разряда

символически маркированных компонентов. В отличие от семно маркированных компонентов и «потенциальных слов» «компоненты-символы» [23, с. 160—166] характеризуются более устойчивыми семантическими ассоциациями. Так, слово *стена* традиционно ассоциируется с идеей надежной преграды, защиты. Эта семантическая связь в той или иной мере сохраняется в составе ряда фразеологических единиц: *жить как за каменной стеной*, *биться об стену*, *китайская стена*, *надеяться как на каменную стену* и др. Лингвистической основой существования «компонентов-символов», видимо, также является определенная общность семного состава слова и фразеологизма. Однако если символическая маркированность предполагает семную маркированность, опирается на нее, то обратная зависимость далеко не обязательна.

Примечательны случаи своего рода «вызревания» символической маркированности до лексической. Например, фразеологизм *капля в море* имеет два значения: 1) 'ничтожно малое количество по сравнению с тем, что необходимо' и 2) 'крайне незначительное обстоятельство, пустяк по сравнению с чем-либо'. Причем первое из них лексически, а второе семно маркированы (ср. значение слова *капля* 'самое малое количество чего-нибудь'). Лексическая и семная маркированность компонента *капля* дополняется в обоих случаях символически значимой ассоциацией с общей идеей минимального количества. Символизм данного компонента обнаруживается и в других устойчивых образованиях: *капля за каплей* 'постепенно, незаметно; медленно, понемногу', *капли в рот не брать* 'вовсе не пить спиртного', *ни капли* 'совсем, нисколько'. Сравните, однако, фразеологизмы *до последней капли* 'все, целиком', *до последней капли крови* 'жертвуя всем, отдавая все, не жалея жизни', *капля в каплю* 'совершенно, очень сильно' (похож) и другие, где символическое значение компонента *капля* достаточно ослаблено.

Фразеологами справедливо отмечают сравнительно редкие факты стилистической [52, с. 32—33] (*воротить нос [рыло]*, *распустить сопли*, *соплёй перешибешь*, *влипнуть в историю*, *черти носят*, *котелок варит*) и ономастической маркированности компонентов. Так, В. М. Мокиенко указывает на «фразеологизмы, в основе которых лежит имя собственное, подвергшееся обобщению еще до фразеологизации благодаря своей социальной оценочности: *филькина грамота*, *драть как сидорову козу*, *показать кузькину мать* и под.» [58, с. 63]. Подобные имена

собственные привносят элемент отрицательной оценки и в семантику собственно фразеологизма.

Как уже отмечалось выше, компоненты нередко совмещают различные виды семантической маркированности. Это в полной мере относится и к компонентам, восходящим к лексическим и грамматическим архаизмам, а также к словам-реликтам. Архаичные и реликтовые компоненты, будучи стилистически маркированы, параллельно распределяются между выделенными ранее классами, занимая в них периферийное положение. Сравните следующие фразеологизмы, наделенные соответственно категориальной (*смежить очи*, *турусы на колесах*, *сломя голову*), прономинальной (*во время оно*, *во вся тяжкая*), лексической (*златой телец*, *от молодых ногтей*, *тянуть канитель*), деривационно-лексической (*бить баклуши* — *баклушничать*, *под спудом* — *подспудный*) маркированностью наряду с архаической и реликтовой.

Фразеологизмы с архаичными и реликтовыми компонентами в той или иной степени уступают по своим идиоматизирующим способностям оборотам, включающим в свой состав стандартные лексемы. Очевидно, однако, что степень архаической и реликтовой маркированности бывает различной: от едва заметного снижения конкурирующей способности компонента в сравнении с его вариантом (*от молодых ногтей* — *от молодых ногтей*) до полной изоляции компонента на фоне живой лексико-грамматической системы языка (*гол как сокол*, *у черта на куличках*, *с кондачка*).

Таким образом, качественно-количественная неоднородность элементов смысловой структуры слова и как следствие их различная абстрагирующая способность обуславливают неравномерный характер фразеологизации и выступают одной из основных причин и предпосылок семантической маркированности компонентов в различных ее вариантах. На почве семантической маркированности компонентов и взаимодействия фразеологизма с уровневыми единицами формируются различные виды фразеологической переходности. Фразеологическая переходность — это реальная или потенциальная способность фразеологизма и его компонентов в той или иной степени сохранять или восстанавливать содержательные и формальные свойства исходного словосочетания и его составляющих (слов и морфем). Отдельные виды семантической маркированности компонентов (прежде всего лексическая) понижают идиоматичность фразеологизмов, смещая их на периферию фразеологической системы. Ядро системы составляют

семантически немаркированные фразеологизмы, а также обороты, семантическая маркированность которых носит грамматикализированный характер (*кот наплакал, ходить на задних лапках, собака на сене, под занавес; не моем, так катаньем; во все лопатки* и под.).

Семантическая маркированность компонентов, обусловленная высоким уровнем отвлеченности соответствующих элементов фразеологического значения (например, категориальная, партикулярная, препозиционная, деривационная, прономинальная), преимущественно связана с первичной переходностью фразеологизмов. Положение лексически, а также символически маркированных компонентов отличается большей сложностью. Если «грубые» формы лексической маркированности (типа *под веселую руку*) в основном относятся к фактам первичной фразеологической переходности, то случаи переносной и опосредованной лексической маркированности (типа *ходячая монета, тянуть резину, лить пули, напустить туману*), как правило, связаны с вторичной переходностью фразеологических единиц. Верными симптомами вторичной фразеологической переходности являются также архаичные и реликтовые компоненты.

Следует подчеркнуть, что различные виды семантической маркированности компонентов нельзя чересчур прямолинейно сводить к процессу семантической редукции слова. Так, например, смысловой центр фразеологизма (*на дружеской ноге, на скорую руку*) обусловлен в ряде случаев не семантической редукцией, а неполным предметно-денотативным смещением в процессе фразеологизации. Примечательно, что соответствующие элементы фразеологизма уже на уровне свободного словосочетания воспринимаются как метафоры.

Итак, семантическая редукция слова может вызывать вторичную актуализацию категориальных, словообразовательных, местоименных, лексико-семантических и прочих признаков компонента, восстановление его знаковых свойств. Понятие семантической редукции позволяет внести некоторые ограничения в положения, согласно которым компонент полностью утрачивает признаки слова или, напротив, полностью их сохраняет. С введением данного понятия по-новому осмысливаются такие проблемы, как знаковые свойства и функции компонентов, взаимодействие лексико-грамматического уровня и фразеологической подсистемы в единой системе языка, фразеологическая переходность, классификация фразеологических единиц и др.

Семантически маркированные компоненты, как мы ви-

дели, в неодинаковой мере сохраняют, восстанавливают или развивают в себе словесные качества. В большей мере это удается словам-компонентам, которые активно сопротивляются сдерживающим силам идиоматичности. Находясь на периферии компонентной микроструктуры, слова-компоненты и особенно компоненты-сопроводители непосредственно граничат с зоной слов-сопроводителей; причем факты убеждают в достаточной подвижности и проницаемости этой границы. Дело в том, что ядерно-периферийный принцип, действующий в сфере компонентов и слов-компонентов и определяющий в конечном счете шкалу переходности фразеологизмов, сохраняет свою силу и в достаточно широкой и динамичной зоне слов-сопроводителей. Таким образом, очевидно, что односторонняя, альтернативная оценка отдельных воспроизводимых образований только как компонентов или только как слов-сопроводителей не может быть признана вполне объективной и точной. По отношению к словам-сопроводителям, как и по отношению к словам-компонентам, необходим более гибкий подход.

Подавляющее большинство слов-сопроводителей, как известно, контекстуально связано с наречными фразеологизмами. Слова-сопроводители при глагольных, субстантивных и прочих фразеологизмах относительно редки (ср.: *работа не бей лежачего, сапоги каши просят*; см. с. 256 и сл.).

Слова-сопроводители в их отношении к фразеологизмам интерпретируются лингвистами по-разному. Наиболее известны два прямо противоположных взгляда: слова-сопроводители или включаются в компонентный состав фразеологизма, или, напротив, исключаются из него. Следует признать, что как для первого, так и для второго решения вопроса есть свои основания. Так, например, вполне логично включение слов-сопроводителей в компонентный состав в рамках широкого взгляда на фразеологию, поскольку вполне очевидна параллель между фразеологизмами при словах-сопроводителях и фразеологическими сочетаниями (ср.: *к шапочному разбору* прийти и *наотрез* отказаться, *слезно* просить). Существенным моментом в пользу положительного решения данной проблемы является факт тесной семантической и грамматической связи собственно фразеологизма и его обязательного лексического окружения.

Вместе с тем достаточно убедительными представляются и аргументы исследователей, выводящих слова-сопроводители за пределы фразеологизма. Дело в том, что слова-со-

проводители по своим лексическим и грамматическим свойствам в принципе мало чем отличаются от обычных слов. Показательно в этой связи сопоставление слов-сопроводителей и лексически маркированных компонентов (типа *от молодых ногтей*): последние почти полностью атрофированы в грамматическом отношении.

Отдавая предпочтение второму решению как более обоснованному, мы все же склонны считать, что в целом ряде случаев провести четкую грань между словом-компонентом и словом-сопроводителем затруднительно.

В справедливости последнего вывода прежде всего убеждают многочисленные и регулярные факты лексико-фразеологической дифференциации, под которой понимается процесс семантического и структурного расщепления фразеологизма вследствие проявления или восстановления у компонентов словесных признаков. Этот процесс сопровождается своего рода распределением содержательных и формальных ресурсов фразеологизма. Это распределение может протекать равномерно (пропорционально) или неравномерно (непропорционально). Так, в последнем случае имеет место своеобразная синонимия между фразеологизмом и словом, фонетически и грамматически идентичным слову-компоненту.

Обратимся к примерам лексико-фразеологической синонимии. Глагольный фразеологизм *схватывать на лету*, имеющий значение 'быстро, легко понимать, усваивать', синонимичен глаголу *схватывать* в переносном значении 'быстро воспринимать, понимать, усваивать'. Следует заметить, что это синонимия особого порядка: во-первых, она обнаруживается между неоднородными единицами и, во-вторых, синонимичные единицы частично совпадают в формальном отношении, т.е. с точки зрения материальной формы. Лексико-фразеологическая синонимия прослеживается также в парах: *доводить до белого каления* — *доводить*, *склонять во всех падежах* — *склонять*, *ободрать как липку* — *ободрать*, *провалиться сквозь землю* — *провалиться*, *прижать к ногтю* — *прижать*, *капля в море* — *капля* и т.д. Приведем примеры из текста художественных произведений: «Это действительно был толковый, смысленный парнишка, который все схватывал на лету» (Кат.); «Кибернетикой кланутся и божатся, склоняют ее во всех падежах, и уже навязло это слово в зубах и стыдно его произносить» (Грек.).

Как видно из примеров, лексико-фразеологическая синонимия явно преобладает в сфере глагольно-наречной

идиоматики. Слова-компоненты соответствующих фразеологизмов, будучи одновременно и лексически, и категориально маркированными, таким образом, являются компонентами-сопроводителями.

Другим процессом, родственным только что описанному и способным также порождать компоненты-сопроводители, но несколько иного семантического свойства, является равномерная лексико-фразеологическая дифференциация (в дальнейшем изложении для краткости просто равномерная дифференциация). Если при лексико-фразеологической синонимии (неравномерной дифференциации) грамматически опорный компонент как бы перетягивает на себя основной груз фразеологического значения, то при равномерной дифференциации на долю компонента-сопроводителя приходится только часть (причем, как правило, неосновная) фразеологического значения. Фразеологический смысл в таком случае пропорционально распределяется между словом-компонентом и остальной частью фразеологизма. Например, общее значение фразеологизма *смотреть сверху вниз* (на кого) 'относиться к кому-либо высокомерно' удастся разложить на глагольную и наречную доли благодаря соотнесенности идиомы с производным значением глагола *смотреть* 'так или иначе относиться к кому-, чему-нибудь' (ср. также: *смотреть снизу вверх* 'относиться к кому-либо почтительно, с благоговением').

Равномерная лексико-фразеологическая дифференциация менее представлена в количественном отношении, чем лексико-фразеологическая синонимия. Да и качественно она не вполне определена и четка. Объясняется это, видимо, тем, что общая семантика устойчивых оборотов, склонных к равномерной дифференциации, далеко не во всех случаях точно раскладывается на глагольную и адverbиальную части. Другим фактором, затрудняющим «узнавание» равномерной дифференциации, является характер самой словарной дефиниции. Поясним последнее на примере. Устойчивый оборот *сидеть сложа руки* определяется в фразеологическом словаре следующим образом: 'бездействовать, проявлять пассивность'. Такой вариант толкования почти полностью маскирует равномерную дифференциацию (ср. более развернутое определение фразеологизма 'пребывать в состоянии бездействия, пассивности' и значение глагола *сидеть* 'находиться, пребывать в каком-либо состоянии или заниматься чем-нибудь'). Равномерная дифференциация обнаруживается также в единицах *сидеть на хлебе с водой, держать в узде, пройти огонь, воду и медные тру-*

бы и др. «Я понимаю ваши чувства, Клавдия Георгиевна, и все-таки надо держать себя в руках, не теряйте голову. Уважайте ваше чувство, ваше отношение к мужу» (Проск.); «Она не понимала и теперь, но что-то, наверно, делать надо было, а не сидеть сложа руки и не ждаты у моря погоды» (Расп.); «Но вы человек интеллигентный и, надеюсь, умеете держать себя в узде» (Куд.). Показателен последний пример, убеждающий в том, что глагольный элемент пока достаточно прочно удерживается в компонентной структуре фразеологизма и не превратился еще в слово-сопроводитель.

Таким образом, компоненты-сопроводители представляют собой переходную категорию элементов фразеологической структуры, наиболее тесно соприкасающуюся и взаимодействующую с лексико-семантическим уровнем языка. Компоненты-сопроводители демонстрируют такой предел допустимого взаимопроникновения фразеологизма и слова, за которым дальнейшее существование компонента становится невозможным: он окончательно распадается и уподобляется слову. Время распада компонента целиком зависит от меры проницаемости фразеологизма и слова, от особенностей развития их смысловых структур.

Итак, слова-сопроводители, с одной стороны, и компоненты — с другой, опосредуются промежуточной зоной слов-компонентов вообще и компонентов-сопроводителей в частности. Из этого следует также вывод, что сами слова-сопроводители при определенных семантико-грамматических условиях могут в той или иной мере приближаться к статусу компонентов-сопроводителей. Тем самым встает вопрос о типологии слов-сопроводителей.

Слова-сопроводители неоднородны по своим лексическим и грамматическим свойствам. Прежде всего различна их роль как конкретизаторов значения фразеологизма¹. Указательная значимость слов-сопроводителей тем весомее, чем элементарней семный состав фразеологического значения (ср. фразеологизмы, характеризующие высокую степень признака или качества: *как ножа бояться, до чертиков рад, как две капли воды походить*). И обратно: чем сложнее, содержательнее семантика фразеологизма, тем бледнее и незаметнее дополняющая и компенсирующая функция слов-сопроводителей (ср. значение фразеологизмов *со своей колокольни судить, под горшок стричь, на широкую ногу жить, с бору по сосенке собирать, не солоно хлебавши*

---

¹ См. об этом более подробно с. 252 и сл.

вернуться). Различаются слова-сопроводители и полнотой реализации соответствующих грамматических категорий (например, вида и времени у глаголов) [32, с. 122—123, 155—157].

Но слова-сопроводители далеко не однотипны и в отношении таких семантических показателей, как однозначность — многозначность, конкретность — отвлеченность, расчлененность — диффузность и др. Учет этих показателей, тесно соприкасающихся друг с другом, важен для уяснения проблемы потенциальной «открытости» границ между компонентом-сопроводителем и словом-сопроводителем.

Вполне естественно начать семантическую типологию слов-сопроводителей с однозначных¹ единиц, наделенных конкретным, вещественным значением. Например: *по горло занят, на чем свет стоит ругать, во весь дух мчаться, как сидорову козу пороть*. Несколько примеров из художественной литературы: «Во весь дух я помчался назад. Лужнов, придерживая раненую руку, сидел на траве возле трупa Павловского бледный и печальный» (В. Б.); «А вникнуть если, то стыдиться-то было нечего. И работал Егор всегда на совесть, и жил смирно, без баловства, а получалось, что кругом был виноват. И он не спорил с этим, а только горевал сильно, себя ругая на чем свет стоит» (Б. В.).

К только что выделенной группе непосредственно примыкает разряд многозначных слов-сопроводителей, смысловая структура которых ограничена двумя-тремя значениями, также достаточно конкретными и дифференцированными. Например: *на своей шкуре испытать, с иголки одеть, одетый, как черт лада на бояться, за бортом оказаться, в три ручья плакать, полон рот хлопот, как собаке пятая нога нужен, из-под носа увести, почем фунт лиха узнать* и др.

Условно будем считать оба приведенных разряда единиц словами-сопроводителями первой степени. Например: «Для начала он (Флягин) заставил меня выучить наизусть все формулы элементарной тригонометрии, штук сорок. Нужны они мне, как собаке пятая нога» (Грек.).

В следующую группу условно объединяются слова-сопроводители второй степени, объем полисемии у которых не превышает соответственно четырех — шести значений, причем слова-сопроводители, как правило, стремятся реализовать значения, наименее удаленные от исходного. Например: *из первых рук получить, как осиновый лист дрожать,*

---

¹ Семантика слов-сопроводителей учитывается по [67].

верой и правдой служить, *под каблук* попасть, как *манны небесной* ждать, *сломя голову* бежать, *ни за грош* пропасть, *в доску* свой, *засучив рукава* работать и др. Например: «Скачи, брат, сломя голову. Если ты действительно влюблен, так под землей найдешь» (А. Т.); «С терпением, со смирением, устав от душевных смут, друзья мои потепления как манны небесной ждут» (А. Я.).

У слов-сопроводителей третьей степени объем полисемии составляет семь — девять значений. Например: *в глаза* говорить, *в три шеи* гнать, как *стеклышко* чист, как у *Христа за пазухой* жить, *в надежные руки* отдать, *в тени* остаться, как на *горячих углях* сидеть. Например: «Хорошо, что наши мысли и стены домов непрозрачны и люди не знают, что о них думают и что говорят за глаза» (Грек.); «Кетчер с Тургеневым сошлись на том, что разумнее приостановить временно выход «Записок» отдельным изданием. Книга не останется в тени, в этом не могло быть сомнения. А с успехом ее явятся и новые беды для автора» (А. Тимрот).

Наконец, под словами-сопроводителями четвертой степени подразумеваются лексемы, смысловая структура которых содержит 10 и более значений. Например, *с бору по сосенке* собирать, *по горло* дел, *в штывы* принимать, *куда глаза глядят* идти, *за чистую монету* принимать. Вот несколько примеров из современной прозы: «Угрозу сына о том, что записанный за ним скот он отведет на колхозную ферму, Михаил Егорович принял за чистую монету. Особенно он уверовал в злое намерение сына вчера» (Т. Я.); «На хутор шли, а он вдруг оказался спаленный. Ну, пошли куда глаза глядят» (Б.).

Таким образом, слова-сопроводители в семантическом отношении образуют определенную иерархию. Среди слов-сопроводителей явно преобладают единицы с неразвитой многозначностью (1-я и 2-я группы). Любопытно при этом отметить, что слова-сопроводители более высокой степени (3-я и 4-я группы) стремятся к актуализации своих первичных значений, тем самым в какой-то мере контекстуально свертывая, нейтрализуя полисемию.

Слова-сопроводители третьей и четвертой степени сравнительно немногочисленны. Свойственная им развитая многозначность, которой нередко сопутствуют отвлеченность и диффузность отдельных значений, создают благоприятную языковую почву для функционального и семантического сближения слов-сопроводителей и компонентов-сопроводи-

телей. При этом названные языковые предпосылки в равной мере влияют и на слова-сопроводители, и на компоненты-сопроводители. Таким образом, обнаруживается следующая двусторонняя зависимость: чем шире объем многозначности, выше степень отвлеченности и семантической диффузности слова-сопроводителя или компонента-сопроводителя, тем ближе они в качественном отношении и тем подвижнее граница между ними.

Выявленная зависимость может служить одной из иллюстраций выражения в языке диалектического закона перехода количественных изменений в качественные, и обратно. Объективным критерием качественно-количественных изменений служит понятие меры. Мера указывает на те границы, в пределах которых единство количества и качества сохраняется, т. е. изменение одной характеристики (количества или качества) не ведет к изменению другой. Однако «размытость границ меры, наличие в ней количественной избыточности... обеспечивают постепенность перехода от одной меры к другой. Постепенность развития всегда включает в себя скачки» [54, т. 1, с. 283]. Постепенный и скачкообразный характер качественно-количественных изменений вместе с тем предопределяет трудности «распознавания» и дифференциации непосредственно граничащих друг с другом явлений или единиц. Этим обстоятельством в свою очередь и определяется свойство «открытости» границ между качественно неоднородными единицами, взаимно контактирующими и имеющими вследствие этого сходные черты.

Важно, однако, иметь в виду, что сформулированная выше зависимость сохраняет свою силу в том случае, когда названные семантические характеристики дополняют друг друга. Однобокое развитие одного из вспомогательных показателей (отвлеченности или диффузности), без поддержки со стороны полисемии, может дать иной структурно-семантический эффект. Так, например, отвлеченная связка *быть*, обладающая семантической диффузностью, но неразвитой многозначностью, выполняет по отношению к фразеологизму чисто грамматическую функцию, чем создается некоторая иллюзия ее вхождения в состав фразеологической структуры (ср.: *быть на седьмом небе*, *быть на волоске*, *быть на носу*; ср. также: *костюм был с иголки*, *свадьба была так себе и под*). Сходным образом ведет себя и однозначная отрицательная частица *не*, за исключением тех случаев, когда она является обязательным элементом фразеологизма (ср.: *не в духе — в духе*, *не валяй дурака — валяй дурака* и *не от мира сего*, *не покладая рук*). Следовательно, связки-сопроводители и

частицы-сопроводители уступают по своей проникающей способности собственно словам-сопроводителям.

В роли дополнительных предпосылок и «катализаторов» сближения слов-сопроводителей и слов-компонентов (компонентов-сопроводителей) выступают следующие основные факторы: а) наличие общих сем в значении фразеологизма и слова-сопроводителя (ср., например, наречный фразеологизм *во все лопатки* 'очень быстро, стремительно' и слово-сопроводитель *бежать* 'двигаться быстрым, резко отталкивающимся от земли шагом'); б) тесная грамматическая взаимосвязь между ними; в) смутный или вовсе немотивированный характер внутренней формы фразеологизма, способствующий выравниванию слова-сопроводителя и слова-компонента (ср.: *принимать за чистую монету, на бобах остаться*); г) высокая воспроизводимость слов-сопроводителей (ср.: *сапоги каши просят, хлопот, забот полон рот*).

Следует заметить, что крайняя избирательность слов-сопроводителей нередко связана с исходной предметно-логической и смысловой взаимообусловленностью и предсказуемостью компонентов и окружения (ср.: *за семью замками прятать, краем глаза видеть, со всех ног бежать, для красного словца сказать, во все уши слушать*).

Единичная валентность устойчивых сравнительных конструкций прямо вытекает из их логической и языковой (семантической) сущности. В основании устойчивого сравнения лежит, как известно, общественно осознанный и закрепленный в языке индивидуальный признак, общий для сравниваемых предметов или явлений. Языковым выразителем признаковой индивидуальности и становится слово-сопроводитель (ср.: *как воздух нужен, как волк голодный, как две капли воды походить, как перст один*).

Сделанный здесь общий вывод о возможности переходной зоны между словами-компонентами и словами-сопроводителями не следует понимать как уступку концепции «семемной сочетаемости». Сторонники этой концепции пытаются обосновать и доказать идею о якобы сквозной моделируемости «фразеосочетаний», выстраивающихся в непрерывный ряд последовательно переходящих друг в друга качественно неоднородных единиц (свободное словосочетание — устойчивое словосочетание — фразеологизм). Факт проникаемости, потенциального сближения слов-компонентов и слов-сопроводителей осмысливается в аспекте вторичных (системо-приобретенных), а не первичных (системообразующих) их свойств.

Итак, компонент не является лишь формальным придатком

фразеологизма. Он несет в составе идиомы определенные семантические функции. Фразеологизм и его компоненты могут служить ярким примером проявления в языке диалектического закона отрицания отрицания. По словам В. И. Ленина, диалектика содержит в себе «не голое отрицание, не зряшное отрицание... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» [2, с. 207]. Слово, порождая компонент, не ограждается от него непреодолимой преградой, а продолжает с ним взаимодействовать. Компонент в составе фразеологизма испытывает влияние центростремительных (фразеологических) и центробежных (лексико-семантических) сил. Основная часть компонентов, несмотря на семантическую маркированность достаточно высокой степени (например, прономинальную или семную), прочно удерживается в орбите фразеологической структуры. Вместе с тем определенная часть компонентов (особенно лексически маркированных) создает неустойчивость внутри фразеологизма, предопределяя различные формы фразеологической переходности.

Любопытно отметить еще одну особенность лексико-фразеологических связей и отношений. Признавая вероятность активного взаимодействия фразеологизма и его компонентов со словом, нельзя не обратить внимания на то, что проникающие способности фразеологизма в целом и его компонентов в частности значительно выше, чем у слова. Так, слова-сопроводители, как правило, могут лишь сближаться со словами-компонентами, не уподобляясь им полностью. Напротив, переход слов-компонентов (компонентов-сопроводителей) в слова-сопроводители довольно типичен (см. в этой связи § 25 о трансформации глагольно-наречных выражений типа *откладывать [дело] в долгий ящик*). Таким образом, фразеологическая структура, тесно соприкасаясь и взаимодействуя с лексико-семантической, в то же время остается открытой и проницаемой в основном изнутри.

Глава 5 Семантическая характеристика фразеологизмов

§ 11.

Фразеологическое значение в сопоставлении с лексическим

Фразеологизмы обладают особым, по сравнению со словом, специфическим значением, которое принято называть фразеологическим. Это значение тем своеобразнее, чем идиоматичнее оборот, чем в большей мере компоненты фразеологизма преобразованы в семантическом отношении.

При определении специфики фразеологического значения следует прежде всего опираться на те элементы языковой структуры, которые непосредственно участвуют в реализации значения фразеологизма. Важную функцию в этом отношении выполняют компоненты фразеологизма, поскольку фразеологическое значение имеет компонентную основу, а в отдельных случаях общее значение фразеологизма вытекает из ослабленного значения его компонентов.

Степень участия компонентов в образовании целостного значения фразеологизма определяется способностью фразеологической единицы противопоставляться эквивалентному свободному словосочетанию. Если фразеологизм при наложении на свободное словосочетание дает на его фоне метафорический эффект, то доля участия каждого компонента в создании смыслового целого приблизительно одинакова, а весь фразеологизм обладает в таком случае целостным мотивированным значением (ср.: *вертеть хвостом, вертеться под ногами, взлетать на воздух, вязать петли, греть руки* (на чем), *палец о палец не ударить*). Напротив, если фразеологизм с точки зрения современного языкового восприятия не налагается на свободное словосочетание ввиду невозможности его образовать, а общее значение фразеологической единицы оказывается мотивированным, то значение фразеологизма становится частично целостным (ср.: *на скорую руку*). В этом случае отдельные компоненты обнаруживают семантическое тяготение, смысловую соотнесенность (но не тождество!) со сходнозвучными словами свободного употребления.

В отличие от фразеологического значения словесное (лексическое) значение определяется морфемами, семантическая величина которых может быть приближенно опре-

делена посредством словарных толкований (см. с. 110). Например, слово *смятенность* означает 'свойство и состояние смятенного' [86, т. 13, с. 1459]. Слова-идентификаторы *свойство* и *состояние* известным образом замещают отвлеченный суффикс *-ость* и указывают на наличие в смысловой структуре толкуемого слова лексико-грамматического значения предметности, тогда как слово *смятенный* отражает понятийное содержание, заключенное в корневой морфеме *смятенн-*.

Таким образом, морфемы в структуре слова отличаются значительно большей специализацией, чем компоненты фразеологизма. Так, у апплицируемых (налагаемых) фразеологизмов с целостным значением типа *тянуть kota за хвост* все знаменательные компоненты принципиально равноправны, чего нельзя сказать о простом производном слове, где смыслообразующая функция всегда принадлежит корневой морфеме.

Факторы, определяющие роль и место морфем или компонентов в смысловой структуре слова или фразеологизма, связаны с особенностями мотивировки фразеологизма и слова. Значение большинства фразеологизмов не обусловлено ни значением его отдельных компонентов (так как они лишены семантической самостоятельности), ни тем более значением тех слов свободного употребления, которые входят в переменное словосочетание такого же лексического состава (ср.: *вставлять палки в колеса, ловить рыбу в мутной воде, носить камень за пазухой, протянуть ноги* и т. д.). В противоположность этому значение любого производного слова мотивировано значением другого слова, от которого оно образовано (ср.: *доярка* от *доить*, *учитель* от *учить*, *конюх* от *конь* и т. д.).

Лишь иногда значение фразеологизма может быть обусловлено значениями его компонентов. Такие фразеологизмы не могут быть противопоставлены эквивалентному свободному словосочетанию. По характеру мотивированности подобные фразеологизмы близки к сложным словам, употребляющимся в прямом значении.

От того, какое место занимает компонент или морфема в семантической структуре фразеологизма или слова, во многом зависит механизм образования фразеологического или лексического значения. Так, фразеологическое значение образуется в результате слияния понятийного содержания с категориальным значением (если оно налицо). Лексическое же значение формируется вследствие органического соединения понятийного содержания со словообразовательным и категориальным значением.

В подавляющей части случаев фразеологическое значение, в отличие от лексического, не осложнено словообразовательным значением, что и составляет существенную особенность фразеологической семантики. Важно при этом отметить, что выделенные признаки лексического значения передаются единой звуковой оболочкой слова; выделенные же признаки фразеологического значения могут предаваться по-разному: понятийное содержание передается, как правило, всем устойчивым звуковым комплексом компонентов, если они не являются факультативными; категориальное значение фразеологизма передается грамматически господствующим компонентом (если он налицо): у глагольных фразеологизмов — глагольным компонентом, у именных — именным и т. п. При невозможности выделить грамматически господствующий компонент категориальное значение фразеологизма устанавливается синтаксически — по синтаксической роли фразеологизма в структуре предложения.

Попутно отметим, что отношения между морфемами внутри слова нельзя приравнивать к внутрикомпонентным отношениям в составе фразеологизма. Дело в том, что словообразовательные и фразеобразовательные отношения частично пересекаются в области описательных оборотов типа *одерживать победу* (= победить), которые не относятся к собственно фразеологизмам. В структуре же подлинных фразеологизмов деривационное значение, т. е. значение, создаваемое словообразовательными аффиксами, ограничивающее и уточняющее вещественное значение корня, нейтрализуется, десемантизируется, утрачивается под влиянием целостного значения фразеологической единицы.

С точки зрения отражения наших понятий описательные обороты принципиально ничем не отличаются от свободных словосочетаний, посредством которых описывается идеальное содержание. Ср.: *принимать участие — участвовать и специалист по токарному делу — токарь*. В этот ряд не могут быть поставлены собственно фразеологизмы. Случаи типа *собаку съел — насобачился* к делу не относятся, поскольку глагол *насобачиться* 'научиться ловко что-либо делать' семантически соотносится не с отдельными компонентами (их собственные значения нельзя определить), а с фразеологизмом в целом, выступающим в значении 'приобрел большой опыт в чем-либо, наловчился'. В смысловой структуре фразеологизма и слова по-разному проявляется внутренняя форма¹.

¹ О внутренней форме различных языковых единиц см. [36, с. 186—214; 56, с. 190—193; 64, с. 160]. О внутренней форме фразеологизмов см. [97; 23, с. 48; 55, с. 18].

Внутренняя форма, как уже упоминалось (см. с 99, 110), не способна выступать в качестве дифференциального или интегрирующего (смыслообъединяющего) признака фразеологического значения.

Этимологическое значение, в отличие от актуального фразеологического, имеет словесную (а не компонентную) основу и возникает в результате семантического взаимодействия слов, входящих в такое свободное словосочетание, которое неизбежно подвергается метафорическому переосмыслению (ср.: *отрезанный ломоть, первая ласточка, отходить в сторону, перебежать дорогу (кому), переступить порог* и т. п.).

Такие налагаемые фразеологизмы своеобразно совмещают этимологическое значение с актуальным. Между тем и другим значением устанавливается условно-следственная и/или причинно-следственная зависимость, которая может быть передана формулой «если уж... то...» и «так как... то...». В первую часть этой рамочной конструкции легко вводится свободное словосочетание, подлежащее метафоризации (т. е. материальная основа внутренней формы), а вторая часть представляет собой толкование (однословное или развернутое): ‘если уж кто плюет в потолок, то такому человеку нечего делать’, ‘если уж кто лижет пятки кому, то тот подхалим’ и т. п. Такой зависимости между актуальным и этимологическим значениями в смысловой структуре слова (с непереносным значением) не наблюдается, так как в слове актуальное значение слито в одно целое с этимологическим, а в фразеологизме актуальное значение отдалено от этимологического, известным образом ему противопоставлено.

Участвуя в образовании актуального значения, тот или иной компонент фразеологизма становится семантически преобразованным, деактуализированным словом. Например, компоненту *гусь* в составе фразеологизма *гусь лапчатый* ‘хитрый, изворотливый человек’ легко приписать местоименное значение *человек*; напротив, в составе словосочетания, формирующего внутренний образ фразеологизма, каждое слово сохраняет свое исходное значение (например, в составе словосочетания *гусь лапчатый* — а оно является материальной основой внутренней формы — слово *гусь* употребляется в обычном смысле ‘дикая и домашняя водоплавающая птица с длинной шеей’).

В лексическом значении, в отличие от фразеологического, мотивирующий признак, лежащий в основе наименования лексических единиц, нередко является составной частью внутреннего содержания многих слов. Например, слово *подо-*

рожник в словаре С. И. Ожегова толкуется как 'сорная луговая, обычно придорожная, трава с мелкими цветками, собранными в колос'. В этом развернутом определении мотивировка слова *подорожник* передается словосочетанием 'луговая, обычно придорожная, трава' (ср. также: *подснежник*, *подберезовик*, *колокольчик* и т. д.). Правда, в лексическом значении мотивирующий признак всегда занимает периферийное положение среди других дифференциальных признаков значения. К тому же мотивирующий признак нередко в силу своей семантической избыточности далеко не всегда становится дифференциальным (ср.: *подсолнечник*, *подосиновик* и др.). Не случайно внутренняя форма слова (не фразеологизма) имеет тенденцию забываться и постепенно исчезать.

Впрочем, внутренняя форма может иногда выступать в качестве различительного семантического признака при отдельных оборотах терминологического характера. Так, например, терминологический оборот *мертвая голова*, возникший на основе метонимического переноса, означает 'бабочка семейства бражников, на спине которой рисунок, напоминающий череп человека' [88, с. 802]. Составное наименование *бараньи лбы*, также возникшее в результате метонимического переноса, употребляется в значении 'скалистые выступы рельефа, сглаженные и отполированные движущимся ледником' [88, с. 110]. И здесь внутренняя форма легко угадывается в смысловой структуре соответствующего образования. Этим терминологические фразеологизмы отличаются от не-терминологических.

Подобно словам, фразеологизмы, вступая между собой в определенные семантические отношения, образуют семантическую парадигму. В составе этой парадигмы центральное (ядерное) положение принадлежит фразеологическим оборотам, которые охвачены явлением вариантности и синонимии. Все остальные члены семантической парадигмы (фразеологическая антонимия, полисемия, энантиосемия и пр.) занимают периферийное положение. В области фразеологии подавляющая часть оборотов семантически связана друг с другом непосредственно. И в этом состоит специфика фразеологического значения.

Чем шире и разветвленное семантическое взаимодействие между фразеологизмами, тем ограниченнее круг понятий и представлений, которые могут быть переданы посредством соответствующих оборотов. Если лексика отражает все многообразие предметов, явлений и свойств внеязыковой действительности, то фразеологизмы в содержательном отношении охватывают прежде всего сферу переживаний и чувств,

а также разнообразную гамму оценок и квалификаций кого-либо или (реже) чего-либо (см., например, с. 186 и сл.).

Наиболее активными признаками фразеологического значения выступают интегрирующие семы оценочности, интенсивности, одушевленности и под. Соответствующие признаки в меньшей мере характеризуют смысловую структуру слова.

Смысловая структура многозначного фразеологизма принципиально отличается от смысловой структуры многозначного слова. Отдельные значения многозначного фразеологизма с прозрачной внутренней формой возникают всякий раз на основе повторного метафорического переосмысления одного и того же свободного словосочетания. В связи с этим смысловая структура налагаемого многозначного фразеологизма характеризуется известной равноценностью своих частных значений¹. К тому же все частные значения подобных многозначных фразеологизмов являются обобщенно-метафорическими.

В силу последних обстоятельств семантический строй прежде всего апплицируемых фразеологизмов сближается с семантическим строем слов с переносным значением, отчего так называемые «потенциальные слова» всегда обладают потенциальным переносным значением (ср. приемы каламбурного использования фразеологизмов, основанные на противопоставлении фразеологической единицы эквивалентному свободному словосочетанию). Короче говоря, фразеологическое значение в плане отражения внеязыковой действительности однородно переносным значениям слов типа *ворона* 'зевака, ротозей', *колпак* 'недалекий человек, простак', *мешок* 'неповоротливый человек' и т. п. В значениях соответствующих слов (как и в фразеологическом значении) содержится не единичное, а обобщенное отражение предметов реальной действительности.

При выявлении семантической специфики фразеологизмов нельзя также не заметить, что семантический объем фразеологизма часто не совпадает с семантическим объемом слова. При соизмерении смысловых объемов обнаруживается, как правило, семантический остаток: *пушкой не пробьешь* — это не просто 'много', а 'очень много' (об очень большом скоплении народа, о тесноте); *с гулькин нос* — не просто 'мало', а 'слишком мало' и т. п. Фразеологическое значение отличается от лексического прежде всего степенью интенсивности проявления признака.

Фразеологическое значение определяется, семантически

---

¹ Об этом более подробно см. с. 198 и сл.

развертывается не посредством других фразеологизмов, а посредством слов или фразеологических сочетаний, т. е. единиц не фразеологического измерения. При этом чем многочленнее структура толкуемого фразеологизма, тем, как правило, меньше вероятность его однословной замены. Например, с трудом допускают однословный перевод фразеологизмы, образованные по типу так называемых предикативных словосочетаний (*глаза на лоб лезут* (у кого-либо), *небо с овчинку показалось* (кому), *руки чешутся* (у кого) и под.). Последнее обстоятельство говорит о том, что фразеологизмы этого типа обладают самостоятельной познавательной ценностью, т. е. отражают новые, не закрепленные в слове стороны реальной действительности.

Своеобразие фразеологического значения определяется также характером контекстуальных связей фразеологизма со словом, ибо контекст служит важным языковым средством обнаружения и реализации социально отработанного значения (фразеологического или лексического).

Опираясь на контекстуальные связи можно обнаружить отличительные особенности фразеологического значения по сравнению с лексическим. Так, отдельные разряды фразеологизмов отличаются от соотносительных с ними классов слов в типологическом отношении. Например, многим наречным фразеологизмам присуще валентно ограниченное, фразеологически связанное значение: *в двух словах* объяснить, рассказывать; *в поте лица* работать, трудиться, добывать хлеб; *в три погибели* гнуться, кланяться; *жить душа в душу* и др. Напротив, в кругу наречий валентно ограниченный тип значения занимает периферийное положение: *курить втяжку*, *бегать впуски*, *жить припеваючи* и др. Это означает, что наречные фразеологизмы для реализации своего значения нуждаются в большей контекстуальной опоре, чем обычные наречия. Следовательно, многие наречные фразеологизмы, в особенности со значением меры и степени, наделены относительно низкой степенью семантической самостоятельности, так что их собственное значение всякий раз как бы дорабатывается за счет слов-конкретизаторов.

Семантически реализуемый фразеологизм независимо от степени смысловой самостоятельности обладает более узкой сочетательной способностью, чем соотносительный лексико-грамматический разряд слов. Так, глагольные и именные фразеологизмы в позиции сказуемого обычно передают различные свойства и качества лица (и только лица). Например, глагольный фразеологизм *вертеть* (*вилять, крутить*) *хвостом*

имеет несколько значений: 1) 'хитрить, лукавить'; 2) 'колебаться в выборе решения; уклоняться от прямого ответа'; 3) 'лестью, угодничеством добиваться чьего-либо расположения'. Во всех своих частных значениях этот фразеологизм употребляется при подлежащем с семантикой лица. Ср. также: (кто-либо) *бьет баклуши, бьется как рыба об лед, выбивается из сил, дерет шкуру* (с кого), *подпускает турусы на колесах* и т. п.; (кто-либо) *легок на подъем, не лыком шит, ни жив ни мертв* и т. п.; (кто-либо) *гусь лапчатый, мокрая курица, не обсевок в поле* и др. Лишь немногие фразеологизмы характеризуют не лицо, а предмет — конкретный или отвлеченный (ср.: сапоги, ботинки *каши просят*; жизнь, энергия *бьет ключом*), и почти не встречаются фразеологизмы, семантический объем которых позволял бы им одновременно относиться к грамматическому подлежащему с семантикой лица, одушевленного, конкретного или отвлеченного предмета.

Чаще всего употребляются при подлежащем со значением лица (и только лица) апплицируемые (налагаемые) глагольные фразеологизмы, обладающие обобщенно-метафорическим значением типа *валить в одну кучу, валить через пень колоду, валяться в ногах, вариться в собственном соку, вводить в круг, вводить в русло, веревки вить* (из кого), *вертеть вола, вертеть хвостом, вертеться как белка в колесе, взваливать на плечи, видеть насквозь, висеть на телефоне* и др.

В отличие от глагольного фразеологизма глагол свободно-го употребления обладает более гибкой семантикой. Так, глагол *жить*, например, в одном и том же значении 'существовать, находиться в процессе жизни' одновременно сочетается с подлежащими разной семантики: *человек живет, слон живет, береза живет* и т. п.

Своеобразной особенностью фразеологизмов, как уже отмечалось, является их способность противопоставляться свободным словосочетаниям такого же лексического состава. Соответствующие фразеологизмы наделены обобщенно-метафорическим значением, которое характеризует смысловую структуру разнообразных фразеологических оборотов русского языка. Обладая таким значением, фразеологизмы типа *белая ворона, стреляный воробей, гусь лапчатый, тертый калач, саврас без узды, ноль без палочки* и под., как правило, не способны обозначать конкретные предметы, события, факты реальной действительности. Частное, единичное значение подобные выражения способны передать лишь при помощи указательных местоимений *этот, тот* и др.

К сказанному следует добавить, что фразеологизмы образуются по модели словосочетания. Повторяя структурную

схему производящего свободного словосочетания, они, как упоминалось, соотносятся в первую очередь с четырьмя частями речи — глаголом, наречием, существительным и прилагательным. Этим можно объяснить отсутствие в русском языке фразеологизмов с категориальным значением местоимений (личных и неличных), числа и др.

Различие между лексическим и фразеологическим значениями заключается также в различном характере отражения предметов, явлений, свойств окружающей действительности. С точки зрения отражения предметов и явлений действительности, а также со стороны назначения слова в языковой коммуникации можно выделить несколько типов значений.

К первому типу относятся слова, имеющие номинативное значение. Слова, входящие в эту категорию, непосредственно отражают внеязыковую действительность (предметы, явления, события, признаки и т. п.). «Номинативное значение слова, — пишет В. В. Виноградов, — опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений» [17, с. 12; см. также 35, с. 22—26].

В свою очередь этот разряд слов можно разграничить на два подтипа: слова с собственно номинативным и слова с терминологическим значением. Таковы, например: *стол, ходить, зеленый, летом, быстро, Иван; сказуемое, числитель, знаменатель* и т. п. Основная масса слов входит, как известно, в разряд слов с номинативным значением.

Ко второму типу можно отнести знаменательные слова, не имеющие номинативного значения. Соответствующие слова и словосочетания имеют только модальное значение. Сюда войдут слова типа *очевидно, вероятно, конечно, безусловно* и т. п. Лексическое значение указанных слов целиком сводится к тому, чтобы передать отношение говорящего к высказываемому. Иначе говоря, в словах с модальным значением «находит свое выражение сфера оценок и точек зрения субъекта на действительность» [18, с. 32].

К разряду слов с модальным значением примыкают многие слова-характеристики в их вторичном, переносном значении¹: *колпак, осел, размазня, тюфяк* и т. п.

Третий тип составляют слова, которые одновременно сочетают в себе номинативное значение с модальным. Это

---

¹ В первичном значении подобные слова обладают номинативной функцией и, следовательно, относятся к первому типу. Разница между первичным и вторичным значениями касается коммуникативного содержания. Об этом более подробно см. [48, с. 76; 78—80].

слова с суффиксами субъективной оценки (*домик — домина — домище, березонька, человечиска, кулачище* и пр.).

К четвертому типу относятся слова с указательным (дейктическим) значением (класс местоимений).

К пятому типу принадлежат слова с эмоциональным значением (слова междометного характера).

Фразеологизмы с интересующей нас точки зрения распределены совершенно в иных пропорциях по названным группам.

В первый тип номинативных единиц войдет незначительное число фразеологизмов нетерминологического характера. Именные фразеологизмы этого рода могут употребляться в качестве подлежащего, им присуще номинативное значение (ср.: *бабье лето, волчий билет, тупейный художник* и др.).

Второй тип объединит фразеологизмы собственно оценочного значения¹. Таковы, например, многие фразеологизмы именного образования: *белая ворона, выжатый лимон, казанская сирота, кожа да кости, Лиса Патрикеевна, мокрая курица* и др. Интересно отметить, что с усилением оценочного значения соответственно ослабляется номинативное значение, и наоборот.

Третий тип, самый обширный, составят фразеологизмы, совмещающие в себе номинативное и оценочное значения. У этих фразеологизмов в одном контекстном окружении преобладает номинативное значение, а в другом — оценочное, так что их смысловое содержание так или иначе обогащается элементами контекста. Эти фразеологизмы обладают оценочным употреблением, например: *не видеть дальше своего носа, не класть охулки на руку, небо коптит, плевать в потолок* и др.

Самостоятельный разряд образуют фразеологизмы междометного характера: *вот так клюква!, увы и ах!* и под.

Таким образом, возникновение фразеологизма связано с выражением всякого рода модальных оценок и отношений

---

¹ Об этом более подробно см. ниже, с. 149 и сл. Спорным, не получившим однозначного решения является вопрос о характере направленности на действительность слов (и фразеологизмов) с эмоционально-оценочным значением. В. В. Виноградов считает, что такие слова не имеют непосредственной направленности на действительность. Они выражают свое значение опосредованно, «через то семантически-основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда и номинативное значение которого непосредственно направлено на действительность» [17, с. 14]. В. А. Звегинцев придерживается противоположного взгляда [36, с. 173—185]. Думается, что фразеологизмы, обладающие обобщенно-метафорическим значением, называют предметы, явления, свойства окружающей действительности через найденный образ (*вариться в собственном соку, гнуть спину*).

говорящего к высказываемому. Модальная окраска является одним из существенных элементов значения фразеологизма, чего нельзя в той же мере сказать о лексическом значении слова.

Опираясь на отражательную способность различных фразеологических единиц, М. М. Копыленко и З. Д. Попова сопоставляют денотативные семемы (значения) лексем с коннотативными. Первые отражают экстралингвистическую сущность либо непосредственно (*нос, рукав*), либо по ассоциации с иной экстралингвистической сущностью (*нос корабля, рукав реки*). Напротив, коннотативная семема непосредственно не отражает денотат и «создается лишь во фразеосочетании» [42].

Далеко не всегда, однако, удастся приписать тому или иному компоненту определенный денотативный или коннотативный индекс. Так, во фразеологизме *съел собаку*, по нашему мнению, компоненты лишены внутрифразового значения; напротив, А. М. Мелерович этот оборот растолковывает словосочетанием сходной структуры 'приобрел опыт, умение', где компоненту *съел* сообщено внутрифразовое значение 'приобрел', а компоненту *собака* приписано значение 'опыт'. Один и тот же оборот, таким образом, разными интерпретаторами оценивается по-разному.

В заключение отметим, что специфические свойства лексического и фразеологического значений могут быть полностью выявлены после того, как будет раскрыта подлинная сущность лингвистического знака применительно к слову и фразеологизму. Вместе с тем не подлежит сомнению, что сущность фразеологического знака обусловлена характером целостности значения фразеологической единицы.

§ 12.

Смыслообъединяющие признаки фразеологического значения

В смысловой структуре фразеологизма довольно отчетливо выделяются **смыслообъединяющие** (интегральные) **признаки** фразеологического значения. Эти признаки входят в качестве составного элемента значения в различные фразеологизмы. Если дифференциальные семантические признаки указывают на семантическое своеобразие фразеологизма (или слова), то интегральные элементы значения указывают на сходство одной фразеологической единицы с другой. Интегральные признаки могут быть грамматическими и собственно семантическими. В качестве смыслообъединяющих признаков фразеологического значения может выступать зна-

чение категориальное, оценочное, усилительное, а также значение одушевленности-неодушевленности и т. п.

Соответствующие интегральные семы обладают достаточно высокой степенью абстрагированности (так как повторяются во многих фразеологизмах) и выполняют разнообразные языковые функции. Так, категориальное значение системно объединяет фразеологизмы в семантико-грамматическом отношении, соотнося их с той или иной частью речи. Показателем категориального значения служит грамматически господствующий компонент (если он налицо). Оценочное значение, воздействуя на категориальное, способствует объединению неоднородных в лексико-грамматическом отношении фразеологизмов (например, глагольных с именными). Оценочное значение не передается каким-либо компонентом в отдельности, оно присуще всему фразеологизму в целом.

Усилительное значение объединяет многие фразеологизмы (и слова со связанным значением), преимущественно наречного характера, в одну семантическую парадигму. В составе такой парадигмы фразеологизмы (или слова) соотносены друг с другом по степени семантической близости благодаря смыслообъединяющему признаку 'очень', 'сильно', 'в высшей степени'. При этом чем теснее взаимосвязаны фразеологизмы на парадигматической оси, тем согласованнее их взаимодействие в синтагматическом ряду, и наоборот. Эта особенность наиболее последовательно проявляется при многих наречных фразеологизмах, которые семантически реализуются при строго ограниченном круге глаголов-сопроводителей.

Здесь прежде всего выделяются наречные фразеологизмы, вступающие между собой в синонимические отношения. Соответствующие обороты характеризуются самой высокой степенью парадигматической и синтагматической закреплённости. Например, наречные фразеологизмы *во весь дух*, *во все лопатки*, *во всю прыть*, *со всех ног*, *изо всех сил*, *очертя голову*, *сломя голову*, *что есть духу*, *что есть силы* реализуются при глаголах движения *бежать*, *мчаться*, *лететь*, *скакать*, *пускаться* и т. п. Данные фразеологизмы свободно замещают друг друга, т. е. устойчиво нейтрализуются в одинаковых позициях.

В особую группу объединяются фразеологизмы типа *на все корки ругать*, *без задних ног спать*, *как свои пять пальцев знать*, *душа в душу жить*, *в три погибели гнуть* и др. Подобные фразеологизмы также содержат

смыслообъединяющий признак 'очень', 'сильно', но он не является единственным в смысловой структуре этих выражений: к этому признаку в каждом конкретном случае добавляется свой дифференциальный семантический остаток, выполняющий основную смысловую нагрузку. О характере семантического расхождения между сопоставляемыми фразеологизмами говорит то обстоятельство, что эти фразеологизмы употребляются во взаимоисключающих контекстах, т. е. находятся в отношении дополнительной дистрибуции. Поэтому такие фразеологизмы не являются синонимами.

Своеобразное положение занимают отдельные фразеологизмы наречного характера, собственное значение которых довольно трудно определить, например: *из рук вон, как божий день, как вороново крыло, как черт ладана* и под. Семантический объем перечисленных фразеологизмов может быть лишь приблизительно передан словами и словосочетаниями с усилительным значением 'очень', 'сильно', 'в высшей степени'. Легко, однако, заметить, что определяющие и определяемые языковые единицы неоднородны, несоизмеримы в грамматическом и семантическом отношении. Слова-идентификаторы обладают активной сочетательной способностью, наделены самостоятельным, хотя и широким, значением, стилистически нейтральны; в противовес этому определяемые фразеологизмы сочетаются с узким кругом слов, семантически аморфны, стилистически окрашены. Семантическая аморфность анализируемых фразеологизмов тотчас снимается в сочетании со словами-сопроводителями, выполняющими конкретизирующую, смысловоразличительную функцию: *из рук вон — плохо, как божий день — ясно, как вороново крыло — черны, как овечий хвост — дрожать, как черт ладана — бояться* и т. д.

Поскольку слова-сопроводители расходятся в семантическом и грамматическом отношении, а сами по себе фразеологизмы семантически элементарны, несамостоятельны в смысловом отношении, то подобные фразеологические обороты нельзя причислять к разряду подлинных фразеологических синонимов. Это всего лишь ложные синонимы.

Таким образом, с ослаблением семантической самостоятельности наречного фразеологизма (одного члена синтагматического ряда) соответственно возрастает указательная сила слов-сопроводителей (другого члена синтагматического ряда). Здесь наблюдается явление семантической компенсации сочетающихся в линейной последовательности слов и фразеологизмов. Эта закономерность также может быть распространена на область именного составного сказуемого, на

фразеологические сочетания и т. п. Явление семантической компенсации в сфере фразеологических сочетаний часто порождает семантическую концентрацию, компрессию, стяжение (ср.: *одержать победу* — *победить*, *хранить молчание* — *молчать*, *питать доверие* — *доверять*, *оказывать помощь* — *помогать* и др.). Напротив, по мере усиления семантической самостоятельности наречного фразеологизма восстанавливается семантическое равновесие контактирующих, сочетающихся единиц в синтагматическом ряду. В этом случае указательная сила слов-сопроводителей приблизительно равна указательной силе фразеологизмов (например, *жить душа в душу* в значении 'жить очень дружно, в полном согласии').

Из сказанного вытекает, что различного рода семантические изменения фразеологизмов в парадигматическом ряду непосредственно отражаются, проявляются в их сочетаемости. При этом тесно связанные в семантическом отношении равнозначные фразеологизмы (если они семантически самодостаточны) соответственно имеют одинаковую или сходную сочетаемость, употребляются при одних и тех же словах-сопроводителях, и наоборот.

Посредством усилительного смыслообъединяющего признака многие фразеологизмы наречного характера системно группируются в семантическую парадигму. Интегральная сема при этом выполняет одновременно парадигматическую и системообразующую функцию. Как видим, во всех случаях усилительное значение не оказывает определяющего, решающего воздействия на семантическое объединение фразеологизмов. Показателем и носителем усилительного значения служит не какой-либо отдельный компонент фразеологизма, а фразеологизм в полном объеме.

В качестве смыслообъединяющего признака фразеологического значения может выступать, как ранее упоминалось, сема *одушевленности*, свойственная многим глагольным и именным фразеологизмам. Эти фразеологизмы довольно часто расходятся в семантическом отношении. Такие, например, глагольные фразеологизмы, как *без ножа зарезать* (кого), *биться как рыба об лед*, *болеть душой*, *брать в переплет* (кого), *в ус не дуть*, *валить в одну кучу* (кого, что), *валяться в ногах*, *вариться в собственном соку*, *веревки вить* (из кого), *вешать нос* и др., не могут быть объединены в семантическую парадигму, так как различаются по значению, хотя с помощью всех этих оборотов передаются активные или пассивные признаки, свойственные лишь одушевленному деятелю, лицу.

Сходные фразеологизмы нередко вступают в синоними-

ческие отношения. Например, фразеологизмы *бобы разводить*, *лить воду*, *переливать из пустого в порожнее*, *точить лясы*, *чесать язык* — синонимы; все они употребляются в одном значении 'вести пустые разговоры, болтать'. Нетрудно, однако, заметить, что на смысловую структуру этих и подобных фразеологизмов синонимического характера семантический признак одушевленности не оказывает сколько-нибудь заметного воздействия, так что сема одушевленности не выполняет парадигматической функции.

Вместе с тем соответствующие фразеологизмы в качестве сказуемого (глагольного или именного) употребляются лишь при подлежащем со значением лица (ср.: «Он валяет дурака»; «Иван болел душой за брата»). В аналогичных конструкциях дважды повторяется значение одушевленного деятеля. Здесь налицо случай сильного семантико-грамматического согласования. Поэтому смыслообъединяющая сема одушевленности выполняет в таком случае лишь синтагматическую функцию.

Во всех только что рассмотренных примерах носителем смыслообъединяющей семы одушевленности служит весь фразеологизм, а не какой-то его отдельный компонент. Грамматически опорные компоненты выполняют лишь согласовательную функцию и служат показателем синтаксической зависимости фразеологизма от производителя действия, выраженного именем существительным или местоимением в роли грамматического подлежащего.

Между усилительным значением и значением одушевленности наблюдается существенное различие. Усилительное значение оказывает на смысловую структуру фразеологизмов более глубокое воздействие, чем интегрирующий семантический признак одушевленности. Свидетельством того служит наличие фразеологизмов (преимущественно наречного характера); собственное значение которых приближается к значению слов *очень*, *сильно*. В противоположность этому нет и не может быть фразеологизмов (преимущественно глагольного и именного характера), собственное значение которых без остатка сводилось бы к одному семантическому признаку одушевленности.

Не все названные здесь смыслообъединяющие признаки фразеологического значения могут быть вскрыты методом словарных определений. Наиболее отчетливо в смысловой структуре фразеологизмов выявляется усилительное значение, свойственное многим фразеологизмам русского языка. Нередко это значение присуще всему синонимическому ряду. Например, синонимичные обороты *гнуть в бараний рог*, *гнуть в дугу* (*в три дуги*), *гнуть в три погибели* употребляются

с общим значением 'принуждая, притесняя, держать в полном повиновении', где усилительное значение передается посредством прилагательного *полный* 'достигающий предела, наивысший'.

Еще отчетливее усилительное значение, сема интенсивности обнаруживается в семантической структуре наречных оборотов меры и степени: *лить как из ведра* 'очень сильными струями, целым потоком' (лить); *беречь, хранить как зеницу ока* 'очень заботливо, тщательно' (беречь) и т. д.

В семантической структуре фразеологизма так или иначе преломляется и оценочное значение; одним фразеологизмам оно свойственно в большей мере, другим — в меньшей (об этом см. ниже). Такие фразеологизмы, как *ноль без палочки* 'ничего собой не представляющий', *ни рыба ни мясо* 'ничем не выделяющийся' и др., содержат отрицательную характеристику лица; это обстоятельство непосредственно отражается в толковании соответствующих оборотов. Фразеологизмы с оценочным значением нередко растолковываются с помощью квалификативных определителей *хорошо, плохо* и т. д.¹

Следовательно, в развернутом толковании отражаются формальные и содержательные элементы фразеологического значения. Формальные элементы оцениваются теми грамматическими категориями, которые характеризуют определенные слова, входящие в объяснительную часть. Так, категориальное значение процессуальности передается через посредство грамматически опорного глагола, входящего в речеописательное толкование (ср.: *плыть по течению* 'действовать вяло, пассивно'); содержательные элементы значения (дифференциальные и отчасти интегрирующие) получают в объяснительной части словесное выражение. Отношение формальных и содержательных элементов характеризуется относительным единством.

§ 13.

Оценочное значение фразеологизма

Важным признаком фразеологического значения служит оценочное значение, которое присуще многим фразеологизмам русского языка. Оценочное значение в разных структурных типах фразеологизмов проявляется по-разному. В этой связи представляется целесообразным установить: а) для каких разрядов фразеологизмов наиболее характерно оценочное значение; б) какие существуют языковые способы обнаружения оценочного значения в фразеологизмах разных типов

¹ См. об эмоционально-оценочном значении слов [64, с. 100].

[см., например, 63]. От действия оценочного фактора во многом зависят как семантические свойства фразеологизмов, так и морфолого-синтаксические их особенности.

Под оценочным значением понимается положительная или отрицательная характеристика лица или предмета со стороны его устойчивых, постоянных свойств, а не случайных или временных.

Необходимо различать фразеологизмы с собственно оценочным значением и с оценочным употреблением. Фразеологизмы собственно оценочного значения обладают этим качеством постоянно, независимо от условий контекста. Фразеологизмы же оценочного употребления в одном контекстном окружении обладают этим свойством, а в другом — нет. Иными словами, собственно оценочное значение является единицей языка, а оценочное употребление — единицей речи.

Перед фразеологизмами с оценочным значением обычно ставятся грамматические вопросы: каков предмет? что он такое? Например, в предложении «Он мелко плавает в этом деле» перед фразеологизмом *мелко плавает* недопустим вопрос что делает?

Оценочное значение следует рассматривать как синтаксически ограниченное значение, ибо оно реализуется в словах и фразеологизмах в том случае, если они используются в предложении в качестве сказуемого (именного или глагольного с вневременным значением), например: «Он из молодых да ранний»; «Он собаку съел на этом деле».

Так как оценочное значение характеризует отношение говорящего к лицу или предмету, то такое значение служит одним из проявлений модальности в языке. При этом замечено, что чем сильнее развито в том или ином фразеологизме модальное значение оценки, тем менее способен такой фразеологизм выполнять собственно назывную функцию, и наоборот. У многих фразеологизмов именного типа образования (*бесструнная балалайка, кожа да кости, кровь с молоком, стреляный воробей* и др.) назывная функция отеснена и подменена оценочной. В. В. Виноградов в связи с этим отмечает: «В процессе речевой коммуникации вещественное отношение и значение слова могут расходиться. Особенно ощутительно это расхождение тогда, когда слово не называет предмета или явления, а образно его характеризует (например: *живые мощи, колпак* — в применении к человеку, *баба* — по отношению к мужчине, *шляпа* — в переносном значении и т. п.)» (18, с. 17). На почве оценочного значения происходит своеобразное сближение глагольных фразеологизмов с именными,

так как с усилением значения оценки соответственно ослабляются глагольные свойства, и наоборот.

Оценочным значением, как показывают факты, более всего обладают такие фразеологизмы, которые сравнительно легко вовлекаются в сферу именного сказуемого. Поэтому значение качественной оценки особенно характерно для именных и адъективных фразеологизмов. Почти все субстантивные фразеологизмы нетерминологического характера обладают или способны обладать оценочным значением. Таковы, например: а) фразеологизмы, образованные из сочетания прилагательного с существительным: *белая кость, выжатый лимон, живые мощи, золотой мешок, канцелярская крыса, крапивное семя, медный лоб, мелкая сошка, отрезанный ломоть, первый сорт, пустое место, синий чулок, тепличное растение* 'изнеженный человек', *ходячая энциклопедия* и др.; б) фразеологизмы, образованные из сочетания существительного в форме именительного падежа с существительным в формах косвенных падежей: *кровь с молоком, мешок с соломой, рыцарь на час, шишка на ровном месте* и под.; в) фразеологизмы, образованные из сочетания существительного в форме именительного падежа с наречием: *мозги набекрень, сапоги всмятку* и др. У перечисленных фразеологизмов не в одинаковой степени развито значение оценки. Это во многом зависит от конкретного содержания того или иного фразеологического оборота, а также от степени его синтаксической закреплённости.

По степени проявления оценочного значения субстантивные фразеологизмы можно условно разделить на две основные группы.

В первую группу объединяются именные фразеологизмы, которые характеризуются заметно выраженной синтаксической подвижностью. Так, фразеологизм *мелкая сошка* (в смысле 'невлиятельный, неавторитетный человек, занимающий невысокое служебное или общественное положение') употребляется не только в функции сказуемого, но и в роли других членов предложения (в роли подлежащего или дополнения). Приведем несколько примеров, взятых из художественной литературы: «У чиновных людей, что покрупнее, были свои дома, а мелкая сошка перебивалась на маленьких квартирах мещанских домов» (М.-П.); «Гости вели себя чинно, хозяин держал себя с достоинством: мелкие сошки, вроде советника Яковлева и госпожи Тележниковой, молчали или говорили вполголоса с соседями» (Реш.); «Начиная с губернатора и воевод, «разоряющих всякими способами обитающих под их правосудием», и кончая последней мелкой

сошкой, — все торговали своим официальным положением» (Шишк.). Этот же фразеологизм встречается и в роли именного сказуемого: «Эрих Кох... явился к фюреру, но, разнюхав, что дела обстоят из рук вон плохо, пропал неизвестно куда. О нем, правда, и не вспоминали, — в конце концов это была мелкая сошка» (Каз.).

Во вторую группу можно включить именные фразеологизмы с отчетливо выраженным оценочным значением (*кровь с молоком, седьмая вода на киселе* и под.). Такие фразеологизмы утвердились в функции сказуемого. Именные фразеологизмы с оценочным значением расслаиваются на неодинаковые по значимости и в функциональном отношении семантические признаки.

Одни из них являются дифференциальными признаками, позволяющими отличить одно фразеологическое значение от другого. Такие содержательные признаки фразеологического значения (семы) являются видовыми и выполняют смыслоопределяющую функцию. Другие семантические признаки, напротив, выступают как общие, родовые и выполняют смыслообъединяющую функцию, так как повторяются в целом ряде именных фразеологизмов с оценочным значением.

Отмеченное различие между семантическими признаками фразеологического значения обнаруживается при описании, разъяснении внутреннего содержания соответствующих фразеологизмов. Например, фразеологизм *стреляный воробей* означает 'опытный, бывалый человек'. Так определяется названный фразеологизм во всех словарях. В этом речеописательном толковании выделенные семы получают определенное словесное выражение: дифференциальный, семантически главенствующий признак передается посредством прилагательных, а семантически второстепенный смыслообъединяющий признак идентифицируется местоименным существительным *человек*. Это слово, кстати сказать, легко вставляется при толковании любого именного фразеологизма, если для него характерна сема одушевленности.

Выявленные свойства именных фразеологизмов с оценочным значением наиболее полно проявляются тогда, когда соответствующие обороты употребляются в качестве именного сказуемого. Дело в том, что в этой синтаксической функции имя существительное (а тем более именной фразеологизм) развивает определительные, адъективные свойства, так как «оно начинает выражать внутренние качества или состояния другой вещи, становится отражением тех качественных состояний, через которые может проходить предмет» [18, с. 334]. Известный не-

мецкий лингвист Г. Пауль в труде «Принципы истории языка» по этому же поводу применительно к словам свободного употребления писал: «Если имя поставлено как предикат или приложено к имени вещи как определение, то оно уже не может быть именем вещи и с этой точки зрения тем самым есть прилагательное» [18, с. 334].

Именные фразеологизмы с оценочным значением развивают в себе способность выступать в качестве однородного сказуемого по отношению к другим сказуемым, выраженным именем прилагательным, которое служит здесь лексическим и грамматическим показателем оценки. Это свидетельствует о высокой концентрации в семантической структуре анализируемых фразеологизмов адъективных, определительных признаков. Таков, например, фразеологизм *кровь с молоком* 'здоровый, крепкого сложения', утративший значение предметности. Например: «С казаками был урядник, георгиевский кавалер, в скобку стриженный, молодой, кровь с молоком, здоровый русский малый» (Л. Т.); «Дарья Петрухина и Варвара Митрохина — бабы молодые, здоровые — кровь с молоком» (Нев.).

Синтаксическое ограничение именных фразеологизмов приводит к полной или частичной потере ими форм падежа, рода, числа и зарождению оттенков времени. Именные фразеологизмы оценочного значения не способны вступать в синтаксическую связь с определением, выраженным прилагательным. Все эти вопросы, так или иначе связанные с наличием значения оценки, являются предметом специального рассмотрения. Таким образом, именным фразеологизмам значение оценки присуще в той мере, в какой для них характерна роль именного сказуемого.

Функцию оценки, качественной характеристики приобретают не только именные фразеологизмы, но и глагольные. В этом отношении фразеологизмы качественно отличаются от обычных глаголов, которым, как правило, чужда такая качественно-определятельная функция. По степени проявления оценочного значения глагольные фразеологизмы можно условно расчленить на две группы.

Наиболее обширную группу составляют глагольные фразеологизмы, выражающие оценочное значение и не утратившие своих основных глагольных категорий — вида и времени: *воды не замутит, высоко летает, дышит на ладан, не видит дальше своего носа, не лезет в карман за словом, не свяжет двух слов, не стоит медного гроша, не хватает с неба звезд, ни в какие ворота не лезет, пороха не выдумает, стоит одной ногой в могиле* и др. Многие из названных фразеологизмов употребляются с частицей *не*, которая усиливает оценочную функцию и одновре-

менно является одной из форм проявления модальности в языке.

Приведенные фразеологизмы соединяют в себе оценочное значение (качественный признак) с категориальным значением действия (с динамическим признаком), т. е. совмещают противоположные признаки. Перевес в каждом конкретном случае бывает или на стороне качественного признака, или на стороне динамического, но никогда преобладание одного признака не приводит к полному исчезновению другого, противоположного признака.

Таким образом, в фразеологизмах этого типа взаимодействуют две противоположно направленные тенденции: с усилением оценочного значения соответственно ослабевают глагольные свойства, и в первую очередь падает видо-временная активность, и наоборот, с ослаблением оценочного значения соответственно усиливается (хотя и до известного предела) активность видо-временных форм. Эта закономерность не знает исключений.

О наличии оценочного значения свидетельствует тот факт, что ни к одному из перечисленных выше оборотов невозможно поставить грамматические вопросы *что делает предмет?* *что с ним происходит?* Ни один из глагольных фразеологизмов нельзя перевести в план активного, актуального настоящего, ибо оценочное значение несовместимо с кратковременностью проявления признака.

О наличии же глагольных свойств свидетельствует то обстоятельство, что соответствующие фразеологизмы способны передавать с известными ограничениями формы времени, вида, лица. Так, фразеологизм *мелко плавает* имеет ярко выраженное оценочное значение и тем не менее способен употребляться в форме прошедшего (перфективного) и настоящего (качественного) [12, с. 70] времени, а также изменяться по лицам. Например: «Эх, голова ты, Василий Васильевич! — возразил столоначальник. — Умней тебя, кажется, в трех столах не найдешь, а и ты мелко плаваешь» (Герц.); «Молоко у него на губах еще не обсохло, чтоб меня судить ... Мелко плавает» (Ч.); «[Ахов:] Вы думаете, это про вас. Мелко плаваете, чтобы для вас законы писать» (Остр.); «Кроме Пастухова, никого не осталось, кто мог бы за такое взяться, — мелко плавают» (Ф.).

В особую группу объединяются фразеологизмы, имеющие в качестве стержневого компонента глагол, который застыл в строго определенной форме. Это фразеологизмы собственно оценочного значения. Они ассимилируются с классом адъективных оборотов. Сюда можно отнести такие фразеологизмы, как *в сорочке родился, видал виды, всем взял, зуб съел* (на чем-либо, в чем-либо), *каши просят* (о сапогах), *мало каши ел, мухи не оби-*

дит, пальчики оближешь, рылом не вышел, собаку съел (на чем-либо, в чем-либо), *язык проглотишь* и др.

Наличие оценочного значения легко обнаруживается в аналогичных случаях посредством приравнивания семантического объема исследуемого фразеологизма к словам и словосочетаниям свободного типа, передающим семантическое содержание толкуемого фразеологизма, т. е. путем идентификации.

В качестве примера возьмем распространенный фразеологизм *съел собаку* (на чем-либо, в чем-либо). Значение этого выражения может быть передано такими словами и словосочетаниями, как: 1. 'Наторел, хорошо разбирается'; 2. 'Искусен, сведущ'; 3. 'Мастер, мастак' (в чем-либо). Легко заметить, что слова, семантически покрывающие этот фразеологизм, относятся к самым различным частям речи — соответственно глаголу, прилагательному и существительному. Таким образом, глагольное по форме выражение синкретически совмещает категориальные значения трех частей речи. Перед нами случай категориальной полисемии. Это стало возможным потому, что разбираемый фразеологизм развил в себе оценочное значение. По этой же причине соответствующий фразеологизм приобрел способность управлять иначе, чем глагол *съесть*, взятый вне данного сочетания слов. Этот же фразеологизм, наконец, может сочетаться с зависимым инфинитивом, например: «Заводские начальники По всей Сибири славятся — Собаку съели драть» (Н.).

Итак, под воздействием оценочного фактора происходит семантическое и категориальное перерождение фразеологизма, сближение категорий глагола и имени.

Сходные преобразования с некоторыми видоизменениями и отклонениями можно наблюдать и в других фразеологизмах этой группы. Некоторые из них, по-видимому, вообще не могут быть определены через глагол, например: *в сорочке родился* 'счастливый', *пальчики оближешь* (о чем-то соблазнительном или вкусном), *язык проглотишь* 'очень вкусный' и др.

Не без основания эти и подобные им фразеологизмы многие лингвисты приобщают или к категории состояния, если эту категорию трактуют расширенно (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов), или к категории адъективных слов (Н. М. Шанский), если сферу употребления категории состояния ограничивают безличными конструкциями. Но от этого существо дела не меняется. В. В. Виноградов, говоря о грамматическом оформлении фразеологизмов при посредстве категории состояния, отмечает следующее: «С этимологической точки зрения в составе этих выражений можно обнаружить разные другие части речи. Но в живом речевом употреблении эти неразложимые фразе-

ологические единства непосредственно подводятся под категорию состояния» [18, с. 335].

Анализируемые фразеологизмы, обладая ярко выраженным оценочным значением, функционально сближаются с именным сказуемым. Такие, например, несходные по образованию фразеологизмы, как *пальчики оближешь*, *язык проглотишь*, *всем взял*, *видал виды* и под., стали своеобразными синтаксическими синонимами именного сказуемого. Фразеологизмы этого типа обычно сочетаются лишь со своим подлежащим и не способны распространяться всякого рода обстоятельствами. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих это положение: «*Чахохбили сегодня — первый сорт... Люля-кебаб — пальчики оближешь*» (Роз.); «*Но зато какой ухой из налимьей печенки угощу... А затем пирог на четыре угла — пальчики оближете*» (М.-С.); «*— У них знатные щи варят — язык проглотишь, — продолжал дядя Елистрат*» (М.-П.); «*Уж и бульонка, — говорил он дорогой, — язык проглотишь*» (С. Под.).

Рассматриваемые фразеологизмы в любом контекстном окружении передают качественную характеристику лица или предмета и вследствие этого закрепились в форме 2-го лица будущего времени с обобщающим значением.

Наличие оценочного значения в смысловой структуре аналогичных фразеологизмов устанавливается с помощью определенных отрицательных грамматических признаков. Соответствующие положительные признаки присущи фразеологизмам с ярко выраженным значением активного действия, процессуальности. Перечислим основные признаки.

1. Фразеологизмы оценочного значения ограничены в проявлении видо-временных форм. Например, фразеологизм *родился в сорочке* употребляется лишь в форме прошедшего (перфективного) и лишен других форм времени.

2. Глагольные фразеологизмы со значением оценки, по-видимому, не могут быть введены в те типы сложноподчиненных предложений, где наиболее развита видо-временная соотнесенность частей. Таковы в первую очередь предложения с придаточной частью времени.

3. При фразеологизмах оценочного значения невозможно поставить грамматические вопросы *что делает предмет?* *что с ним происходит?*

4. Соответствующие фразеологизмы не могут распространяться приглагольными частицами *себе*, *пусть*, *знай*, *дай*, *да*, *чуть было не*, *как*, *бывало* и др.

5. Глагольные фразеологизмы, развившие качественное, оценочное значение, лишены возможности соединяться с различного рода обстоятельствами, обозначающими способ действия

(медленно, быстро), а также указывающими на время (*вчера, сегодня*), место (*там, здесь*), причину (*сдуру, сослепу*) совершения действия. Не могут рассматриваемые фразеологизмы сочетаться с лексическими показателями оценки типа *отлично, хорошо, плохо* и т. п., так как подобные слова семантически согласуются с глаголами, обозначающими действия, «которые могут быть осуществлены хорошо или плохо, и осуществлять их можно уметь, а можно и не уметь» [12, с. 71]. Всеми этими глагольными свойствами не обладают аналогичные фразеологизмы.

6. Анализируемые фразеологизмы, как правило, не могут сочетаться с безлично-предикативными словами *надо, можно, нужно, нельзя* и пр.

7. Многие налагаемые (апплицируемые) оценочные фразеологизмы глагольного образования не способны иметь формы повелительного наклонения (*на ладан дышит, стоит одной ногой в могиле, мелко плавает*). К тому же в повелительном наклонении эти фразеологизмы ассоциируются со свободным словосочетанием такого же лексического состава.

8. У фразеологизмов с ярко выраженным значением оценки глагольный компонент не сигнализирует о категориальном значении фразеологизма в целом. Так, в составе фразеологизма *пальчики оближешь* глагольный компонент *оближешь* не предсказывает категориального значения действия, так как фразеологизм приближается по функции к классу адъективных слов и оборотов.

Фразеологизмы, которым одновременно присущи все перечисленные признаки, обладают наиболее яркой степенью выражения оценочного значения. Таковы, например, *собаку съел, в сорочке родился, пальчики оближешь, язык проглотишь* и др. Остальная часть фразеологизмов обладает указанными признаками не в полном объеме. Для подобных фразеологизмов значение оценки характерно в меньшей степени.

Совершенно обособленную позицию занимают фразеологизмы, в составе которых нет грамматически господствующего компонента, а если такой компонент и имеется, то он не влияет на категориальное значение всего фразеологизма. Объединяющим признаком является синтаксическое употребление подобных фразеологизмов в качестве именного сказуемого. Фразеологизмы, относящиеся к этой категории, выражают разнообразные характеристические свойства или пассивное пребывание субъекта в каком-либо определенном состоянии. Таковы, например: а) многочисленные предложно-именные образования типа *без руля и без ветрил, без сучка и задоринки, в самом соку, для мебели, на вес золота, на все руки, на одно лицо, на одну статью, на своем*

месте, под одну масть и др.); б) некоторые фразеологизмы, восходящие к сравнительным оборотам: *как без рук, как в темном лесу, как за каменной стеной*; немногие фразеологизмы этого рода имеют своим стержневым компонентом имя существительное в именительном падеже (*как рак на мели, как рыба в воде*); в) отдельные фразеологизмы, не поддающиеся какой-либо структурной систематизации: *себе на уме, чистой воды*; г) единичные фразеологизмы, грамматически главенствующим компонентом которых служит наречие: *сбоку припеку, так себе* и т. д.

Значение качественной оценки или качественного состояния наиболее полно проявляется у тех фразеологизмов, которые закрепились в функции именного сказуемого. Смысловое содержание подобного рода фразеологизмов точнее всего передается именем прилагательным оценочного характера. Это означает, что атрибутивное значение у соответствующих оборотов преобладает над категориальным значением предметности и действия. Возьмем, например, фразеологизм *на вес золота*. Его содержание может быть передано словами и словосочетаниями 'очень редкий, малодоступный и поэтому очень ценный' [94, т. 1, с. 259]. То же можно сказать о фразеологизме *себе на уме*, смысл которого передается словом 'хитрый'.

Если тот или иной фразеологизм функцию именного сказуемого начинает совмещать с функцией другого члена предложения, то это обстоятельство непосредственно сказывается на смысловой стороне такого фразеологизма, и прежде всего на его способности передавать оценочное значение, а также на категориальном значении фразеологической единицы. Таковы, например, некоторые фразеологизмы, образованные по типу сравнительных оборотов. Аналогичные фразеологизмы легко вступают в грамматическую связь не только с глаголами связанного значения, но и с глаголами реального содержания (*жить, чувствовать себя* и др.).

Так, фразеологизм *как без рук* обычно употребляется в качестве именного сказуемого и означает 'совсем беспомощен; ничего не может сделать без кого-, чего-либо'. В функции именного сказуемого этому фразеологизму присуще оценочное значение. Этот же фразеологизм может сочетаться в предложении с глаголом *чувствовать*, вследствие чего оценочное значение будет оттеснено на задний план, так как соответствующий оборот перейдет в разряд адвербиальных фразеологизмов. Правда, и в таком случае подобные фразеологизмы передают значение определительных, качественных наречий, а не обстоятельственных. Здесь сказывается уже обратное воздействие оценочного фактора на грамматические свойства фразеологизма.

Тот факт, что анализируемый фразеологизм используется в

различных синтаксических функциях, обуславливает в конечном счете появление категориальной полисемии (здесь совмещаются адъективные признаки с адвербиальными). Но категориальная полисемия здесь не приводит к семантическому распаду фразеологизма на два омонима, ибо разница между реальными значениями фразеологизма незаметна, минимальна.

На синтаксической основе возможно более сложное взаимодействие категориальных значений с вещественными, реальными значениями фразеологизма. Возьмем в качестве примера фразеологизм наречного характера *так себе*, который употребляется в предложении в качестве именного сказуемого и различных обстоятельств.

1. В значении сказуемого 'ничего особенного собой не представляет' (о ком-, чем-либо, не имеющем ярко выраженных качеств, безликом, неопределенном): «Есть род людей, известных под именем: люди так себе, ни то ни се» (Г.); «Ларисин избранник оказался так себе, ни рыба ни мясо — сразу не отгадать, что за человек» (Пан.).

2. В значении качественного обстоятельства 'ни плохо, ни хорошо, посредственно': «Лопухов сыграл какую-то пьесу. Играл не бог знает как, но так себе, пожалуй, и недурно» (Черн.); «Мне живется так себе. Было бы скучно, если бы все окружающее не было смешно» (Ч.).

3. В значении обстоятельства цели 'без особой причины, без определенного намерения': «Силыч ударил (Карася) не по злости, не для потехи... а именно так себе, бессознательно» (Пом.); «Я взглянул на Наташу: она была там!.. Заклятая лошина — эта глухая трущоба, которая, говорят, кишит волками... А эта девчурка едет туда одна ранним утром, так себе, для прогулки!» (Вер.).

Употребляясь в различных синтаксических функциях, фразеологизм *так себе* обогатился не только в категориальном отношении, но и в собственно семантическом, содержательном отношении. При этом в функциях сказуемого и качественного обстоятельства обнаруживаются не столько чисто семантические различия (они здесь минимальны), сколько категориальные, так что мы встречаемся с явлением промежуточного (гибридного) характера.

Итак, с наибольшей полнотой оценочное значение обнаруживается у именных и адъективных фразеологизмов, закрепившихся в функции именного сказуемого, поскольку такое сказуемое, в отличие от глагольного, передает не активный, а пассивный признак, который служит одним из проявлений оценочного значения. Оценочное значение свойственно и многим фразеологизмам глагольного происхождения. Замечено, что с усилением

оценочного значения соответственно ослабляются глагольные свойства подобных фразеологизмов, и прежде всего падает их видо-временная активность, и наоборот.

Носителем оценочного значения служит фразеологизм в целом, а не отдельные его компоненты, так что в этом смысле оценочное значение является одним из показателей семантической целостности фразеологической единицы. Оценочное значение обладает большей интегрирующей способностью, чем категориальное, так как оценочное значение нередко системно объединяет такие фразеологизмы, которые соотносятся с различными частями речи. Вместе с тем оценочное значение в отличие от категориального не активизирует и не предсказывает появления оценочного же значения в сочетающихся с фразеологизмами словах. Иначе говоря, при синтагматическом взаимодействии фразеологизма со словом не наблюдается согласования оценочных значений.

§ 14.

О парадигматических и синтагматических отношениях фразеологизмов

В системе языка фразеологизмы вступают в парадигматические и синтагматические отношения. При этом в парадигматическом ряду семантически объединяются языковые единицы однородного порядка (т. е. фразеологизмы). Поэтому такой ряд является однородным и носит наиболее системный характер¹. Напротив, в синтагматическом ряду вступают в семантико-грамматическую связь языковые единицы неоднородного (хотя и родственного) порядка (т. е. фразеологизм и слово). Поэтому такой ряд является неоднородным. Вместе с тем синтагматический ряд служит наиболее достоверным (если не единственным) языковым средством реализации, актуализации тех признаков и функций, которые содержатся во взаимодействующих единицах на парадигматической оси.

Сам по себе фразеологизм нельзя рассматривать как единицу собственно синтагматического порядка. Дело в том, что в ходе общения семантически реализуются не компоненты (их собственное значение, как не раз подчеркивалось, трудно или вовсе нельзя определить), а фразеологизм как таковой.

В отличие от собственно фразеологизмов фразеологические сочетания представляют собой такую воспроизводимую раздельнооформленную языковую единицу, в составе которой семантически реализуются слова со связанным значением, а

---

¹ Под фразеологической системой здесь понимается совокупность фразеологизмов, связанных между собой устойчивыми (инвариантными) отношениями на парадигматической и синтагматической оси.

слова полного значения выполняют конкретизирующую роль. Посредством слов-конкретизаторов, от которых исходит «семантическое указание», собственное содержание слов с фразеологически связанным значением определяется без особого труда (например, *собачий холод* 'очень сильный, крайний в своем проявлении' холод).

Семантическую парадигму в сфере фразеологии составляют: а) фразеологизмы, охваченные явлением вариантности; б) фразеологизмы синонимического и антонимического характера; в) частные значения внутри многозначного фразеологизма: связь и взаимная обусловленность между отдельными значениями здесь поддерживается внутренней формой фразеологизма, единым образным стержнем; г) тематические ряды, образующиеся на основе семантической общности фразеологизмов и т. д.

Семантическую синтагму в области фразеологии соответственно характеризует прежде всего лексико-фразеологическая сочетаемость, т. е. смысловое объединение фразеологизма со словом в линейной последовательности (фразеологизмы друг с другом на уровне языковой нормы, как правило, не сочетаются), которое дает семантический эффект. Например: сочетание фразеологизма со словами-сопроводителями (*бе р е ч ь, х р а н и т ь как зеницу ока; ж и т ь как кошка с собакой; к р и ч а т ь, о р а т ь благим матом*); сильноуправляемая или сильнопримыкаемая связь фразеологизма со словом (*л о м а т ь г о л о в у* (над чем), *н о с и т ь на руках* (кого), *с м о т р е т ь на вещи* (как) и т. д.).

Семантическое своеобразие фразеологизмов, их место в лексико-фразеологической системе языка зависит от ряда факторов, и прежде всего: а) от степени парадигматической и синтагматической активности (пассивности) семантически реализуемого оборота; б) от меры морфологической изменяемости (неизменяемости) фразеологизма; в) от семного состава фразеологической единицы; г) от емкости и многомерности внутренней формы (образной основы), если она налицо.

Чем полнее набор этих параметров, характеризующих ту или иную фразеологическую единицу, тем глубже и разностороннее связи и отношения такого фразеологизма с другими фразеологизмами или словами на парадигматической и синтагматической оси, и наоборот.

Нельзя, однако, не заметить, что ограничения в выборе одних признаков как-то компенсируются, восполняются актуализацией других. Так, фразеологизм *хоть куда* 'очень хорошо' неизменяем, относительно элементарен, беден в содержательном отношении (по своему семному составу), лишен внутренней формы (об-

разной основы). Это обстоятельство не препятствует соответствующему обороту вступать в синонимические отношения с фразеологизмами *что надо, разлюли малина*, быть обстоятельством («Я воюю хоть куда» (П.) и употребляться в качестве именного сказуемого при подлежащем со значением лица, одушевленного, отвлеченного или конкретного предмета (*Парень хоть куда; Конь хоть куда; Житье хоть куда; Платье хоть куда*).

§ 15.

О внутрифразовой парадигматике и синтагматике

Важно изучить не только парадигматические и синтагматические свойства фразеологизма в целом, но и потенциальные возможности компонентов, составных частей фразеологизма.

В составе налагаемых фразеологизмов типа *снимать пенки* ‘присваивать себе лучшее без всяких на то оснований’ происходит относительно равномерная семантическая деактуализация компонентов, их семантическое расхождение с соответствующими словами свободного употребления. Степень семантического расхождения в большинстве случаев здесь достаточно высокая, так что собственное значение компонентов далеко не всегда удается установить. Поэтому говорить о реальных парадигматических отношениях между компонентами затруднительно. Эти отношения (синонимические, антонимические, гипонимические, тематические и пр.) целиком захватывают слова, на базе которых строится внутренняя форма фразеологизма.

Принимая во внимание эти соображения, остановимся сначала на парадигматических свойствах глаголов и существительных в составе словосочетания, создающего внутреннюю форму апплицируемых фразеологизмов типа *бросить (кинуть) якорь* ‘обосноваться, остановиться на постоянное время где-либо’; *бросать (кидать) грязью* ‘всячески порочить, унижать’; *точить (острить) зубы* ‘сильно ненавидеть, готовить какую-либо неприятность’ и т. п.

Попутно отметим, что внутренняя форма фразеологизма (реальный и нереальный образ) не претерпевает сколько-нибудь заметных изменений и сохраняет свое качество в неизменном виде на чисто сигнификативном уровне значения; с постепенным забвением внутренней формы изменяется фразеологический ранг — единства переходят в сращения.

Факты показывают, что в глагольную вариантную парадигму

преимущественно объединяются глагольные слова сходной, близкой или тождественной семантики: *блуждать (бродить) в потемках* 'действовать наугад'; *становиться (подниматься) на ноги* 1. 'Выздоровливать' и 2. 'Начинать вести самостоятельную жизнь'; *вертеться (кружиться) как белка в колесе* 'находиться в беспрестанных хлопотах, суетиться' и т. д.

Нередко в вариантную парадигму могут входить глаголы одной лексико-семантической группы: *плыть (идти) против течения*; *лезть (идти) на рожон*; *стоять (топтаться) на одном месте* и т. п.

Во всех подобных случаях взаимозамена слов не вносит каких-либо заметных изменений во внутреннюю форму (в образное представление) и не создает предпосылок для перехода вариантного ряда в синонимический.

При сопоставлении семантической структуры глаголов, давших жизнь глагольным компонентам, легко обнаруживаются общие, смыслообъединяющие семантические признаки. Так, глаголы свободного употребления *стоять* и *топтаться* соответственно определяются в словаре С. И. Ожегова так: 'находиться в вертикальном положении, будучи неподвижным' и 'переступать с ноги на ногу, оставаясь на месте'. Интегрирующие семантические признаки переданы в этих словарных определениях синонимичными деепричастными оборотами *будучи неподвижным* и *оставаясь на месте*. В фразеологизме *стоять (топтаться) на одном месте* 'не развиваться, не совершенствоваться' компонентная парадигма восходит к соответствующим глаголам свободного употребления.

Парадигматические особенности свойственны не только глаголам, но и именам существительным.

Сравнительно редко в семантическую парадигму объединяются существительные, близкие или совпадающие по смыслу: *наступить на горло (глотку)*; *чем бог (господь) послал* и т. п.

Чаще всего в одну субстантивную парадигму объединяются слова, отличающиеся друг от друга по смыслу и входящие в один тематический ряд, например: *каши (пива) не сварить*; *мерить версты (землю)*; *гадать на бобах (на кофейной гуще)*; *вгонять в гроб (могилу, землю)*; *пятое колесо в телеге (в колеснице)* и т. д.

Соответствующая словесная парадигма, за редким исключением, характеризуется относительным постоянством своего лексического состава. Например, слова, вступающие в синонимические отношения, порождают в рамках внутренней формы

сравнительно гибкий парадигматический ряд. Этот ряд носит более предсказуемый характер.

В редких случаях в словосочетании, образующем внутреннюю форму фразеологизма, в парадигматические отношения одновременно вступает несколько слов с разным значением, но общими интегрирующими семантическими признаками: *висеть (держаться) на волоске (на ниточке); мороз по коже дерет (по спине идет)* и др.

В аналогичной ситуации объем лексической парадигмы регулируется внутренней формой фразеологизмов, их образной емкостью. Чем более емким является образ, тем больше создается возможностей для парадигматической активности, и наоборот. Так, внутренняя форма фразеологизма *и ухом не ведет* позволяет обогащать парадигматический ряд словами разного значения, но объединенными в одно семантическое поле:

<i>ухом</i>	}	<i>не ведет (кто)</i>
<i>бровью</i>		
<i>глазом</i>		
<i>носом</i>		
<i>усом</i>		

В структуре налагаемых фразеологизмов своеобразно преломляются синтагматические свойства компонентов. С этой целью бегло коснемся синтагматического взаимодействия слов в составе свободного словосочетания. Например, в свободном словосочетании типа *всадить нож в спину* каждое слово актуализируется в своем первичном значении: глагол *всадить* означает 'вонзить'; слово *нож* обозначает 'инструмент для резания'; существительное *спина* употребляется в значении 'часть туловища от шеи до крестца'. Все три знаменательных слова в данном примере являются однозначными. С тем же значением эти слова выступают в составе внутренней формы, которая, как известно, имеет словесную, а не компонентную основу. Иначе говоря, о парадигматических и синтагматических свойствах компонентов подобных фразеологизмов можно судить не прямо (компоненты семантически преобразованы), а косвенно — через семантическую характеристику слов, входящих в состав внутренней формы налагаемого оборота.

Так как компоненты семантически преобразованы, то в этом своем качестве они не способны входить в сочетание со словами свободного употребления. Дело в том, что внесистемное значение компонента (если ему удастся приписать какое-либо специфическое значение) семантически не согласуется с полнозначным словом реального (узуального) значения. Невозможно,

например, компонент *нож* в составе фразеологизма *всадить нож в спину* распространить прилагательным *охотничий* или *кривой*. В то же время прилагательное *предательский* в сочетании с компонентом *нож* не разрушает фразеологизма, так как оно согласуется с его семантикой.

Таким образом, компоненты налагаемых фразеологизмов семантически несовместимы со словами свободного употребления. Объясняется это тем, что слово свободного употребления может семантически воздействовать на компонент и восстановить в нем прежнее общеупотребительное значение (как в примере с компонентом *нож*). Обратное воздействие невозможно, так как компонент не обладает такой смысловой определенностью и контекстной силой, которая способствовала бы семантизации слова со свободным значением.

В свете высказанных соображений трудно согласиться с мнением отдельных ученых (например, В. Л. Архангельского), которые синтагматические свойства компонента распространяют на синтагматические свойства слова. Так, синтагматический ряд *бить баклуши* с позиций этих ученых может быть продолжен: *бить стекла, яйца, посуду* и т. д. Такое продолжение представляется неправдоподобным, если компонент *бить* остается в прежнем своем семантическом качестве и не переходит в глагол *бить* со значением 'ломать, раздроблять, раскалывать'.

Опираясь на синтагматические свойства компонентов, приходишь к мысли, что наличие общих компонентов в структуре различных фразеологизмов не приводит их к семантическому объединению, как это наблюдается в словах с общим корнем.

Как бы равномерно ни происходила деактуализация компонентов в кругу налагаемых оборотов, все же и здесь создаются определенные условия и предпосылки для семантического взаимодействия компонента со словом свободного употребления. В результате этого происходит своеобразное сближение компонента со словом и усиливается аналитичность фразеологического значения.

Прежде всего следует назвать случаи, когда компоненты налагаемых фразеологизмов выступают с символическим значением в структуре одного фразеологизма или группы фразеологических оборотов. Таков фразеологизм *вливать новое вино в старые мехи* в смысле 'вкладывать новое содержание в старую форму'. Здесь компоненты *вино* и *мехи* приобрели определенное обобщенно-символическое значение и антонимически противопоставлены друг другу.

Обладая обобщенно-символическим значением, эти компо-

ненты, с одной стороны, вступают в парадигматические отношения со словами свободного употребления *содержание* и *форма* (с помощью этих слов растолковывается значение этого фразеологизма), с другой стороны, семантически согласуются в линейной последовательности с прилагательными *новый* и *старый* (и эти прилагательные в семантически преобразованном виде входят в наше определение). В сочетании с субстантивными компонентами указанные прилагательные, как это видно из развернутого толкования, приобретают более отвлеченное значение. Семантическое расхождение, однако, между компонентами *новый* и *старый* и соответствующими словами свободного употребления не выходит за пределы смысловой структуры анализируемых слов. Поэтому мера идиоматичности фразеологизма невысокая.

Символические признаки, как показывают наблюдения, приобретают прежде всего фразеологизмы, образованные на основе антонимического противопоставления компонентов типа *из мухи делать слона*, *валить с больной головы на здоровую*. В результате действия этих центробежных сил повышается семантическая самостоятельность компонентов, они приобретают более абстрактное значение, которое поддается семному анализу.

Нередко отдельные субстантивные компоненты фразеологизмов способны сочетаться с местоименными словами. Дело в том, что местоимения обладают особым отвлеченным значением, которое «конкретизируется в контексте или речевой ситуации» [79, с. 351]. Местоимение лишено назывной функции и постоянной предметной отнесенности. Поэтому сочетание местоимения с субстантивным компонентом иногда не нарушает семантического тождества фразеологизма.

Следует также отметить, что с расширением синтагматических связей компонентов со словами свободного употребления заметно ослабевает семантическая целостность апплицируемых фразеологизмов. Так, у фразеологизмов типа *выжимать* (из кого) *соки* (какие), *открывать* (кому) *глаза* (на что) и под. каждый компонент в отдельности формально связан с другими словами лексической системы. Всякая связь, какой бы формальной она ни казалась, носит двусторонний характер — от компонентов к слову и обратно. Так, в предложении «*Помещики выжимали из крестьян последние соки*» субстантивному компоненту благодаря определению *последние* легко приписать специфическое значение 'сила'. К тому же общее значение фразеологизма может быть разъяснено словосочетанием 'изматывать последние силы; жестоко притеснять, угнетать'. В наше определение не случайно включено прилагательное *последний*, которое семан-

тически согласуется со значением фразеологизма в целом. В аналогичных ситуациях наблюдаются случаи частичной семантизации компонентов.

Таким образом, о парадигматических свойствах компонентов в структуре налагаемых оборотов можно говорить лишь в тех редких случаях, когда они приобретают некоторую вещественную самостоятельность и вследствие этого получают возможность семантически объединяться с отдельными разрядами преимущественно отвлеченных слов полного значения. В основном же парадигматические семантические отношения свойственны не компонентам, а словам, входящим в словосочетание, формирующее внутреннюю форму.

Синтагматические свойства преимущественно распространяются на субстантивные компоненты, которые сочетаются обычно со словами местоименного и адъективного характера. Соответствующие лексические единицы не обладают высокой конкретизирующей способностью, чтобы в определяемом компоненте восстановить его исходное (узуальное) значение.

На парадигматической и синтагматической оси преломляются разные стороны содержательной структуры фразеологизма. Парадигматическое взаимодействие слов, образующих внутреннюю форму, отражает образную емкость этимологического значения. Синтагматическое же взаимодействие компонентов приспосабливается к тому, чтобы не нарушить семантическое тождество фразеологизма и тем самым обеспечить реализацию актуального значения.

§ 16.

Вариантность фразеологизмов

Многие фразеологизмы русского языка употребляются в не изменном словесном составе. Так, например, фразеологизмы *нечем крыть, отливать пули, подводить под монастырь, подложить свинью, сыграть в ящик, убить бобра, засучив рукава, скрепя сердце, ни рыба ни мясо* и др. имеют устойчивую структуру. Эта особенность сближает фразеологизмы со словами свободного употребления.

Однако значительной части фразеологизмов русского языка присуща вариантность. Варианты могут быть самыми разнообразными: фонетическими, морфологическими, видовыми, конструктивными, словообразовательными, лексическими.

Фонетические варианты возникают вследствие замены одного компонента другим на фонетической, звуковой основе: *посыпать голову (главу) пеплом, между (меж) двух огней, одним (единым) махом* и др.

Морфологические варианты появляются в резуль-

тате формального видоизменения компонентов. Здесь возможны следующие случаи: а) соотношение варьируемых компонентов в различных числах: *подвести мину* (под кого) — *подвести мины* (под кого) 'устанавливать втихомолку большую неприятность кому-либо'; б) употребление варьируемых компонентов в различных падежных формах: *палец о палец не ударить* и *пальцем о палец не ударить*; *чесать языки* и *чесать языками*; *носить воду решетом* и *носить воду в решете*; *пушкой не прошибешь* и *из пушки не прошибешь*; сюда же примыкают различные предложно-падежные формы одного компонента типа *после морковкина заговенья* и *к морковкину заговенью*; *на пороге* и *у порога*; *с царем в голове* и *без царя в голове* и др.; в) корреляция нескольких глагольных компонентов в различных залоговых формах: *сам черт не разберет* и *сам черт не разберется*; г) употребление варьируемых глагольных компонентов в форме настоящего (или будущего) или прошедшего времени: *под стол пешком ходит* и *под стол пешком ходил*; *глазом не моргнет* и *глазом не моргнул*; д) употребление варьируемых компонентов в краткой или полной форме прилагательных: *слаб на язык* и *слабый на язык*; *легок на подъем* и *легкий на подъем* и т. д.

Довольно широко распространены видо-варианты компонентов. Варьируемые компоненты отражают здесь наиболее распространенные способы образования видов: суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный, супплетивный: *садиться на голову* (кому) и *сесть на голову* (кому), *задавать тон* и *здать тон*; *гнуть в три погибели* (кого) и *согнуть в три погибели* (кого), *делать из мухи слона* и *сделать из мухи слона*; *выматывать душу* (кому) и *вымотать душу* (кому), *заговаривать зубы* (кому) и *заговорить зубы* (кому); *брать верх* (над кем) и *взять верх* (над кем), *класть зубы на полку* и *положить зубы на полку* и т. д.

Особое место занимают фразеологические варианты, отличающиеся друг от друга в структурном отношении (конструктивные варианты). В их число входят: а) личные и безличные, действительные и страдательные конструкции: *навязнуть в зубы* и *навязло в зубы*; *сжечь корабли* и *корабли сожжены*; б) обобщенно-личные и инфинитивные построения типа *каши не сварить* (с кем) и *каши не сварить* (с кем); в) фразеологические варианты с отрицательной частицей *не* и без нее: *не ко двору* и *ко двору*; *не по плечу* и *по плечу* и др.; г) фразеологические варианты с союзом *и* (преимущественно в абсолютном начале) и без него: *и концы в воду* и *концы в воду*; *и нашим и вашим* и *нашим и вашим*; *и след простыл* и *след простыл* и т. д.; д) фразеологические варианты, отличающиеся друг от друга полнотой компонентного состава, например: *рвать на себе волосы* и *рвать волосы*;

метать громы и молнии и метать громы; идти на попятный и на попятный; мороз идет по коже (у кого) и мороз по коже (у кого) и др. Сюда же относятся и случаи типа *гнуть в дугу и гнуть в три дуги*.

Варируемые компоненты могут отличаться друг от друга в словообразовательном отношении (словообразовательные варианты), например: *протереть с песком и протереть с песочком* 'сделать строгий выговор, разругать'; *тянуться в нитку и тянуться в ниточку* 'проявлять всяческое усердие'; *под крылом (у кого) и под крылышком (у кого)* 'под надежным покровительством, опекой' (быть, жить и т. д.) и др.

Наибольшее вариантное разнообразие возникает при лексической замене одного компонента другим (другими)¹. Например, фразеологизм *взять себе в голову* 'твердо внушать себе что-либо, упорно держаться какого-либо мнения' может получить иное, вариантное выражение, порождая тем самым своеобразную семантическую парадигму: *забрать себе в голову, вбить себе в голову, вбить себе в башку*.

Словесные видоизменения, происходящие в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносящие каких-либо смысловых оттенков в содержание фразеологизма, называют лексическими вариантами фразеологизма.² От фразеологизмов (однозначных или многозначных), охваченных явлением вариантности, требуется полная взаимозаменяемость в любых контекстах. Иными словами, соответствующие фразеологизмы обладают тождественной сочетаемостью.

В явлении вариантности обнаруживается противоречие между формой и содержанием фразеологизма. Идеально фразеологическое значение, отработанное и закрепленное языковой традицией, должно однозначно передаваться формой, но такое соответствие постоянно нарушается. Дело в том, что значение фразеологизма имеет тенденцию приобретать разные формы выражения, и наоборот: одна и та же фразеологическая форма стремится выполнять разные языковые функции.

---

¹ Возможны случаи совмещения в одном фразеологизме двух и более вариантных форм. Так, в фразеологизме *погладить по шерстке* на уровне языковой нормы совмещается видовой вариант со словообразовательным.

² Явление вариантности сложилось не в результате механической замены одного компонента другим. Дело в том, что в ходе формирования фразеологических единиц употреблялись в речи параллельные словосочетания, которые постепенно подвергались фразеологизации. Так появились варианты ряды. После того как уже сформировались фразеологизмы, стало возможным для удобства анализа квалифицировать вариантность как заменяемость компонентов.

Важной причиной лексической вариантности служит раздельно оформленное строение фразеологизма. Каждый компонент в отдельности, наподобие слова внутри свободного словосочетания, потенциально может вступить в ассоциативные отношения без ущерба для смысла фразеологизма и без нарушения его структуры с другим компонентом (синонимичным или принадлежащим к одной семантической сфере). Однако вариантность структуры непосредственно зависит от характера мотивировки фразеологизма, от степени семантической спаянности компонентов. Поэтому трудно согласиться с категорическим утверждением некоторых лингвистов о том, что «вариантность компонентов фразеологизма — это одна из коренных особенностей формы фразеологизма» [61, с. 103]. Так, фразеологизмы с целостным немотивированным значением, как правило, лишены лексической вариантности компонентов (например, фразеологизмы *собаку съел*, *подложить свинью*, *подводить под монастырь*, *козел отпущения* и т. д.).

Не способны варьироваться многие немотивированные фразеологизмы с архаическим составом компонентов: *благим матом*, *бить баклуши*, *у черта на куличках*, *притча во языцах*, *ни кола ни двора*, *ничтоже сумняшеся*, *как ни в чем не бывало* и др. Почти не допускают варьирования компонентов наречные фразеологизмы: *душа в душу*, *во все лопатки*, *до мозга костей*, *через пень колоду*, *в мгновение ока*, *как свои пять пальцев* и др.

В строе фразеологизмов с варьируемым составом компонентов взаимодействуют эти две тенденции — тенденция к постоянству лексического состава и тенденция к видоизменению его. В результате такого взаимодействия варьирование компонентов в структуре фразеологизмов определенным образом ограничено.

Пользуясь методом фразеологической аппликации, все фразеологизмы, характеризующиеся вариантностью компонентов, можно разделить на три основные группы.

В первую группу объединяются фразеологизмы, которые могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям такого же лексического состава. Сюда включаются прежде всего метафорические фразеологизмы глагольного типа. Приведем некоторые варианты ряды, образованные за счет варьирования глагольных и отчасти именных компонентов: *взваливать на плечи* — *положить на плечи*, *запускать руку* — *запускать лапу*, *играть в прятки* — *играть в жмурки*, *дрожать над копейкой* — *трястись над копейкой*, *закидывать удочки* — *забрасывать удочки*, *закручивать гайки* — *завинчивать*

гайки, окунуться с головой — погрузиться с головой, разевать рот — раскрывать рот и т. д. Варьироваться могут и компоненты именных и отчасти наречных фразеологизмов: *детский лепет* — *младенческий лепет*, *восходящая звезда* — *восходящее светило*, *на краю света* — *на краю земли* и др.

Во вторую группу объединяются неапплицируемые (неналагаемые) фразеологизмы, в составе которых один из компонентов является смыслообразующим: *без дальних слов* — *без лишних слов*, *на большую ногу* — *на барскую ногу*, *на короткой ноге* — *на дружеской ноге* и т. д. Любопытно отметить, что варьирование претерпевают смыслообразующие компоненты, не утратившие смысловой соотнесенности с соответствующими словами свободного употребления.

К третьей группе относятся неапплицируемые фразеологизмы, состоящие из одних смыслообразующих компонентов. Вариантность в строе подобных фразеологизмов еще больше возрастает (ср.: *вылетать из головы* — *выскакивать из головы* — *вылетать из памяти* — *выскакивать из памяти* — *вылетать из ума* — *выскакивать из ума*).

Общей чертой разбираемых фразеологизмов является то, что их значения являются мотивированными. Лишь в редких случаях варьируются компоненты немотивированных фразеологизмов типа *родился в сорочке* — *родился в рубашке*.

Подробнее остановимся на характеристике первых двух названных групп, куда входят наиболее типичные фразеологизмы.

Рассмотрим вариантность в сфере фразеологизмов, образованных в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний такого же лексического состава (первая группа). Соответствующие фразеологизмы характеризуются тесной спаянностью компонентов. В кругу этих фразеологизмов можно выделить две подгруппы: а) фразеологизмы, состоящие из таких варьируемых компонентов, в образовании которых участвуют близкие или совпадающие по смыслу слова (*смотреть сквозь пальцы* — *глядеть сквозь пальцы*); б) фразеологизмы, состоящие из таких варьируемых компонентов, в образовании которых участвуют слова, не являющиеся близкими по значению, но семантически объединенные по родовым или ассоциативным признакам (*с головы до ног* — *с головы до пят*, *быть под сапогом* — *быть под башмаком* — *быть под каблуком* и др.).

Вначале рассмотрим фразеологизмы, входящие в первую подгруппу. Сюда можно отнести, например, варианты параллели: *бить ключом* — *кипеть ключом* (о жизни), *бить по карману* — *ударять по карману*, *бить по рукам* — *ударять по*

рукам, брать за горло — брать за глотку, бродить в потемках — блуждать в потемках, бросать на ветер (слова) — кидать на ветер (слова) — швырять на ветер (слова), выбрасывать за борт — выкидывать за борт, выбрасывать на улицу (кого) — выкидывать на улицу (кого), не чутя земли под собой — чувствовать земли под собой, садиться на своего конька — взбираться на своего конька и др.

Как видно из примеров, в составе перечисленных фразеологизмов вариантность порождают по преимуществу глагольные компоненты, составляющие структурную основу этих фразеологизмов. За счет варьирующихся компонентов создаются параллельные ряды или лексические варианты одного и того же фразеологизма. Чем больше варьирующихся компонентов в том или ином фразеологизме, тем больше разновидностей он имеет, и наоборот. Например, фразеологизм *выбрасывать за борт* (в значении 'отвергать, устранять как ненужное, непригодное') имеет два параллельных лексических варианта: *выбрасывать за борт* и *выкидывать за борт*. Во всех подобных случаях мы имеем варианты одной и той же фразеологической единицы.

Тождество фразеологизмов создается здесь в первую очередь единством заключенного в них смысла. Например, фразеологические варианты *бить по карману* и *ударять по карману* имеют одинаковое значение 'причинять денежный ущерб, убыток' и свободно заменяют друг друга в окружении одних и тех же слов: «Доказательств этому было достаточно, и самых убедительных, потому что все они били запольских купцов прямо по карману» (М.-С.); «У нас построили кухню и людскую, что сильно ударило меня по карману» (Ч.). Правда, между сопоставляемыми вариантами наблюдается едва уловимое чисто грамматическое расхождение: варьируемый глагольный компонент *ударять* чаще встречается в форме совершенного вида, а компонент *бить* тяготеет к форме несовершенного вида. Но такое расхождение не нарушает тождества фразеологизма, так что вариантность здесь не переходит в синонимию. Оба варианта, кроме того, обладают одной и той же внутренней формой, единым образом, передающим одинаковое образное представление о факте, удобном для обобщения.

Единство фразеологизмов поддерживается смысловым тождеством или, по крайней мере, смысловой близостью тех слов свободного употребления, которые ассоциируются с варьируемыми компонентами. В качестве примера возьмем фразеологические варианты *наступать на горло* и *наступать на глотку*. Эти варианты легко налагаются на свободные словосочетания эквивалентного состава. В составе этих словосочетаний слова *горло* и *глотка*

совпадают по значению. Различие между ними чисто стилистического характера: слово *глотка* употребляется в просторечии, а слово *горло* стилистически нейтрально.

Явление вариантности свойственно не только однозначным фразеологизмам, но и многозначным. При этом в каждом отдельном значении варьируемые компоненты взаимозаменяемы, что служит показателем тождества фразеологизма (ср.: *заколдованный круг* и *порочный круг* в значениях 'трудное, безвыходное положение' и 'логическая ошибка'). Если же не во всех частных значениях возможна свободная замена одного компонента другим, то это обстоятельство служит показателем перехода фразеологической вариантности в фразеологическую синонимию.

Таким образом, тождество варьируемых фразеологизмов рассматриваемого разряда обеспечивается тождеством заключенного в них значения, единством внутренней формы, семантической равнозначностью или, по крайней мере, близостью слов, ассоциирующихся с варьируемыми компонентами. При этом видоизменение компонентов происходит в рамках одной и той же синтаксической конструкции.

Периферийное положение занимают фразеологизмы, имеющие в своем составе такие варьируемые компоненты, которые ассоциируются со словами разного значения, но объединенными в одно семантическое поле. Подобные фразеологизмы входят во вторую подгруппу. Сюда, например, можно включить параллельные обороты: *вынуть сердце — вынуть душу, стоять за спиной — стоять за плечами* и др.

Соответствующие фразеологизмы могут быть истолкованы по-разному. С одной стороны, фразеологические пары типа *вынуть душу* и *вынуть сердце, как с неба свалиться* и *как с луны свалиться* могут быть определены как разновидности одной и той же фразеологической единицы. С другой стороны, те же фразеологические пары можно квалифицировать как фразеологические синонимы, имеющие в своем составе один или несколько общих компонентов. Наконец, соответствующие образования можно рассматривать как промежуточные (гибридные) явления между вариантностью и синонимией.

Думается, что при отграничении фразеологической синонимии от явления вариантности необходимо учитывать роль внутренней формы в развитии фразеологического значения, о чем упоминалось выше. Расхождение во внутренней форме между двумя равнозначными фразеологизмами ведет к постепенному перерождению вариантов одного и того же фразеологизма в самостоятельные синонимические фразеологизмы.

Между этими крайними случаями существуют промежуточные явления. По поводу промежуточных явлений Л. В. Щерба высказал следующее соображение: «...как и везде в языке (в фонетике, в «грамматике» и в словаре), надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике — в сознании говорящих — оказываются колеблющимися, не определенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвиста... так как здесь мы присутствуем при эволюции языка» [109, с. 35—36] (разрядка наша. — В. Ж.).

Анализируемые здесь фразеологизмы отвечают статусу промежуточных, переходных явлений от вариантности к синонимии.

Особое место в этой подгруппе занимают многочисленные фразеологизмы с одним варьируемым компонентом типа *стоять одной ногой в могиле* и *стоять одной ногой в гробу*, *стоять на задних лапках* и *ходить на задних лапках*, *видеть в землю на три аршина* и *видеть в землю на сажень*, *медведь на ухо наступил* и *слон на ухо наступил*, *на ходу подметки режет* и *на ходу подметки рвет*, *седьмая вода на киселе* и *десятая вода на киселе*, *вожжа под хвост попала* и *шлея под хвост попала*, *пятое колесо в телеге* и *пятое колесо в колеснице* и др.

В составе данных фразеологизмов доля участия варьируемых компонентов в образовании внутренней формы намного меньше доли участия постоянных компонентов. Поэтому здесь налицо явление вариантности.

Единство фразеологизмов создается также общностью лексико-грамматического состава. Например, по отношению к фразеологизму *стоять одной ногой в могиле* (в гробу) совпадающий с ним по значению оборот *смотреть (глядеть) в гроб* (в могилу) является новой единицей¹, так как второй фразеологизм не совпадает с первым по структурно-грамматической оформленности и лексическому составу.

Показателен также тот факт, что у самых различных фразеологизмов могут одинаковым образом варьироваться компоненты. Сравним такие несходные между собой фразеологизмы, как *кошки скребут на душе* (на сердце), *камень с души* (с сердца) *свалился*, *отдыхать душой* (сердцем), *камень на душе* (на сердце); *смотреть в могилу* (в гроб), *стоять одной ногой в могиле* (в гробу); *чем бог* (господь) *послал*, *бог* (господь) *знает* и др. Как видно из примеров, в вариантную парадигму входят лишь такие компо-

---

¹ В Словаре современного русского литературного языка эти фразеологизмы объединены в один [86, т. 3, с. 406].

ненты, которые ассоциируются со словами, связанными между собой синонимическими или другими близкими смысловыми отношениями.

В составе различных фразеологизмов особенно часто варьируются одни и те же компоненты, генетически восходящие к словам-синонимам. Примером могут служить глаголы *смотреть* и *глядеть*, которые в качестве переменных компонентов входят в самые разнообразные глагольные фразеологизмы: *смотреть (глядеть) в глаза (кому)*, *смотреть (глядеть) в зубы (кому)*, *смотреть (глядеть) в кусты*, *смотреть (глядеть) в могилу (в гроб)*, *смотреть (глядеть) в рот (кому)*, *смотреть (глядеть) на вещи (как)*, *смотреть (глядеть) сверху вниз (на кого)*, *смотреть (глядеть) сквозь пальцы (на что)*, *смотреть (глядеть) (на кого) со своей колокольни* и др. Исключение в этом ряду, пожалуй, составляет лишь фразеологизм *на ночь глядя*, не допускающий варьирования глагольного компонента (нельзя сказать *на ночь смотря*).

Как видим, в каждом новом варианте тот или иной фразеологизм может быть противопоставлен свободному словосочетанию такого же лексического состава, так что степень вариантности всякий раз зависит от тех словесных видоизменений, которые потенциально возможны в рамках одноименного словосочетания переменного типа.

Во вторую группу выделяются немногие фразеологизмы типа *на короткой (дружеской) ноге*, *на широкую (барскую, большую) ногу*, *на живую (скорую) руку* и др. Компоненты, входящие в данные фразеологизмы, обладают разной степенью «затемнения» своих значений. Одни из таких компонентов вовсе не соотносятся по значению с одинаково звучащими словами свободного употребления, другие, напротив, обнаруживают явное семантическое сближение.

Так, фразеологизм *на короткой (дружеской) ноге* имеет смысл 'быть в близких, дружеских отношениях'. Общее значение этого фразеологизма семантически соотносится со словами свободного употребления *короткий* 'связанный тесным личным общением, дружественный' и *дружеский* 'основанный на взаимном расположении, дружбе'. Слово же *нога* ничего общего не имеет со значением этого фразеологизма. Такие примеры не единичны.

В структуре подобного рода фразеологизмов варьируемые компоненты по сравнению с постоянными обладают большей степенью семантической самостоятельности, отчего и весь фразеологизм в целом начинает проясняться, приобретать внутреннюю мотивировку. В силу этого варьируемые компоненты становятся своеобразным показателем семантического расщепле-

ния фразеологизма. Не случайно они являются смысловым центром фразеологизма.

Таким образом, заменяющие друг друга компоненты семантически соотносятся с равнозначными или предельно близкими по значению словами. Поэтому варьирующиеся компоненты в строю таких фразеологизмов имеют равноценную значимость, так что фразеологические варианты типа *на короткой ноге* и *на дружеской ноге* с точки зрения современного языка во всех отношениях принципиально равноправны.

Если исходить из роли, выполняемой словами в свободном словосочетании, на базе которого мог возникнуть фразеологизм, то можно заметить, что в составе одной части фразеологизмов с точки зрения данных современного языка варьирующиеся компоненты выполняют равноценную роль, в строю же других фразеологизмов один варьируемый компонент по отношению к другому или другим занимает исходную позицию. Все зависит от ряда условий. Укажем их.

1. Варьирующиеся компоненты могут ассоциироваться со словами, имеющими заметное смысловое расхождение. Таков, например, фразеологизм *выводить на чистую (свежую) воду* (кого) в смысле 'разоблачать чьи-либо темные дела, махинации, злые намерения; выявлять недостатки'. Этот фразеологизм легко налагается на эквивалентное свободное словосочетание. В составе этого словосочетания с наибольшей полнотой раскрывает свое значение слово *чистый* 'не загрязненный, свободный от грязи', а не слово *свежий* 'не утративший своих хороших, естественных свойств, не испортившийся, не гнилой, не лежалый'. Например: «Тяжелая и сильная рыба бросилась... под берег. Я начал выводить ее на чистую воду» (Пауст.). В последнем предложении словосочетание *выводить на чистую воду* употреблено буквально. Замена слова *чистый* словом *свежий* в составе этого словосочетания едва ли уместна. Так как рассматриваемый фразеологизм образовался вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического состава, то исходным компонентом надо признать *чистый*, а производным — *свежий*.

2. Первый компонент фразеологизма должен занять исходное положение в том случае, если один из варьирующихся компонентов ассоциируется со стилистически нейтральным словом, а остальные заменяемые компоненты ассоциируются со стилистически окрашенными словами. Ср. варианты *смочить горло* и *смочить глотку*, *сесть не в свои сани* и *залезть не в свои сани*, где соответственно компоненты *горло* и *сесть* должны быть признаны исходными, а компоненты *глотка* и *залезть* — производными.

3. Исходный компонент иногда может быть определен и чисто грамматически. Например, глагольный фразеологизм *гнуть* (кого) *в бараний рог* (в значении 'угнетать, притеснять, подчинять своей воле, интересам') в форме несовершенного вида (а видовым показателем глагольного фразеологизма служит глагольный компонент *гнуть*. Этот же фразеологизм в форме совершенного вида (*согнуть в бараний рог*) приобретает еще новые компоненты *свернуть* и *скрутить*. Разумеется, исходным компонентом надо признать глагольный компонент *гнуть*, входящий в ту и другую видовую форму фразеологизма.

4. Переменные компоненты имеют некоторые фразеологизмы, происходящие от пословиц. В этом случае исходным компонентом фразеологизма следует считать тот, который входит в состав пословицы. Например, глагольный фразеологизм *садиться* (*залезть*) *не в свои сани* образован из пословицы *Не в свои сани не садись*. Глагольный компонент *садиться* является в данном случае главенствующим, так как он, а не глагол *залезать* входит в состав пословицы.

5. Из двух или нескольких заменяющих друг друга компонентов ведущим признается самый распространенный, наиболее употребительный. Так, в составе фразеологизма *бить* (*кипеть*) *ключом* наиболее частотным является компонент *бить*, который и считается определяющим, главным.

Если ни один из рассмотренных признаков не характерен для варьируемых компонентов того или иного фразеологизма, то можно в таком случае говорить о равноценности, равнозначности подобных компонентов в структуре фразеологизма. В составе, например, фразеологизма *сбрасывать* (*скидывать*, *снимать*) *с себя маску* (в значении 'обнаруживать свою истинную сущность') все три глагольных компонента равнозначны в структуре фразеологизма, как равнозначны аналогичные глаголы в строе свободных словосочетаний такого же состава. Равноценные варьирующиеся компоненты создают и равноценные варианты фразеологизмов. Так, например, фразеологические варианты *сбрасывать с себя маску*, *скидывать с себя маску*, *снимать с себя маску* образуют параллельные ряды.

Соответствующие варианты равноценны постольку, поскольку равноценны сочетательные возможности тех слов свободного употребления, благодаря которым складываются такие варианты. Очевидно, что глаголы *сбрасывать*, *скидывать* и *снимать* в свободном употреблении обладают приблизительно одинаковой способностью вступать в синтаксическую связь со словом *маска*, образуя параллельные ряды словосочетаний.

При решении вопросов о вариантном ряде фразеологизмов

необходимо учитывать то обстоятельство, что одни из фразеологических вариантов могут быть свойственны общенародному языку, а другие из них индивидуальны по своему происхождению. Так, у Г. Николаевой в романе «Битва в пути» вместо *плясать под чужую дудку* встречается индивидуально-авторский вариант *плясать под чужую музыку*.

Индивидуально-авторские варианты нельзя смешивать с фразеологическими вариантами, бытовавшими в прошлом в общенародном языке. Таков, например, фразеологизм *переливать из пустого в порожнее* (в смысле 'вести пустые разговоры, заниматься бесполезным делом'). Этот фразеологизм в современном языке уже не варьируется, тогда как в XVIII и XIX вв. кроме компонента *переливать* в составе фразеологизма встречался компонент *пересыпать*. Например: «[Матвей:] Примени-ка чужота горе к себе, так будешь и о других тужить. [Влас:] Пересыпай из пустого-та в порожнее, только я тебе сказываю, что я сроду ни о ком не туживал и о путных людях» (Плав.); «Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает» («Живописец»); «[Петр:] А то и сказать, велика радость сидеть с бабами, пересыпать из пустого в порожнее» (Остр.).

Рассмотренные фразеологизмы надо отграничить от фразеологических синонимов. Здесь, как было отмечено, несомненно, возможны и промежуточные случаи между фразеологическими вариантами и фразеологическими синонимами. Не случайно возникли такие термины, как «синонимические варианты», «варианты-синонимы», «дублетные фразеологизмы-синонимы».

Различия между вариантами одного фразеологизма нарастают по мере того, как постепенно угасает внутренняя форма или, напротив, заметно увеличивается расхождение между внутренней формой за счет варьируемых компонентов (ср.: *сесть в лужу* и *сесть в галошу*).

Встречается и обратный процесс — семантическое сближение фразеологизмов, имеющих различное происхождение. Например, фразеологизмы *очертя голову* и *сломя голову* издавна семантически разобщены, не являясь ни вариантами, ни синонимами. В XVIII в., в частности, фразеологизм *сломя голову* употреблялся исключительно при глаголах движения, а фразеологизм *очертя голову* сочетался с глаголами иного семантического ряда. Например: «[Графиня:] Вот право смешно! Я скакала сломя голову с лишком сто верст, чтобы увидиться с вами» (Плав.); «[Влас:] Ты все ныне что-та очертя голову делаешь» (Плав.). В современном русском языке между этими двумя фразеоло-

гизмами наблюдается заметная смысловая связь, ибо фразеологизм *очертя голову*, как и фразеологизм *сломя голову*, может соединяться с глаголами движения *бросаться*, *бежать*, *нестись*.

Таким образом, изучение вариантности помогает проникнуть в сферу семантики фразеологизмов, выявить в отдельных случаях глубину семантических связей компонентов с одноименными словами свободного употребления и на этой основе обнаружить явление неравномерной деактуализации компонентов фразеологизма, определить долю участия варьируемых компонентов в формировании внутреннего образа фразеологической единицы, связать проблему тождества и различия фразеологизмов с явлением фразеологической синонимии и т. д.

§ 17.

Синонимичность фразеологизмов

Синонимия пронизывает все основные единицы языка, обладающие в той или иной мере семантической определенностью или смыслом: морфемы, слова, предложения. Присуща синонимия и фразеологизмам, которые в функциональном отношении во многом сближаются со словом.

Под фразеологическими синонимами понимаются фразеологизмы с предельно близким значением, как правило, соотносительные с одной и той же частью речи, обладающие частично совпадающей или (реже) одинаковой лексико-фразеологической сочетаемостью (эта особенность прежде всего характерна для одноструктурных фразеологизмов), но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, а иногда тем и другим одновременно.

Фразеологизмы, вступающие в синонимические связи и отношения, обладают неодинаковой степенью синонимичности. Самой высокой синонимичностью характеризуются фразеологические обороты, которые, совпадая по значению, свободно заменяют друг друга в любом контексте. Не случайно некоторые языковеды к лексическим синонимам в строгом смысле относят только слова, легко заменимые в том или ином контексте [104, с. 53; 64, с. 222—236].

Как показывают факты, одинаковая сочетаемость (полная валентность) — явление довольно редкое как в области лексической синонимии, так и в сфере фразеологии. Значительно чаще в синонимическом ряду можно обнаружить такой фразеологизм, который без ущерба для смысла заменяет любой фразеологизм своего ряда, тогда как обратная замена может быть, а может и не быть. Подобные фразеологизмы, возглавляющие синонимический ряд, отличаются наиболее широкой сочетаемостью и семантической емкостью. Так, в синонимическом

ряду *что надо, хоть куда, куда с добром, на большой палец, на все сто, надо лучше, да нельзя, первый сорт, разлюли малина, первой статьи, что называется, первой руки, антик с гвоздикой, отдай все да мало* перечисленные фразеологизмы преимущественно употребляются в качестве сказуемого и выступают с общим значением 'заслуживающий самой высокой оценки, наделенный всеми достоинствами; очень хороший, превосходный. О ком-либо, о чем-либо'.

Наиболее широкие лексико-фразеологические связи обнаруживаются у фразеологизма *что надо*, который в роли сказуемого может употребляться при подлежащем со значением лица, одушевленного, конкретного или отвлеченного предмета, например: «[Дроздов:] Работницы вы у нас — что надо!» (М. Г.); «Если Гавану окинуть мигом, рай-страна, страна что надо» (М.); «Действительно, елка была что надо» (В. См.); *лошадь что надо*.

Другая часть фразеологизмов наделена не столь широкой сочетаемостью. Фразеологизмы *разлюли малина, что называется* чаще употребляются при подлежащем со значением конкретного или отвлеченного предмета или (реже) со значением лица; фразеологизм *первой статьи* чаще употребляется при подлежащем со значением лица, конкретного и реже одушевленного предмета; фразеологизм *первой руки* в основном употребляется при подлежащем со значением лица; редкие обороты *антик с гвоздикой* и *отдай все да мало* преимущественно встречаются при подлежащем со значением лица или конкретного предмета.

Замена одного фразеологического синонима другим зависит от ряда причин: а) от структурной организации, строения вступающих в синонимические отношения фразеологизмов; б) от меры семантической близости фразеологических оборотов; в) от способности фразеологизмов иметь при себе одинаковое лексическое окружение и употребляться, по меньшей мере, в одной общей конструкции; г) от характера соотнесенности синонимичных фразеологизмов с одной и той же частью речи; д) от стилистической отнесенности синонимичных оборотов и их эмоциональной окраски и т. п.

Существуют одноструктурные, разноструктурные и сходноструктурные фразеологические синонимы. Одноструктурные имеют одинаковую схему (модель) построения. Например, глагольные фразеологизмы *бить баклуши, валять дурака, гонять лодыря, считать ворон* образованы по одинаковой модели «гл. + сущ. в вин. п.». В противоположность этому разноструктурные фразеологические синонимы имеют различный образец построения, показывающий неодинаковое расположение составляющих компонентов, например: *всего ничего; капля в море; кот наплакал* (кого, чего); *по пальцам пересчитаешь* (кого, что); *раз, два (да) и об-*

челся (кого, чего); с гульки́н нос (кого, чего); ма́лая то́лика (чего). Ср. также: *от горшка два вершка; от земли не видать; под стол пешком ходить* (ходил, -ла, -ли); *аршин с шапкой*.

Значительное число фразеологических синонимов в структурном отношении занимает промежуточное положение между выделенными разрядами. Соответствующие фразеологические единицы можно условно назвать сходноструктурными фразеологическими синонимами. Сюда можно отнести, например, фразеологизмы, в составе которых грамматически опорный компонент выражен одной и той же частью речи (глаголом, именем существительным, прилагательным, наречием), а все остальные компоненты расположены в разной последовательности, являются раздельнооформленными, например: *втирать очки* (кому), *брать на пушку* (кого), *вертеть хвостом*, *водить за нос* (кого), *обводить вокруг пальца* (кого), *пускать пыль в глаза* (кому).

Одноструктурные глагольные фразеологизмы типа *заметать* (замести) *следы* и *прятать* (спрятать) *концы* легко заменяют друг друга в одинаковых синтаксических позициях. Напротив, разноструктурные синонимические фразеологизмы в одних синтаксических конструкциях взаимозаменяемы, а в других синтаксических позициях лишены такой возможности.

По большей части разноструктурные фразеологические синонимы находятся в отношении частичной взаимозаменяемости. Например, разноструктурные наречные фразеологизмы *в двух шагах* (от кого, от чего), *два шага* (до кого, до чего); *под боком*, *под рукой*, *под (самым) носом* (у кого); *рукой подать* (до чего) обладают разным характером управления, наделены разной сочетательной способностью и вследствие этого не всегда замещают друг друга. В составе, например, предложения «На Спасские казармы, которые были тут под боком, никто не смотрел» (О. Форш) фразеологизм *под боком* более или менее свободно заменяется фразеологизмами *под рукой*, *в двух шагах*, *не за горами* и не заменяется фразеологизмом *рукой подать* (до кого, до чего). Еще один пример: «Отлучиться разрешите, Дескать случай дорогой, Мол, поскольку местный житель, До двора — подать рукой» (Тв.). В этом предложении фразеологизм *рукой подать* (до кого, до чего) может быть замещен лишь фразеологизмом *два шага* (до кого, до чего), который управляет теми же падежными формами.

Особое место в этом отношении занимают многие наречные обороты, которые в силу неизменяемости независимо от своей структуры могут иметь одинаковую сочетаемость и свободно замещают друг друга. Так, разноструктурные обороты наречного характера *в поте лица*, *засучив рукава*, *не покладая рук*, *не разгибая*

спины, до седьмого пота употребляются лишь при глаголах-сопроводителях *работать, трудиться* и т. п.

Необходимо отметить, что употребление фразеологических синонимов в лексически сходных контекстах в первую очередь зависит от семантической близости фразеологизмов, а не от их конструктивных свойств (при всей важности этих показателей). Поэтому фразеологизмы, например, глагольного типа могут обладать одинаковым лексическим окружением, сохраняя при этом разное управление.

Сравним два синонимичных фразеологизма *набить оскомину* (кому) и *навязнуть в зубы* (у кого) 'очень надоесть, наскучить (от однообразия, утомительной повторяемости)'. Оба фразеологизма употребляются при подлежащем со значением одушевленного или неодушевленного предмета; в качестве объекта выступают при этих оборотах разноуправляемые существительные со значением лица. Совпадая по значению, указанные обороты, хотя и имеют различное управление, в форме прошедшего совершенного относительно свободно заменяют друг друга. Ср., например: «Парады, встречи, караулы — вся эта дворцовая служба *набила* мне оскомину» (Ш.) и «*Навязла* она у меня в зубы, деревня-то эта» (Ч.). В отдельных случаях сравниваемые фразеологизмы встречаются в одном и том же предложении в качестве однородных членов: «Здесь у нас, вся эта толстовщина до того *навязла* в зубы и *набила* оскомину, что, право, как-то перо само падает из рук при мысли, что нужно этот лист заполнить этой надоевшей темой» (Кор.).

Синонимичные фразеологизмы, обладающие способностью заменять друг друга в определенных контекстах, образуют зону общей сочетаемости; напротив, фразеологизмы, взаимозамена которых затруднена или вовсе невозможна, характеризуются индивидуальной сочетаемостью.

Собственно фразеологические синонимы следует отличать, во-первых, от фразеологизмов, обладающих таким типовым значением, которое обнаруживается при разных словах свободного употребления, во-вторых, от фразеологизмов, охваченных явлением вариантности, и в-третьих, от семантически сближенных, соотносительных фразеологических оборотов. Например, фразеологизмы *во все лопатки бежать, душа в душу жить, как зеницу ока беречь, без задних ног спать, на все корки ругать, как свои пять пальцев знать* и т. д. сочетаются с разными глаголами-сопроводителями. Вместе с тем соответствующие фразеологизмы содержат смыслообъединяющий признак 'очень', 'сильно', 'в высшей степени', но от этого они не становятся подлинными синонимами. Дело в том, что собственное значение этих фразеологизмов нельзя свести к одному

общему дифференциальному смысловому признаку 'очень'. Действительно, наречные фразеологизмы *во все лопатки бежать*, *душа в душу жить*, *как свои пять пальцев знать* и т. д. означают не просто 'очень' (бежать), 'очень' (жить), 'очень' (знать), а соответственно 'очень быстро' (бежать), 'очень дружно' (жить), 'очень хорошо, основательно' (знать) и т. д.

В синонимические отношения способны вступать только семантически полноценные, самостоятельные фразеологизмы (или слова). Поэтому нельзя считать синонимами такие языковые единицы, собственное значение которых трудно или вовсе невозможно установить. Сравним фразеологизмы *до зубов, как божий день, как осинový лист, как черт ладана, из рук вон* и под. Смысл этих фразеологизмов может быть лишь приблизительно передан словами и словосочетаниями с усилительным значением 'очень, очень сильно, в высшей степени'. Понятия, выражаемые соответствующими словами и словосочетаниями (идентификаторами) «слишком широки, фразеологически неограничены и лишены отрицательного экспрессивного оттенка» [19, с. 121]. Толкуемые же фразеологизмы имеют «лишь фразовый смысл», идущий от слов-конкретизаторов. Семантическая расплывчатость этих фразеологизмов снимается в сочетании со словами-сопроводителями: *до зубов во оружен*, *как божий день ясно*, *как осинový лист дрожать*, *как черт ладана бояться*, *из рук вон плохо* и т. д.

Следует также проводить различие между фразеологической синонимией и лексической вариантностью. Если при замене одного компонента другим меняется внутренняя форма (ср.: *сесть в галошу* и *сесть в лужу*, *считать ворон* и *считать звезды*, *брать за горло*, *брать за жабры*, *брать за бока*), то в подобных случаях возникают фразеологические синонимы, а не варианты одной и той же фразеологической единицы; напротив, если замена компонентов не нарушает семантического единства фразеологизма и в то же время не приводит к изменению образного представления (внутренней формы), то в таких случаях налицо вариантность фразеологизма (ср.: *брать за горло* и *брать за глотку*, *бить в нос* и *ударять в нос*, *выбрасывать за борт* и *выкидывать за борт*). Явление вариантности присуще преимущественно таким фразеологизмам, в составе которых варьируемые компоненты образованы от слов, находящихся между собой в отношениях синонимии: *сражаться (воевать) с мельницами*, *выбрасывать (выкидывать) за борт*, *бить (ударять) по рукам* и т. д. Легко заметить, что слова свободного употребления *сражаться* и *воевать*, *бить* и *ударять* явственно обнаруживают семантическое сходство, принадлежат к одной и той же части речи и являются лексическими синонимами.

В русском языке, как отмечалось, существуют различные вариантные фразеологические ряды. Все зависит от характера видоизменения компонентов фразеологизма. Так, фонетическое и собственно морфологическое видоизменение компонентов не приводит к изменению смыслового содержания фразеологизма. Содержательную сторону фразеологизмов затрагивает словообразовательное и в особенности лексическое варьирование компонентов. Например, при видовой дифференциации отдельные приставки могут сохранить свое обычно словообразовательное значение (ср.: *тянуть ляжку* — *потянуть ляжку*, *мять бока* — *помять бока*, где приставка *по-* передает оттенок неполноты проявления признака).

В большинстве случаев префиксы и суффиксы в составе фразеологизма деактуализируются наравне со словами полного значения, так что словообразовательное значение не нарушает семантического тождества фразеологизма, например: *класть зубы на полку* и *положить зубы на полку* 'ограничивать себя в самом необходимом из-за отсутствия средств', *греть руки* (на чем) и *нагреть руки* (на чем) 'нечестно, обманным путем наживаться', *мозолить глаза* (кому) и *намозолить глаза* (кому) 'надоедать, раздражать постоянным присутствием', *прятать концы в воду* и *спрятать концы в воду* 'ловко скрывать следы чего-либо предосудительного, недозволенного, преступного' и т. д.

Более заметное расхождение между фразеологическими вариантами в вариантном ряду можно наблюдать, как уже отмечалось, при лексической замене одного или нескольких компонентов. Дело в том, что часто варьируются такие знаменательные компоненты, которые восходят к словам с разным лексическим значением (ср.: *стоять за спиной* и *стоять за плечами*, *лечь в гроб* и *лечь в могилу* и т. д.). На этой основе создаются реальные предпосылки для перехода вариантности в синонимию. И такой переход тем очевиднее, чем большее воздействие на расхождения во внутренней форме оказывают варьируемые компоненты (ср.: *сесть в лужу* и *сесть в галошу*, *пересчитать ребра* и *пересчитать зубы*).

Варьирование — довольно сложная и многоаспектная организация фразеологизмов, включающая в себя набор формальных и содержательных характеристик.

В том или ином вариантном ряду возможно варьирование одного или нескольких компонентов по различным признакам. Наибольшим вариантным разнообразием обладают глагольные неаплицируемые (неналагаемые) фразеологизмы многокомпонентного состава.

Довольно часто здесь варьирование вызвано видовой дифференциацией глагольных оборотов, например: *плясать под дудку* и

заплясать под дудку, бить баклуши и побить баклуши, чесать язык и почесать язык, зондировать почву и позондировать почву и т. д., где глагольные фразеологизмы в форме совершенного вида совмещают видовую вариантность со словообразовательной.

Нередко видовая вариантность сочетается с лексической, например: *наложить на себя руки и класть на себя руки, прийти на ум и придти на мысль, попадаться на удочку и поддаться на удочку* и под. Отдельные глагольные фразеологизмы в процессе варьирования отличаются друг от друга по трем составляющим — лексическим, видовым и словообразовательным вариантам, например: *раскидывать умом и пораскинуть мозгами, чесать зубы и поточить зубы* и др.

В один синонимический ряд объединяются фразеологизмы с предельно близким значением. В состав того или иного синонимического ряда не входят семантически соотносительные, сближенные фразеологизмы, которые в свою очередь могут образовать самостоятельное синонимическое гнездо. Так появляются соотносительные синонимические ряды. Например, фразеологизмы *видал виды, прошел (сквозь) огонь, воду и медные трубы* объединяются в один синонимический ряд, а соотносительные по смыслу фразеологизмы *стреляный воробей, стреляная птица* и *тертый калач* — во второй. Между этими соотносительными синонимическими рядами можно обнаружить черты сходства и различия. И в том и в другом синонимическом ряду фразеологизмы выступают с оценочным значением и в качестве сказуемого употребляются при подлежащем со значением лица и только лица. Кроме того, посредством этих фразеологизмов характеризуют людей, которые побывали в разных переделках и вследствие этого приобрели большой опыт в чем-либо. Но соответствующие фразеологизмы расходятся в лексико-грамматическом, категориальном отношении: фразеологизмы *видал виды* и *прошел (сквозь) огонь, воду и медные трубы* содержат процессуальное значение и соотносятся с классом глаголов, а фразеологизмы *стреляный воробей, стреляная птица* и *тертый калач* обладают лексико-грамматическим значением предметности и соотносятся с именами существительными.

Встречаются, однако, фразеологизмы типа *глазом не моргнет* и *рука не дрогнет, гайка слаба* и *пороху не хватает* и т. д. Подобные обороты отличаются друг от друга не только своим строением, но и в категориальном отношении. Обороты типа *рука не дрогнет* (чья, у кого), *гайка слаба* (у кого) образованы по схеме предложения и на этом основании их затруднительно соотносить с какой-либо частью речи. По этой же причине здесь невозможно говорить и о категориальном значении. Напро-

тив, фразеологизмы типа *глазом не моргнет* относятся к разряду глагольных.

Тем не менее все эти различия стираются и перекрываются семантической близостью сопоставляемых оборотов, вследствие чего они и воспринимаются как синонимы. Так, рассматриваемые фразеологизмы *гайка слаба* и *пороху не хватает* употребляются в одинаковом значении 'недостает способностей, силы, энергии и т. п. сделать, предпринять что-либо'. Фразеологизмы *глазом не моргнет* и *рука не дрогнет* обладают общим значением 'хватит решимости, мужества и т. п. сделать, предпринять что-либо'. Правда, обороту *глазом не моргнет* свойственно оттеночное значение 'ничем не выдаст себя', но оно определяется внутренней формой фразеологизма и не связано с его категориальной принадлежностью.

Фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, могут отличаться друг от друга оттенками значения, стилистической окраской и функционально-речевой сферой, а иногда всеми этими качествами одновременно. Приведем пример. Разноструктурные фразеологические синонимы *давай бог ноги, поминай как звали, нарезал гайку, и помин простыл* употребляются с общим значением 'кто-либо быстро и обычно неожиданно удалился, исчез откуда-либо'. Фразеологизмы *поминай как звали, митькой звали* содержат добавочный оттенок значения 'исчез безвозвратно'; фразеологизм *только и видели* имеет оттеночное значение 'скрылся, убежал', оборот *только и видели* содержит остаточное значение 'исчез быстро, обычно на глазах очевидцев'. Все эти фразеологизмы употребляются в обиходно-разговорной речи. Наиболее употребительны обороты *давай бог ноги, поминай как звали, и был таков, и след простыл*; оборот *нарезал гайку* выходит из активного употребления и совершенно устарел фразеологизм *и помин простыл*.

В силу полисемии отдельные фразеологизмы способны в каждом новом значении обновлять свои синонимические связи. В русском языке встречается обширный синонимический ряд с общим значением 'в грубой форме, в резких выражениях сделать выговор, подвергнуть резкой критике; пригрозить наказанием'. В этом значении образуют синонимический ряд такие фразеологизмы, как *дать жизни, дать жару, задать пару, дать духу, взять в работу, снять стружку, намылить голову, накрутить хвост, протереть с песочком, дать прикурить, нагнать холоду* и др. В другом значении 'нанести поражение, расправиться (обычно с военным противником)' к прежним оборотам присоединяются новые: *дать жизни, дать жару, дать духу, намять бока, дать дрозда, дать чесу, дать таску* и т. д. Наконец, при значении 'нанести побои, сильно избить' в синонимическом ряду объ-

единяются выражения *дать жизни, задать баню, дать волю рукам, дать по шее, намять холку, обломать руки, наставить фонари, дать выволочку и под.*

Многие синонимические ряды семантически сближены, соотносительны друг с другом. Так, фразеологические синонимы *палец о палец не ударить, пальцем не шевельнуть, не сделать лишнего шагу* означают 'не сделать ни малейшего усилия, ничего не предпринять для осуществления чего-л.'. Этот синонимический ряд перекрещивается с двумя другими синонимическими рядами: а) *бить баклуши, валять дурака, гонять лодыря, лежать на боку, лежать на печи, плевать в потолок, сидеть сложа руки* и т. д. 'предаваться безделью, лени'; б) *гранить мостовую, слоны слонять, лощить бульвары* — 'ходить, слоняться без дела'.

Все эти соотносительные синонимические ряды фразеологизмов семантически сближаются с лексическим синонимическим рядом *бездельничать, лентяйничать, лодырничать, лоботрясничать* и т. д. Создается довольно сложная и многозначная сеть отношений.

Соотносительные синонимические ряды со своей стороны входят в фразео-семантическую группу, представляющую собой более общее тематическое объединение фразеологизмов. Нередко в той или иной фразео-семантической группе объединяется значительное количество синонимических рядов, связанных между собой одним общим семантическим признаком. Сюда, например, можно отнести многочисленный разряд фразеологизмов, обозначающих внутреннее переживание человека. В пределах этой фразео-семантической группы выделяется довольно много синонимических рядов, так или иначе связанных между собой. Здесь можно выделить:

а) фразеологические синонимы с общим значением 'сильно горевать, впадать в крайнее отчаяние': *ломать себе руки, рвать на себе волосы, раздирать на себе ризы, посыпать голову пеплом*. С этим синонимическим рядом тесно соприкасается другой со значением 'приходить в уныние, отчаиваться; терять бодрость, уверенность': *падать духом, вешать голову, вешать нос, вешать нос на квинту*. В свою очередь только что перечисленные фразеологические синонимы семантически сближены с такими оборотами, как *опускать руки, опускать крылья* в значении 'впадать в отчаяние';

б) фразеологические синонимы, объединенные общим значением 'кто-либо испытывает большую тревогу, сильное беспокойство, душевные страдания': *кошки скребут на душе* (у кого), *душа не на месте* (у кого); *скребет на душе* (у кого); *душа болит* (чья, у кого), *сердце замирает* (у кого). Ср.: *болеть душой*

(за кого), *принимать близко к сердцу* (что). Ср. также. *беспокоиться, тревожиться, волноваться*;

в) фразеологические синонимы, передающие чувства сострадания, душевной боли: *сердце кровью обливается* (у кого), *душа перевертывается* (у кого), *душа разрывается на части* (у кого) и т. п. Ср.: *жалеть, сочувствовать, соболезновать, сострадать, сокрушаться*;

г) фразеологические синонимы, выражающие чувства гнева, сильного раздражения: *выходить из себя, не помнить себя, терять себя, лезть на стену, рвать и метать, срываться с тормозов*. Ср.: *не находить себе места*. Ср. также: *лезть в бутылку, лезть в пузырь, метать громы и молнии, метать икру*. Ср.: *сердиться, серчать, дуться, злиться, гневаться, яриться, разъяриться*;

д) фразеологические синонимы, передающие чувства страха, ужаса и т. п.: *душа уходит в пятки* (у кого), *поджилки трясутся* (у кого), *мороз по коже дерет* (у кого), *мурашки бегают по спине* (у кого), *волосы становятся дыбом* (у кого), *небо с овчинку кажется* (кому) и т. п. Ср.: *труса праздновать, поджимать хвост*. Ср. также: *ни жив ни мертв, лица нет*. Ср.: *бояться, страшиться, трепетать, робеть, трусить*.

На почве синонимии, как видно из примеров, фразеологическая система теснейшим образом взаимодействует с лексической. Фразеологическая синонимия не только сближается с лексической, но и отличается от нее.

Фразеологизмы намного беднее слов в категориальном, лексико-грамматическом отношении. Известно, что нет среди фразеологизмов собственно местоименного разряда, в редких случаях фразеологизмы соотносятся с полными прилагательными и т. д. Поэтому в русской фразеологической системе почти не встречаются синонимические ряды, состоящие из адъективных оборотов типа *не ахти какой, не бог знает какой, не бог весть какой* 'средних достоинств'; *как в воду опущенный, как потерянный, как пришибленный, сам не свой* 'крайне расстроенный'.

Вместе с тем фразеологические синонимы часто отражают такие стороны действительности, которые не переданы лексической синонимией. Иными словами, фразеологические синонимы имеют самостоятельную познавательную ценность. Соответствующие обороты, естественно, не поддаются однословной замене. Например, синонимический ряд *ветер свистит в карманах* (у кого), *в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается* (у кого), *пустой карман* (у кого), *за душой ни гроша* (у кого) и т. д. может быть истолкован лишь развернутым речеописательным способом 'нисколько нет денег у кого-л., полностью отсутствуют какие-л. признаки достатка'.

Но и в этих случаях, когда слова семантически сближены

с фразеологизмами, между ними наблюдается существенное расхождение. Так, в однотомном Словаре синонимов (Л., 1975) в одном ряду с глаголами *разбираться*, *понимать*, *смыслить*, *соображать* и др. стоит фразеологизм глагольного происхождения *собаку съест* (в чем, на чем) [с. 468]. Этот фразеологизм существенно отличается от названных глаголов. Во-первых, фразеологизм *собаку съел* (в чем, на чем) обладает ярко выраженным оценочным значением и вследствие этого совмещает в себе категориальное значение, по меньшей мере, трех частей речи — имени существительного, прилагательного и глагола. Поэтому смысловой объем этого фразеологизма в первом приближении может быть передан такими словами-идентификаторами, как *мастер*, *мастак*; *опытный*, *умелый*; *наловчился*, *насобачился*. Во-вторых, разбираемый фразеологизм в семантическом отношении богаче любого из приведенных выше глаголов, взятых порознь и вместе, ибо содержит в своей смысловой структуре признак интенсивности 'очень', 'весьма'. Вот почему глаголы-синонимы *разбираться*, *понимать*, *смыслить* и т. п. легко распространяются наречиями меры и степени *очень*, *хорошо*, *весьма*, *отлично* и т. д. В противоположность этому фразеологизм *собаку съел* (в чем, на чем) семантически не согласуется с соответствующими наречиями. В-третьих, данный фразеологизм (точнее, его глагольный компонент) преимущественно употребляется в форме прошедшего времени совершенного вида, т. е. лишен той парадигматической активности, которая свойственна рассматриваемым глаголам. Не случайно в Словаре русского языка С. И. Ожегова этот фразеологизм растолковывается посредством развернутого словосочетания 'приобрел большой навык в чем-н.', в составе которого глагол *приобрести* выступает в форме прошедшего времени.

Фразеологические синонимы расходятся с лексическими и в стилистическом отношении: фразеологизмы отличаются большей стилистической однородностью, чем слова свободного употребления. Это объясняется тем, что фразеологизмам в основном присуща эмоционально-экспрессивная окрашенность. Сопоставим два соотносительных синонимических ряда фразеологизмов с общим значением 'отчаянный человек': а) *забубенная голова* (разг.), *буйная голова* (разг.), *отпетая голова* (разг., неодобр.), *о двух головах* (разг.) и б) *удалой* (нар.-поэт.), *разудалый* (нар.-поэт.), *бравый* (нар.-поэт.), *разлихой* (разг.), *хватский* (прост.). Фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, содержат усилительное значение и в основном свойственны обиходно-бытовой речи. Словесный синонимический ряд отличается большим функционально-стилистическим многообразием: слова *удалый*, *разудалый*, *бравый* относятся к разряду народно-

поэтической лексики, слово *разлихой* содержит усилительное значение и свойственно по преимуществу обиходно-разговорной речи, а слово *хватский* употребляется в просторечии.

Большинству фразеологизмов, входящих в синонимический ряд, свойственно усилительное значение. Например, наречные обороты *ни свет ни заря*, *чуть свет* в отличие от наречий *рано* и *спозаранку* обозначают не просто 'рано', а 'очень рано'; ср. также: *бок о бок*, *плечом к плечу*, *локоть к локтю* и *рядом*, *около*, *возле*.

Итак, фразеологическая синонимия лишь соприкасается с лексической, но не сливается с ней.

Фразеологическая синонимия может быть тесно связана с фразеологической антонимией. Объясняется это тем, что для фразеологизмов, вступающих в синонимические и антонимические отношения, характерен одинаковый или сходный семный состав. Разница лишь в том, что при фразеологической синонимии наблюдается предельное сближение семантических признаков. В противоположность этому антонимия строится на полной противопоставленности, расхождении тех же смыслоразличительных семантических признаков. Так возникает синонимо-антонимический ряд фразеологизмов разной протяженности [84]. Например, синонимическому ряду *держать себя в руках*, *владеть собой* с общим значением 'не терять самообладания, выдержки, сдерживать порывы своих чувств' антонимически противопоставлен другой синонимический ряд со значением 'терять самообладание, хладнокровие; приходить в состояние нервного возбуждения, озлобления, досады': *выходить из себя*, *не помнить себя*, *лезть на стену*, *рвать и метать*, *срываться с тормозов* (с *нарезов*).

В заключение отметим, что чем теснее связаны фразеологизмы в парадигматическом отношении, тем выше степень их синтагматической закреплённости, и наоборот.

Фразеологическая синонимия, как показывают факты, обогащается прежде всего за счет глагольных и наречных фразеологизмов. При этом синонимические отношения между глагольными оборотами осложняются в связи с видовой дифференциацией. Дело в том, что все глагольные фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, одинаково способны употребляться в форме несовершенного и совершенного вида; к тому же при видовой дифференциации можно обнаружить несоответствие в составе варьируемых компонентов; глагольные фразеологизмы рассматриваемого типа иногда встречаются с приставками реального значения, порождая фразеологические дериваты. В результате всего этого соотносящиеся по виду глагольные фразеологизмы не вполне совпадают друг с другом.

Здесь выделяется несколько типов: а) синонимические ряды, совпадающие по количеству членов в том и другом виде; б) синонимические ряды, не обнаруживающие такого совпадения; в) синонимические ряды, различающиеся по числу членов отчасти потому, что исходный синонимический ряд оказывается неполным из-за видовой дефектности отдельных глагольных фразеологизмов.

В подавляющей части случаев видовые пары являются соотносительными видовыми формами одного и того же фразеологизма, так что на базе видовой дифференциации образуется один синонимический ряд в двух вариантных разновидностях. Такой параллелизм наиболее отчетливо обнаруживается тогда, когда число членов в той и другой видовой форме одинаковое, а соотносящиеся по виду фразеологизмы семантически равноценны.

Соотносящиеся по виду фразеологизмы с одинаковым количеством членов синонимического ряда встречаются не так часто. Такое совпадение обычно характерно для синонимических рядов, насчитывающих сравнительно небольшое число членов (от двух до четырех). Ср., например, не с о в.: *пускать в оборот* (что), *пускать в дело* (что) и с о в.: *пустить в оборот* (что), *пустить в дело* (что) 'находить (найти) практическое применение чему-либо'; не с о в.: *пускать в трубу* (что), *бросать на ветер* (что) и с о в.: *пустить в трубу* (что), *бросить на ветер* (что) 'тратить (истратить) зря, безрассудно. О деньгах, состоянии, имуществе'.

Уже в пределах этого типа видовая дифференциация может совмещаться с лексическим варьированием, например, не с о в.: *связывать по рукам и ногам* (кого), *связывать руки* (кому), *подрезать* (обрезать, подсекать) крылья (кому), *не давать ходу* (кому) и с о в.: *связать по рукам и ногам* (кого), *связать руки* (кому), *подрезать* (обрезать, подсечь) крылья (кому), *не дать ходу* (кому) 'лишать (лишить) свободы действий, поступков'. Ср. еще один пример совмещения видовой дифференциации и лексического варьирования в синонимическом ряду с общим значением 'наживаться (нажиться) нечестным, незаконным путем': не с о в.: *набивать карман*, *набивать мошну* (кошелек), *греть* (нагревать) руки, *набивать кису* и с о в.: *набить карман*, *набить мошну* (кошелек), *погреть* (нагреть) руки, *набить кису*.

Собственное значение приставки *по-* в составе глагольного фразеологизма *погреть руки* стерто, поглощено фразеологическим значением, так что эта приставка выполняет не столько словообразовательную, сколько чисто видовую, грамматическую функцию, например: «Нашлись эгоисты и лихоимцы, пытавшиеся погреть руки на народном несчастье» (И. С.). Здесь гла-

гольный оборот в форме совершенного вида означает 'обманным путем нажиться'.

В целом рассмотренные примеры показывают, что глагольные фразеологизмы, отличающиеся друг от друга по видовой принадлежности, приблизительно сохраняют семантическое равенство.

Гораздо чаще встречаются синонимические ряды, имеющие расхождение в числе членов между глагольными фразеологизмами несовершенного и совершенного вида. Так, в синонимическом ряду с общим значением 'поступать нечестно, недобросовестно по отношению к кому-либо, обманывать кого-либо' наблюдается заметное расхождение в количестве членов, соотносящихся по виду.

В форме несовершенного вида в синонимический ряд входят следующие глагольные фразеологизмы: *втирать очки* (кому), *обводить вокруг пальца* (кого), *водить за нос* (кого), *морочить голову* (кому), *брать на пушку* (кого), *брать на арапа* (кого), *заговаривать зубы* (кому), *заправлять арапа* (кому), *отводить глаза* (кому), *замазывать глаза* (кому), *пускать пыль в глаза* (кому), *вилять (вертеть, крутить) хвостом*, *играть в прятки (жмурки)*, *играть в кошки-мышки*, *метать петли*, *вкручивать баки* (кому).

Не все перечисленные фразеологизмы входят в соответствующий синонимический ряд в форме совершенного вида. Не имеют, как правило, соотносительных форм совершенного вида такие глагольные обороты, как *водить за нос*, *морочить голову*, *играть в прятки (жмурки)*, *играть в кошки-мышки*, *метать петли*.

Между соотносительными видовыми формами наблюдается расхождение по составу варьируемых компонентов. Например, у фразеологизма *обводить вокруг пальца* в форме совершенного вида появляются новые глагольные компоненты: *обвести вокруг пальца* — *обернуть вокруг пальца* — *окрутить вокруг пальца* 'ловко обмануть кого-либо'. «Ты гляди, Максимыч, со стариком надо жить осторожно, он тебя в один час вокруг пальца обернет» (М. Г.); «Дурни вы, дурни! Большие, бородастые, а всякий вас вокруг пальца окрутить может» (А. Г.).

Семантический параллелизм между вариантными синонимическими рядами несколько ослабевает, так как фразеологизмы, лишённые соотносительных форм совершенного вида, имеют добавочные оттенки значения. Действительно, фразеологизм *втирать очки* употребляется в значении 'обманывать кого-либо, представляя что-либо в выгодном (чаще ложном) освещении'; фразеологизмы *водить за нос*, *морочить голову* означают 'вводить в заблуждение (чаще всего долгое время)'; оборот *играть в прятки* имеет значение 'скрывать, утаивать что-либо от кого-либо'; фразеологизм *играть в кошки-мышки* реализуется в значении

‘стараться обмануть, перехитрить кого-либо, нередко пользуясь своим превосходством’.

Встречаются более сложные отношения между соотносящимися по виду вариантными рядами. Так, в синонимический ряд с общим значением ‘причинить (причинять) кому-либо большую неприятность, совершить (совершать) по отношению к кому-либо низкий поступок’ входят глагольные фразеологизмы, преимущественно употребляющиеся в форме совершенного и несовершенного вида: *подложить свинью* (кому), *подвести мину* (под кого), *сыграть шутку* (какую, с кем), *вставить перо* (кому), *вставить фитиль* (кому), *устроить бенефис* (кому), *залить сала под кожу* (кому) и др.

Вместе с тем глагольный оборот *рыть яму* (кому-либо) ‘готовить большую неприятность, вредить кому-либо’ употребляется только в форме несовершенного вида и, следовательно, не входит в исходный соотносительный синонимический ряд.

В русском языке обширный разряд составляют глагольные фразеологизмы, закрепившиеся в какой-то одной видовой форме — в форме несовершенного или совершенного вида. Не случайно поэтому в состав многих синонимических рядов входят одновидовые, непарные глагольные фразеологизмы. Например, в состав синонимического ряда со значением ‘заниматься чем-л. бесполезным, бесцельным, попусту тратить время’ входят такие глагольные обороты, которые употребляются только в форме несовершенного вида: *переливать из пустого в порожнее*, *толочь воду в ступе*, *носить (черпать) воду решетом*, *играть в бирюльки*.

Напротив, в синонимическом ряду типа *как в воду канул*, *как сквозь землю провалился*, *как корова языком слизнула* (кого, что), *как ветром сдуло* (кого, что), *как водой смыло* (что) глагольный компонент употребляется только в форме прошедшего совершенного.

Между вариантностью и синонимией лежит зона переходности. Сюда относятся многие равнозначные фразеологизмы, в составе которых варьируемые компоненты (обычно именные) восходят к словам, объединенным в одно семантическое поле по родовым или ассоциативным признакам, например: *гнуть спину* — *гнуть шею*, *стоять за спиной* — *стоять за плечами*, *лезть в бутылку* — *лезть в пузырь* и др.

Расхождение во внутренней форме между подобными оборотами ведет к постепенному перерождению вариантов одного и того же фразеологизма в самостоятельные синонимические фразеологизмы. В подобной ситуации фразеологические обороты обладают разной степенью синонимичности.

Переходные случаи между вариантностью и синонимией

возможны тогда, когда лексической взаимозамене подвергаются все компоненты фразеологизма. Чаще всего это наблюдается среди неналагаемых оборотов, например: *вылетать из головы* — *выскакивать из головы* — *вылетать из памяти* — *выскакивать из памяти* — *вылетать из ума* — *выскакивать из ума*.

Крайние члены приведенного вариантного ряда *вылетать из головы* и *выскакивать из ума* предпочтительней рассматривать как синонимы, а не как варианты.

§ 18.

Многозначность фразеологизмов

Семантическую парадигму в сфере фразеологии, как упоминалось выше, образуют отдельные значения многозначного фразеологизма, между которыми устанавливаются определенные смысловые связи и отношения. Правда, подавляющая часть фразеологизмов русского языка однозначна¹.

Развитию многозначности препятствует то, что фразеологизмы часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического наполнения. При таком положении каждое отдельное значение должно быть обобщенно-метафорическим. Другими словами, вследствие повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, наиболее удобного для обобщения, появляются такие многозначные фразеологизмы, которые имеют одни метафорические значения. Таков, например, фразеологизм *вбивать клин* (между кем, чем), имеющий значения: 1) 'разъединять, разобщать кого или что-либо (например, части воинского соединения)' и 2) 'разъединяя, делать чуждыми, враждебными друг другу'. В противоположность этому нет и не может быть в русском языке таких многозначных слов, которые имели бы одни переносные значения.

Сдерживает появление многозначности и то, что фразеологизмы по сравнению со словами обладают меньшей контекстуальной подвижностью, т. е. лишены возможности более или менее свободно вступать в смысловую и грамматическую связь с другими словами. Не случайно фразеологизмы, образованные по модели предикативных словосочетаний типа *небо с овчинку показало*, лишь в единичных случаях становятся многозначными.

Не могут быть многозначными фразеологизмы, собственное значение которых элементарно и не поддается семантическому развертыванию, сегментации. Например, значение наречного

---

¹ Так, во Фразеологическом словаре русского языка (М., 1967) на 4000 фразеологизмов приходится 660 многозначных, что составляет около 17%.

фразеологизма *на чем свет стоит* исчерпывается словами 'очень', 'сильно' и им подобными. К тому же этот фразеологизм утратил внутреннюю форму, которая во многом определяет и вместе с тем сдерживает сочетаемость. В силу этих обстоятельств данный фразеологизм стал сочетаться со словами-сопроводителями, входящими в разные лексико-семантические группы, например: *ругать, бранить, отделявать* и т. д.; *хвалить, превозносить* и т. д.; *плакать, реветь* и т. д.; *горланить, шуметь* и т. д. Сочетаемость этого фразеологизма с глаголами-сопроводителями не дает семантического эффекта.

Отдельные ученые (Ю. Р. Гепнер) считают, что фразеологизмы, в отличие от слов, всегда однозначны. С таким утверждением нельзя согласиться. Не подлежит сомнению, что многозначность фразеологизмов — вполне реальное и развивающееся явление.

В качестве важных языковых показателей многозначности можно назвать:

1. Разнотипность смысловой структуры фразеологизма. В этом случае для каждого частного значения в составе многозначных фразеологизмов с разнотипной структурой характерны свои отличительные грамматические признаки: особое управление, свой вид, разная синтаксическая функция и т. п.

Так, глагольный фразеологизм *лить (проливать) кровь* употребляется в двух значениях. В одном из них этот фразеологизм реализуется лишь в соединении с предлогом *за* и существительным в форме винительного падежа, а в другом значении — в сочетании с существительным в форме родительного падежа без предлога. Это видно из следующих примеров: 1) *за кого, за что*. 'Погибать, умирать, защищая кого-либо или что-либо'. «Я счастлив..., что мог пролить кровь за свое отечество» (Л. Т.); 2) *кого, чью*. 'Предавать смерти, убивать (на войне)'. «[Гарабурда:] Король Степан велит тебе сказать: «Чем даром лить нам кровь народов наших, Воссядем на коней и друг со другом Смертельный бой на саблях учиним» (А.К.Т.).

Приведем характерный пример. Так, глагольный фразеологизм *голову снимать* имеет два значения: 1) 'строго, тяжело наказывать кого-либо'; 2) с о в. 'погубить кого-либо'. В первом значении этот фразеологизм не знает видовых ограничений, в то время как второе значение реализуется лишь в форме совершенного вида.

2. Характер выражения подлежащего или дополнения с точки зрения одушевленности-неодушевленности, конкретности-абстрактности.

Так, глагольный фразеологизм *взлетать на воздух*, сочетаясь с конкретным подлежащим, означает 'разрушиться, погибнуть от

взрыва' («Вокзал взлетел на воздух»), а в сочетании с отвлеченным существительным в роли грамматического подлежащего имеет значение 'бесследно исчезать, рассеиваться' (о планах, мечтах, надеждах и т. п.). Фразеологизм *списывать (пускать) в расход* в соединении с одушевленным объектом употребляется в значении 'расстреливать', а в сочетании с неодушевленным имеет смысл 'терять, тратить'.

3. Частные значения в составе многозначного фразеологизма нередко обнаруживаются с помощью слов-сопроводителей, т. е. слов, входящих в обязательное лексическое окружение. Явление многозначности в этом случае определяется путем сравнения лексического значения одних слов-сопроводителей с другими.

Например, наречный фразеологизм *грудь с грудью* сочетается с глаголами ограниченной семантики *биться, сражаться; оказаться, быть* и немногими другими. В результате этого в нем обнаруживаются такие значения: 1) 'в непосредственной близости, вплотную друг с другом (биться, сражаться и т. п.)': «Вот-вот начнется штурм Крыма, — сказал Лелюков, — скоро выйдем из лесов и будем биться в чистом поле, грудь с грудью» (А. Перв.); 2) 'без посредников, союзников (оказаться, быть и т. п.)': «На плацдарме мировой войны мы оказались грудь с грудью с основными силами фашистской агрессии» (А. Н. Т.).

4. Выяснению частных значений многозначного фразеологизма в отдельных случаях могут способствовать и сложные слова, образованные на основе соответствующих фразеологизмов. Такие, например, сложные слова, как *бумагомарака, голово-мойка, кровопролитие, ротозей, скалозуб, сумасшедший, челобитная* (или *челобитчик*), возникли на базе соответственно фразеологизмов *марать бумагу, мыть голову, лить (проливать) кровь, разевать рот, скалить зубы, сходить (сойти) с ума, бить челом* и т. д. Эти и подобные им сложные слова передают семантические особенности тех фразеологизмов, от которых они образовались.

Так, глагол *зубоскалить* (или *скалозубить*) в современном русском языке имеет одно значение, а именно: 'зло смеяться над кем-либо, насмехаться, шутить'. При сравнении значения фразеологизма *скалить зубы* со значением этого производного глагола обнаруживается семантический остаток, который и служит показателем существования особого частного значения в смысловой структуре исследуемого фразеологизма. Действительно, фразеологизм *скалить зубы* употребляется в двух значениях: 1) 'зло смеяться, хохотать'; 2) 'негодовать по какой-либо причине; сердито, грубо отвечать на замечание, упрек'. Первое значение этого фразеологизма, по существу, совпадает со значением глагола.

5. В качестве одного из языковых показателей многозначности

фразеологизмов может служить явление ограниченной синонимии, т. е. синонимии, распространяющейся не на все значения фразеологизма, а только на одно из них. Например, фразеологизм *валить дурака* имеет несколько значений: 1) 'ничего не делать'; 2) 'вести себя несерьезно, дурачиться'; 3) 'делать глупости'. В первом значении этот фразеологизм вступает в синонимические отношения с такими фразеологизмами, как *бить баклуши*, *гонять лодыря*, *лежать на боку*, *плевать в потолок* и др.

Таковы наиболее существенные¹ языковые уточнители отдельных значений многозначного фразеологизма.

Фразеологизмы с ослабленным значением компонентов типа *поднимать голос* 'решительно высказывать свое мнение' почти лишены многозначности, так как в подобных случаях компоненты обнаруживают смысловую соотнесенность с системой значений слов номинативного употребления. В нашем примере компонент *поднимать* соотносится со значением 'вызывать появление чего-либо', а компонент *голос* соотносится со значением 'суждение, высказывание'. Смысловая структура слова оказывает сдерживающее воздействие на смысловой строй фразеологизма в целом.

Многозначность более всего свойственна наречным и глагольным фразеологизмам; далее идут фразеологизмы именного характера: *во весь рост*, *лицом к лицу*, *раз в раз*, *рука об руку*; *бобы разводить*, *мозолить глаза*, *развешивать уши*, *раздувать кадило*; *злачное место*, *золотые руки*, *лишний рот*, *отрезанный лотом* и др.

В структурном отношении соответствующие фразеологизмы преимущественно характеризуются двучленной и реже трехчленной организацией. В том и другом случае фразеологическая единица легче усваивает структурно-грамматические и смысловые особенности слов. Фразеологизмам, образованным по модели предложения (*глаза разбегаются* (у кого), *небо с овчинку показалось* (кому) и др.), явление многозначности присуще лишь в редких случаях.

Смысловой строй многозначных фразеологизмов лишен той разветвленной системы связанных значений, которая нередко присуща частным значениям многозначного слова. Например, при отдельных частных значениях глагола *отбивать* размещается целая серия семантически и лексически связанных значений. Так, под значением 'мерно, ритмично ударять чем-либо' (ср.: *отбивать каблуками*) группируется целый ряд связанных значе-

---

¹ Показателем многозначности может служить также явление антонимии, различная стилистическая тональность отдельных значений того или другого многозначного фразеологизма и т. д.

ний: *отбивать шаг, отбивать такт, отбивать дробь, отбивать поклоны; отбивать часы* (или *склянки*), *отбивать секунды* [86, т. 8, с. 1236—1238].

Явлению многозначности не препятствует вариантность. Так, некоторые многозначные фразеологизмы во всех частных значениях варьируются одинаковым образом. Таков, например, глагольный фразеологизм *входить в колею (русло)*, имеющий значения: 1) 'возвращаться к обычному образу жизни'; 2) 'принимать какой-либо образ жизни'; 3) 'принимать обычное течение' (чаще о жизни).

Смысловую структуру многозначного фразеологизма следует рассматривать не как механическое и случайное соединение двух или нескольких значений, а как вполне организованное, упорядоченное единство.

Некоторые лингвисты внутри многозначного фразеологизма выделяют первично-образные и вторично-образные значения. При этом картина расширения смысловой структуры представляется так, что первично-образное значение возникает на основе переносного употребления свободного словосочетания, а вторично-образное возникает на основе сформировавшегося первично-образного значения. При таком положении одно значение как бы непосредственно вытекает из другого.

На наш взгляд, специфику смысловой структуры фразеологизма во многом определяет внутренняя форма. Принимая во внимание это обстоятельство, многозначные фразеологизмы русского языка можно разделить, по меньшей мере, на две категории.

В первую категорию входят фразеологизмы метафорического характера, которые могут быть противопоставлены переменным словосочетаниям такого же лексического состава. У таких налагаемых (аплицируемых) фразеологизмов внутренняя форма воспринимается отчетливо, является живой. Сюда можно отнести:

а) глагольные фразеологизмы типа *извиваться ужом* (1) 'лстить' и 2) 'хитрить'); *вилять хвостом* (1) 'хитрить' и 2) 'заискивать'); *колоть глаза* (1) кому чем. 'Попрекать' и 2) 'Причинять неприятности'); *заговаривать зубы* (1) 'намеренно отвлекать внимание' и 2) 'обманывать') и др.;

б) наречные фразеологизмы: *вкось и вкривь* (1) 'превратно, по-разному' и 2) 'не так, как следует'); *за семью замками* (1) 'под строгим присмотром' и 2) 'тщательно спрятан, недоступен'); *во весь голос* (1) 'очень громко' и 2) 'открыто, во всеуслышание') и т. д.;

в) именные фразеологизмы: *вторая молодость* (1) 'новый прилив физических сил' и 2) 'новый успех'); *тяжелая артиллерия*

(1) 'неповоротливые люди' и 2) 'нечто важное, значительное') и т. п.

Во вторую категорию объединяются фразеологизмы, которые в синхронном плане не могут быть наложены на эквивалентное переменное словосочетание. Сюда прежде всего могут быть причислены фразеологизмы с утраченной внутренней формой¹. К этому разряду, например, относятся фразеологизмы *валять дурака* (1) 'делать глупости, поступать не так, как надо'; 2) 'притворяться глупым, непонимающим'; 3) 'паясничать'; 4) 'оттягивать время'; 5) 'бездельничать'); *авгиевы конюшни* (1) 'грязное помещение' и 2) 'то, что находится в запущенном состоянии'); *ни кола ни двора* (1) 'нет жилья' и 2) 'совсем ничего нет (о бедности)'); *еле можухом* (1) 'в состоянии крайней усталости'; 2) 'в состоянии сильного опьянения' и 3) 'в неистовом или неотрегулированном состоянии') и т. д.

В смысловой структуре фразеологизмов метафорического характера частные значения объединяются внутренней формой, единым образным стержнем. Посредством таких значений обычно передаются соотносительные понятия, лежащие в пересекающихся семантических полях (а иногда и в одном поле). Напротив, в смысловой структуре фразеологизмов с утраченной внутренней формой создаются большие реальные предпосылки для рассредоточения, расхождения частных значений. Такое расхождение может привести к распаду полисемии. Возможны, конечно, промежуточные случаи между полисемией и омонимией. Так, смысловое содержание фразеологизма *во всю ивановскую* может быть раскрыто посредством следующих значений: 'очень громко' (кричать, орать, храпеть и т. п.); 'очень строго' (наказывать), 'очень быстро, со всей силой' (что-либо делать). Эти значения соприкасаются друг с другом, так как содержат общий семантический признак 'очень'. Вместе с тем между выделенными значениями наблюдается и существенное расхождение, разобщенность: все они выражают разные понятия.

Общей особенностью налагаемых (апплицируемых) фразеологизмов является то, что их отдельные значения мотивированы и сложились на основе повторной (параллельной) метафоризации одного и того же свободного словосочетания. Поэтому все частные значения, независимо от степени их близости, являются метафорическими, так что у разбираемых фразеологизмов нет и не может быть прямого значения: прямое значение превра-

---

¹ Изучение смысловой структуры такого рода фразеологизмов возможно лишь в диахроническом плане. Эта проблема выходит за рамки настоящего пособия.

щает фразеологическую единицу в свободное словосочетание такого же состава. Это обстоятельство, как говорилось выше, существенно сдерживает развитие многозначности в кругу налагаемых фразеологизмов.

Смысловая структура соответствующих фразеологизмов этого рода характеризуется известной однородностью, равноценностью отдельных значений. Вследствие этого трудно определить направление и последовательность семантической деривации, семантического обогащения апплицируемых фразеологизмов. Частные значения таких фразеологизмов сосуществуют параллельно. Невозможно найти производное и производящее значения, ибо все они образуются на основе поочередного метафорического переосмысления разных свойств одного и того же исходного, производящего словосочетания.

Смысловая структура соответствующих фразеологизмов напоминает смысловую структуру таких многозначных слов, которые состоят из нескольких переносных значений (прямые значения не принимаются во внимание). Таково, например, слово *свинья*, которое помимо буквального значения имеет два переносных: 1) 'грязный, неопрятный человек, неряха' и 2) 'низкий, неблагодарный человек'. Естественно думать, что второе значение ('неблагодарный человек') появилось не потому, что уже существовало первое ('неряха'), а вследствие перенесения определенного признака этого животного на человека, т. е. в результате параллельной метафоризации. Переносное значение потому и называется переносным, что оно возникает на основе прямого и только ему известным образом противопоставляется. Семантическая связь и взаимозависимость между отдельными переносными значениями внутри многозначного слова устанавливается не потому, что одно переносное значение возникает из другого, а только потому, что объектом метафоризации выступает один и тот же предмет, точнее сказать, различные или сходные признаки одного предмета.

То, что сказано в отношении слова, касается в определенной степени и фразеологизмов.

Так как разбираемые фразеологизмы возникают на основе метафоризации свободного словосочетания, то каждое новое значение внутри многозначного фразеологизма сходно в функциональном отношении с переносным значением слова. В силу же того, что одно переносное значение, как было только что показано, не может возникать на базе другого, равным образом одно значение фразеологизма не может возникать на основе другого. Следовательно, и с этой точки зрения каждое отдельное значение фразеологизма появляется в аналогичных случаях в результате поочередной метафоризации одного и того же

свободного словосочетания, которое по отношению к частным значениям фразеологизма выступает в качестве общего источника метафоризации. Именно поэтому между частными значениями существует тесная смысловая связь.

Частные значения апплицируемых фразеологизмов могут быть в каком-либо отношении семантически неоднородными, неравноправными. Здесь можно выделить, например, фразеологизмы, в смысловой структуре которых отдельные значения отличаются друг от друга по признаку конкретности абстрактности. Так, в глагольном фразеологизме *стучаться в дверь* (*в двери*) одно значение — ‘часто обращаться с просьбами к кому-либо’ конкретнее другого — ‘наступать, приближаться, давая знать о своем появлении’. Не случайно в первом значении фразеологизм употребляется при подлежащем со значением лица, тогда как во втором — при подлежащем со значением отвлеченного предмета, например: «Мне пришлось... начать стучаться в двери редакций в поисках работы» (П. Б.); «Реже в дверь мою стучится голод» (Н.). Та же степень нарастания отвлеченности от значения к значению отмечается в смысловой структуре фразеологизма *поднимать руку* (на кого) в смысле: 1) ‘пытаться ударить’; 2) ‘покушаться на чью-либо жизнь’ и 3) ‘вести борьбу с кем-либо, резко осуждать, порицать’.

Внутренняя зависимость между частными значениями объясняется не тем, что эти значения возникли в результате расщепления однозначных фразеологизмов или в результате последовательного появления каждого более отвлеченного значения из конкретного, а вследствие переосмысления свободного словосочетания. Именно это служит непосредственным источником образования каждого частного значения. При этом трудно сказать, какое значение появляется раньше — конкретное или более отвлеченное.

О внутренней зависимости между отдельными значениями многозначного фразеологизма часто можно судить на основе развернутых определений. Так, фразеологизм *забивать голову* (кому чем) означает: 1) ‘обременять себя чем-либо (заботами, обязанностями и т. п.)’ и 2) ‘перегружать память, сознание чем-либо (чаще ненужным)’. Нетрудно видеть, что ключевые слова *обременять* и *перегружать*, входящие в объяснительную часть, близки по смыслу. Не случайно соответствующий фразеологизм в каждом частном значении обладает сходной сочетаемостью. В качестве сказуемого он употребляется при подлежащем со значением лица и управляет дательным падежом со значением лица и творительным падежом со значением отвлеченного предмета, например: «[Наташа:] А что вам забивать голову нашими делами!» (Н. В.).

Расхождения между значениями фразеологизма указывают на постепенный распад полисемии. Следует отметить, что налагаемые фразеологизмы лишь в редких случаях в силу емкости и многомерности внутренней формы способны порождать омонимию в литературном языке.

Например, глагольный фразеологизм *разевать (раскрывать, открывать) рот* развил в себе такие значения: 1) 'начинать говорить, высказываться'; 2) 'не соглашаться, резко возражать'; 3) 'крайне удивляться, приходить в изумление'; 4) 'быть крайне невнимательным, рассеянным, ротозейничать'; 5) 'зазевавшись, переставать делать что-либо'.

Эти значения внутри фразеологизма совершенно равноправны. Три последних значения не могли возникнуть на базе двух первых, и наоборот, так как они семантически не обуславливают друг друга. Слова-идентификаторы, посредством которых может быть в первом приближении передано каждое из этих значений (соответственно: *говорить, возражать; удивляться, изумляться, ротозейничать* и т. п.), характеризуются различной предметно-логической отнесенностью. Вместе с тем каждое значение в семантической структуре этого фразеологизма является мотивированным, ибо возникли эти значения в результате обобщения одного емкого образа для выражения разных понятий. Все эти значения появились вследствие поочередного, повторного метафорического переосмысления свободного словосочетания одинакового лексического состава. И тем не менее здесь налицо два омонимичных оборота, каждый из которых является многозначным.

Попутно отметим, что среди фразеологических омонимов выделяются обороты, совпадающие по своей звуковой оболочке со свободным словосочетанием и не совпадающие с ним. К первой группе можно отнести обороты типа *вытянуться в нитку*¹ 'сильно исхудать' и *вытянуться в нитку*² 'проявить чрезмерное усердие'; *метать икру*¹ 'извергать рвоту' и *метать икру*² 'гневно возмущаться'. У подобных фразеологизмов сохраняется внутренняя форма. Фразеологическая омонимия здесь может возникнуть вследствие распада полисемии.

Ко второй группе относятся фразеологизмы с утраченной внутренней формой типа *благим матом*¹ 'очень громко' и *благим матом*² 'очень быстро'. Соответствующие обороты могут появляться в результате случайного звукового совпадения.

Отдельные фразеологизмы способны совмещать противоположные значения. Например, глагольный оборот *вертится на языке* (у кого что) содержит полярные значения: 1) 'хочется сказать, спросить о чем-то важном, заветном, волнующем'. «— У тебя, чувствую, вертится уже на языке готовое слово? — Вер-

Фразеологизмы, в отличие от пословиц и пословично-поговорочных выражений (передающих суждения общего и частного характера), соотносятся с различными частями речи. Большая часть фразеологизмов примыкает к классу глаголов и наречий.

При соотнесении фразеологизма с той или иной частью речи учитываются в первую очередь такие грамматические и семантические свойства фразеологического оборота, как: а) способ выражения грамматически господствующего компонента, благодаря которому предсказывается категориальное значение фразеологизма (например, у глагольных оборотов таким компонентом оказывается глагол); б) синтаксическая функция фразеологизма в предложении (например, наречные фразеологизмы употребляются в качестве различных обстоятельств); в) семантические особенности фразеологизма: семный состав толкуемого оборота, способность его передавать/не передавать оценочное значение; г) сочетательные способности фразеологизма и др.

Все фразеологизмы с точки зрения соотнесенности с частями речи условно можно разделить на две категории: в одну группу входят обороты, категориальные свойства которых определяются сравнительно свободно; в другую группу объединяются фразеологизмы, совмещающие категориальные признаки нескольких частей речи и обладающие нередко на этой основе размытостью категориальных границ.

При выявлении категориального значения фразеологизма наиболее пригодным оказывается метод развернутых избыточных толкований, с помощью которых определяется мера сближения фразеологизма с той или иной частью речи. При этом объяснительная часть подвергается тщательной лингвистической обработке. Так, фразеологизм *нажимать на все педали* растолковывается посредством глагольного словосочетания 'прилагать все свои старания ради достижения чего-л.'. В составе объяснительной части грамматически главенствующее положение занимает глагол полного значения *прилагать*, указывающий на то, что рассматриваемый оборот наделен процессуальным значением и вследствие этого строго соотносится с глаголом. Значение этого фразеологизма может быть разъяснено только посредством глагольного словосочетания.

Категориальное значение глагольности (действия) легко может осложняться оценочным значением, что тотчас сказывается на соотнесенности фразеологизма с частью речи. Например, фразеологизм глагольного происхождения *зубы съел* (в чем, на

чем) наделен оценочным значением, вследствие чего этот оборот не в состоянии сочетаться с приглагольными частицами типа *себе, бывало, как, пусть, знай* и под., а также не может соединяться с лексическими показателями оценки типа *отлично, хорошо, плохо* и т. д. Значение анализируемого фразеологизма может быть передано такими словами и словосочетаниями оценочного употребления, как: 1) 'хорошо разбирается'; 2) 'искусен, сведущ в чем-либо'; 3) 'мастер на что-либо'. Слова, приравняемые по смыслу к этому фразеологизму, восходят к трем частям речи — соответственно глаголу, прилагательному и существительному. Необходимо отметить, что разбираемый фразеологизм не развил в себе многозначности. Это означает, что категориальная полисемия может развиваться независимо от явления многозначности в собственном смысле.

Явление категориальной полисемии присуще и таким фразеологизмам, как *собаку съел* (в чем) 'приобрел большой опыт, навыки в чем-л.', *в сорочке родился* 'счастливый, удачливый человек' и под.

Категориальная полисемия может охватывать целые синонимические группы фразеологизмов. Так, синонимические обороты *не к месту, ни к селу ни к городу, не у места, не к разу* употребляются в качестве сказуемого и выступают с общим значением 'неуместный, совершаемый некстати'. В этом значении фразеологизмы соотносятся с разрядом качественных прилагательных. «В комнате со сводчатым потолком фиалки казались чересчур яркими, живыми и не к месту» (Панф.); «Только, по-моему, (нытики) в этом деле ни к селу ни к городу» (А. Т.); «Грустные песни сегодня петь не надо, а веселые не к разу тут» (Аст.) и др. В указанном значении соответствующие фразеологизмы близки по смыслу к прилагательным *неуместный, несвоевременный*.

Синонимические обороты *не к месту* и *ни к селу ни к городу*, употребляясь в качестве обстоятельства при глаголах совершенного вида, означают 'в неподходящий момент, не вовремя (сделать что-л.)'. В этом значении рассматриваемые обороты соотносятся с разрядом наречий и близки по смыслу к наречиям *некстати, невпопад*. «А брось ты о семье! Не к месту разговор завела!» (Ов.); «Но тут их разговор перебил отец. Вплелся ни к селу ни к городу со своими рассказами про то, чего никогда не было» (В. Козько).

Как видно из примеров, фразеологизмы могут соотноситься с разными частями речи (например, с наречием и прилагательным) и в то же время могут употребляться для обозначения одного и того же понятия.

Опираясь на развернутое толкование, можно обнаружить и другие сложные процессы, происходящие на пути функциональ-

ного сближения фразеологизма с той или иной частью речи.

Проанализируем сначала группу фразеологизмов, содержащих в своем составе в качестве грамматически господствующего компонента имя существительное. Сюда можно причислить обороты типа *белая ворона*, *белая кость*, *вольный казак*, *голова садовая*, *калиф на час*, *косая сажень в плечах* и др.

Словосочетание, посредством которого осуществляется толкование таких оборотов, содержит смысловоразличительные и интегрирующие признаки фразеологического значения: *бесструнная балалайка* 'болтливый, неделовой человек', *буриданов осел* 'очень нерешительный человек', *гусь лапчатый* 'ловкий, хитрый человек', *заблудшая овца* 'сбившийся с верного пути человек', *звезда первой величины* 'прославившийся в какой-либо сфере деятельности человек', *змея подколотная* 'коварный человек', *золотые руки* 'очень умелый человек', *кисейная барышня* 'легкомысленный, изнеженный человек', *косая сажень в плечах* 'рослый, могучего сложения человек', *шишка на ровном месте* 'незаметный, невлиятельный человек' и др.

Интегрирующий семантический признак во всех анализируемых оборотах передается словом с ослабленным значением — местоименным существительным *человек*; основная семантическая нагрузка падает на смысловоразличительные (дифференциальные) семантические признаки, передаваемые по преимуществу посредством прилагательных. Это означает, что категориальное значение предметности здесь заметно оттеснено значением адъективности. Не удивительно, что рассматриваемые обороты не в состоянии употребляться в предложении в качестве подлежащего; к тому же все эти фразеологизмы обладают оценочным значением.

Одним словом, в подобных случаях грамматически опорному компоненту легко приписывается местоименное значение. Только тогда, когда в словосочетании, передающем значение фразеологизма, стержневое слово (имя существительное) заключает основное значение, можно говорить о полном соотнесении анализируемых оборотов с разрядом существительных. Таков, например, фразеологизм *крапивное семя*; значение этого фразеологизма во всех словарях передается одинаково: 'чиновники-взяточники и крючкотворы' или 'чиновники, занимающиеся крючкотворством и взяточничеством' (ср. еще: *морской волк* 'опытный моряк'). Таким же способом передается значение и синонимичных фразеологизмов *приказная строка* и *чернильная душа*. Соответствующие обороты могут употребляться в предложении в роли подлежащего, например: «У него сидела какая-то приказная строка» (Т.).

Еще отчетливее соотнесенность с существительным у фра-

зеологизмов типа *белые мухи* 'падающий снег', *бабье лето* 'теплые дни ранней осени', *осиное гнездо* 'убежище, сборище опасных людей'. Эти обороты определяются посредством полновесных и семантическом отношении слов, обозначают предметных и преимущественно употребляются в роли подлежащего, например: «Наступило бабье лето» (Вьюрк.); «Вот-вот белые мухи заплещут» (Ю. Ш.); «На улице метались эсэсовцы — шумело потревоженное осиное гнездо» (В. О.).

Напротив, возможны случаи, когда значение фразеологизма описываемой модели передается посредством прилагательных и адъективных словосочетаний. Например, фразеологизм *кожа да кости* легко разъясняется через прилагательные *худой, изможденный*, что говорит в пользу наибольшей близости аналогичных оборотов к разряду прилагательных.

В русском языке существует продуктивный класс фразеологизмов, в составе которых трудно или невозможно выделить грамматически господствующий компонент. Категориальное значение подобных фразеологизмов выявляется на базе развернутых или однословных толкований и с учетом синтаксической роли в предложении. Сюда в первую очередь относятся многие фразеологизмы, закрепившиеся в функции разнообразных обстоятельств типа *нога за ногу* (идти) 'очень медленно', *ни свет ни заря* 'очень рано', *на скорую руку* 'неспешно, наскоро, не теряя времени' и 'небрежно, наспех, кое-как', *на сон грядущий* 'перед сном' и др. Эти и многие подобные обороты растолковываются посредством наречий или онареченных словосочетаний и сливаются с разрядом наречий.

Особое место занимают фразеологизмы типа *от ворот поворот* (кому) 'решиительно отказать кому-либо в чем-либо', *ни с места* 'не двигаться, стоять неподвижно', *не в коня корм* (кому) 'не идет впрок, на пользу (о пище, питье)' и 'не подходит; не может быть оценено по достоинству' и др. Эти обороты содержат заметный оттенок действия и разъясняются глаголом или глагольным словосочетанием. В предложении разбираемые фразеологизмы употребляются в значении глагольного сказуемого, например: «Стойте, ребята! Ни с места!» (Заг.).

Некоторые фразеологизмы типа *не по себе* (кому) 'неловко, неудобно', *вне себя* 'в крайне возбужденном состоянии или раздражении', *не в себе* 'в сильном душевном расстройстве', *не в своей тарелке* 'в плохом, подавленном настроении' и под. выражают внутреннее состояние человека; они закрепились в функции сказуемого (личного или безличного) и смыкаются с категорией состояния (если ее трактовать расширительно).

В особую группу объединяются фразеологизмы типа *ветер свистит в карманах* (чьих), *вожжа под хвост попала* (кому),

глаза на лоб лезут (у кого), душа уходит в пятки (у кого), закон(ы) не писан(ы) (кому, для кого), зуб на зуб не попадает (у кого), каша в голове (чьей, у кого), камень с души свалился (у кого), кишка тонка (у кого), кошки скребут на душе (чьей, у кого), кондрашкахватила (кого), карачун пришел (кому), кровь играет (в ком), медведь на ухо наступил (кому), молоко на губах не обсохло (у кого), кусок в горло не идет (кому), лавры спать не дают (чьи, кому), небо с овчинку кажется (кому), нос не дорос (у кого), рука не дрогнет (у кого), руки чешутся (у кого), руки не доходят (у кого), слюнки текут (у кого), сердце обросло мохом (чье, у кого), язык заплетается (у кого) и др.

Соответствующие фразеологизмы организованы по структурной схеме «сущ. в им. п. + спряг. форма гл.», имеют открытую (незамкнутую) структуру и требуют информативной поддержки со стороны сильно управляемых слов со значением лица, выступающего в роли логического субъекта. Фразеологизмы этого типа не имеют категории предикативности и интонации сообщения. Благодаря формальным изменениям глагольного компонента образуется грамматическая парадигма фразеологизма.

Глагольный компонент, видоизменяясь, в известной мере обуславливает и способность таких фразеологизмов передавать общее значение действия или состояния, которое свойственно лицу. Не удивительно, что смысловое содержание отдельных фразеологизмов передается посредством глагольных словосочетаний: *глаза слипаются (у кого)* 'сильно спать хочется кому-либо, клонит ко сну кого-либо', *руки не отвалятся (у кого)* 'ничего не случится с кем-либо', *руки чешутся (у кого)* 'хочется подраться кому-либо' и т. п.

Тем не менее фразеологизм и развернутое словосочетание, посредством которого он растолковывается, редко могут заменять друг друга в предложении. По запретам на взаимозамену можно судить о характере соотношенности рассматриваемых оборотов с частью речи, глаголом. Чем легче осуществить такое замещение без нарушения структурного и смыслового тождества предложения, тем ближе фразеологизм к глаголу, и наоборот.

Так, в предложении «Усталость берет свое, все-таки пять дней в пути, глаза слипаются, я опять начинаю дремать, проваливаюсь, понимаете ли, в сон» (Драг.) фразеологизм *глаза слипаются* более или менее свободно заменяется толкуемым словосочетанием *сильно спать хочется*. В подавляющей же части случаев такая взаимозамена недопустима без определенной модификации предложения, в котором реализуется фразеологизм. Когда аналогичные фразеологизмы употребляются абсолютно, без управляемых слов, они (фразеологизмы) могут

выступать в роли придаточной части сложноподчиненного предложения. Таков оборот *комар носа не подточит* 'ни к чему не придерешься', например: «(Старик) дело знает так, что комар носу не подточит» (М.-С.).

Одним словом, подобные фразеологизмы неоднородны в морфолого-синтаксическом отношении. Часть их в составе предложения употребляется в качестве безличного сказуемого и легко растолковывается путем безличных глаголов или безлично-предикативных слов (ср.: *небо с овчинку кажется* (кому) 'кому-л. невыносимо тяжело, плохо от сильного страха, потрясения'); другие обороты не укладываются в эту схему и ближе стоят к самостоятельным предложениям.

На основе речеописательного толкования обнаруживается переход фразеологизмов из одного категориального состояния в другое. Не подлежит сомнению, что такие фразеологизмы, как *во что бы то ни стало*, *как ни в чем не бывало*, *как пить дать*, *куда ни шло*, имеют отглагольное происхождение. Некоторые из этих оборотов в недавнем прошлом сохраняли согласовательную связь с именем существительным в роли грамматического подлежащего. Например: «[Фамусов:] Тебя уж упекут под суд как пить дадут» (Гриб.); «Приплыла наутро щука, как пить дала» (С.-Щ.).

Легко убедиться, что подобные фразеологизмы наделены наречными свойствами в большей мере, чем глагольными. Смысл разбираемых оборотов передается с помощью наречий и наречных словосочетаний: *как пить дать* употребляется в значении 'обязательно, ценой любых усилий' и т. д.

Процесс онаречивания может распространяться и на некоторые фразеологизмы субстантивного происхождения типа *аредовы веки*, *мафусаилов век* и под. Соответствующие обороты реализуют свое значение в сочетании с глаголами *жить*, *проживать* и т. п.: «Жил-был пескарь. И отец и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аредовы веки в реке прожили» (С.-Щ.).

Категориальное перерождение претерпели фразеологизмы типа *язык проглотишь* 'очень вкусен (вкусный)', *пальчики оближешь* 'что-то соблазнительное'. Подобные обороты развили в себе адъективные признаки, оттеснив на задний план процессуальные качества.

Из всего ранее сказанного можно заключить, что путем однословного или чаще распространительного толкования обнаруживается категориальное значение фразеологизма. Показателем этого значения является, как правило, грамматически главенствующее слово в объяснительной части, если оно при этом является полновесным, семантически неопустошенным.

Выделяются следующие общеграмматические разряды фразеологизмов: глагольные — *бить баклуши, валять дурака, держать ухо востро, заварить кашу, задирать нос, заткнуть за пояс и др.*; наречные — *бок о бок, в двух шагах, во все глаза, за милую душу, за обе щеки, из-за угла, как на ладони, лицом к лицу, на всю катушку*; субстантивные — *ахиллесова пята, бабье лето, барашек в бумажке, крапивное семя, морской волк и др.*; адъективные — *боек на язык, ветром подбитый, легок на подъем, нечист на руку, туг на ухо, кожа да кости и др.*; категория состояния — *не по себе, вне себя и др.*; междометные — *вот еще!, вот поди же ты!, вот так клюква!, вот тебе и на!, как бы не так!, нашел дурака!, скажи на милость!, черта с два!* и др. Особое место занимают фразеологизмы, употребляющиеся в значении вводных слов и словосочетаний — *как говорится, как на грех, так сказать, что называется, шутка сказать* и под. Фразеологизмы каждого разряда имеют свои отличительные морфологические особенности, располагают системой своих грамматических категорий.

§ 20.

Морфологические свойства глагольных фразеологизмов

Морфологическая характеристика глагольных фразеологизмов в первую очередь связана с изучением их видо-временных свойств.

При рассмотрении этих вопросов мы исходили из того, что всякого рода ограничения в выборе форм в конечном итоге обусловлены особенностями семантики фразеологизма, степенью процессуальности и наличием оценочного значения, которое является элементом фразеологического значения.

Фразеологизмы, подобно лексическим единицам, обладают определенными грамматическими категориями. Например, глагольным фразеологизмам свойственны категории вида, времени, наклонения, лица, числа, рода. При этом формальным показателем той или другой категории служит грамматически опорный компонент, являющийся своеобразным грамматическим центром фразеологизма.

Как свидетельствуют факты, подавляющее большинство фразеологизмов глагольного типа не допускает свободного варьирования грамматических форм. Правда, не только фразеологизмы, но и многие слова не способны реализовать свои грамматические возможности, но никогда ограничения в выборе форм фразеологизма не совпадают с ограничениями в выборе словоформ, входящих в свободное словосочетание такого же

состава. Другими словами, морфологические формы компонентов в составе фразеологизма не способны повторить морфологической формы слов в составе переменного словосочетания, лексически совпадающего с исследуемым фразеологизмом. Следовательно, специфические свойства фразеологизмов со стороны формо- и словообразования могут быть объективно оценены лишь при наложении фразеологизма на свободное словосочетание такого же лексического состава, если оно налицо. Например, глагольный фразеологизм (*как воды в рот набрать* (в смысле 'молчать') употребляется лишь в форме совершенного вида. В составе же свободного словосочетания такого же лексического состава глагол *набрать* (в смысле 'захватить с собой в каком-либо количестве') свободно употребляется в форме совершенного и несовершенного вида: *набрать* — *набирать* (в рот воды).

Ограничения в образовании форм могут происходить в рамках синтагматического, парадигматического и словообразовательного ряда. Если тот или иной фразеологизм не может быть противопоставлен свободному словосочетанию такого же состава из-за отсутствия последнего, то морфологические возможности фразеологизма могут быть исследованы на основе соотношения стержневого компонента фразеологизма с той же лексемой в свободном употреблении. Таков, например, фразеологизм *отбивать хлеб* (у кого) (в смысле 'лишать заработка'). Компонент *отбивать* в силу аналитичности общего значения фразеологизма соотносится по смыслу со словом *отбивать* (в смысле 'силой, с боем отнимать что-либо'). Это слово в указанном значении легко образует соотносительные видовые пары (*отбить* — *отбивать*). Данный фразеологизм также свободно употребляется в форме совершенного и несовершенного вида: *отбить* — *отбивать хлеб* (у кого). Общее значение этого фразеологизма, таким образом, не препятствует видообразованию, так как степень семантической слитности компонентов здесь сравнительно невысокая. Ср. также: *найти* — *находить общий язык* (с кем).

Необходимо отметить, что морфологические изменения затрагивают форму выражения фразеологизма.

§ 21.

Видо-временная характеристика фразеологизмов глагольного типа

В современном русском языке широко распространены фразеологизмы глагольного типа. Распространенность соответствующих фразеологизмов объясняется конструктивным богатством русского глагола. «Глагол, — отмечает акад. В. В. Ви-

ноградов, — самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи» [18, с. 337].

Глагольный компонент, выполняя в составе фразеологизма грамматически господствующую роль, является носителем, показателем грамматических форм одной и той же фразеологической единицы: *переливать из пустого в порожнее, переливаю из пустого в порожнее, переливая из пустого в порожнее, не переливай из пустого в порожнее, не переливал бы из пустого в порожнее* и т. п. Следовательно, фразеологизмы, подобно словам свободного употребления, могут выступать в разных грамматических формах, оставаясь одной и той же фразеологической единицей.

Те или иные видоизменения форм регулируются семантикой фразеологизма. В системе изменения форм различных фразеологизмов глагольного типа можно обнаружить две особенности: с одной стороны, в языке действует тенденция образовывать от одной и той же фразеологической единицы как можно больше форм (этому обстоятельству способствует структурная гибкость глагольного компонента), с другой стороны, соответствующим фразеологизмам в процессе изменения форм оказывается семантическая сопротивляемость (этому обстоятельству способствует целостность значения фразеологизмов, однозначность большинства из них и их ярко выраженная экспрессивная окрашенность). Таким образом, возникает противоречие между вещественным значением и грамматической формой того или иного фразеологизма.

Систему форм слова или фразеологизма в известной мере определяет и вид. Фактический материал показывает, что активность видо-временных форм во многом зависит от способности значительной части фразеологизмов передавать значение качественной характеристики лица или предмета. Причем замечено, что с усилением оценочного значения соответственно ослабевают в том или ином фразеологизме глагольные свойства, а вместе с этим и значение вида и времени, без которых немыслимо понятие глагольности, и наоборот.

§ 22.

Одновидовые глагольные фразеологизмы несовершенного вида

В современном русском языке обширную группу составляют одновидовые глагольные фразеологизмы несовершенного вида.

Исходя из того, что одновидовые глаголы несовершенного вида образуют систему из трех времен, в составе рассматриваемых фразеологизмов условно можно выделить следующие подгруппы: а) подгруппу фразеологизмов, которые в форме несовершенного вида могут иметь все три времени (настоящее, будущее составное и прошедшее несовершенное); б) подгруппу фразеологизмов, которые в форме несовершенного вида имеют два времени (настоящее и прошедшее несовершенное); в) немногочисленную подгруппу фразеологизмов, которые располагают только одной формой времени.

Не все глагольные фразеологизмы в составе выделенных подгрупп одинаково свободно функционируют в тех или иных временных формах, так что здесь возможны промежуточные явления. Например, фразеологизм *выеденного яйца не стоит* 'не имеет никакой ценности' в живой речи обычно встречается в форме настоящего времени. В такой временной форме значение качественной характеристики, присущее этому фразеологизму, выступает особенно заметно: «Есть из чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!» (Г.); «Вы, гражданские, вечно с делами! А посмотришь, дела-то ваши все вместе выеденного яйца не стоят!» (С.-Щ.).

Этот же фразеологизм с ослабленным оценочным значением возможен и в форме прошедшего несовершенного. Вполне допустимо сказать: «Это дело выеденного яйца не стоило», где момент оценки почти не ощущается. Менее употребительна форма будущего составного: «Это дело не будет стоить выеденного яйца».

Следует отметить, что чем слабее выражено значение качественной характеристики в том или ином фразеологизме, тем ярче представлена в нем активность видо-временных форм, и наоборот.

В состав подгруппы (а) можно включить такие фразеологизмы глагольного типа: *вариться в собственном соку*, *водить за нос* (кого), *влачить жалкое существование*, *глядеть сквозь пальцы*, *гнуть (чью-либо) линию*, *души не чаять* (в ком), *иметь зуб* (против кого), *колоть глаза* (кому), *лезть из кожи вон*, *лить воду на (чью-либо) мельницу*, *ломать копыта*, *ломать шапку* (перед кем), *марать бумагу*, *мерить на свой аршин*, *не давать проходу* (кому), *не стоить выеденного яйца*, *носить на руках* (кого), *размениваться на мелочи*, *сидеть на бобах*, *склонять на все лады*, *стоять горой* (за кого), *стоять над душой*, *толочь воду в ступе*, *точить нож* (на кого), *тянуть одну и ту же песню* и т. д.

Значительная часть перечисленных фразеологизмов выражает или способна в определенном контексте выражать качественную характеристику лица или предмета (*водить за нос, не стоить медного гроша*); многие фразеологизмы передают различные прочно установившиеся отношения человека к кому-либо или чему-либо: чувство симпатии, неприязни, безразличия и т. п. (*глядеть сквозь пальцы* (на кого или что), *души не чаять* (в ком), *иметь зуб* (против кого). Указанные значения несовместимы со значением предельности действия.

В составе приведенных фразеологизмов глагольные компоненты представляют собой непроеизводные основы, исключая фразеологизм *не давать проходу* (кому) с суффиксом *-ва-* и фразеологизм *размениваться на мелочи* с приставкой реального значения *раз-* и суффиксом *-ива-*. Без соответствующих аффиксов названные фразеологизмы неупотребительны.

Все это свидетельствует о том, что общее (целостное) значение фразеологизма так или иначе ограничивает его видообразование, в силу чего видо-временная активность фразеологизма всегда ниже видо-временной активности глагола в составе эквивалентного свободного словосочетания.

Например, глагольный фразеологизм *носить на руках* (кого) 'оказывать особое внимание; баловать, ценить' не имеет соотносительных форм совершенного вида. В составе же свободного словосочетания *носить на руках* глагол *носить* легко осложняется приставками реального значения *по-, про-, пере-, от-* и т. д. Правда, приставочные глаголы (соответственно *понести, пронести, перенести, отнести* и т. д.) являются самостоятельными словами, а не грамматическими формами исходного, бесприставочного глагола, ибо здесь нет чисто видовой соотносительности. Но эта особенность характеризует видовую корреляцию слов, а не фразеологизма и, таким образом, не затрагивает его грамматической природы.

Фактический материал показывает, что фразеологизмы рассматриваемого типа в форме несовершенного вида чаще всего употребляются в настоящем и прошедшем времени и редко принимают формы будущего составного. «[Феона:] И не таких, как ты, молодцев за нос-то водят» (Остр.); «Она всех водила за нос и про любовь одного рассказывала другому и смеялась над первым, потом с первым над вторым» (Гонч.).

В единичных случаях можно встретить аналитическую форму будущего несовершенного. «Именно такую жену и нужно бесхарактерному и податливому Симону. Эта будет держать его в руках» (М.-С.); «Убьет ли себя с отчаяния и стыда эта опозоренная женщина, или будет влачить свое жалкое существование, она все равно погибла» (Ч.); «Александр

Владимирович! Да мы... всей труппой на руках вас носить будем!» (Ф.).

В следующую подгруппу (б), как уже отмечалось, входят глагольные фразеологизмы, которые в форме несовершенного вида обычно располагают настоящим и прошедшим временем. Таковы: *в мутной воде рыбу ловить, видеть насквозь (кого), глядеть в гроб, дневать и ночевать, дышать на ладан, загребать жар чужими руками, иметь голову на плечах, ломиться в открытую дверь, мелко плавать, много думать о себе, не видеть дальше носа, не годиться в подметки (кому), не лежит на душе (у кого), не помнить себя (от чего), пожирать глазами, рвать и метать, скользить по поверхности, спать и видеть, стоять одной ногой в могиле* и т. д.

Подавляющая часть приведенных фразеологизмов имеет ярко выраженное оценочное значение (*еле ноги волочить, иметь голову на плечах, мелко плавать, много думать о себе, не видеть дальше носа, стоять одной ногой в могиле*). Как показывают факты, глагольные компоненты в составе соответствующих фразеологизмов в основном образованы беспрефиксальным способом; исключения составляют фразеологизмы *загребать жар чужими руками, выносить сор из избы, пожирать глазами* (кого), в составе которых глагольные компоненты соответственно имеют приставки *за-, вы-, по-*. Эти фразеологизмы могли бы иметь соотносительные формы совершенного вида, если бы реальное значение указанных фразеологизмов было бы совместимо с грамматическим значением предельности действия. Стало быть, названные приставки в составе описываемых фразеологизмов не влияют на видовую несоотносительность.

Кстати, отметим, что приставочные глаголы несовершенного вида *загребать* (в смысле 'собирая в одно место, захватывать') и *выносить* (в смысле 'неся, удалить откуда-нибудь') в составе свободных словосочетаний *загребать жар чужими руками* и *выносить сор из избы* легко образуют соотносительные формы совершенного вида и составляют парадигму: *загребать — загрести, выносить — вынести*. «Юльке казалось, что он видит ее насквозь, что ему известно даже то, о чем сама Юлька смутно думает» (Горб.); «Хорь насквозь видел г-на Полутыкина» (Т.). В сочетании с частицей *не* этот фразеологизм, пожалуй, допустим и в форме будущего составного.

Наконец, среди глагольных фразеологизмов несовершенного вида редко можно встретить и такие, которые преимущественно реализуются в какой-то одной временной форме

(подгруппа в). Так, например, в прошедшем несовершенном закрепился фразеологизм оценочного значения *видал (-а) виды*; в будущем составном — фразеологизм *расхлебывать кашу* 'выяснять, распутывать какое-либо сложное и неприятное дело'. В составе этого фразеологизма глагольный компонент образован при помощи приставки *рас-* и суффикса *-ива-*. Исходная соотносительная форма совершенного вида неупотребительна, так как вещественное значение этого фразеологизма несовместимо с идеей предельности действия. «Ты, хлопец, может быть, не трус, Да глуп, а мы видали виды» (П.); «О ней отзывались, как о девушке с самолюбием (великая похвала в устах дворовых людей), которая хотя и видала виды, однако себя не уронила» (Т.).

Как свидетельствуют факты, глагольные фразеологизмы в форме несовершенного вида, в отличие от соответствующих свободно употребляемых глаголов, обладают целым рядом особенностей. Большинство разбираемых фразеологизмов имеют или способны иметь качественное, оценочное значение. Фразеологизмы с таким значением пассивно передают глагольный признак. Этим можно объяснить слабо выраженную во многих фразеологизмах активность временных форм и в особенности форм будущего составного. Последнее обстоятельство легко объясняется тем, что аналитические формы будущего времени несовершенного вида выражают процесс действия в плане будущего, отрешенном, не связанном с настоящим. Фразеологизмы же оценочного значения или употребления не в состоянии передать такое будущее.

Ограниченность форм времени в составе несовершенного вида свидетельствует и об ослабленном видовом значении многих глагольных фразеологизмов, выражающих качественную характеристику.

Наконец, закреплённость глагольных фразеологизмов в форме несовершенного вида может поддерживаться и их собственно вещественным значением, связанным с длительностью проявления признака: *дневать и ночевать, спать и видеть*; ср. также: *водить за нос* (кого), *гнуть спину, перебиваться с хлеба на квас, тянуть одну и ту же песню* и др., где значение длительности проявления признака усиливается оценочным значением.

§ 23.

Одновидовые глагольные фразеологизмы совершенного вида

Не менее обширную группу составляют и глагольные фразеологизмы, преимущественно закрепившиеся в форме совершенного вида.

Среди одновидовых глагольных фразеологизмов совершенного вида условно можно выделить две подгруппы: а) подгруппу фразеологизмов, которые в форме совершенного вида располагают прошедшим и будущим временем, и б) подгруппу фразеологизмов, которые реализуются в какой-то одной временной форме.

К подгруппе (а) можно отнести фразеологизмы: *воды не замутить*, *вывести на чистую воду* (кого), *вылететь в трубу*, *далеко пойдет* (кто-либо), *загнуть салазки*, *задать баню*, *задать чесу*, *заткнуть за пояс* (кого), *махнуть рукой* (на кого), *мухи не обидит* (кто-либо), *не выдумать пороху*, *не ударить в грязь лицом*, *показать кузькину мать*, *посадить в калошу* (кого), *прибрать к рукам* (кого), *пройти огонь*, *воду и медные трубы*, *прожужжать уши* (кому), *согнуть в бараний рог*, *стереть в порошок* (кого), *стереть с лица земли* и т. д.

Большинство разбираемых фразеологизмов раскрывают образную характеристику лица (*воды не замутить*, *не выдумать пороху*, *не ударить в грязь лицом*), а также передают различные отношения между людьми, угрозу, намерение, безразличие к кому-либо, превосходство над кем-либо (*махнуть рукой* (на кого), *посадить в калошу* (кого), *стереть в порошок* (кого)).

Значительная часть глагольных компонентов в составе этих фразеологизмов образована посредством приставок, самыми распространенными из которых являются *за-*, *по-*, *вы-*. Соответствующие приставки прочно срослись с глагольными основами, ибо без этих приставок фразеологизмы неупотребительны. Исключением в этом отношении является группа фразеологизмов с глагольным компонентом (*за*)*дать*, где приставка *за-* не утратила своей морфологической самостоятельности: *дать* — *задать стрелача*, *задать тягу*, *задать лататы*; *дать* — *задать баню*, *задать перцу* и др. В приставочном и бесприставочном употреблении указанные фразеологизмы имеют форму совершенного вида.

В большинстве случаев слившиеся с глагольной основой приставки не имеют реального значения и являются формальным видовым показателем. И лишь в составе отдельных фразеологизмов глагольные приставки не теряют своего реального значения. Так, приставка *за-* в составе фразеологизма *заварить кашу* (в смысле 'начать какое-либо неприятное, хлопотное, запутанное дело') выражает начинательное значение. «[Нил:] Вот заварил кашу! И черт меня дернул спросить ее» (М. Г.).

Приставка *про-* в фразеологизме *прожужжать уши* (кому) 'надоест кому-либо долгими и однообразными разговорами' выражает длительное действие в отношении к его результату

Этот фразеологизм обозначает речь и легко соединяется с приставкой *про-*: «Мне мой сын Петр все уши прожужжал, расхваливая вас» (А. С.); «Да. Скажите, Вера, вспоминали вы иногда обо мне? — спросил он. — Очень часто: бабушка нам уши прожужжала про вас» (Гонч.). С тем же финитивным значением выступает эта приставка и в фразеологизме *пройти огонь, воду и медные трубы*.

Во многих приведенных выше фразеологизмах в силу ярко выраженного оценочного значения заметно ослаблено видовое значение. Так, в предложении: «А какова баба? Эта и мою Глафиру Андреевну за пояс заткнет» (Т.) фразеологизм *за пояс заткнет*, хотя и имеет форму совершенного вида, однако не осложнен значением предела, результата действия, так как мыслится обобщенно. С ослаблением же оценочного значения в данном фразеологизме видовое значение усиливается, а вместе с этим ярче проявляется грамматическое значение будущего времени, к которому приурочен результат действия. Например: «О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас. — Ей-ей, будет добрый полковник, да еще такой, что батька за пояс заткнет!» (Г.).

Более активно значение вида и времени передают глагольные фразеологизмы, которые выражают угрозу или намерение и вследствие этого передают готовность действующего лица к осуществлению действия. Не случайно аналогичные фразеологизмы особенно часто реализуются в форме 1-го лица. «Ты у меня, чертова борода, гляди в оба да ходи по струнке, не то в бараний рог согну» (М.-П.); «О сто чертей и одна ведьма, вы меня знаете! В бараний рог согну! Я покажу вам, где раки зимуют!» (Ч.).

При видо-временной характеристике следует учитывать также и особенности каждого фразеологизма в отдельности. В этой связи можно говорить о преимущественном использовании одних фразеологизмов в одной временной форме, а других — в другой. Например, такие уже ранее названные фразеологизмы, как *здать баню, согнуть в бараний рог, стереть в порошок* и под., чаще встречаются в форме будущего совершенного. Напротив, фразеологизм *прожужжать уши* (кому) обычно употребляется в прошедшем совершенном. И лишь немногие фразеологизмы, типа *за пояс заткнуть* (кого), *махнуть рукой* (на кого), более или менее одинаково возможны в формах прошедшего и будущего совершенного.

Легко убедиться, что своеобразие видо-временных форм может определяться и смысловой структурой того или иного

оборота. Например, глагольный фразеологизм *пройти огонь, воду и медные трубы* имеет в современном русском языке два значения: 1) 'претерпев многое, закалиться, приобрести большой жизненный опыт' и 2) 'иметь незыблемую нравственность'. Эта особенность в смысловой структуре усиливается своеобразием грамматического употребления данного фразеологизма. В первом значении оттенок качественной характеристики выражен слабее и вследствие этого фразеологизм имеет форму будущего или прошедшего совершенного, а иногда и форму настоящего несовершенного. «Он примет взвод, а может роту. Он не гостить придет в полк; Он с ним пройдет огонь и воду. Износит много пар сапог» (Щ.); «На тысячу верст знамена — Красный бархат и шелк... Огонь и воду и медные трубы Каждый из нас прошел» (Прок.); «[Бакин:] Что вы, куда вы? Спасать? Не поспеете. Да и не бойтесь! Такие люди, как Великатов, не погибают, они невредимо и огонь и воду проходят» (Остр.).

Во втором значении соответствующий фразеологизм в силу ярко выраженного оценочного значения закрепился лишь в форме прошедшего совершенного с перфективным оттенком. «Содержательницами дешевых меблированных комнат исключительно были тогда устарелые чиновницы, нажившиеся кухарки, которые в молодости, как говорят, прошли огонь и воду» (А. П.).

К подгруппе (б) относятся фразеологизмы, которые закрепились в форме совершенного вида и располагают по преимуществу какой-то одной формой времени (формой будущего или прошедшего совершенного). Так, в форме прошедшего совершенного утвердились такие фразеологизмы, как *родился (-лась)* в сорочке, *сесть в калошу*, *хватать через край*, *белены объелся*, *заморить червяка*, как (словно) *аршин проглотил(-а)*, *навести уши*, *навязнуть в зубы*, *от рук отбился*, *рылом не вышел(-а)*, *сбиться с ног*, *сжечь свои корабли*, *слона не приметить*, *собаку съел(-а)* (в чем-либо), *спал(-а) с лица*, *сыграть в ящик*, *съел(-а) гриб* и др.

Перечисленные фразеологизмы в большинстве своем содержат ярко выраженную качественную характеристику лица (*в сорочке родиться*, *от рук отбиться*, *рылом не вышел*, *собаку съел* (в чем-либо), *спасть с лица*), выражают пассивное пребывание лица в каком-нибудь состоянии (*белены объелся*, как *аршин проглотил*, *сесть в калошу*, *съел гриб*), характеризуют различные физические процессы или состояния (*заморить червячка*, *приказать долго жить*, *сбиться с ног*), передают целенаправленное чувственное восприятие (*навести уши*). Почти все выделенные значения легко подводятся под зна-

чение качественной характеристики. Со значением перемещения выступает лишь фразеологизм *как в воду канул(-а)*, а также выражение *и след простыл*.

Большая часть глаголов в составе приведенных фразеологизмов образована посредством различных приставок, из которых наиболее употребительными являются *с-*, *за-*; менее употребительны приставки *про-*, *на-*, *от-* и др. В составе фразеологизма *навязнуть в зубы* глагольный компонент образован комбинированным способом — сочетанием с приставкой *на-* и суффиксом *-ну-*. Все названные приставки, как и в предыдущих случаях, тесно слились с глагольной основой, так что их вычленение лишено реальных оснований.

В большинстве случаев приставки, сросшиеся с глагольной основой, не имеют вещественного значения. Лишь в составе немногих фразеологизмов все еще удерживается значение отдельных глагольных приставок. Так, фразеологизму *сыр бор загорелся* (из-за чего-либо) приставка *за-* сообщает оттенок начинательности. Этот оттенок поддерживается тем, что соответствующий фразеологизм легко ассоциируется со свободным словосочетанием одинакового лексического состава. Известно, что приставка *за-* придает начинательное значение глаголам, обозначающим различные световые явления (*засверкала молния, засветился огонь, загорелся бор*).

Среди ранее перечисленных фразеологизмов значение качественной характеристики сохраняется там, где прошедшее совершенное имеет перфектный временной оттенок. Особенно характерно оценочное значение для таких фразеологизмов, как *всем взял(-а)*, *зубы свел(-а)* (в чем, на чем), *рылом не вышел(-а)*, *собаку съел(-а)* (в чем, на чем). Эти фразеологизмы имеют лишь формы лица, числа и рода. Значение вида, времени и наклонения ослаблено настолько, насколько соответствующие фразеологизмы утратили глагольные признаки.

Некоторые фразеологизмы по причине ярко выраженного оценочного значения приобретают возможность вступать в синтаксическую связь с зависимым инфинитивом: «С твое не знаю что ль? Рылом не вышла учить меня» (М.-П.); «[Подхалюзин:] Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить!» (Остр.); «Нет, брат, руки коротки: семь верст не доехал меня колотить-то!» (Григ.).

Значение качественной характеристики присуще и таким фразеологизмам, как *в сорочке родился(-лась)*, *спал(-а) с лица*, которые также выступают в форме прошедшего совершенного с оттенком перфективности. Эти фразеологизмы лишены других форм времени. О грамматическом употреблении фразеологизма *в сорочке родился(-лась)* акад. В. В. Виноградов пишет

так: «Это выражение употребляется лишь в функции перфекта. Оно обычно обозначает характеристику человека в настоящем как результат прошедшего действия. Оно лишено других форм времени. У этого фразеологического единства различаются лишь формы лица, рода и числа, как и вообще в русской парадигме прошедшего времени» [14, с. 4].

Более активно глагольный признак передает фразеологизм *белены объесться*. В диалогической речи он может стать своеобразным грамматическим синонимом настоящего конкретного (актуального). «Испугался старик, взмолился: — Что ты, баба, белены объелась?» (П.); «Аким вытаращил глаза. — Что ты такое врешь, словно белены объелся, — заговорил он наконец» (Т.).

Этот же фразеологизм в определенных контекстах может получать и аористическое значение, что также свидетельствует об активности видо-временных оттенков в составе прошедшего совершенного. Например: «Белены баба объелась... Пятнадцать годов не видал лица благородного и вдруг нынче в постный день — офицер с заказом! Гм» (Ч.).

Как правило, в форме будущего совершенного выступают фразеологизмы с обобщенно-личным значением. Отдельная часть таких фразеологизмов обобщенно-личное значение совмещает со значением качественной характеристики: *водой не разольешь* (кого), *голыми руками не возьмешь* (кого), *каши не сварить* (с кем), *на кривой не объедешь* (кого), *на мякине не проведешь* (кого), *рукой не достанешь* (до кого) и немногие другие.

В этих же фразеологизмах значение вида и времени заметно ослаблено. Выражаемый ими качественный признак заполняет собой настоящее, будущее и недавнее прошлое. «Нет, брат, я ведь травленный! Меня тоже не скоро на кривой-то объедешь» (С.-Щ.); «Мы зараз тоже ученые стали, на кривой не объедешь» (Ш.).

Этот же фразеологизм, как и подобные ему, при конкретном подлежащем, выраженном местоимением 1-го лица, утрачивает оценочное и обобщенно-личное значение и соответственно приобретает более активную видо-временную направленность действия. Например: «Школой он так же интересуется, как я прошлогодним снегом. Нет, не сварю с ним каши! Ничего у нас с ним не выйдет» (Ч.).

В форме будущего совершенного с обобщенно-личным значением употребляются и такие фразеологизмы, как *пальчики оближешь* (-ете), *язык проглотишь* (-ите), которые перестают выражать активный признак и выступают в атрибутивном значении. В соответствующих фразеологизмах утрачено значение вида и времени. «Ну, у старика... у Петра Егорыча не грех его

супругу подтибрить... Такая душонка... гм... просто шик, братец! Пальчики оближешь!» (Ч.); «А знаешь что, миленок, к нам в магазин прислали шикарный шелк. Вот, пальчики оближешь» (Панф.).

Другая часть фразеологизмов рассматриваемого типа в форме будущего совершенного имеет обобщенно-личное значение, не осложненное качественным, оценочным значением: *днем с огнем не найдешь, калачом не заманишь* (кого), *с собаками не сыщешь* (кого), *своих не узнаешь, шубы не сошьешь* и др. В таких фразеологизмах значение вида и времени осознается более или менее отчетливо. Передаваемый ими глагольный признак обычно охватывает собой только настоящее и будущее, не распространяясь в область прошедшего; при этом настоящее, совпадающее с моментом речи, служит здесь исходным временным пунктом для наверное ожидаемого действия.

В силу отчетливо выраженной видо-временной активности обобщающий характер действия в подобного рода фразеологизмах заметно ослаблен. «[Астров:] Уехали. Профессор рад, небось. Его теперь сюда и калачом не заманишь» (Ч.); «[Несчастливцев:] Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно? Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь. [Счастливец:] Ну, уж огня-то, Геннадий Демьяныч, днем с огнем не найдешь» (Остр.).

Грамматическое значение вида и времени особенно отчетливо обнаруживается в контекстах с наличным или подразумеваемым конкретным подлежащим. «Какова халда! За одним столом с холопом обедать меня усадила! <...> Нет уж, Анфиса Порфирьевна, покорно прошу извинить! Калачом меня к себе вперед не заманите» (С.-Щ.).

В контекстах же более отвлеченного содержания, где приводятся общие рассуждения, делается вывод, дается оценка кому-либо или чему-либо, в подобных фразеологизмах обобщенность действия усиливается, а грамматические свойства вида и времени заметно ослабевают. «Невесты и останутся невестами — женихов, по-прежнему, и с собаками не сыщешь» (Ч.).

§ 24.

Двувидовые глагольные фразеологизмы¹

Наиболее обширную группу составляют глагольные фразеологизмы, которые имеют формы совершенного и несовершенного вида. Учитывая тот факт, что глаголы совершенного и

---

¹ Двувидовыми здесь называются такие фразеологизмы, которые имеют соотносительные формы совершенного и несовершенного вида. Нередко, однако, двувидовыми называются глаголы, совмещающие в одной форме грамматическое значение обоих видов.

несовершенного вида образуют систему времени (глаголы несовершенного вида имеют три времени, а совершенного — два), представляется возможным, как и в предыдущих случаях, условно выделять две подгруппы: а) подгруппу фразеологизмов, которые в составе совершенного и несовершенного вида могут располагать всеми возможными формами времени, и б) подгруппу фразеологизмов, которые в составе совершенного и несовершенного вида не располагают всеми временными формами.

К первой подгруппе (а) можно отнести следующие глагольные фразеологизмы:

1) бесприставочные: *давать — дать жару (кому), падать — пасть (упасть) духом, пускать — пустить в ход (что), пускать — пустить корни, сидеть — сесть на мель;*

2) приставочные (с формами совершенного вида): *биться — побиться об заклад, гнуть — погнуть спину, мыкать — помыкать горе, не дуть — не подуть в ус, портить — попортить (испортить) кровь, смотреть — посмотреть свысока, ставить — поставить вопрос ребром, ставить — поставить на одну доску (кого с кем), стоять — постоять горой (за кого), терять — потерять счет (кому, чему), тянуть — потянуть ляжку, ухом не вести — ухом не повести; валить — свалить в одну кучу, гнуть — согнуть в три погибели, драть — содрать шкуру (с кого), путать — спутать карты; мозолить — намозолить глаза (кому); мотать — намотать на ус, мылить — намылить голову (кому); гнать — выгнать в шею, сосать — высосать кровь, тянуть — вытянуть жилы (из кого); бить — забить ключом (о жизни), драть — задира́ть нос, петь — запеть лазаря; курить — воскурить фимиам, платить — отплатить той же монетой;*

3) приставочные формы совершенного и несовершенного вида (с одной и той же глагольной приставкой): *свести — сводить с ума, смотать — сматывать удочки, сойти — сходить с ума, сорвать — срывать маску (с кого), спустить — спускать шкуру; подлить — подливать масло в огонь, поднять — поднимать на щит (кого), подставить — подставлять ножку (кому); обить — обивать пороги, облить — обливать грязью (кого); развести — разводить антимонию, разинуть — разевать рот, раскрыть — раскрывать карты (кому); пролить — проливать кровь (за что), пролить — проливать свет (на что); отвести — отводить душу; втереть — втирать очки; закинуть — закидывать удочки и т. д.*

Только что приведенные фразеологизмы активно выражают действие и поэтому не имеют, а часто и вовсе не способны иметь оценочного значения. Исключение в этом отношении составляют фразеологизмы типа *обвести — обводить вокруг пальца (кого), коптить — покоптить небо, не класть — не положить*

охулки на руку и немногие другие, для которых значение качественной характеристики является преобладающим.

Рассматриваемые глагольные фразеологизмы чаще всего передают самые различные отношения между людьми (*давать жару* (кому), *обивать* (чьи-либо) пороги, *подставлять ножку* (кому), *стоять горой* (за кого), обозначают пассивное пребывание в каком-нибудь состоянии (*сидеть на мели*), изображают различное внутреннее состояние человека (*падать духом*, *повесить нос*, *сходить с ума*), нередко характеризуют поведение человека (*в ус не дуть*, *мотать на ус*, *точить лясы*), выражают отвлеченное действие *проливать свет* (на что), отражают трудовую деятельность кого-либо (*гнуть спину*, *тянуть лямку*) и т. д.

Разбираемые фразеологизмы, в отличие от рассмотренных ранее, имеют довольно широкий круг значений. По сравнению же с глаголами свободного употребления эти фразеологизмы обладают большей степенью отвлеченности. Этим можно объяснить то обстоятельство, что анализируемые обороты не выражают конкретных физических действий, перемещения в пространстве, звуковых явлений, речи, физических процессов и других признаков более или менее конкретного значения.

В подавляющем большинстве описываемые глагольные фразеологизмы в формах совершенного и несовершенного вида относятся к одной фразеологической единице, т. е. имеют соотносительные видовые пары. Приставки в таких фразеологизмах являются чисто видовыми показателями, так как собственное значение приставок как бы растворяется в общем значении фразеологизма. Даже в составе таких фразеологизмов, как *потянуть лямку*, *помякать горе*, оттенок прерывистости, свойственный приставке *по-*, не ощущается (ср.: *потосковал*, *поработал*, *поплотничал*). Лишь в фразеологизме *поточить лясы* приставка *по-* имеет ограничительное значение. Например: «Поточили лясы и разошлись». Но и в этом случае приставка *по-* не разрушает тождества фразеологизма, сохраняется его семантическое тождество.

В составе лишь единичных фразеологизмов глагольная приставка отчасти удерживает свое значение. Так, еще не утратила оттенок начинательности приставка *за-* в фразеологизме *забить ключом* (о жизни). Ср.: «Жизнь била ключом» и «Жизнь забила ключом». Поэтому соотносительность между *бить ключом* и *забить ключом* не чисто видовая.

В составе однотипного фразеологизма *запеть лазаря* (в смысле 'жаловаться, плакаться, прикидываться несчастным') приставка *за-* лишена семантической самостоятельности, ее значение поглощено общим (целостным) значением фразеологизма.

Поэтому соотношение между формами совершенного и несовершенного вида носит чисто грамматический характер.

Любопытно, что в диалогической речи возможно употребление этого фразеологизма в формах совершенного и несовершенного вида. Такая взаимозаменяемость отнюдь не случайна. Она стала возможной в силу семантического тождества фразеологизма в обеих видовых формах. Например, в предложении: «Эй, летун, чего лазаря поешь? — громко и озорно крикнул шофер... — Знаем мы вашего брата» (А. Ч.) форму *лазаря поешь* без ущерба для смысла можно заменить формой *лазаря запел* с тем же временным оттенком.

Примечательно также то, что начинательное значение при этом фразеологизме чаще передается описательно, через глаголы *стать, начать, приняться* и некоторые другие, а не посредством формы прошедшего совершенного. Например: «[Иванов:] Если не глупый, образованный и здоровый человек без всякой видимой причины стал петь лазаря и покатил вниз по наклонной плоскости, то он катит уже без удержу, и нет ему спасения!» (Ч.).

Таким образом, «перевод» глагольных фразеологизмов из несовершенного вида в совершенный при помощи приставок обычно не связан с изменениями семантики фразеологизма и поэтому носит по преимуществу чисто видовой характер¹.

В противоположность этому приставочные глаголы свободного употребления по отношению к бесприставочным чаще всего являются новыми словами, так что переход глаголов из несовершенного вида в совершенный носит словообразовательный, а не грамматический характер. Как видно из примеров, наиболее употребительными оказываются приставки *по-, с-, за-*. Показательно, что эти же приставки наиболее распространены и среди одновидовых глагольных фразеологизмов совершенного вида.

Особенно редко встречаются фразеологизмы глагольного характера в аналитической форме будущего несовершенного. Вовсе, например, неупотребительны в будущем составном фразеологизмы оценочного значения или употребления, так как значение оценки несовместимо с грамматической сферой применения будущего составного, которое полностью отделено от настоящего. Невозможно, например, сказать: «Он будет мелко плавать в этом деле». Многие фразеологизмы в форме будущего несовершенного невольно ассоциируются с переменным словосочетанием такого же лексического состава. По этой причине недопустима описательная форма будущего времени в таких фразеологизмах, как *выносить сор из избы, держать камень за пазухой, держаться*

---

¹ См. об этом [93, с. 86—93].

за (чей-либо) подол, ломиться в открытую дверь, нюхать порох, смотреть в могилу и др.

Такого рода ассоциации особенно заметны там, где форма *буду* по отношению к фразеологизму занимает препозитивное положение. В этой позиции сам по себе глагольный компонент нередко может утрачивать фразеологические свойства. Вот почему нельзя, например, сказать: «Я буду выходить из себя», так как в мыслях говорящего и слушающего ранее всего объединяется то, что сказано вначале. Нередко поэтому форма *буду* встречается в живой речи в середине или в конце фразеологизмов. Кроме того, между временной формой *буду* и глагольными фразеологизмами часто вводятся различного рода экспрессивно-окрашенные слова полного или частичного значения. Благодаря этому внутренняя целостность фразеологизмов и их фразеологические свойства не нарушаются. «А ты, знай, молчи! Впрягли тебя, ну и вези, не брыкайся... И ежели кровь из тебя будут сосать — тоже молчи, — что ты можешь сказать?» (М. Г.); «Князь, — думал я, — столичная штучка: на нас свысока смотреть будет» (Т.).

Глагольная форма *буду* изредка может непосредственно предшествовать фразеологизму. Но и в этом случае она употребляется с устраненным действующим лицом (подлежащим) и поэтому содержит в себе модальный оттенок побуждения. Например: «Постараюсь говорить ясней, — продолжал Холостяков. — Будем смотреть правде в глаза: Ельня окружена противником, Смоленск пал, фронт приближается к Москве, а мы намерены распылять силы» (Фед.).

Сравнительно небольшую подгруппу (б) составляют фразеологизмы, которые не располагают всеми временными формами. Большой частью фразеологизмы этого типа не имеют аналитических форм будущего несовершенного. Сюда можно отнести такие фразеологизмы, как *выходить — выйти из себя, делать — сделать из мухи слона, задевать — задеть за живое, менять — променять — выменять кукушку на ястреба, опускать — опустить руки, отводить — отвести (кому-либо) глаза, открывать — открыть (кому-либо) глаза, подпускать — подпустить туры на колесах, пропускать — пропустить мимо ушей, терять — потерять голову* и некоторые другие.

Приведенные здесь обороты активно выражают глагольные признаки и поэтому слабо передают качественную характеристику лица или предмета. Как и в предыдущих случаях, рассматриваемые фразеологизмы образуют соотносительные видовые пары, т. е. выступают как грамматические варианты одного фразеологизма.

Любопытно заметить, что в соединении с отрицательной частицей *не* отдельные фразеологизмы допускают формы *буду-*

щего составного, в то время как без этой частицы соответствующие фразеологизмы в будущем составном неупотребительны. Таковы, например, *не выносить сор из избы, не давать маху* и др.

Таким образом, фразеологизмы, располагающие соотносительными формами совершенного и несовершенного вида, способны обозначать самые разнообразные процессуальные свойства и вследствие этого, как правило, активно выражают значение вида и времени. Таким фразеологизмам мало свойственно выражение качественной оценки или характеристики лица или предмета. Лишь в виде исключения можно встретить фразеологизмы оценочного значения в формах совершенного и несовершенного вида (*вынести — выносить сор из избы*). Например: «Одно разве: осторожен он, сору из избы не выносит, ни о ком дурного словечка не скажет» (Т.); «Впрочем, мистер Астлей до того застенчив, стыдлив и молчалив, что на него почти можно понадеяться — из избы сора не вынесет» (Д.).

Наиболее ограничены в проявлении временных форм фразеологизмы оценочного значения *мало каши ел (съел)* и *нюхать (понюхать) пороху*. Первый из них имеет лишь формы прошедшего времени совершенного и несовершенного вида, второй — ограничен формами прошедшего и будущего совершенного. Фразеологизм *мало каши ел (съел)* в силу ярко выраженного оценочного значения пассивно передает значение вида и времени. Например: «Он посмотрел на Потесина свысока, как бы говоря: «Мелко плаваешь, куда тебе до нас! мало каши ел» (Пом.).

Фразеологизм *нюхать (понюхать) пороху* более активно выражает глагольный признак и поэтому допускает в определенных контекстах потерю оценочного значения. Например: «Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон в гвардии» (П.); «Готовься, завтра поедешь на Каспий, отвезешь бумаги Бекovichу и еще захватишь оный поход, понюхаешь пороху» (Дан.); «Мелешь чепуху, потому что еще пороху как следует не нюхал, а послать тебя, так тогда бы и узнал» (Г.-М.).

§ 25.

Морфологические свойства наречных фразеологизмов

Наречные фразеологизмы, т. е. раздельнооформленные и идиоматические образования, семантически и функционально соотносительные с наречиями и наречными словосочетаниями, занимают в системе русской фразеологии особое место.

Объем и границы наречной фразеологии определяются исследователями неодинаково. Одни лингвисты (Н. М. Шанский, М. М. Копыленко) существенно сокращают фонд наречной

идиоматики, не считая фразеологизмами устойчивые предложно-именные выражения (например: *за глаза, на публику, под носом, со скрипом*; ср. также двукомпонентные компаративы *как часы, как угорелый* и т. п.). Другие лингвисты (С. И. Ожегов, М. Ф. Павлевская), напротив, наряду с идиоматическими предложно-именными выражениями включают в наречную фразеологию и неидиоматические (хотя и воспроизводимые) образования типа *в открытую, в обтяжку, на редкость*. Многие наречные фразеологизмы при словах-сопроводителях (*бежать сломя голову, трудиться не покладая рук, ругать на чем свет стоит, знать как свои пять пальцев* и под.) без должных на то оснований относятся исследователями и составителями словарей к глагольным.

Таким образом, один и тот же языковой материал в зависимости от теоретических установок или интуиции ученых оценивается и классифицируется неоднозначно. По этой причине и самое понятие «наречный фразеологизм» и состав наречной фразеологии в целом становятся неопределенными и расплывчатыми. Однако это скорее аморфность и неустойчивость не самого объекта, а точки зрения на объект.

Субъективные колебания в оценке объема и границ наречной фразеологии вместе с тем имеют под собой и объективную почву, но обусловлены уже не случайностью или зыбкостью теоретических посылок, а сложностью и неустойчивостью самого объекта.

Прежде всего границы наречной фразеологии по сравнению с глагольной и субстантивной менее четки, более подвижны. Наречные фразеологизмы со стороны своего значения и формы соприкасаются и пересекаются в системе языка с глагольными, предикативными и адъективными фразеологизмами, воспроизводимыми предложно-падежными сочетаниями неидиоматического характера, а также со словами. Однако и ядро наречной фразеологии неоднородно, ибо состоит из единиц различной формальной и содержательной структуры. В процессе перемещения границ от ядра к периферии особенно существенно влияние лексически маркированных компонентов (*от молодых ногтей* и т. п.). Ядерно-периферийный характер наречной фразеологии обусловлен как синхроническими, так и диахроническими факторами. Так, определенная часть наречных фразеологизмов при словах-сопроводителях генетически связана с глагольными фразеологизмами аналогичного состава (**откладывать (дело) в долгий ящик* > *откладывать (дело) в долгий ящик, *приставать как банный лист* > *приставать как банный лист*). Более того, отдельные глагольные идиомы, пройдя стадию наречной фразеологии, постепенно растворяются в массе воспроиз-

водимых предложно-падежных сочетаний и наречий (*попасть впросак > *попасть в просак* > *попасть в просак*).

Наречие как часть речи недостаточно ярко выражено в морфологическом плане. Оно лишено в отличие от имен и глагола форм словоизменения и более замкнуто в словообразовательном отношении [26, с. 604]. Значительно рельефнее выступают в наречии синтаксические признаки, что склонило отдельных лингвистов (А. А. Потебню, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского и др.) к выводу о синтаксической природе наречия [18, с. 272—273]. Однако эта идея не была полностью поддержана современными отечественными грамматистами. «... Категория наречия, — указывает В. В. Виноградов, — выступает во всем разнообразии своих морфологических признаков, синтаксических функций и семантических особенностей» [18, с. 273]. Последний вывод представляется наиболее конструктивным.

Еще более ограниченно проявляются морфологические свойства у наречных фразеологизмов. Это ограничение — одно из следствий противоречия между многокомпонентностью состава фразеологизма и целостностью его значения. Недостаточность морфологических признаков в какой-то мере компенсируется расширением семантических и особенно синтаксических функций фразеологизма. Однако это влечет за собой значительные трудности в уточнении категориальной отнесенности фразеологизма и определении его семантической природы (многозначность, омонимия, полифункциональность, вариантность). Так, отдельные обороты при тождестве понятийного содержания способны соотноситься с различными частями речи: с наречием и именем прилагательным, с наречием и именем существительным, с наречием и категорией состояния. Вот некоторые примеры: «Порядок в курене был водворен. Несколько дней Дарья ходила тише воды, ниже травы, по вечерам раньше всех ложилась спать, на сочувственные взгляды Натальи холодно улыбалась, вздергивая плечом и бровью» (Ш.); «Народ стал тише воды, ниже травы. И опять над Москвой, над всей землей повисла безысходная тишина» (А. Т.). Ср. также: «Учится он ни хорошо, ни плохо — так себе»; «Настроение так себе»; «На душе так себе».

Большинство лингвистов традиционно трактует приведенные и подобные им единицы как многозначные. М. И. Сидоренко в качестве примера фразеологической полисемии приводит обороты *ни то ни се* 1) 'посредственный, средний' и 2) 'посредственно'; *по душам* 1) 'искренно, чистосердечно' и 2) 'искренний, чистосердечный'. В том же ключе подаются фразеологизмы *себе на уме*, *с гулькин нос*, *на все сто*, *хоть куда* и др. [83; 84]. Подобное решение опирается на лексикографическую практику. Например, в Фразеологическом словаре русского языка в устойчивом

обороте с *иглолки* выделяются следующие значения: 1) 'Совершенно новый, только что и очень хорошо сшитый' и 2) 'Во все новое, только что сшитое (одеваться, быть одетым)'. Как видим, одно значение адъективно, а другое адвербиально. Аналогично интерпретируются в словаре фразеологизмы *как на ладони*, *на ять*, *на славу*, *ни то ни се*, *ничего себе*, *с гулькин нос*, *хоть куда*, *так и сяк*, *так себе* и др.

Такое решение проблемы трудно признать убедительным. Отдельные значения многозначных слов и, надо полагать, фразеологизмов не могут иметь одну и ту же денотативно-понятийную отнесенность. Рассматриваемые единицы явно не отвечают этому условию, так как состоят в отношениях семантико-деривационной преемственности, функционально соотносясь с различными частями речи. От лексем типа *белый*, *белизна*, *бело*, *белить*, отношения которых нельзя свести к многозначности, фразеологизмы типа *с иглолки*¹, *с иглолки*²... отличаются лишь постоянством формальной структуры, присущим большинству фразеологических единиц.

В связи с рассматриваемым кругом явлений надо заметить также следующее. Свойственное фразеологическому знаку противоречие между его формой и содержанием в той или иной мере нейтрализует логико-понятийные и категориальные характеристики, особенно у фразеологических оборотов с усеченной или нулевой парадигмой. «Яркость отдельных категорий не одинакова, что зависит, конечно, в первую голову от яркости и определенности, а отчасти и количества формальных признаков. <...> Раз формальные признаки не ограничиваются одними морфологическими, то становится ясным, что материально одно и то же слово может фигурировать в разных категориях» [111, с. 81]. Таким образом, материально один и тот же фразеологизм может входить в различные грамматические разряды и классы. Отмеченный категориальный синкретизм прежде всего свойствен оборотам с модально-оценочным значением.

По нашему мнению, категориально синкретичные обороты занимают самостоятельное место в более широком процессе грамматической деривации фразеологизмов. Под этим термином понимается процесс грамматических изменений (транспозиции) фразеологизмов при сохранении их понятийной основы. Грамматическая деривация фразеологизмов выступает в нескольких формах. Так, подавляющая масса неизменяемых синкретичных единиц относится к сфере синтаксической деривации фразеологизмов [см. в этой связи: 46, с. 70—74]. Соответствующие фразеологизмы характеризуются кате-го-

риальной полисемией (например: *без сучка и без задоринки, как в темном лесу, курам на смех, на дружеской ноге, на ножках, на седьмом небе*).

Анализируемые фразеологизмы, как видно из приведенных ранее примеров, выполняют разнообразные синтаксические функции; при этом наиболее характерной для них является функция сказуемого. В позиции сказуемого максимально сглаживаются и нейтрализуются и без того не очень четкие понятийные и грамматические контуры неизменяемых фразеологизмов с модально-оценочным типом значения. Предикативные отношения, таким образом, в значительной мере выравнивают категориальные признаки фразеологизмов с ущербной парадигматикой. «Чем уже круг синтаксических связей слова, чем ограниченнее его грамматические видоизменения, чем неразложимее его морфологический состав, тем синкретичнее его природа, тем неразрывнее в нем связь лексических и грамматических значений» [18, с. 34. Разрядка наша. — А.Ж.].

В целом категориально-синкретичные и близкие к ним фразеологизмы представляют собой особую форму лексикосемантической и грамматической переходности в области русской фразеологии.

С точки зрения формальной структуры наречные фразеологизмы русского языка достаточно разнообразны. Нами отмечено более ста структурных моделей образования наречных фразеологизмов.

Двухкомпонентные наречные фразеологизмы представлены следующими частотными моделями: «предлог + сущ.» (*под рукой, по бумажке, для галочки, в лоб, с руки, до костей, за глаза, из-под палки, по уши* и др.); «как + сущ.» (*как бога, как голубки, как воздух, как грибы, как зверь* и др.); «деепр. + сущ.» (*спустя рукава, сломя голову, скрепя сердце, очертя голову* и др.). Остальные модели менее регулярны.

Трехкомпонентные наречные фразеологизмы образуются по следующим моделям: «сущ. + предлог + сущ.» (*буква в букву, лоб в лоб, нос к носу, рука об руку, тютелька в тютельку* и др.); «предлог + прил. + сущ.» (*по старой памяти, с гулькин нос, к шапочному разбору, под горячую руку, от молодых ногтей* и др.); «предлог + мест. + сущ.» (*во весь дух, во все лопатки, до самых печенок, на все лады, на каждом шагу, на свою голову, по всем статьям* и др.); «предлог + сущ. + сущ.» (*при царе Горохе, на вес золота, на старости лет, до мозга костей, в поте лица, до конца ногтей, для отвода глаз* и др.); «предлог + числ. + сущ.» (*в двух шагах, в один присест, в три ручья, в четырех стенах, до седьмого пота, за семью замками, за тридевять зе-*

мель, между двух огней и др.); «как + предлог + сущ.» (как в аптеке, как в кино, как в сказке, как из ведра, как на духу и др.); «как + прил. + сущ.» (как банный лист, как осиновый лист, как бедный родственник и др.). Еще несколько моделей представлены только отдельными примерами.

Модели четырехкомпонентных наречных фразеологизмов хотя и многочисленны, но представлены конкретными единицами крайне бедно (*после дождичка в четверг, от доски до доски, от а до я; в чем мать родила, на чем свет стоит; до конца своих дней; как за каменной стеной; в один прекрасный день* и др.).

Еще более замкнуты пяти- и шестикомпонентные наречные фразеологизмы (*в час по чайной ложке, как баран на новые ворота, как у Христа за пазухой, на свой страх и риск, не чуя земли под ногами; во что бы то ни стало, как ни в чем не бывало; не на жизнь, а на смерть; ни за что ни про что, ни к селу ни к городу, ни с того ни с сего*).

Для наречной фразеологии не характерна вариативность и факультативность компонентов. Наречные фразеологизмы, как и наречия, строго ограничены рамками морфологического и синтаксического употребления. Пределы вариативности и факультативности компонентов непосредственно заданы диапазоном реализации адвербиальной семантики.

В а р и а т и в н о с т ь компонентов бывает полной (лексической) и частичной (деривационной, флективной и акцентологической).

В случае п о л н о й (или лексической) вариативности взаимозаменяющиеся компоненты восходят к словам, которые относятся к одной лексико-семантической группе или являются синонимами, благодаря чему обеспечивается единство образной основы фразеологизма и, следовательно, сохранение его тождества (ср.: *с головы до ног — с головы до пят, без всяких слов — без дальних слов, из-за тридцать земель — за тридцать земель, с горем пополам — с грехом пополам, на короткой ноге — на дружеской ноге*). Случаи лексико-стилистической вариативности компонентов единичны (*от молодых ногтей — от молодых ногтей*; ср. также: *одним духом — единым духом*).

Как известно, при семантическом расхождении варьирующихся слов и последующем изменении внутренней формы фразеологизма наблюдается более или менее очевидный сдвиг фразеологической вариативности в сторону синонимии устойчивых оборотов (ср., например: *на всех парах — на всех парусах, как кур во щи — как кур в ощицу*).

Ч а с т и ч н а я вариативность компонентов связана с деривационными (*в дым — в дымину, за понюх табака — за понюшку*

табака, с головы до пят — с головы до пяток), словоизменительными (*год от года — год от году, без году неделю — без года неделя, ни за понюх табаку — ни за понюх табака*) и фонетическими преобразованиями исходных лексем (*срѣдь бела дня — средѣ бела дня, во сто крат — в сто крат*). Причем, как видно из отдельных уже приведенных примеров, различные виды вариативности компонентов (полной и частичной) способны сочетаться друг с другом (ср.: *к черту на кулички — у черта на куличках*).

Факультативность компонентов — явление сравнительно редкое (ср., например: *до печенок — до самых печенок, как дважды два — как дважды два четыре, как пять пальцев — как свои пять пальцев, не ахти — не ахти как, с потрохами — со всеми потрохами, в пух и прах — в пух и в прах*).

Следует заметить, что факультативность компонентов может быть ложной. Например, субстантивные фразеологизмы *медвежий угол, родные пенаты, часы пик* в силу своей семантики способны приобретать, сочетаясь с предлогами, обстоятельственные значения (*забраться в медвежий угол, возвратиться в родные пенаты, добираться автобусом в часы пик*). Предлог в данных и подобных примерах употребляется в собственном значении и, следовательно, в компонентный состав фразеологизма не входит. Недооценка этого обстоятельства приводит к ошибочному «онаречиванию» субстантивных оборотов, т. е. включению их в разряд наречных фразеологизмов. Однако истинные наречные фразеологизмы (в отличие от ложных) не допускают обратной трансформации их в «субстантивные». Искусственность такой процедуры не вызывает сомнения, ибо возвращает нас к буквальному восприятию конструкций (ср.: *на всех парусах — все паруса, на вес золота — вес золота, на короткой ноге — короткая нога, при царе Горохе — царь Горох, во все лопатки — все лопатки, до рождества Христова — рождество Христово*).

Морфологическая пестрота компонентов и обилие структурных моделей требуют индивидуального подхода к определению категориального (адвербиального) центра наречных фразеологизмов. Дополнительная сложность состоит в том, что категориальный центр может приходиться не на один, а на два и более компонента (ср.: *скрепя сердце, задним числом, душой и телом, вдоль и поперек*). У предложно-субстантивных выражений, например, категориальный центр сосредоточен на сочетании предложного и именного компонентов (*без задних ног, в кругу семьи*). Наконец, у отдельных фразеологизмов категориально маркированные компоненты вообще отсутст-

вуют (ср.: *во что бы то ни стало, куры не клюют*). Чаще всего категориальным центром наречных фразеологизмов является предложно-падежная группа или сравнительный союз в сочетании с прилежащим к нему компонентом, что, конечно, не случайно, поскольку данные конструкции уже на уровне свободного словосочетания наделены потенцией адвербиальности.

Рассмотрим основные семантико-морфологические разряды наречных фразеологизмов.

Наречия традиционно делятся на два основных семантических разряда: определительные (качественные) и обстоятельственные. Среди определительных далее выделяются качественные, количественные (меры и степени), образа и способа действия, сравнительно-уподобительные. К обстоятельным относятся наречия места, времени, совместности действия, цели и причины. В выделении отдельных значений в пределах основных разрядов нет, однако, полного единства. Например, наречия со значением совместности действия рассматриваются то как определительные, то как обстоятельственные, то как качественно-обстоятельственные. Наречия со значением образа и способа действия относятся то к определительным, то к промежуточной группе качественно-обстоятельных единиц.

Названные семантические разряды и подразряды типичны и для наречных фразеологизмов. Представление о количественном соотношении основных и неосновных разрядов дает таблица на с. 235. Попутно заметим, что к числу предикативных наречных фразеологизмов отнесены единицы с семантикой состояния, реализующиеся преимущественно в функции сказуемого. Фразеологизмы, совмещающие значения различных разрядов и подразрядов, объединены в особые группы (см. строку «прочие»).

Приведем примеры определительных наречных фразеологизмов.

К разряду качественных наречных фразеологизмов относятся такие образования, как *верой и правдой служить, в штаны встречать, душа в душу жить, за обе щеки есть, как кошка с собакой жить, как часы работать, не на жизнь, а на смерть, положив руку на сердце говорить, с иголочки одеваться, спустя рукава работать, как у Христа за пазухой жить, через пень колоду* и др. В семантике названных и подобных им единиц нередко содержатся элементы, характеризующие меру проявления того или иного признака, свойства. Сравните, например, толкования следующих фразеологизмов, построенные по моделям качественно-количественных адвербиальных словосочетаний: *очертя голову* 'слишком

Наречные фразеологизмы

Разряды наречных фразеологизмов	Общее количество фразеологизмов	% от общего количества
О п р е д е л и т е л ь н ы е		
качественные	137	22,2
качественно-количественные	66	10,7
количественные	132	21,4
совместности действия	4	0,6
способа действия	67	10,9
прочие	16	2,6
<i>Итого . . . . .</i>	422	68,4
О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е		
времени	79	12,8
места	34	5,5
причины	10	1,6
цели	12	2,0
условия	11	1,8
прочие	23	3,7
<i>Итого . . . . .</i>	169	27,4
П р е д и к а т и в н ы е	26	4,2
<i>Всего . . . . .</i>	617	100

необдуманно, опрометчиво, безрассудно', *в штыки* встречать 'крайне неохотно; недоброжелательно, враждебно'. «—Но согласитесь же, что и мы не могли очертя голову ринуться в переговоры, не проявив минимальной осторожности, — несколько неровно заметил Шевченко» (Ард.); «Известие о переводе с передовой на объект зенитчицы встретили *в штыки*» (Б.В.).

Квантитативная сема, не всегда явно выраженная у качественных единиц, становится обязательной, конструктивной в толковании качественно-количественных наречных фразеологизмов (*во все лопатки* бежать, *в три ручья* плакать, *до седьмого пота* работать, *во все глаза* смотреть, *в три погибели* сгибаться, *на всех парах* нестись, *по уши* влюбляться, *что есть духу* бежать и др.). Примечательно, что большинство приведенных фразеологизмов включает в свой компонентный состав количественные местоимения и числительные. *Во все лопатки* бежать 'очень быстро, стремительно': «Я глянул, куда грозила Танька, и заметил

клубящуюся уже возле займки пыль — Санька чесал во все лопатки к займке, к реке, чтобы укрыться где-нибудь до лучших времен» (Аст.); «Ломая распорядки, проснувшись как-то в утреннюю рань, И я, друзья, бегу во все лопатки В деревню, на природу, в глухомань» (Авт.).

Поскольку качественные и количественные характеристики тесно связаны, постольку качественные и количественные значения редко выступают в чистом виде. Вместе с тем у значительной группы фразеологизмов количественная семантика является ведущей, определяющей. К количественным наречным фразеологизмам относятся такие обороты, как *с гулькин нос*, *с три короба* наговоришь, *кот наплакал*, *в обрез* времени, *до конца ногтей*, *до костей* продрогнуть, *как волк голодный*, *как пробка* глуп, *как черт ладана* бояться, *на всю катушку*, *ни уха ни рыла* не смыслить, *от и до*, *по горло* занят, *до чертиков* рад и др. *Ни уха ни рыла* не смыслить 'абсолютно, совсем ничего': «Когда же священник стал поносить Маяковского, говоря, что ему «медведь наступил на ухо», то ли дело поэт Апухтин, молодой человек не выдержал и закричал на всю степь, что он сам ни уха ни рыла не смыслит в искусстве....» (Кат.); *с гулькин нос* 'крайне мало; в небольшом количестве': «Мы-то думали: заучим назубок десяток формул, десяток исторических дат — и к нашим ногам упадут города и народы. Берите нас, командуйте нами! Мы вас ждали! А жизненного опыта у командиров — с гулькин нос!» (Тит.).

Характеристика качества и меры проявления признака нередко включает в себя также и представление о способе раскрытия этого признака. Таким образом, намечаются качественные и количественные наречные фразеологизмы с оттенком образа и способа действия: *в общих чертах*, *на ура*, *с пятого на десятое*, *тихой сапой*, *ни к селу ни к городу*, *по старинке*, *со своей колокольни* судить и некоторые другие. Вот несколько примеров: *ни к селу ни к городу* 'совсем нестати, невпопад': «—А-а! Вы — историк? — с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз. — Я историк, — подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: — Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история» (Булг.); *со своей колокольни* судить 'ограниченно, узко, считаясь только с собственным мнением': «Никаких угрызений совести Генка не чувствовал, выметывая утром запретные снасти. Москвичам хорошо судить со своей колокольни. А вот попробовали бы безвыездно жить в тайге! Со скуки пропадешь без рыбалки и без охоты» (Клещ.).

Сравнительно большую группу составляют наречные фразеологизмы, у которых семантика образа и способа

действия выступает на первый план (*в один присест, глаза в глаза, за казенный счет, из-под полы достать, купить, и так и эдак, кто во что горазд, любой ценой, на колесах, на попу поставить, на своей шкуре испытать, на свой лад истолковывать, на своих двоих добираться, не мытьем, так катаньем, ни крестом ни пестом, под горшок стричь, по своему образу и подобию, по пятам преследовать, с корабля на бал, через десятые руки и др.*). Например: *на одиннадцатом номере 'пешком': «Заем, налоги, хлебозаготовки, лес — все уполномоченный! Тащись к дьяволу на кулички. В дождь, в мороз, в бездорожье. И хорошо бы на подводе, на машине, а то ведь и пехом, на одиннадцатом номере»* (Абр.); *на свой страх и риск 'рассчитывая только на себя, принимая только на себя всю ответственность за какие-либо действия, поступки': «Рядовые сельские врачи, вовсе не хирурги, редко бравшие в руки скальпель, когда к ним привозили дифтерийных больных, на свой страх и риск делали трахеотомию, и, как правило, всегда удачно»* (Быт.).

Данные таблицы свидетельствуют о том, что разряд определительных наречных фразеологизмов самый многочисленный. При этом основную его часть образуют единицы с качественной и количественной семантикой.

Среди обстоятельственных наречных фразеологизмов, как видно из таблицы, явно преобладают обороты со значением времени. Например: *без году неделю, в долгий ящик откладывать в мгновение ока, до гробовой доски, до последнего издыхания, до скончания света, до рождества Христова, за плечами, как на собаке заживать, как раз, как снег на голову, как штык, на глазах расти (изменяться), ни свет ни заря, от молодых ногтей, под занавес, к шапочному разбору; не по дням, а по часам и др. То и дело 'беспрерывно, не переставая, все время': «То и дело подъезжали новые, незнакомые люди и снова толкались вокруг Изумруда, щупали и теребили его и сердито бранились между собою»* (К.); *при царе Горохе 'очень давно; неизвестно когда': «Старик Пахом когда-то, при царе Горохе, утонул тут, в память этого события и яму называли его именем»* (Ш.).

К наречным фразеологизмам со значением места относятся обороты типа *в двух шагах, в кругу семьи, где угодно, на отшибе, к черту на кулички, под носом, под рукой, под открытым небом, рукой подать и др.* Например: *под боком 'совсем рядом, в непосредственной близости от чего-либо, кого-либо: «У военного человека семья всегда под боком.*

Мотается за ним, горемычная, из округа в округ» (Бейл.); *за тридевять земель* 'очень далеко': «Сколько хороших авторов поселилось в далекие времена здесь, за тридевять земель от столиц, в избяном, деревенском царстве» (Вор.).

В относительно замкнутую группу объединяются фразеологизмы, употребляющиеся в значении *причины*: *за здорово живешь, от нечего делать, ни с того ни с сего, с пылу с жару* и некоторые другие. Например: *ни за что ни про что* 'без всякой причины, без каких-либо оснований': «К иному начальнику зайдешь, так он и отказывать-то не умеет; нагрубит, обидит ни за что ни про что» (Р.); *с легкой руки* 'по чьему-либо почину, примеру, послужившему началом ряда каких-либо действий, поступков': «Наиболее широкое распространение с легкой руки Трира и его учеников получил термин «семантическое поле» (О. С. Ахманова).

Количество наречных фразеологизмов с семантикой цели также незначительно: *для галочки, для красного словца, за понюх табаку, на публику, ни за грош пропасть, с пустыми руками* *приходить* (возвращаться) и некоторые другие. Например: *не солоно хлебавши* 'безрезультатно, не добившись желаемой цели': «Мишкиному отцу хотелось показать сына сослуживцам, сына, который учится на легендарном мехмате, где всегда такой конкурс, что большинство возвращается не солоно хлебавши с разбитыми сердцами» (Крак.); *для отвода глаз* 'с целью отвлечь внимание кого-либо от чего-либо, ввести в заблуждение, обмануть': «Севастополь легко переносит бомбежки. Разрушенных домов мало. Командование флотом понимает: это не что иное, как хитрый маневр врага. Бомбежка города — это для отвода глаз. Готовится мощный удар» (Л. К.).

Небольшую, но четко очерченную группу составляют наречные фразеологизмы со значением *условия* (*все равно, как пить дать, на всякий случай, на худой конец, ни в коем случае, ни за какие деньги* и некоторые другие). Например: *ни под каким видом* 'ни при каких условиях, ни при каких обстоятельствах': «Ну и прекрасно, — сказал Гавриил, садясь к столу. — А этого клетчатого господина никогда и ни под каким видом не пускай ко мне» (Б. В.); *во что бы то ни стало* 'обязательно, несмотря ни на что, ценой любых усилий': «Добившись во что бы то ни стало знакомства, Щавинский мягко и любовно, с какой-то обволакивающей паучьей манерой овладел вниманием своей жертвы» (К.).

Наконец, единичны наречные обороты, имеющие значение совместности действия: *бок о бок, плечом к плечу,*

рука об руку и др. Легко заметить, что данные устойчивые выражения включают в свой состав соматическую лексику, т. е. слова, обозначающие части человеческого тела (ср. также: *голова к голове, грудь в грудь*). Например: *рука об руку* 'вместе, сообщая, заодно': «Что происходит? Встретились два единомышленника. Исторически необходимо, чтобы они не только не ссорились, а действовали *рука об руку*» (Ард.). В близком значении употребляется и наречный фразеологизм *бок о бок*: «С тех пор фантазия Алеши не раз уносила его вместе с отцом Ильей в богатырские походы на половецкие орды. Бок о бок рубился он с Муромцем, спасая его то от предательского наскока сзади, то от иного коварного вражеского замысла» (Перм.).

Предикативные наречные фразеологизмы, называющие физическое, психическое или эмоциональное состояние субъекта, также исчислимы [*без задних ног лежать, вне себя быть, в сердцах приходить (являться), на ножах, на седьмом небе быть, не в своей тарелке быть* и некоторые другие]. Названные обороты в силу специфики содержания и формы занимают в системе наречной идиоматики периферийное положение. В плане содержания они синкретично совмещают семантику наречия и категории состояния, а в плане выражения, подобно адъективным и собственно предикативным фразеологизмам (ср. *не лыком шит, легок на помине, руки чешутся, небо с овчинку показалось*), доминируют в функции именно сказуемого. Например: *не в духе* 'в плохом настроении': «Николай Васильевич был в тот день не в духе, мрачноват и вовсе ничего не замечал. За обедом царила какая-то общая тяготи́на» (Ю. Т.). *На седьмом небе быть* 'в состоянии глубокого удовлетворения, радости, безграничного счастья': «В плотном кольце разгоряченных разведчиков я двинулся к штабу. Ребята были на седьмом небе! Еще бы! Ведь это они отыскивали вражеского лазутчика» (Э. Б.).

Таким образом, наречные фразеологизмы делятся на три основных разряда — определительные, обстоятельственные и предикативные. Первые два разряда определяют основной количественный фонд наречной идиоматики. Следует заметить, что далеко не все наречные фразеологизмы, особенно с определительной семантикой, могут быть однозначно отнесены к тому или иному разряду и подразряду. Так, качественные значения нередко содержат количественные характеристики или дополнительно указывают на способ совершения того или иного действия. Пространственная семантика может совмещаться с семантикой временной, целевой и т. д. Кроме того, одна единица может синкретично выражать

определительные и обстоятельственные значения. Свойством синкретичности в значительной мере наделены предикативные наречные фразеологизмы.

Прослеживается глубокое взаимодействие между морфологическими и синтаксическими свойствами наречных фразеологизмов. Так, определительные наречные обороты, как правило, валентно ограничены, а обстоятельственные, напротив, располагают широкими контекстуальными связями. Дело в том, что обстоятельственно (например, темпорально) может быть охарактеризовано практически любое действие, процесс или состояние. Оценка же действия, процесса или состояния с точки зрения качества, меры, способа совершения носит более конкретный, индивидуальный характер, что и находит выражение в различии валентных свойств определительных и обстоятельственных фразеологизмов.

Ограничения в сочетаемости фразеологизмов могут быть обусловлены их морфологическими возможностями. Например, наречный оборот *денно и ночью* 'все время, постоянно; круглые сутки' употребляется исключительно при глаголах несовершенного вида, тогда как фразеологизмы *как ни в чем не бывало* 'словно ничего не случилось', *как пить дать* 'вне всякого сомнения, безусловно, непременно, наверняка' сочетаются с глаголами совершенного вида (ср. также фразеологизм *во что бы то ни стало*). Видовые ограничения предопределяются значением соответствующих единиц. Показательно, что морфологическая ограниченность свойственна и соответствующим словам-идентификаторам («постоянно», «словно», «непременно»). Нельзя сказать: «Постоянно сделал, сделаю», ненормативна и конструкция типа «Непременно говорю» (вместо «Непременно скажу»). На видовую неполноценность и синтаксическую скованность фразеологизмов влияют и остаточные, «наследственные» грамматические свойства компонентов *стало* и *дать*, восходящих к соответствующим глаголам совершенного вида.

Глубокое взаимодействие и взаимообусловленность морфологических и синтаксических значений и категорий обнаруживают предикативные наречные фразеологизмы, находящиеся на периферии системы и, как правило, вовлекаемые в отношения категориальной полисемии.

К субстантивным фразеологизмам прежде всего относятся обороты, грамматически господствующим компонентом которых выступает имя существительное.

Соответствующие фразеологизмы преимущественно образуются из сочетания прилагательного с именем существительным: *абсолютный нуль, ахиллесова пята, авгиевы конюшни, бездонная бочка, белая кость, белые места (пятна), бесструнная балалайка, буриданов осел, выжатый лимон, валаамова ослица, голь перекатная, горькая пилюля, голубая кровь, дамоклов меч, дойная корова, детский лепет, длинный рубль, дубина стоеросовая, живые мощи, запретный плод, зеленая улица, завтрашний день, злые языки, канцелярская крыса, карманная чахотка, кисейная барышня, китайская грамота, коломенская верста, краеугольный камень, красная девица, крокодиловы слезы, крапивное семя, лакомый кусочек, лебединая песня* и др.

Менее распространенный тип составляют субстантивные фразеологизмы, образованные из сочетания существительного в именительном падеже с другим существительным в косвенном падеже (с предлогом или без него): *барашек в бумажке, избивание младенцев, калиф на час, капля в море, квадратура круга, козел отпущения, кровь с молоком, мешок с соломой, ноль без палочки, отцы церкви, притча во языцах, птица высокого полета, рыцарь без страха и упрека, рыцарь на час, саврас без узды, секрет полишенеля, собака на сене, хождение по мукам, центр тяжести, шишка на ровном месте, ума помрачение, яблоко раздора, якорь спасения* и др.

В особую группу объединяются фразеологизмы, представляющие собой сочетание имени существительного в именительном падеже с наречием. Эта группа представлена лишь несколькими фразеологизмами: *душа нараспашку, мозги набекрень, сапоги всмятку* и др. Сюда же примыкают и именные фразеологизмы, основанные на отношениях сочинения компонентов: *гог и магог, маг и волшебник, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни то ни се, плоть и кровь* и т. п.

Субстантивные фразеологизмы, подобно именам существительным, обладают лексико-грамматической категорией одушевленности-неодушевленности, категориями рода, числа и падежа.

Известно, что к одушевленным существительным относятся разнообразные названия лиц и животных. В отличие от обычных существительных, субстантивные фразеологизмы,

употребляющиеся как одушевленные, характеризуют лю де й, а не животных: *гусь лапчатый, стреляный воробей, саврас без узды, мокрая курица* и др. Любопытно отметить, что в разряд одушевленных вовлекаются и такие фразеологизмы, опорный компонент которых восходит к неодушевленному существительному типа *отрезанный ломоть* 'человек, отделившийся от семьи, не требующий забот, попечения', *бездонная бочка* 'человек, который может много выпить', *тяжелая артиллерия* 'неповоротливые, медлительные люди', *бесструнная балалайка* 'болтливый, неделовой человек', *выжатый лимон* 'человек, утративший физические силы' и т. д. Посредством этих фразеологизмов характеризуют (чаще с отрицательной стороны) человека, и в силу этого они приобретают морфологические особенности одушевленности: «Давно не встречал этого старого колпака».

Неодушевленный предмет характеризуют такие фразеологизмы, как *бабье лето, белые места (пятна), детский лепет, сумасшедший дом* ('о беспорядке'), *карманная чахотка, пробный камень, удельный вес, капля в море, яблоко раздора* и др.

Субстантивные фразеологизмы, по нашим наблюдениям, как правило, не передают лексико-грамматическое значение вещественности, единичности, собирательности¹, не употребляются, за редким исключением, в качестве составных собственных имен и т. д.

В силу этих обстоятельств именные фразеологизмы полностью или частично лишены многих морфологических свойств, которые присущи обычным именам существительным свободного употребления. Так, многие фразеологизмы рассматриваемого типа не сочетаются с количественными числительными (нельзя, например, сказать *два выжатых лимона* (о людях), *три собаки на сене* (о людях), не способны сочетаться со словами, выражающими меру, типа *ведро, литр, килограмм* и т. п.

У субстантивных фразеологизмов своеобразно преломляется категориальное значение предметности, которое тесно взаимодействует с оценочным значением: с усилением оценочного значения соответственно ослабляется значение предметности, и наоборот.

Наибольшее своеобразие обнаруживается в склонении субстантивных фразеологизмов. Парадигматическая активность соответствующих оборотов непосредственно зависит

---

¹ Впрочем, фразеологизм *осиное гнездо* отчасти употребляется в собирательном значении «сборище опасных людей».

от действия оценочного фактора. Фразеологизмы с ярко выраженным оценочным значением реализуются в строго определенных падежных формах (по преимуществу в форме именительного или творительного падежа); напротив, фразеологические обороты с ослабленным оценочным значением употребляются в различных падежных формах. Способность фразеологизмов изменяться по падежам проявляется прежде всего в предложении, которое является наиболее совершенной формой выражения синтагматических отношений.

Если руководствоваться синтаксическим критерием, то субстантивные фразеологизмы могут быть условно разделены на несколько групп.

В первую группу входят субстантивные фразеологизмы, способные употребляться в качестве подлежащего. Соответствующие фразеологизмы обладают номинативным значением и вследствие этого выступают с ослабленным или утраченным оценочным значением. Подобные обороты могут употребляться, помимо подлежащего, в роли дополнения, несогласованного определения и именной части составного сказуемого. Синтаксическая активность отражает вместе с тем парадигматическую активность. Сюда прежде всего включаются фразеологизмы нетерминологического характера, представляющие собой различного рода бытовые составные наименования, а также некоторые фразеологизмы терминологического происхождения, возникшие в результате метафорического переосмысления. К числу подобных оборотов относятся, например: *анютины глазки, бабье лето, волчий билет, желтый билет, живой товар, кукольная комедия, медвежий угол, медовый месяц, наш брат, наша сестра, отцы и деды, прекрасный пол, слабый пол, тупейный художник, удельный вес, центр тяжести* и др.

Нельзя не заметить, что большая часть приведенных оборотов не изменяется по числам — одни фразеологизмы употребляются только в ед. ч. (*бабье лето, медовый месяц, наш брат, наша сестра, удельный вес* и т. п.), другие — только во мн. ч. (*анютины глазки, отцы и деды* и др.).

Приведем примеры употребления фразеологизмов в роли различных членов предложения: «Стояло бабье лето с его осенней тоской, желтеющим листом и больным освещением» (М.-С.); «Вечер был тихий, кроткий, один из тех грустных вечеров бабьего лета, когда все вокруг так цветисто и так заметно линяет, бледнеет с каждым часом» (М. Г.); «А я-то годы не заметил, что мы прошли с тобой вдвоем. Но что-то вдруг о бабьем лете в лице напомнило твоим» (А.) и др.

Во вторую группу объединяются фразеологизмы, способные употребляться в роли различных членов предложения (именного сказуемого, дополнения, несогласованного определения), кроме подлежащего. Подобные фразеологизмы могут встречаться в различных падежных формах ед. и мн. ч. В качестве примера приведем субстантивный оборот *синий чулок* 'женщина, лишенная обаяния и поглощенная книжными, учеными интересами' (перевод английского *blue stocking*): «Но также синего чулка В ней не было приметы» (Н.); «(Он) терпеть не мог синих чулков» (Пом.); «[Иванов:] Не женитесь — ни на психопатках, ни на синих чулках» (Ч.); «То немного, что говорил о ней отец, рисовало ее этаким синим чулком» (Кремл.); «Нет, ты посмотри внимательно: ведь настоящая женщина, не суфражистка, не синий чулок» (Крым.).

Третью группу составляют такие фразеологизмы субстантивного характера, которые могут выступать в роли подлежащего или дополнения лишь в сопровождении указательных или других местоимений типа *этот, тот, такой, наш* и т. п.: *важная птица, гусь лапчатый, крапивное семя, стреляный воробей, тертый калач* и др. Например: «Это крапивное семя подтасовывает... у него уже руки такие грабительские» (Т.); «Не слыхал, чтобы такие тертые калачи, этакie стреляные воробьи исправлялись!» (Ф.); «Кто из старых знакомых с тобой? Из наших тертых калачей?» (В. С.).

Однако и в функции подлежащего или дополнения, как видно из приведенных примеров, аналогичные фразеологизмы не утрачивают своего оценочного значения, так как неизменно вызывают представление о лице или предмете, к которому они адресованы. Самостоятельно же, вне отношения к такому лицу или предмету, они употребляться не могут, поскольку назывная функция здесь заметно оттеснена оценочной, квалификативной. Для фразеологизмов подобного рода функция сказуемого оказывается более типичной, характерной, чем функция других членов предложения. Соответственно этому форма именительного падежа в сложившейся ситуации оказывается наиболее употребительной. С ограничением синтаксической функции и усилением оценочного значения в смысловой структуре рассматриваемых фразеологизмов постепенно начинают совмещаться субстантивные и адъективные категориальные признаки. Таким оборотам свойственна категориальная полисемия.

В четвертую группу входят субстантивные фразеологизмы типа *ни божу свечка ни черту кочерга, ни пава ни ворона, ни рыба ни мясо, ни то ни се, ноль без палочки,*

одного поля ягода, одного дерева листочки, палка о двух концах, седьмая вода на киселе и др.

Такого рода фразеологизмы не имеют при себе каких-либо определений, распространителей и прежде всего лишены указательных функций. Все это свидетельствует о том, что данные обороты в форме ед. ч. обозначают не единичное, а общее значение [64, с. 11]. Нельзя, например, сказать: «Эта ни богу свечка ни черту кочерга мне знакома», «Эта седьмая вода на киселе пришла в гости». Названные фразеологизмы в отдельных случаях могут выступать при глаголах полного значения: «Он доводится мне седьмой водой на киселе»; «Получается ни то ни се»; «Он играл роль не последней спицы в колеснице». Ср. также: «Читал Нежданов не совсем хорошо: не решался декламировать и не хотел впадать в сухой тон; ни рыба ни мясо» (Т.); «[Городничий:] Как вы смеее называть его ни тем ни сем да еще и черт знает чем?» (Г.).

Анализируемые фразеологизмы сочетаются с глаголами ограниченной семантики, вследствие чего наблюдается синтагматическое взаимодействие значений. В этом случае фразеологизм активизирует в глаголе те элементы значения, которые согласуются с семантикой фразеологизма.

Лексическая ограниченность глаголов, при которых семантически реализуются подобные фразеологизмы, — показатель того, насколько функция сказуемого типична для этих фразеологизмов. Например: «Кажется, Пан Плевако, и я не последняя спица в колеснице, и я чего-нибудь да стою» (Марл.); «Одета оригинально, говорит хорошо, даже повелительно, — видно, не последняя спица в колеснице» (Н. В.); «Он (средний человек) ни мужик, ни барин, ни рыба ни мясо» (Ч.); «Ларисин избранник оказался так себе, ни рыба ни мясо» (Пан.).

Фразеологизмы рассматриваемого типа, подобно предыдущим, синкретически соединяют в себе категориальные свойства имени существительного и имени прилагательного, т. е. обладают категориальной полисемией.

Пятую группу образуют фразеологизмы, употребляющиеся в функции именного сказуемого или такого предикативного определения, которое вместе со своим определяемым входит в именную часть сказуемого. Но и в этой последней функции фразеологизмы выполняют основную семантическую нагрузку. Так, в предложении «Но Марья была женщина не промах» (М. Г.) образование *не промах* является носителем основного значения; причем круг существительных, при которых употребляются подобные фразеологизмы,

довольно ограничен. Ср.: «Он — парень кровь с молоком» — при невозможности сказать «Он — учитель (инженер, конструктор и т. п.) кровь с молоком», но: «Он учитель (председатель, директор и т. п.) без году неделя» — при невозможности сказать «Он — парень без году неделя».

Среди фразеологизмов субстантивного происхождения выделяются и такие, которые по своим категориальным признакам соприкасаются с безлично-предикативными словами. К ним можно отнести фразеологизмы с отрицательным значением, не имеющие соответствующих положительных форм: *не мед, не рука, не сахар* и др. Близко примыкают фразеологизмы типа *нож в сердце (кому), нож в спину (кому), нож острый (кому)* и некоторые другие.

Подобного рода фразеологизмы обладают падежным управлением, вступают в грамматическую связь с инфинитивом и могут иногда сочетаться с обстоятельственными словами. В этом употреблении субстантивные фразеологизмы перестают склоняться, изменяться по числам, а категориальное значение предметности постепенно тускнеет, ослабевает.

Итак, если какой-либо субстантивный фразеологизм закрепляется в роли сказуемого, то это синтаксическое ограничение сказывается на морфологических свойствах фразеологизма. Подобные фразеологизмы приобретают априорные признаки.

§ 27.

Морфологические свойства адъективных фразеологизмов

К собственно адъективным фразеологизмам относятся немногие образования, в составе которых грамматически господствующим компонентом выступает краткое прилагательное, распространенное зависимым существительным в винительном падеже с предлогом *на*. По свидетельству Н. Н. Прокоповича, к концу XIX в. эта модель легко реализуется с помощью полных прилагательных [75, с. 247]. К этому разряду относятся: *боек на язык — бойкий на язык, крепок (туг) на ухо — крепкий (тугой) на ухо, легок на помине — легкий на помине, легок на ногу — легкий на ногу, нечист на руку — нечистый на руку, тяжел на ногу — тяжелый на ногу, тяжел на подъем — тяжелый на подъем* и др. Стержневой компонент может быть выражен и отпричастным прилагательным, распространенным зависимым существительным в творительном падеже: *лыком шит — лыком шитый, мешком прибит — мешком прибитый, богом убитый, подбитый*

ветром и под. Эти обороты отчетливо выражают качественные значения.

Наиболее обобщенным семантическим признаком адъективных фразеологизмов служит понятие качества. Посредством этого категориального значения обеспечиваются связь и взаимодействие соответствующих фразеологизмов в плане их соотношения с именем прилагательным. Те или иные изменения в области категориального значения неизменно проявляются в сочетаемости фразеологизмов.

Соответствующие фразеологизмы, независимо от того, в полной или в краткой форме прилагательного выступает грамматически главенствующий компонент, принимают на себя функцию выражения постоянной отнесенности признака к лицу или предмету. Например, в предложениях «Он был легок на ногу» и «Он был легкий на ногу» форма времени в связке выражает постоянное, длительное, а не кратковременное свойство подлежащего. Так, одинаково допустимы фразы: «Он всегда был легок на ногу», «Он всегда был легкий на ногу», — при невозможности сказать: «Он в тот момент был легок (легкий) на ногу». Не случайно эти фразеологизмы лишены возможности соединяться в линейной последовательности с глаголами движения и состояния, выступающими в качестве знаменательных связок (*стоять, сидеть, лежать, ходить* и др.). Следовательно, в составе анализируемых фразеологизмов предикативная активность кратких прилагательных резко понижается и заметно возрастает их чисто атрибутивная функция. Смысловое содержание указанных фразеологизмов передается посредством прилагательных в краткой или полной форме или при помощи адъективных словосочетаний. Так, фразеологизм *нечист (нечистый) на руку* определяется следующим образом: «склонный к воровству; плутоват, нечестен».

И все же фразеологизмы, у которых грамматически господствующий компонент выражен прилагательным в полной форме, обладают качественным значением в большей мере, чем те же фразеологизмы, в составе которых стержневой компонент выражен краткой формой прилагательного. Такие фразеологизмы представляют собой синтаксически подвижную, активную конструкцию: они способны выступать в роли определения, в полупредикативной или предикативной функции. Напротив, фразеологизмы, стержневой компонент которых выражен кратким прилагательным, утвердились в одной функции — в функции сказуемого.

Фразеологизмы, опорный компонент которых выражен полной формой прилагательного, употребляются в различных

падежных формах. Например, фразеологизм *тяжелый на подъем* содержит ярко выраженное качественное значение и означает 'ленивый, с трудом принимающийся за что-либо; не любящий выходить, выезжать'. В этой форме указанному обороту присущи те же синтаксические функции, что и полному прилагательному в свободном употреблении. Но этот же фразеологизм употребляется лишь в функции сказуемого и перестает склоняться, когда в качестве стержневого компонента выступает прилагательное в краткой форме, например: «Я *тяжел* на подъем и не люблю выходить из дому» (Ч.).

В разряд адъективных фразеологизмов втягиваются обороты типа *средней руки* (кто) 'посредственный', *большой руки* (кто) 'отъявленный', *большого сердца* (кто) 'задушевный', *чистой воды* (кто) 'самый настоящий', *воробью по колено* 'неглубокий, мелкий', *высшей марки* 'самый отъявленный', *в чем только душа держится* 'слабый, немощный, очень больной', *в чем мать родила* 'голый, нагой' и т. д. Смысл этих оборотов передается посредством прилагательных, так что грамматически господствующий компонент здесь не предопределяет категориального значения фразеологизма в целом.

С разрядом адъективных фразеологизмов сливаются субстантивные фразеологизмы, утратившие значение предметности, типа *кожа да кости* 'очень худой, истощенный', *кровь с молоком* 'здоровый, цветущий, крепкого сложения', *первый сорт* 'превосходный во всех отношениях', *не обсевок в поле* 'такой же, как все' и др. Значение соответствующих фразеологизмов раскрывается посредством прилагательных *худой, крепкий, превосходный* и т. д. В составе этих фразеологизмов опорный компонент, выраженный существительным, не предсказывает категориальное значение предметности. Подобные фразеологизмы не могут сочетаться с указательными местоимениями *этот, тот, такой* и закрепились в функции сказуемого, например: «Незавидное кушанье картошка дома, а в лесу первый сорт» (М.-С.); «Вон, видите, Дуся идет. Машинист — первый сорт» (Е.).

В этой синтаксической позиции фразеологизмы, естественно, употребляются лишь в форме именительного падежа.

Некоторые адъективные обороты могут совмещать категориальные признаки прилагательного и глагола. Например, значение фразеологизма *тяжел* (*тяжелый*) *на руку* может быть передано глагольным словосочетанием 'больно бьет, наносит сильные удары'. Такое функционально-семанти-

ческое сближение адъективных фразеологизмов с глагольными происходит на почве сказуемого и объясняется тем, что между морфологическими и синтаксическими свойствами субстантивных фразеологизмов вообще и адъективных в частности наблюдается явное несоответствие и противоречие. В морфологическом отношении субстантивные и адъективные фразеологизмы резко противостоят глагольным по характеру выражения опорного компонента, а с точки зрения синтаксической и те и другие могут выступать в качестве сказуемого.

Следует отметить, что субстантивные и адъективные фразеологизмы в позиции сказуемого претерпевают сходные морфолого-семантические изменения со словами свободного употребления, втягиваемыми в круг предикатов [18, с. 321—323]. С усилением оценочного значения у фразеологизмов субстантивного характера типа *первый сорт* резко усиливается атрибутивное значение и ослабевает значение предметности. Поэтому содержание таких оборотов разъясняется посредством качественных прилагательных.

Глава 7

Синтаксическая характеристика фразеологизмов

Непреложным законом коммуникации является закон реализации значения фразеологизма (или слова). В силу действия этого закона фразеологизмы вводятся в предложение. При этом обнаруживается определенное взаимодействие между фразеологизмом и предложением. С одной стороны, фразеологизм оказывает структурную сопротивляемость предложению, с другой стороны, сами по себе предложения оказывают структурную сопротивляемость семантически реализуемому фразеологизму и тем самым служат структурно-семантическим проявителем специфических свойств фразеологизма. На почве этих противоречий структура предложений, в состав которых вводятся фразеологизмы, характеризуется некоторой однотипностью.

§ 28.

Фразеологизм и его окружение

Как известно, в синтаксисе изучаются прежде всего способы соединения слов (и их форм) в словосочетания и предложения. Поэтому вопрос о сочетаемости слов занимает в синтаксисе одно из центральных мест.

Как и слова свободного употребления, фразеологизмы не существуют изолированно, вне связи с другими словами. Совокупность всех возможных сочетаний фразеологизма со словом (словами) характеризует сочетательные, валентные свойства фразеологизма. Вместе с тем в этих свойствах проявляется тесное взаимодействие фразеологической и лексической систем языка.

Нельзя не заметить, что связи и отношения фразеологизмов с другими словами не столь разнообразны и широки, как это можно наблюдать у слов. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, фразеологизмы соотносятся с немногими частями речи (а сочетаемость прежде всего зависит от принадлежности слова или фразеологизма к части речи) и вследствие этого не могут передать того многообразия присловных и неприсловных связей, которые присущи лексическим единицам; к тому же и самые распространенные фразеологизмы (глагольные и наречные) по своим сочетаемым свойствам во многом уступают глагольным и

наречным словам свободного употребления. Во-вторых, фразеологизмы по своей структуре сложнее обычных слов, так как состоят, по меньшей мере, из двух компонентов. При этом чем сложнее, многочисленнее структура того или иного фразеологизма, тем ограниченнее сочетательные возможности такого фразеологизма, и наоборот. Не случайно фразеологизмы со структурой так называемых предикативных словосочетаний иногда употребляются как самостоятельные предложения или как части сложного предложения (ср.: *душа уходит в пятки* (у кого); *руки не доходят* (до кого, до чего); *язык заплетается* (у кого)). В-третьих, многие фразеологизмы лишены способности изменяться, имеют неполную, дефектную парадигму. Так, глагольные и субстантивные фразеологизмы с нулевой парадигмой обладают, как правило, наиболее ограниченной сочетаемостью (например, *нож острый, костей не соберешь, ни в какие ворота не лезет, ума не приложу*). В-четвертых, многим фразеологизмам свойственно значение качественной оценки или характеристики (например, *ноль без палочки, кровь с молоком*). Чем ярче оценочное значение у фразеологизма, тем скорее он приобретет синтаксически ограниченное, или «предикативно-характеризующее», значение (В. В. Виноградов). Наконец, в-пятых, связи и отношения фразеологизмов с другими словами ограничены предметно-логически, т. е. внелингвистическим фактором.

Связи и отношения фразеологизма со словом бывают более или менее тесными, структурно необходимыми, сильными и относительно свободными, необязательными, слабыми.

Синтагматические отношения между фразеологизмом и словом в тексте составляют лексико-фразеологический контекст. Так как компоненты фразеологизмов не способны к самостоятельному употреблению (семантически реализуются, как уже не раз подчеркивалось, не компоненты фразеологизма, а сам по себе фразеологизм), то они не могут стать частью контекста. Как справедливо отмечает В. И. Кодухов, «контекст может быть там и тогда, где и когда есть потенциально самостоятельная языковая единица». И далее: «*Бить баклуши* — это фразеологизм, т. е. единица языка, а не постоянный контекст слова *бить* (или *баклуши*)» [39, с. 20]¹. Иными словами, компоненты

¹ Ср. в связи с этим соображения Е. Р. Куриловича, высказавшего следующую мысль о семантическом влиянии контекста на фразеологизм: «В случае метафоры, такой, как *владыка моря* (кит), к контексту, определяющему значение слова *владыка*, относится, кроме дальнейших элементов, и *море*, употребляемое здесь в собственном значении. Но в обороте *собаку съест* ни один из двух членов не образует семантического контекста другого; контекст влияет на фразеологический оборот как на семантическую единицу» [48, с. 76].

фразеологизма не являются контекстообразующими единицами текста.

Слова, структурно и семантически связанные с фразеологизмом, составляют фразеологическое окружение, благодаря которому обеспечивается синтагматическое взаимодействие лексического значения с фразеологическим¹.

Можно выделить два вида окружения. Одно из них дает семантический эффект, оказывается минимально достаточным для раскрытия семантики фразеологизма. Такого рода окружение выполняет контекстную функцию, так как ключевые слова, раскрывающие семантику фразеологизма, находятся в плоскости лексико-фразеологического контекста. Так, в предложении «Он пишет как курица лапой» глагол *пишет* обладает необходимой указательной силой для выявления смыслового содержания фразеологизма. Возможно и такое окружение, которое не дает семантического эффекта, не выполняет контекстной функции. В таких случаях трудно или невозможно в границах лексико-фразеологического контекста отличить фразеологизм от одинакового по своему лексическому составу свободного словосочетания. Например, в предложении «Как же это я прозевал твой ход конем» не содержатся слова, выявляющие значение субстантивного словосочетания *ход конем*. Ключевые, опорные слова находятся за пределами этого речевого отрезка: «[Суслов:] Шах королеве. [Басов:] Ах, черт побери! Как же это я прозевал твой ход конем?» (М. Г.).

Основываясь на таких примерах, можно заключить, что сочетаемость не всегда предопределяет значение фразеологизма (или слова) [25].

Между словом и фразеологизмом в линейной последовательности устанавливаются различные отношения. Одни фразеологизмы по отношению к словам свободного употребления занимают грамматически господствующее положение, а другие (например, наречные фразеологизмы) — зависимое. Возможны случаи, когда один и тот же фразеологизм (например, глагольный) по отношению к одним словам выполняет зависимую функцию, а по отношению к другим синтаксически активен.

По составу фразеологическое окружение может быть минимальным, лексически ограниченным (замкнутым) и лексически неограниченным (незамкнутым). Минимальное окружение всегда выражено одним словом, без наличия

---

¹ Об окружении как одном из видов структурных методов исследования глагольной фразеологии см. [91].

которого немыслима семантическая реализация фразеологизмов. При минимальном окружении слово является не только показателем значения фразеологизма, но оно имеет тенденцию стать элементом фразеологического значения (ср.: *сидит как на корове седло*, *день открытых дверей*, *денег куры не клюют*, *картошка в мундире* и др.). Соответственно лексически ограниченное окружение содержит узкий круг слов, объединенных семантической общностью, без которых невозможна реализация фразеологизма: *беречь*, *хранить как зеницу ока*, *кричать*, *орать благим матом*. Все эти и подобные обороты требуют своих распространителей.

Наконец, лексически неограниченным является окружение, не поддающееся тематическому объединению и строгой количественной оценке. Например, с фразеологизмом *денно и ночью* соединяются многочисленные глаголы (правда, несовершенного вида) разного смыслового содержания (*читать*, *работать*, *ходить*, *ждать*, *говорить*, *шутить*, *думать*, *размышлять* и т. д.).

В позиционно-грамматическом отношении окружение может быть субъектным, объектным и неobjектным (обстоятельным).

Субъектное окружение выражается именительным падежом существительного (или именительным падежом какого-либо субстантивированного слова) в роли грамматического подлежащего; причем существительное может выступать с семантикой лица, одушевленного, конкретного, неодушевленного или отвлеченного предмета. В качестве субъектного окружения чаще всего выступают имена с семантикой лица и отвлеченного предмета, реже — с семантикой конкретного неодушевленного предмета («Книга пошла гулять по рукам»), но почти никогда субъектное окружение не выступает при одном каком-либо фразеологизме в полном семантическом объеме. Например, при фразеологизме *бить баклуши* в качестве субъектного окружения выступают имена с семантикой лица, а при фразеологизме *брать свое* 'добиваться желаемого', напротив, в качестве субъектного окружения преимущественно выступают имена с семантикой отвлеченного предмета типа *усталость*, *страх*, *сон*, *молодость*, *старость* и т. д.

Слова из субъектного окружения соединяются главным образом с фразеологизмами глагольного характера, а также с многими именными фразеологизмами, закрепившимися в качестве сказуемого.

Объектное окружение выражается управляемыми словоформами с семантикой лица, одушевленного, неодушевленного или отвлеченного предмета. Необъектное окружение передается наречием или онареченной предложно-падежной группой. Слова из необъектного окружения соединяются в первую очередь с фразеологизмами глагольного характера, например: «Хорошо выезженный конь поскакал во весь мах».

Многие фразеологизмы, например фразеологизмы глагольного типа, одновременно имеют при себе субъектное и объектное окружение. Так, фразеологизм *ломать голову* имеет субъектное (господствующее) окружение с семантикой лица и объектное (зависимое) окружение с семантикой отвлеченного предмета (ср. «Брат долго ломал голову над этой проблемой»). Нетрудно заметить, что чем больше элементов окружения участвует в реализации фразеологизма, тем полнее проявляется семантика фразеологической единицы, тем скорее снимается ее двусмысленность.

Характер синтаксической сочетаемости фразеологизма с другими словами зависит от грамматической организации, строения фразеологизма, и прежде всего от особенностей выражения грамматически господствующего компонента, если он налицо. Ввиду этого каждый структурный тип фразеологизмов (глагольные, именные, наречные и др.) характеризуется своими внешними связями со словами свободного употребления, своей валентностью¹.

По меньшей мере, два фактора оказывают сдерживающее воздействие на сочетательные способности фразеологизмов: во-первых, любой фразеологизм при реализации своего значения соединяется с другими словами по строго закрепленным грамматическим законам и, во-вторых, сочетающиеся единицы языковой системы взаимосвязаны по смыслу, т. е. должны удовлетворять требованиям смыслового соответствия.

Хотя сочетаемость и признается как «форма бытования значения», как показатель значения, а не его элемент, все же в синтагматическом ряду фразеологизм по-разному взаимодействует с другими словами. В одном случае он предстает как семантически самодостаточная величина, наделенная относительно свободной сочетаемостью. В других случаях семантизация фразеологизма обеспечивается лишь в строго ограниченных, заданных конструкциях или в сопровождении вполне определенных словесных конкретизаторов.

---

¹ О том, что фразеологизмы наподобие слов «имеют свои собственные сочетаемостные свойства», см. [80, с. 25].

Такие фразеологизмы оказываются информативно недостаточными.

Между словом и фразеологизмом устанавливается, как показывают наблюдения, взаимная семантико-грамматическая связь¹. И тем не менее слово обладает большей семантической и грамматической автономностью и самостоятельностью, чем фразеологизм. Дело в том, что сочетание фразеологизма с другими словами во многих случаях необходимо для реализации его значения, тогда как сочетание лексической единицы с фразеологизмом, независимо от того, грамматически главенствующее или зависимое положение он занимает по отношению к слову, не является необходимым для реализации слова. Эта закономерность носит универсальный характер.

По характеру и степени сочетаемости с другими словами фразеологизмы, образованные по модели непредикативных словосочетаний, могут быть подразделены на три разряда².

К первому и наиболее распространенному разряду принадлежат фразеологизмы с самостоятельным, полноценным значением и относительно свободным употреблением. Соответствующие фразеологизмы характеризуются широкими и разнообразными связями с другими словами номинативного характера. Например, фразеологизмы *денно и ночью, ничего себе, так себе, хоть куда; бить баклуши, валять дурака; первый сорт, тертый калач* и многие другие сравнительно свободно реализуются в любом фразовом окружении. Соответствующие фразеологизмы характеризуются относительно свободным типом значения, и поэтому связь их с другими словами оказывается менее тесной и обязательной.

Ко второму разряду относятся фразеологизмы, имеющие самостоятельное вещественное значение, но ограничивающие свои связи с другими словами управлением или примыканием. Вне управления или примыкания подобные фразеологизмы не могут быть реализованы в связной речи. Например: *вести свой род* (от кого, чего), *каши не сварить* (с кем), *плясать под дудку* (чью), *садиться на шею* (кому), *сдавать в архив* (кого, что), *ставить себя на место* (чье), *становиться на одну доску* (с кем), *вести себя* (как)

---

¹ Попутно отметим, что вопросу о сочетаемости различных единиц языка, их совместной встречаемости посвящены многочисленные исследования русских и зарубежных лингвистов [91, с. 23—59; 101, с. 528—556; 4; 45].

² Об основных типах значений фразеологизмов см. более подробно [32, с. 139—158].

и др. Соответствующие фразеологизмы наделены конструктивно ограниченным значением.

Третий разряд составляют фразеологизмы, имеющие более или менее связанное значение и сочетающиеся с очень узким кругом слов, обычно относящихся к одной лексико-семантической группе. Фразеологизмы, значение которых замкнуто в узкие рамки фразеологического контекста, обладают валентно ограниченным значением. На этом разряде фразеологизмов остановимся более подробно.

Связи и отношения таких фразеологизмов с другими словами полного значения обусловлены языковыми, внутриструктурными свойствами фразеологической системы русского языка и ни в коей мере не определяются предметно-логическими отношениями. Так, фразеологизм *как зеницу ока* 'очень тщательно, заботливо' связан с глаголами *беречь*, *хранить* и под., тогда как слова-идентификаторы *тщательно* и *заботливо*, посредством которых с известным приближением передается семантический объем данного фразеологизма, соединяются в речи с самыми разнообразными глаголами свободного употребления.

Не все фразеологизмы с валентно ограниченным значением одинаково самостоятельны в семантическом отношении. Одни фразеологизмы являются информативно достаточными. Такого рода обороты характеризуются широкой сочетаемостью. Например, наречный фразеологизм *за тридевять земель* 'очень далеко' сочетается с такими глаголами-сопроводителями, как *быть*, *жить*, *находиться*; *бежать* (*убежать*), *уходить* (*уйти*), *мчаться* (*помчаться*), *лететь* (*полететь*); *приезжать* (*приехать*), *являться* (*явиться*) и т. п.

Будучи полноценными в семантическом отношении, соответствующие фразеологизмы имеют тенденцию к расширению своих сочетательных способностей (ср.: *не покладая рук*, *до глубины души*, *во все лопатки* и т. д.).

Наименьшей смысловой самостоятельностью обладают фразеологизмы, собственное значение которых не всегда легко установить. Подобные обороты являются информативно недостаточными. Их значение может быть передано таким словом, которое в свою очередь не поддается (или почти не поддается) расчленению на элементарные смысловые части. Сюда могут быть отнесены, например, наречные обороты, семантический объем которых передается словами *очень*, *сильно*, *в высшей степени*: *до зубов* (вооружен), *как осиновый лист* (дрожать), *как черт ладана* (бояться) и т. п.

Значение аналогичных фразеологизмов как бы дорабатывается за счет слов-сопроводителей, восполняющих функцию семантических конкретизаторов, контекстных уточнителей. При этом чем меньший объем семантической информации содержится в фразеологизме, тем большую смысловую зависимость он испытывает от непосредственно сочетающегося с ним слова (или слов), тем меньшим оказывается объем (длина) лексико-фразеологического контекста. Справедлива и обратная зависимость. Чем информативнее фразеологизм в семантическом отношении, тем меньшую смысловую зависимость он испытывает от контактирующих слов из фразеологического окружения, тем большим становится круг слов-сопроводителей, а их прогнозирующая сила соответственно падает, убывает. Значение таких фразеологизмов может быть раскрыто посредством развернутых словосочетаний. Примером могут служить фразеологизмы *стена в стену* (жить, находиться) 'в непосредственной близости, совсем рядом', *как за каменной стеной* (жить, быть, чувствовать себя) 'под надежной защитой, под покровительством', *на все четыре стороны* (идти, убираться, отправляться; прогонять, отпускать и т. п.) 'куда только угодно' и т. д.

Между глаголами-сопроводителями и грамматически зависимыми наречными оборотами устанавливается тесная семантическая связь, семантическое согласование. Например, фразеологизм *во всю прыть* означает 'очень быстро'. Этот же семантический признак интенсивности содержится и в глаголах перемещения *бежать, мчаться, лететь* и т. п.

Слова, сопровождающие тот или иной фразеологизм, относятся, как правило, к одной и той же части речи. Лишь в редких случаях фразеологизм сопровождается словами, относящимися к разным частям речи, например: *вооружать, вооружен до зубов; бледный (бледен), побледнеть как смерть* и др.

Нетрудно заметить, что слова-сопроводители в этих примерах выражены однокоренными словами (*вооружен — вооружить, бледный — побледнеть*), что свидетельствует о тесной смысловой связи слов из обязательного лексического окружения. Кроме того, и в синтаксическом отношении слова, сопровождающие названные фразеологизмы, выполняют сходную функцию. Например, сравнительно-наречный фразеологизм *как смерть* сочетается с прилагательным *бледный* в полной и краткой форме и с однокоренным глаголом *побледнеть*. Краткое прилагательное выполняет роль именного сказуемого, а полное — предикативного определения: «Я оглянулся: за мной стоял

ужасный нищий. Он был бледен как смерть» (П.); «— Согласен?.. — Согласен, — прошептал Азамат, бледный как смерть» (Л.).

При словах-сопроводителях, чаще глагольного характера, семантически реализуются наречные фразеологизмы разнообразной структуры. Сюда прежде всего относятся:

а) фразеологизмы, восходящие к сравнительному обороту: *жить как кошка с собакой, служить как медному котелку, бежать как черт от ладана, надеяться как на каменную гору, беречь как зеницу ока, лить как из ведра, варить как на маланьину свадьбу, драть как сидорову козу, жить как за каменной стеной, знать как свои пять пальцев, идти как по маслу, бояться как огня, не видать как своих ушей, попасть как кур во щи, мрут как мухи, врет как сивый мерин, бледен как стена, ясно как божий день, видно как на ладони* и др. Эта группа фразеологизмов наиболее продуктивна. В нее вовлекаются и новые фразеологизмы, например *служить как медному котелку*: «— И ты, Левидач, выскажись. Уволишься из армии... что делать станешь? — Шнырев присвистнул: «Ему служить, как медному котелку: молодой!» (О. С.);

б) наречные фразеологизмы, образованные из сочетания определительных местоимений, числительных, прилагательных с именем существительным в разных падежах с предлогами и без них: *смотреть во все глаза, верить всем сердцем, бежать во весь дух, кричать во все горло, кричать не своим голосом, идти на все четыре стороны, гнать в три шеи, гнуть в три погибели, плакать в три ручья, наврать с три короба, являться с повинной головой* и др.;

в) наречные фразеологизмы, представляющие собой различные конструкции из имен существительных с предлогами: *жить душа в душу, жить стена в стену, гнать в хвост и в гриву, говорить сквозь зубы, не понимать ни в зуб ногой, ходить стенка на стенку* и т. д.;

г) единичные фразеологизмы деепричастного происхождения: *работать не покладая рук, бежать сломя голову, бежать очертя голову* и др.;

д) редкие фразеологизмы, возникшие из придаточной части сложного предложения: *ругать на чем свет стоит, бежать что есть духу, знать где раки зимуют*.

Несмотря на разнообразие в способах выражения, разбираемые фразеологизмы имеют ряд общих грамматических и функционально-семантических особенностей. Соответствующие фразеологизмы относятся к группе обстоятельственных наречий. Большинство из них перешло в разряд градационных фразеологизмов, выражающих степень признака. У многих фразеологизмов со значением меры и степени, как и у слов свободного

употребления, заметно утрачивается вещественное значение, и по своему смыслу они приближаются к слову *очень* или его синонимам.

Сравним фразеологизмы ясно как *божий день*, голоден как *собака*, из рук вон плохо, беречь как *зеницу ока* и под. Значение этих оборотов может быть передано словами *очень, сильно, крайне*, хотя эти фразеологизмы не являются синонимами. Лишь в сочетании со словами-сопроводителями собственное значение данных фразеологизмов проясняется, становится вполне отчетливым. Таким образом, слова-сопроводители выполняют здесь смыслоразличительную функцию, становятся как бы элементом значения фразеологизма. Такую же функцию выполняют слова-сопроводители при фразеологизмах, которые по смыслу приближаются к словам местоименного типа: *ни в зуб ногой* не смыслить; нет, не увидишь *ни одной собаки*; пропадать *ни за грош* и т. п.

Кроме наречных фразеологизмов, обязательное лексическое окружение имеют сравнительно немногие глагольные и именные фразеологизмы: а) глагольные фразеологизмы типа *бросать на ветер* слова; *бросать на ветер* деньги; *грести лопатой* деньги; сапоги, ботинки и т. п. *каши просят*; жизнь, энергия и т. п. *бьет ключом*; не успеть *глазом моргнуть* и др.; б) фразеологизмы именного типа, состоящие главным образом из сочетания прилагательного с именем существительным: *сулить, обещать золотые горы*; *аредовы веки* жить; *день открытых дверей*; *суд при закрытых дверях* и многие другие.

Как видно из приведенных примеров, глагольные фразеологизмы по отношению к словам-сопроводителям могут занимать грамматически главенствующее или зависимое положение. В первом случае глагольный фразеологизм в роли грамматического сказуемого требует после себя прямого дополнения, во втором случае он сочетается с существительным в именительном падеже в роли грамматического подлежащего. Число фразеологизмов, требующих обязательного раскрытия своего содержания через прямое дополнение, невелико, что соответствует специфике русского глагола вообще, а глагольных фразеологизмов в особенности, ибо многие из них образованы из сочетания глагола с существительным в винительном падеже. Такого рода фразеологизмы синонимичны в грамматическом отношении возвратным глаголам, т. е. глаголам с формально выраженным значением непереходности.

Грамматически господствующее положение по отношению к словам-сопроводителям занимают также некоторые фразеологизмы, структурно совпадающие с так называемыми предикатив-

ными словосочетаниями: *денег куры не клюют* (у кого); *хлопот (забот) полон рот* (у кого) и др.

Между фразеологизмами этого типа и словами-сопроводителями обнаруживается тесная взаимозависимость: с одной стороны, фразеологизм вне этих слов не употребителен, с другой стороны, слова-сопроводители грамматически зависят от фразеологизма. Налицо взаимозависимые ограничения.

Аналогичные фразеологизмы, по форме равнозначные предложению, выступают как номинативные единицы и являются членами предложения. При этом следует заметить, что управление здесь зависит, по существу, не от компонентов, а от смыслового эквивалента. Например, словом *денег* во фразе «Денег куры не клюют у кого-либо» управляет не глагол *не клюют*, ввиду бессмысленности такого сочетания слов, а слово *много*, эквивалентное по смыслу фразеологизму *куры не клюют*.

Любопытно отметить, что слова-сопроводители в сочетании с фразеологизмом могут восприниматься в отдельных случаях как пословично-поговорочное выражение. Примером может служить распространенное выражение *Дела как сажка бела*, внутри которого переосмыслен не полный его состав, а лишь часть — *как сажка бела*. Эта переосмысленная часть может сочетаться и с другими словами, но уже в качестве обычного фразеологизма.

Тесная смысловая и грамматическая связь и взаимозависимость между словами-сопроводителями и сопровождаемыми фразеологизмами сказывается на их семантико-грамматических свойствах. Поэтому некоторые глаголы-сопроводители известным образом ограничены в проявлении видо-временных форм. Одни, например глаголы-сопроводители, преимущественно употребляются в форме несовершенного вида: *ни в зуб ногой не понимать, не знать, не смыслить* и т. п.; *ни аза в глаза не понимать, не знать, не смыслить*; *понимает, смыслит, разбирается как свинья в апельсинах*; *беречь, хранить пуще глаза*; *беречь, хранить как зеницу ока*. «Старик же видит в них друзей надежных И бережет их как зеницу ока» (П.); «Ах! Матушка, кабы вы знали, как все его-то (барина) для меня дорого ... Обноски его берегу словно зеницу ока» (Лаж.) и др.

Другая группа глаголов, сопровождающих некоторые наречные фразеологизмы, в основном закрепились в форме совершенного вида: *попасть как кур во щи*; *почтить, опочить сном праведника*; *на билось как сельдей в бочке*; *свалиться, повалиться, упасть как сноп*: «Я попал как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым» (Ч.); «Полицейские оставили засаду, и Егор попался как кур во щи» (Козл.) и др.

Необходимо отметить, что ограничения в образовании видо-

вых пар присущи глаголам из обязательного лексического окружения и не свойственны соответствующим глаголам в свободном, нерегулярном словесном окружении. Так, наречный фразеологизм *вдоль и поперек* ('досконально, очень хорошо, до мельчайших подробностей') сопровождается глаголом несовершенного вида *знать* ('иметь сведения, знания о чем-либо или чем-либо') — при невозможности сказать *узнать вдоль и поперек*. Этот же глагол с тем же лексическим значением в форме совершенного и несовершенного вида свободно сочетается со словом *основательно* и словосочетаниями *очень хорошо* и *до мельчайших подробностей*: *знать основательно, очень хорошо, до мельчайших подробностей* и *узнать основательно, очень хорошо, до мельчайших подробностей*.

С другой стороны, фразеологизм *вдоль и поперек* легко сочетается с глаголом совершенного вида *изучить* ('постичь учением') и почти не входит в синтагматическую связь с соответствующим глаголом несовершенного вида: затруднительно сказать *изучать (иностранный язык) вдоль и поперек*, — при полной возможности сказать: *изучить основательно, очень хорошо, до мельчайших подробностей* и *изучать основательно, очень хорошо, до мельчайших подробностей*.

Легко заметить, что слово *основательно* и словосочетания *очень хорошо* и *до мельчайших подробностей* выступают в качестве смысловых эквивалентов рассматриваемого фразеологизма. Словесные связи этих эквивалентов довольно широки и не поддаются строгой количественной характеристике. То же можно наблюдать и при фразеологизме *как свои пять пальцев* *знать, изучить*.

Замечено, что чем больше ограничения в выборе форм, тем сильнее семантико-грамматическая связь слов-сопроводителей с сопровождаемым фразеологизмом, и наоборот.

Самую обширную группу составляют глаголы из обязательного лексического окружения, которые сравнительно свободно образуют видовые пары. Это и понятно. Глаголы-сопроводители, как отмечалось, не являются компонентами фразеологизма, а являются словами номинативного значения и потому сохраняют свою лексическую и синтаксическую самостоятельность.

Правда, можно говорить об ограничении в образовании видовых пар и здесь, но такие ограничения свойственны любому свободному словосочетанию глагольного типа и в силу этого не отражают грамматической специфики слов из обязательного лексического окружения. Поясним это таким примером. Наречный фразеологизм *душа в душу* ('согласно, дружно') всегда сочетается с глаголом *жить*. Глагол *жить* в этом фразовом окруже-

нии способен выступать в форме совершенного вида: прожить, зажить *душа в душу*—при невозможности сказать пережить, нажить, выжить *душа в душу*. Но только что перечисленные глаголы не способны входить в синтагматическую связь и со словами *дружно, согласно*, которые эквивалентны по смыслу фразеологизму *душа в душу*. Отсюда такого рода ограничения в образовании морфологических форм обусловлены семантическими отношениями самой языковой системы и не отражают специфики рассматриваемого явления.

Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие сравнительно свободное образование видовых пар в кругу глаголов-сопроводителей: бежать—пробежать, мчаться—промчаться *во весь дух*; гнать—выгнать—прогнать *в хвост и в гриву*; вооружать—вооружить *до зубов*; кричать—закричать, петь—запеть и т. п. *во всю ивановскую*; доводить—довести *до белого каления*; готовить—наготовить—приготовить, варить—наварить *как на маланьину свадьбу*; ругать—выругать—обругать *на чем свет стоит*; спать—заснуть *мертвым сном*; жить—прожить *как кошка с собакой*; жить—прожить, сидеть—просидеть *в четырех стенах*; сулить—насулить, обещать—наобещать *золотые горы*; жить—прожить—зажить *душа в душу*: «Эмилия, с которой мы когда-то жили *душа в душу*, как родные сестры, приехала в Петербург» (С. Крав.); «Она была под пару этому замечательному человеку и прожила с ним всю жизнь *душа в душу*, как и моя мать с отцом» (Алт.); «А когда узнала его получше, стала посмелее с ним, да опомнилась сама и опозналась—так зажили мы с ним *душа в душу*» (В. Даль) и др.

Так как между сопровождающим словом и сопровождаемым фразеологизмом обнаруживается тесная смысловая связь, то, естественно, и слова, составляющие лексическое окружение, также должны быть близки по смыслу. Ввиду этого количество слов-сопроводителей часто ограничивается рамками синонимического ряда. Например: кричать, орать, реветь *благим матом*; пристать, прицепиться, привязаться *как банный лист*; приходиться, являться *к шапочному разбору*; *во весь дух* бежать, мчаться; *на чем свет стоит* ругать, бранить, божиться; *как свинья в апельсинах* разбираться, понимать; *ни в зуб ногой* не понимать, не знать, не смыслить; *на все четыре стороны* идти, убираться, отправляться; *не покладая рук* работать, трудиться и т. п.

Легко заметить, что взаимозаменяемые слова-сопроводители синонимичны друг другу и за пределами данного контекстного

окружения. Соответственно сравните: кричать, орать, реветь; пристать, прицепиться, привязаться; приходить, являться; бежать, мчаться и т. д.

Встречаются и такие примеры, когда взаимозаменяемые слова-сопроводители по отношению друг к другу являются лишь своеобразными контекстуальными синонимами. Таковы например, глаголы *(не)знать* и *(не)видеть*, сопровождающие фразеологизм *ни аза в глаза*.

По составу фразеологического окружения известным образом можно судить о явлениях синонимии и отчасти омонимии в кругу фразеологических единиц. Если одно и то же слово или группа слов одновременно являются обязательным лексическим окружением для двух и более фразеологизмов, то между последними нередко устанавливаются синонимические отношения. Например, слова *беречь* и *хранить* одновременно сопровождают фразеологизмы *пуще глаза* и *как зеницу ока*. Эти фразеологизмы синонимичны между собой. Ср. также: *ни аза в глаза* и *ни в зуб ногой* не смыслить, не понимать, не знать, не разбираться; *бежать, мчаться во все лопатки, во весь дух, что есть духу, очертя голову*; *кричать, горланить, орать во всю ивановскую, во все горло* и т. п.

В силу полисемии одно и то же слово-сопроводитель в разных значениях может вступать в синтагматическую связь с различными фразеологизмами. В таком случае в синонимические ряды объединяются лишь такие фразеологизмы, которые встречаются при одном и том же значении многозначного слова. Если это условие не выдержано, то между собой в синонимических отношениях соответствующие фразеологизмы не находятся. Например, слово *жить* в разных значениях сопровождает разные фразеологизмы: *жить* ('находиться, пребывать где-либо') *у черта на куличках*; *жить* ('находиться в каких-либо отношениях') *душа в душу*; *жить* ('проявлять жизнедеятельность') *своим умом*; *жить* ('кормиться') *на чужой счет*; *жить* ('существовать') *на всем готовом, как у Христа за пазухой, на широкую ногу* и т. д. Между перечисленными фразеологизмами нет синонимической связи, за исключением последнего ряда.

Когда смысловые отношения между словами-сопроводителями резко ослабляются или совсем утрачиваются, создаются предпосылки для возникновения полисемии и омонимии фразеологизмов. Например, фразеологизм *как дважды два (четыре)* сопровождается в речи глаголами *доказать, растолковать* и т. п. и беслично-предикативными словами *ясно, известно, понятно* и др. Поэтому в нем различаются такие значения: 1) 'очень просто (доказать, растолковать и т. п.)'. «(Александра Степановна)

доказала как дважды два четыре, что такая невеста, как Софья Николаевна, — совершенная беда для них» (Акс.); «Яков Ильич как дважды два доказал мне, до чего наивны и вредны эти фантазии» (А. Эртель); 2) 'очень хорошо (ясно, известно, понятно и т. п.)'. «Для меня ясно, как дважды два — авторы прежнего проекта допустили ошибку, рабски поддавшись влиянию авторитетов» (Аж.).

Чем резче отличаются друг от друга по смыслу слова-сопроводители, тем очевиднее семантическое распадение фразеологизма на два или несколько омонимов. Разумеется, здесь возможны переходные случаи от полисемии к омонимии. Так, фразеологизм *во всю мочь* сочетается с глаголами разной семантики *бежать* и *кричать*: «Лошадь бежала во всю мочь» и «Он кричал во всю мочь». Различие в семантике глаголов непосредственно сказывается на смысловой стороне данного фразеологизма. Вследствие этого полисемия здесь тесно соприкасается с омонимией.

Коротко охарактеризуем местоположение фразеологизма по отношению к словам-сопроводителям.

В большинстве случаев фразеологизмы наречного типа следуют за глаголом-сказуемым. Такое местоположение соответствует норме русского литературного языка, согласно которой обстоятельство образа действия, выраженное наречием, не образованным от прилагательного, располагается после глагольного сказуемого.

Следует подчеркнуть, что наречные фразеологизмы, тесно связанные грамматически и по смыслу со своим глаголом-сопроводителем, чаще всего имеют значение меры и степени. Ввиду этого по действующим нормам русского языка они должны были бы стоять перед глаголом-сказуемым. С другой стороны, эти же фразеологизмы по способу образования представляют собой, как правило, разнообразные конструкции из имен существительных с предлогами или без них, а также конструкции из местоимений, числительных, прилагательных с именами существительными же. По этой причине соответствующие фразеологизмы должны занимать по отношению к глаголу-сопроводителю постпозитивное положение.

Итак, по способу образования анализируемые фразеологизмы должны находиться в постпозиции по отношению к своему сопроводителю, а по выполняемой функции — в препозиции.

Препозиция глагола-сопроводителя соответствует местоположению глагольного компонента в структуре глагольных оборотов: *бить баклуши, гонять лодыря, заморить червячка, перели-*

вать из пустого в порожнее, перемывать косточки, чесать язык и т. п.

В нижеследующих фразеологических контекстах, составляющих глагольно-наречный синтагматический ряд, отношение препозиции глагола-сопроводителя к его постпозиции таково: жить *душа в душу* (12 : 0); расти *не по дням, а по часам* (8 : 0); бежать, мчаться *сломя голову* (5 : 0); ходить *стенка на стенку* (4 : 0); чувствовать себя *как дома* (4 : 0); бежать *во весь дух* (6 : 2); ругать, божиться *на чем свет стоит* (4 : 1); идти, убираться *на все четыре стороны* (5 : 1) и т. д.

Итак, слова-сопроводители обычно находятся в препозиции по отношению к сопровождаемому фразеологизму. Но вполне возможна и инверсия, которая связана с «актуальным» употреблением переставленного члена синтагматического ряда. Например, допустимо сказать бежать *во весь дух* и *во весь дух* бежать; жить *душа в душу* и *душа в душу* жить; беречь *как зеницу ока* и *как зеницу ока* беречь; обещать, сулить *золотые горы* и *золотые горы* обещать, сулить.

Сравните, например: «Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса ... и пустился во весь дух» (Л); но: «Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать — и в три минуты очутился у заветного дерева» (П).

Довольно редко наблюдается фиксированная позиция слов-сопроводителей: день *открытых дверей*, денег *куры не клюют* и под.

Между словами-сопроводителями и сопровождаемым фразеологизмом возможна вставка других слов. В абсолютном большинстве случаев здесь отмечается контактная связь.

Это обстоятельство объясняется рядом причин. Во-первых, слова-сопроводители вместе с сопровождаемым фразеологизмом образуют одну сказуемую группу, один синтагматический ряд (чаще всего глагольно-наречный).

Во-вторых, глаголы-сопроводители во многих случаях по своей семантике являются непереходными. Сюда относятся прежде всего глаголы перемещения типа бежать, мчаться, скакать *во весь дух, слomia голову*; идти, двигаться *семимильными шагами*; глаголы состояния и существования: жить *душа в душу*, спать *мертвым сном*, почитать *сном праведника*, уставать *как собака*, сидеть *как на иголках*; глаголы, обозначающие звуковые и зрительные восприятия: кричать *во всю ивановскую, во весь голос, не своим голосом*; смотреть *во все глаза, другими глазами* и др.

Разумеется, непереходные глаголы-сопроводители в основном теснее связаны с сопровождаемым фразеологизмом, чем переходные, которые легко сочетаются не только с фразеоло-

гизмом, но и с управляемым существительным в винительном падеже. Например: «Старуха сидит под окошком, На чем свет стоит мужа ругает» (П.); «Оля пропустила оскорбление мимо ушей» (Кат.); «Вы будете правы, если выгоните меня в три шеи» (Д. и Ч.).

Следует отметить, что и прямое дополнение, выраженное именем существительным или местоимением, нередко помещается перед глаголом-сопроводителем, к которому это дополнение относится. Например, при образовании *знать как (свои) пять пальцев* в шести случаях из восьми нам встретилось дополнение перед глагольным сказуемым *знать*. Подобное явление можно наблюдать и при фразовом образовании *не знать ни аза в глаза*.

Наконец, в-третьих, фразеологизмы рассматриваемого типа имеют связанное значение и потому стремятся вступить в контактную связь с сопровождающим словом.

Отмечаются случаи, когда слова-сопроводители вместе с сопровождаемым фразеологизмом образуют самостоятельное предложение. На уровне предложения, если оно не является пословично-поговорочным выражением, грамматическая пронизуемость выражена наиболее отчетливо, так как вокруг каждого грамматического центра группируется свой состав из слов свободного употребления, например: «Разумихин был в необыкновенном возбуждении... как будто все выпитое вино вновь, разом и с удвоенною силой, бросилось ему в голову» (Д.).

Итак, чем закреплённое порядком слов-сопроводителей, тем большей грамматической непроницаемостью обладает такая конструкция. Например, явление грамматической непроницаемости характерно для таких устойчивых образований, как *кто, что, какой, куда, откуда, где ни на есть; день открытых дверей* и др.

Некоторые глаголы из обязательного лексического окружения могут подвергаться эллипсису. Это явление наблюдается тогда, когда фразеологизм в семантическом и отчасти в грамматическом отношении возмещает опущенный глагол-сопроводитель. В аналогичных случаях фразеологизм обнаруживает определенную самостоятельность по отношению к своему сопроводителю. Можно, например, указать на фразеологизмы *на ночь глядя* и *идти и ни в какую* не соглашаться. Названные фразеологизмы, оторвавшись от своих слов-сопроводителей, перестали быть обстоятельствами и заняли позицию сказуемого. «Приглянулась Наталья, стал ее сватать. Она же ни в какую» (Арам.); «Лоцман взволновался, стал улаживать демидовского доверенного, но тот нахмурился — и ни в какую» (Е. Фёд.); «Все красдонцы по домам, а я к одному старшему лейтенанту,

командиру роты, — прошу зачислить меня... Бойцы смеются, а он — ни в какую» (Фад.).

Опущение глагола-сопроводителя возможно лишь в том случае, когда этот глагол в смысловом отношении уступает сопровождаемому фразеологизму. Те же фразеологизмы, которые требуют обязательного раскрытия своего содержания через глагол-сопроводитель, естественно, лишены самостоятельного (безглагольного) употребления. Так, например, лишены безглагольного, а потому и сказуемого употребления такие фразеологизмы, как *красной нитью проходить, проводить; на произвол судьбы оставлять, пускать, бросать; на широкую ногу жить; не за страх, а за совесть работать; стенка на стенку ходить* и др.

В редких случаях возможен пропуск глагольного компонента в фразеологизмах типа *взять за бока, пойти в огонь и в воду* и т. д. Например, фразеологизм *поворачивать оглобли назад* 'уходить ни с чем, отправляться обратно' может употребляться и без глагольного элемента. Компонент *поворачивать* является составной частью фразеологизма, а не сопроводителем. Во-первых, разбираемый фразеологизм может быть употреблен без наречного компонента. Например: «А ты умно тогда сделал, что оглобли-то поворотил» (М.-П.); «Если барыня не идет, а плывет как пава, то поворачивай оглобли: она накормит, утешит, но непременно возьмет под башмак» (Ч.). Опущение наречного компонента было бы невозможным, если бы глагол *поворачивать* выступал в качестве слова-сопроводителя. Во-вторых, этому фразеологизму может быть противопоставлено переменное словосочетание такого же лексического состава. В переменном словосочетании глагол *поворачивать* является переходным и употребляется в значении 'изменять направление движения кого-, чего-либо': «Кучер повернул лошадей при спуске», «Лодочник повернул лодку в нужном направлении». В противоположность этому данный фразеологизм является непереходным и имеет иное значение и иную сочетательную способность. В-третьих, общее значение фразеологизма может быть передано глаголом или глагольным словосочетанием; причем эта категория процессуальности прежде всего предсказывается глагольным компонентом, а не наречным.

Все сказанное свидетельствует о том, что по одному окружению не всегда можно определить истинные границы фразеологизма.

Слова из обязательного лексического окружения могут с течением времени резко изменять свою семантическую сферу. Так, в XVIII в. наречный фразеологизм *благим матом* нормативно употреблялся как при глаголах речи, так и при глаголах

движения. В зависимости от этого он имел два разных значения — 1) 'громко' и 2) 'очень быстро', например: 1) «И так как скоро он (переодетый в девочку мальчик) вошел, то я закричала благим матом: «Голубушка моя, каким это образом я вижу тебя здесь, разве матушка сюда приехала?» (Чулк.); 2) «Тогда госпожа схватила с ноги башмак и не преминула бы разбить оным у бедной мусы ящик с разумом, если бы сия благим матом не убралась со двора» («Живописец»); «Бездельница одна маленькая девчонка, случившаяся тогда на улице, благим матом побежала в хоромы и рассказала все дело находящимся там женщинам и старушкам» (Бол.); «Анюта-то прибежала благим матом к нам в спальню, мы с ней подняли мать твою с полу и положили на постель» (Изм.). В современном русском языке этот фразеологизм нормативно сочетается только с глаголами речи.

Возможно и обратное явление. Фразеологизм *по самые уши*, судя по литературным источникам XVIII в., имел узкое контекстное окружение, сочетаясь лишь с глаголом совершенного вида *влюбиться*. По мере приближения к нашему времени связь этого фразеологизма с другими словами явно расширяется, например: «[Андрей:] Так, он в нее по уши влюбился! ха, ха, ха! На скромницу же он нашел!» (Кр.); «Однажды Мушку он увидел молодую... Увидел, — изумился, Глазами засверкал И по уши в нее влюбился На старости мой черный Кот» (Изм.); «Черт меня возьми, если я не по уши был влюблен в свою Анюту!» (Кар.); «[Волдырев:] Какое же это дело? [Болтай:] Женитьба на богатой красоточке, которая в меня по уши влюбилась, а потому и я ее должен любить» (Кн.) и др. Но: «[Иванов:] Я поддался слабодушию и по уши увяз в этой гнусной меланхолии» (Ч.); «[Копров:] Объяснять вам, как я ошибся в расчетах, как запутались дела мои, как влез по уши в долги, — это было бы и скучно и едва ли понятно для вас» (Остр.); «Равнодушным тоном она сказала ему вслед: — Я сыта... по уши сыта» (Боб.); «Ты обожди, приглядишь сперва, как живем. Мы тут по самые уши в нужде» (Кож.).

В толковых словарях русского языка слова из обязательного лексического окружения отражаются крайне непоследовательно. В одних словарях слова-сопроводители рассматриваются как составная часть фразеологизма, в других словарях эти слова не вводятся в состав фразеологизма.

Итак, между словами-сопроводителями и собственно фразеологизмом обнаруживается тесная смысловая и грамматическая взаимозависимость. Это обстоятельство непосредственно сказывается на грамматических и лексических свойствах как слов-сопроводителей, так и сопровождаемых фразеологизмов. Создается единство, члены которого взаимозависимы и ограничены

в выборе. Так, с одной стороны, слова-сопроводители лексически и грамматически самостоятельны, так как выполняют номинативную функцию и являются членами предложения. С другой стороны, фразеологизмы предсказывают наличие строго определенных слов-сопроводителей и нередко ограничивают варьирование их грамматических форм и выбор словесного ряда. Иначе говоря, активное начало исходит не только от слов-сопроводителей, но и от сопровождаемых фразеологизмов.

§ 29.

Управление при глагольных фразеологизмах

Фразеологизмы русского языка, как и лексические единицы, вступают в структурную связь с различными словами в системе языка.

Структурная связь фразеологизмов со словами свободного употребления особенно ярко проявляется в области управления, причем управляемые формы слов составляют особую разновидность окружения. Под управлением, как известно, понимается такая подчинительная связь между словами, при которой зависимое существительное (или другое какое-либо субстантивированное слово) становится по требованию грамматически господствующего слова в определенном падеже «и при этом создаются отношения объектные или восполняющие» [87, с. 25; 70, с. 284—292].

Управлением обладают не только лексические единицы, но и фразеологизмы, преимущественно глагольного типа. Глагольные фразеологизмы, как и обычные глаголы, могут иметь беспредложное и предложное управление. Соответственно ср.: *втирать очки* (кому), *втоптать в грязь* (кого), *ставить на карту* (что) и *высосать соки* (из кого), *махнуть рукой* (на кого, на что), *набить руку* (в чем) и т. д.

Глагольным фразеологизмам присуще сильное и слабое управление. При сильном управлении между падежной формой существительного с предлогом или без него и семантически реализуемым фразеологизмом устанавливается необходимая, принудительная связь. Наиболее сильным управлением обладают фразеологизмы, которые в свойственном им значении не употребляются самостоятельно. Естественно, что сильноуправляющие фразеологизмы характеризуются конструктивно обусловленным типом значения.

Например, сильное управление присуще глагольному фразеологизму *вить веревки* (из кого) ‘самовластно распоряжаться слабым, безвольным человеком’. Этот фразеологизм сам по себе лексически неполнозначен и потому вне управляемого существи-

тельного (или другого субстантивированного слова) с семантикой лица не реализуется.

В области сильного управления в первую очередь выделяются падежные и предложно-падежные формы с объектным значением, куда относятся:

а) сильноуправляемые формы существительных (или субстантивированных слов) в винительном падеже без предлога или с предлогом: *без ножа резать* (кого), *вогнать в гроб* (кого), *водой не разольешь* (кого), *мерить глазами* (кого), *мерить на свой аршин* (кого, что), *носить на руках* (кого), *по губам мазать* (кого), *положить под сукно* (что), *пускать по миру* (кого), *разбирать по косточкам* (кого, что), *разделявать под орех* (кого, что), *рвать на части* (кого), *сажать на мель* (кого), *сажать на хлеб и воду* (кого), *сбывать с рук* (кого, что), *склонять во всех падежах* (кого), *смывать кровью* (что), *сравнивать с землей* (что), *стереть в порошок* (кого), *стереть с лица земли* (кого) и др.; *лить кровь* (за кого, за что), *марать руки* (об кого, обо что), *молить бога* (за кого), *смотреть сквозь пальцы* (на что), *совать свой нос* (во что), *стоять горой* (за кого, за что) и т. д.;

б) сильноуправляемые формы существительных (или субстантивированных слов) в дательном падеже без предлога или с предлогом: *влезать в душу* (кому), *вправлять мозги* (кому), *капать на мозги* (кому), *морочить голову* (кому), *пересчитать ребра* (кому), *подставлять ножку* (кому), *пускать пыль в глаза* (кому), *садиться на шею* (кому), *связывать руки* (кому), *смотреть в зубы* (кому), *становиться на горло* (кому) и др.;

в) сильноуправляемые формы существительных (или субстантивированных слов) в родительном падеже: *вить веревки* (из кого), *не помнить себя* (от чего), *проходить мимо* (чего), *сорвать маску* (с кого), *спустить шкуру* (с кого), *стоять за спиной* (у кого), *с ума сходить* (от кого, от чего), *тянуть жилы* (из кого), *шубы не сошьешь* (из чего) и т. д.; *лить воду на мельницу* (кого, чью), *разбить лед* (чего), *шагу ступить нельзя* (без кого, без чего) и под.;

г) сильноуправляемые формы существительных (или субстантивированных слов) в творительном и предложном падежах: *ломать голову* (над чем), *ломать зубы* (на ком, на чем), *ломать шапку* (перед кем), *рассыпаться мелким бесом* (перед кем), *сломать себе шею* (на чем), *ставить крест* (на ком, на чем), *ставить на одну доску* (с кем, с чем) и под.

Характер управления рассматриваемых фразеологизмов определяется их структурой. Так, если глагольный фразеологизм образован по модели «гл. + сущ. в вин. п. без предлога», то такой фразеологизм объективно не способен управлять винительным беспредложным, ибо соответствующая подчинительная связь генетически оказывается осуществленной внутри самого фразео-

логизма. Вот почему винительным беспредложным управляют глагольные фразеологизмы, образованные по модели «гл. + сущ. с предлогом». Ср., с одной стороны: *веревки вить* (из кого), *вправлять мозги* (кому), *лизать пятки* (кому, у кого), *лить кровь* (за кого, за что), *ломать голову* (над чем), *ломать зубы* (на чем), *ломать шапку* (перед кем), *марать руки* (об кого, обо что), *подложить свинью* (кому), *развязать руки* (кому), *спустить шкуру* (с кого), *ставить крест* (на ком, на чем) и т. д., но, с другой стороны: *выбросить на улицу* (кого), *выводить в люди* (кого), *мерить на свой аршин* (кого, что) *носить на руках* (кого), *пускать по миру* (кого), *разбирать по косточкам* (кого), *рвать на части* (кого), *сажать на хлеб и воду* (кого), *сбивать с рук* (кого), *склонять во всех надеждах* (кого), *сровнять с землей* (что), *ставить в пень* (кого), *ставить на карту* (что), *стереть в порошок* (кого) и т. д.

Фактический материал показывает, что сильное управление присуще прежде всего таким глагольным фразеологизмам, которые управляют падежными формами существительного (или субстантивированного слова) с объектным значением. При этом сила управления не зависит от того, каким конкретно падежом управляет тот или иной фразеологизм. Такие, например, фразеологизмы, как *веревки вить* (из кого), *водить за нос* (кого), *лить кровь* (за кого, за что), *смотреть сквозь пальцы* (на кого, на что), *стереть в порошок* (кого) и др., управляют разными падежными формами, но обладают приблизительно одинаковой силой управления, так как вне управляемых слов соответствующие фразеологизмы не употребляются в речи, например: «[Старик:] Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы» (П.); «Катерина Архиповна, смотревшая сначала сквозь пальцы на сближение молодых людей, начала супиться и сделалась к офицеру очень суха» (Пис.) и др.

Нередко глагольный фразеологизм вступает в такие подчинительные отношения с другими словами, в которые не способен вступить ни один из его компонентов, взятых на правах самостоятельного слова вне фразеологизма. В подобных случаях фразеологизм совпадает в отношении управления со своим глаголом-идентификатором, т. е. смысловым эквивалентом. Например, глагольный фразеологизм *вставлять палки в колеса* управляет дательным падежом существительного (или субстантивированного слова) со значением лица. В свободном словосочетании глагол *вставлять* означает 'ставить что-либо внутри чего, помещать'. В этом значении глагол *вставлять* не управляет дательным падежом со значением лица. Отсюда можно заключить, что фразеологизм приобретает новое управление, чуждое упомянутому глаголу. Дательным падежом управляют глаголы *мешать*, *препятствовать* и под., являю-

щиеся смысловым эквивалентом соответствующего фразеологизма.

Еще один пример. Фразеологизм *держат камень за пазухой* управляет родительным (против кого) и винительным (на кого) падежами существительного со значением лица. Этот фразеологизм, подобно предыдущему, образовался вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического наполнения. В составе переменного словосочетания управляющий глагол *держат* имеет значение 'взяв в руки (в зубы, в рот и т. п.), ухватив за что-нибудь, не давать выпасть, вырваться'. В таком значении этот глагол не способен управлять указанными предложно-падежными формами существительного со значением лица. Рассматриваемый фразеологизм управляет аналогично словам, посредством которых можно передать его содержание. Ср.: *держат камень за пазухой* (против кого) и *таить злобу* (против кого) — при невозможности сказать *держат* (против кого).

Только что описанные свойства характерны и для таких глагольных фразеологизмов, как *втирать очки* (кому), *загнуть салазки* (кому), *закрывать глаза* (на что) (ср.: не обращать внимания (на что)), *ломать голову* (над чем) (ср.: усиленно думать (над чем)), *ломать копы* (из-за кого, чего) (ср.: бороться (за что-либо)), *ломать шапку* (перед кем) (ср.: униженно раскланиваться (перед кем)), *набить руку* (в чем) (ср.: приобрести опыт, сноровку (в чем-либо)), *съесть собаку* (в чем, на чем) (ср.: натереть (в чем-либо, хорошо разбираться в чем-либо) и т. д.

Глагольный фразеологизм может управлять той же падежной формой, что и глагол свободного употребления, совпадающий в звуковом отношении с глагольным компонентом. Но если глагол в определенном значении может управлять несколькими падежными формами, то глагольный фразеологизм обычно управляет лишь одной из возможных форм.

Например, глагольный фразеологизм *смотреть сквозь пальцы* (на кого, на что) 'не обращать внимания на кого, на что' образовался в результате метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического состава. В соответствующем переменном словосочетании глагол *смотреть* употребляется со значением 'направлять взгляд на кого-, что-либо или куда-либо'. В этом значении данный глагол управляет разными падежными формами. Кроме винительного падежа с предлогом *на*, глагол *смотреть* может управлять: а) винительным с предлогом *в* (ср.: смотреть в окно, в зеркало); б) винительным с предлогом *в* + дательный (ср.: смот-

реть в глаза собеседнику); в) винительным с предлогом *в* + винительный с предлогом *на*; г) винительным + предложный с предлогом *в* (ср.: смотреть товарища в толпе); д) творительным с предлогом *за* (ср.: смотреть за каждым шагом) и т. д.

Глагол *махать* 'делать взмахи, движения по воздуху чем-либо' по сравнению с глагольным фразеологизмом *махать рукой* (на кого-либо) 'перестать обращать внимание на кого-, что-либо', кроме винительного с предлогом *на*, может управлять дательным падежом (ср.: махать платком кому-либо).

Таким образом, глагольный фразеологизм в определенном значении обычно имеет тенденцию управлять минимальным количеством словоформ. Этим он существенно отличается от соответствующих глаголов свободного употребления.

Различия в характере управления между глагольным фразеологизмом и глаголом зависят и от семантики управляемых слов. Так, во многих случаях управляемое существительное при глагольном фразеологизме выступает лишь со значением собственно лица или отвлеченного предмета, в то время как соответствующее сильноуправляемое существительное при глаголе свободного употребления имеет семантику неодушевленного предмета. Например, фразеологизм *заткнуть за пояс* (кого) 'превзойти кого в чем-либо' управляет винительным падежом существительного с семантикой лица или отвлеченного предмета, тогда как глагол *заткнуть* 'засовывать какой-либо предмет за что-либо' управляет винительным падежом существительного с семантикой конкретного предмета. Ср., например: «(Иван), подкатив к вокзалу, привязал лошадь и, заткнув за пояс кнут, поместился на платформе в ожидании поезда» (Усп.), но: «Если бы одеть его (работника Петра) в новый жупан, затянуть красным поясом, надеть на голову шапку... то заткнул бы он за пояс всех парубков тогдашних» (Г.).

Ср. также: *стереть в порошок* (кого) — фразеологизм, но: *стереть в порошок* (что) — свободное словосочетание; *строить на песке* (что) — фразеологизм, при котором сильноуправляемое существительное выступает с семантикой отвлеченного предмета (*строить теорию на песке*) и *строить на песке* (что) — свободное словосочетание такого же лексического состава, при котором сильноуправляемое существительное выступает с семантикой конкретного предмета (*строить на песке дом*) и т. д.

И в тех случаях, когда фразеологизм обладает самостоятельным управлением, чуждым соответствующему глаголу свободного употребления, и тогда, когда сильноуправляемые

формы с объектным значением не совпадают в семантическом отношении с сильноуправляемыми формами при таком глаголе, — всюду фразеологизм проявляет себя как самостоятельная единица языка, наделенная целостным значением и соотносительная со словом. Во всех этих случаях целостность семантики берет верх над семантической раздельностью компонентов.

Возможны случаи, когда глагольный фразеологизм управляет теми же падежными формами, какими управляет и глагол в составе свободного словосочетания. Так, фразеологизм *носить на руках* (кого) 'высоко ценить, дорожить кем-либо' управляет винительным падежом существительного с семантикой лица. В составе свободного словосочетания *носить на руках* глагол *носить* ('взяв в руки, перемещать вместе с собой кого-либо') также управляет винительным падежом с семантикой лица: «Он носит на руках ребенка». Если допустить, что глагол *носить* в этом значении полностью совпадает со стороны управления с глагольным фразеологизмом, то и тогда между ними наблюдается существенное расхождение. Дело в том, что в подчинительные отношения с другими словами вступают, по существу, не сами по себе компоненты, а фразеологизм в целом: способностью управлять наделены, как известно, слова, обладающие определенным и притом более или менее самостоятельным лексическим значением. В противоположность этому компоненты в составе рассматриваемого фразеологизма семантически преобразованы, так что теряют ранее присущее им лексическое значение и не могут сочетаться со словами свободного употребления.

Одним словом, глагол *носить* и глагольный компонент *носить* прежде всего не соотносительны между собой в семантическом отношении: глагол *носить* имеет свое лексическое значение и ввиду этого является самостоятельным членом предложения; глагольный компонент *носить* лишен семантической самостоятельности, его значение как бы растворено в целостном значении фразеологизма.

Следовательно, налагаемые фразеологизмы выступают по отношению к словам внешнего контекста как семантически целостная, неделимая единица языка. Отсюда связь отдельно взятого компонента фразеологизма с другими словами предложения носит сугубо формальный характер. Под формальной связью условимся понимать чисто грамматическую связь, возникающую между управляющим компонентом и управляемым словом и не затрагивающую смысловой стороны управляющего компонента.

В связи с этим нельзя не согласиться с В. Л. Архан-

гельским, который, касаясь фразеологизмов типа *искры посыпались из глаз* (у кого), делает предположение, что «вся открытая фраза включается в отношении детерминации к свободному члену, но ни один из членов открытой фразы в отдельности: у Иванова (искры из глаз посыпались). Иванову (небо в овчинку показалось)» [6, с. 199]. В этом В. Л. Архангельский усматривает ограничение в синтаксической сочетаемости.

В отдельных случаях сильноуправляемой или сильнопримыкаемой связью охвачены и некоторые формы с пространственно-обстоятельственным значением. Таков, например, глагольный фразеологизм *найти себе могилу* (где) (ср. также: *совать свой нос* (куда): «Немцы нашли себе могилу под Сталинградом» или «Себе иль князю Измаилу Клялся я здесь найти могилу» (Л)). Этот фразеологизм реализует свое значение лишь в сочетании с обстоятельством места.

В противоположность этому связь между обычным глаголом *найти* в смысле 'отыскивать, обнаруживать кого-, что-либо' и обстоятельственным словом с пространственным значением не является необходимой для реализации значения этого глагола. Ср.: «Он нашел нужную книгу в магазине» и «Он нашел нужную книгу».

Впрочем, здесь наблюдается промежуточный случай между сильным управлением и сильным примыканием. Дело в том, что падежные и предложно-падежные формы существительных в русском языке нередко переходят в наречия. По мере перехода существительных в наречия границы между этими видами связи становятся все более неопределенными и зыбкими.

Глагольные фразеологизмы, как и обычные глаголы, могут управлять одним или двумя падежами сразу. Подавляющая часть глагольных фразеологизмов управляет одной падежной формой. Лишь сравнительно немногие глагольные фразеологизмы типа *не детей крестить* (кому с кем), *колоть глаза* (кому чем), *открывать глаза* (кому на что), *совать под нос* (кому что), *ставить на одну доску* (кого с кем) и под. обладают двойным управлением. «Мне вдруг захотелось оставить эту грязную атмосферу, предварительно открыв графу глаза на всю мою к нему безграничную антипатию» (Ч.); «За какую вину меня на одну доску с Зубиным ставите?» (Ф.) и др.

Нетрудно заметить, что глагол *открывать* в составе свободного словосочетания *открывать глаза* употребляется в значении 'разворачивать, разгибать сложенное, согнутое, размыкать сомкнутое'. В указанном значении этот глагол соче-

тается с существительным в винительном падеже и не нуждается в каких-либо иных определителях. Иначе говоря, фразеологизм по сравнению с глаголом обладает своим, особым, специфическим управлением.

Отмечаются случаи, когда в формально-грамматическую связь с другими словами предложения вступает не только стержневой компонент фразеологизма, но и другие его компоненты, например: *вешаться на шею* (кого, кому), *на совести* (у кого, чьей) *лежит* (что), *смотреть* (на что) *из* (чьих, каких) *рук*, *ставить* (что) *на службу* (чему), *от сердца* *отошло* (чьего, у кого), *свистеть в кармане* (у кого, чьем), *сидеть на шее* (чьей, у кого) и т. п.

В подчинительные отношения с другими словами может вступать иногда не стержневой, а лишь зависимый компонент фразеологизма: *пройти мимо* (чего), *разбивать лед* (чего или между кем), *стоять поперек пути* (кому) и т. д.

Связь между нестержневым компонентом фразеологизма и словами свободного употребления носит сугубо формальный характер и не затрагивает смысловой стороны управляющего компонента. Так, фразеологизм *разбивать лед* 'устранять натянутость в отношениях между кем-либо' может управлять родительным падежом существительного с семантикой отвлеченного предмета. В противоположность этому слово *лед* 'замерзшая вода' может сочетаться с родительным падежом существительного, обозначающего конкретный предмет. Ср.: *разбить лед* молчания, но: *разбить лед* реки.

Итак, глагольный фразеологизм с целостным значением независимо от силы и характера управления выступает по отношению к другим словам контекста как неделимое целое, так что грамматически господствующий и нестержневой компоненты лишь формально связаны со словами свободного употребления. Естественно думать, что по мере усиления семантической самостоятельности компонентов грамматическая связь последних с другими словами постепенно принимает более реальный характер, становится менее формальной.

Управление при глагольных фразеологизмах рассматриваемого типа следует отличать от управления при так называемых описательных глагольно-именных выражениях, которые являются особой разновидностью фразеологических сочетаний [78, с. 51].

В составе подавляющего большинства глагольных фразеологизмов доля участия каждого компонента в формировании их целостного значения приблизительно одинаковая, а стержневой компонент служит лишь для выражения общей идеи глагольности.

В описательных же оборотах каждый компонент располагает минимальной ясностью значения и, следовательно, обладает самостоятельной силой управления. Так, в составе описательного оборота *совершить нападение* 'напасть' слово *нападение* имеет свое самостоятельное лексическое значение и управляет аналогично глаголу *напасть* 'набрасываться на кого-, что-нибудь с враждебной целью'. Например, в предложении: «22 июня 1941 года фашистская Германия совершила вероломное нападение на СССР» управляемая предложно-падежная группа *на СССР* непосредственно относится не ко всему обороту, а лишь к отглагольному существительному *нападение*. Формальным подтверждением сказанному служит то, что предлог и падеж управляемого существительного зависят от лексического значения, вносимого глагольной приставкой *на-*; ср.: «*напасть на* + сущ. в вин. пад.» и «*нападение на* + сущ. в вин. пад.»¹.

Многие глагольные фразеологизмы имеют слабое управление, причем слабоуправляемые формы слов выступают с объектным и неobjектным значением. Провести какую-либо четкую грань между сильным и слабым управлением затруднительно. Не случайно А. М. Пешковский считал, что между слабым и сильным управлением «столько же промежуточных пунктов, сколько точек в линии» [70, с. 288]. Бесспорно лишь то, что слабым управлением обладают фразеологизмы, которые употребляются абсолютивно и не нуждаются в каких-либо определителях.

Способность фразеологизмов управлять другими словами во многом определяется конструктивными свойствами господствующего компонента. Так, если стержневой компонент исчерпал свои конструктивные возможности внутри самого фразеологизма, а сам по себе фразеологизм не располагает своим специфическим управлением, то такой фразеологизм объективно не способен управлять другими словами. Эту общую закономерность иногда можно связать с компонентным составом фразеологизма. Чем многочисленнее фразеологизм, тем больше вероятность того, что все формальные связи окажутся реализованными внутри фразеологической единицы. Правда, эта чисто эмпирическая зависимость постоянно уточняется, корректируется «валентностью» опорного компонента, его сочетательными способностями.

В области слабого управления выделяются падежные и предложно-падежные формы с неobjектным и объектным

---

¹ О том, как приставки при отдельных глаголах определяют выбор предлога, см. [53, с. 46—63; 80, с. 31].

значением. Среди форм с необъектным значением можно, например, встретить слабоуправляемые формы со значением причины: *рвать и метать* <от чего, с чего>¹, *рвать на себе волосы* <из-за чего> и формы с пространственным значением: *месить грязь* <где>, *сложить голову* <где>, *слоны слонять* <где> и др. Если считать, что в сочетаниях типа *месить грязь по (на) улице* предложно-падежная группа *по (на) улице* является примыкающей, а неуправляемой, то и тогда соответствующая группа будет примыкать не к именному компоненту, а ко всему фразеологизму. Короче говоря, в пределах фразеологизма невозможно то переразложение связей, которое наблюдается в составе трехчленного или многочленного словосочетания переменного типа. Имеются в виду соотношения типа *увидеть человека в шляпе* и *человек в шляпе* [106, с. 23–32, 74–94].

Чаще, однако, среди слабоуправляемых форм встречаются падежные и предложно-падежные формы с объектным значением. Вот некоторые из них: *без мыла лезть в душу* <кому>, *лезть в глаза* <кому>, *мутить воду* <кому>, *раскрывать карты* <кому, перед кем>, *резать глаза* <кому> и т. п.; *метать гром и молнию* <против кого>, *расхлебывать кашу* <за кого>, *судить да рядить* <о ком, о чем> и др.

Во фразеологизме может быть закреплена и нетипичная связь компонентов. Таков, например, фразеологизм *танцевать от печки* 'начинать с чего-либо привычного'. Этот фразеологизм исторически возник из переменного словосочетания такого же состава, в котором слово *танцевать* означает 'исполнять танец' и обычно соединяется в этом значении с существительным в винительном падеже (ср., например: *танцевать вальс, польку, танго* и т. п.). Фразеологизм *танцевать от печки* реализует свое значение без управляемых существительных, т. е. употребляется абсолютно. Это обстоятельство свидетельствует о том, что и чисто формальная связь стержневого компонента с другими словами регулируется общим значением фразеологической единицы.

Как уже отмечалось, довольно часто возможные связи компонентов оказываются уже реализованными внутри самого фразеологизма. Подобные фразеологизмы употребляются абсолютно, если, разумеется, они не выработали способность управлять такой падежной формой, которой не может формально управлять ни один из составляющих компонентов.

К числу фразеологизмов, употребляющихся абсолютно, можно, например, отнести следующие: *в мутной воде рыбу*

---

¹ Угловыми скобками условно обозначены слабоуправляемые связи.

ловить, выносить сор из избы, держать камень за пазухой, держать язык за зубами, лезть из кожи вон, ломиться в открытую дверь, метать бисер перед свиньями, менять кукушку на ястреба, молотить рожь на обухе, переливать из пустого в порожнее, подливать масло в огонь, попасть пальцем в небо, пройти огонь, воду и медные трубы, садиться в галошу, срывать цветы удовольствия, стоять одной ногой в могиле и т. д. Легко заметить, что перечисленные фразеологизмы имеют многочисленную структуру.

У некоторых фразеологизмов рассматриваемого типа возможен пропуск какого-либо компонента. Фразеологизм с пропущенным компонентом требует для реализации своего значения постановки зависимого слова в том падеже, в котором стоял опущенный компонент. Таким образом, один и тот же фразеологизм при наличии всех компонентов употребляется абсолютно, а при отсутствии какого-либо компонента приобретает сильноуправляемую связь. Ср.: *метать бисер перед свиньями*, но: *метать бисер* (перед кем). например: «Первый признак умного человека — с первого взгляда знать, с кем имеешь дело и не метать бисера перед Репетиловыми и тому подобн.» (П.).

Способность к сильному или слабому управлению преимущественно развита у глагольных фразеологизмов. Лишь в единичных случаях этой способностью наделены и некоторые фразеологизмы, втягиваемые в круг предикативов. Так, фразеологизм *(не) с руки* (кому что) 'не подходит, приходится некстати (кстати) что-либо' в силу своего значения управляет формой дательного падежа, причем ни предлог *с*, ни слово *рука* в любом из своих значений не управляют названной словоформой.

Способностью управлять обладают также и некоторые другие фразеологизмы, образованные из предложно-падежных сочетаний: *(быть) в лапах* (кого), *(быть) как без рук* (без кого, без чего), *на руку* (кому), *(не) в ладу* (с кем, с чем), *(не) к лицу* (кому что), *с легкой руки* (кого) и др.

Фразеологизм, подобно лексической единице, может не только управлять словом, но и быть управляемым. Правда, не все субстантивные фразеологизмы выступают в качестве управляемых единиц. Здесь можно наблюдать такую зависимость: чем характернее функция сказуемого для субстантивного фразеологизма, тем, естественно, менее вероятна возможность употребления таких фразеологизмов в качестве управляемых единиц, и наоборот.

Теоретически многие субстантивные фразеологизмы, не закрепившиеся в функции сказуемого, могут употребляться

в качестве управляемых единиц во всех косвенных падежах. В действительности же фразеологизмы субстантивного характера встречаются лишь в отдельных падежных формах. Судя по имеющимся данным, разбираемые фразеологизмы почти не встречаются в дательном падеже и крайне редко употребляются в предложном. Напротив, чаще всего они функционируют в формах именительного и творительного падежей.

Невозможность, или ограниченность употребления фразеологизма в том или ином падеже вызваны в конечном счете семантикой управляемого фразеологизма. Например, недопустимо употреблять многие субстантивные фразеологизмы, обозначающие неодушевленный предмет, в дательном адресата, так как в этой падежной форме может быть употреблена лишь словарная единица с семантикой собственного лица.

Управляемые фразеологизмы в возможных падежных формах выступают, как правило, с объектным значением и в редких случаях встречаются с необъектным, обстоятельственным значением. При этом субстантивные фразеологизмы занимают приглагольную позицию и употребляются как в форме родительного и винительного падежей, так и в форме дательного, творительного и предложного¹. Например, фразеологизмы *казанская сирота* и *китайская стена* встречаются с объектным значением в формах винительного и творительного падежей: «Знаем мы вас, казанских сирот! Девку отдал, малого женил, деньги есть» (Бун.); «Ты казанскую сироту из себя не строй!» (Сед.); «[Ераст:] Она у нас сердобольная, чувствительная, так я на жалость ее маню, казанским сиротой прикидываюсь» (Остр.); «Ни посторонний человек, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стену, которую г-жа Ельцова отделила свою Верочку от всего живого мира» (Д. П.); «Не менее горькие сетования часто слышатся и о том, что масса простого народа отделена у нас китайскою стеною от образованных классов общества» (Добр.) и т. д.

Фразеологизмы *белые мухи*, *геркулесовы столбы*, *бабье лето*, *длинный рубль* и некоторые другие выносятся в приглагольную позицию и приобретают в форме родительного и творительного падежей необъектное, обстоятельственное значение. Например: «Зима нас не ждет, она воет, совсем близко...

---

¹ Именительный, винительный и родительный падежи Е. Курилович квалифицирует как грамматические: первичной функцией их является субъектно-объектная; дательный, творительный и предложный падежи рассматриваются им как конкретные: первичной их функцией является обстоятельственная функция. См. [49, с. 201]. О конкретных и абстрактных значениях падежей с точки зрения лексико-семантической сочетаемости см. [80, с. 424 и сл.].

Как бы нам поспеть леса посадить до белых мух» (Баб.); «Мне рассказали историю одного парня, который приехал сюда за длинным рублем. Жажда наживы и скопидомство властвовали над всеми его чувствами» (Нем.) и т. д.

Нельзя не заметить, что синтаксическая связь между управляющим словом и управляемым фразеологизмом является более необходимой, менее свободной, чем связь между управляющим фразеологизмом и управляемым словом.

В заключение необходимо отметить, что слово вступает в подчинительную связь со всем фразеологизмом, а не с каким-либо отдельным его компонентом. В этом убеждает нас характер лексико-фразеологической сочетаемости.

Так, с фразеологизмом *собачья радость* 'низкосортная колбаса' сочетаются слова иного семантического разряда, чем, например, со словом *радость* 'чувство удовлетворения, удовольствия'.

Легко заметить, что с этим фразеологизмом нормативно сочетается имя существительное, обозначающее конкретный неодушевленный предмет (ср.: *бутерброд с собачьей радостью*). В противоположность этому с отвлеченным существительным *радость* сочетаются отвлеченные же существительные, объединенные семантической общностью (ср.: *чувство, ощущение* и т. п. *радости*).

Сравниваемые языковые единицы резко расходятся по характеру своей сочетаемости с глаголом, по-разному распространяются они и прилагательными. Если с фразеологизмом *собачья радость* могут сочетаться, по существу, те же глаголы, что и со словом *колбаса*, то со словом *радость* в общепринятом значении соединяются глаголы иной семантической сферы (ср.: *почувствовать, ощутить, испытать* и т. п. *радость*). Поскольку связь прилагательного с существительным оказывается уже осуществленной внутри самого фразеологизма, то он может соединяться лишь с немногими прилагательными преимущественно местоименного характера. В отличие от этого слово *радость* сравнительно свободно сочетается с целым рядом прилагательных, уточняющих это слово с той или иной стороны (ср.: *неожиданная, внезапная, большая, безмерная, острая, глубокая, захватывающая, живая* и т. п. *радость*).

В принципе любой фразеологизм отличается своими сочетательными способностями от слов, входящих в переменное словосочетание, на базе которого сформировался соответствующий фразеологизм.

Таким образом, не только фразеологизм выступает по отношению к словам внешнего контекста как единое целое, но и слова контекста относятся ко всему фразеологизму, а не

к какому-либо отдельному его компоненту, так что стержневой компонент фразеологизма лишь чисто формально управляет словами или сам ими управляется.

Через управление, посредством которого передаются подчинительные отношения между фразеологизмом и словом, выявляется сложная, противоречивая природа фразеологизма: с одной стороны, фразеологизму присуще целостное значение и ввиду этого он выступает по отношению к другим лексическим единицам в предложении как одно неделимое целое; с другой стороны, фразеологизм имеет расчлененное строение и потому его компоненты в силу, так сказать, грамматической «инерции» стремятся в какой-то мере сохранить сочетательные свойства слов, т. е. былую «валентность». Таким образом, во фразеологизме взаимодействуют и вступают в противоречие аналитические и синтетические силы. Здесь наблюдается типичный случай конфликта старой формы с новым, непривычным ей содержанием.

В предложении фразеологизмы рассматриваемого типа (наречные, глагольные, субстантивные) вместе с относящимися к ним словами свободного употребления составляют предикативную основу и образуют довольно тесное лексико-фразеологическое единство.

§ 30.

Структура предложения с фразеологизмами несобственно глагольного и глагольного типа

В современном русском языке продуктивную группу составляют такие фразеологизмы, которые употребляются в роли сказуемого.

Соответствующие фразеологизмы функционируют в самых разнообразных по структуре предложениях, вступая в грамматическую связь с другими членами предложения. Было бы, однако, неверно думать, что фразеологизмы вводятся во все типы предложения так же легко, как и слова свободного употребления. Фактический материал показывает, что фразеологизмы не так легко приспосабливаются к контексту предложения, оказывают известную семантическую и структурно-грамматическую сопротивляемость другим членам предложения и тем самым влияют на структуру предложения в целом.

Среди фразеологизмов, употребляющихся в значении глагольного сказуемого, отчетливо выделяется два разряда.

К первому из них (непродуктивному) относятся такие обороты, которые обозначают действие или состояние в виде действия, но для выражения этого категориального значения

не располагают необходимыми морфологическими показателями. Сюда входят фразеологизмы несобственно глагольного типа (ср.: *тут как тут*, *и был таков*), полностью или частично утратившие изменяемость.

Во второй разряд (продуктивный) входят обычные глагольные фразеологизмы, в составе которых грамматически главенствующий компонент предсказывает категориальное значение фразеологизма в целом. Особое место среди глагольных оборотов принадлежит таким образованиям, которые допускают пропуск глагольного компонента: (*взять*) *за бока*, (*дать*) *по шапке*, (*поворачивать*) *назад оглобли*, (*пойти*) *в огонь и в воду* и др.

Более подробно остановимся на структуре предложения с фразеологизмами несобственно глагольного типа: *давай бог ноги*, *поминай как звали*, *и был таков*, *ни в зуб ногой*, *ни в какую*, *ни ногой*, *ни с места*, *ноль внимания*, *с копыльев долой*, *тут как тут* и под. Соответствующие фразеологизмы обычно употребляются в составе простого предложения, сравнительно редко входят в состав сложносочиненного и почти вовсе не встречаются в составе придаточной части сложноподчиненного предложения.

Разбираемые фразеологизмы не имеют формальных средств для выражения категорий наклонения, времени, лица и других «форм сказуемости». Лишенные морфологической опоры, эти фразеологизмы не в состоянии заменить глагол ни по количеству и емкости его грамматических категорий, ни по богатству его конструктивных возможностей. Это обстоятельство лишает их возможности функционировать прежде всего в составе придаточной части сложноподчиненных предложений. Так, придаточная времени в современном русском языке благодаря категории вида развила способность вступать в разнообразные временные взаимоотношения с главной частью предложения. Разумеется, ни один из перечисленных выше фразеологизмов не может восполнить с необходимой полнотой глагольное сказуемое, входящее в придаточную времени.

Важной причиной, сдерживающей употребление фразеологизмов в придаточной части сложноподчиненного предложения, является также то, что они, как уже упоминалось, не обладают конструктивной гибкостью глагола, т. е. способностью активно вступать в грамматическую связь с теми членами предложения, которые входят в состав сказуемого.

Возьмем несколько единичных случаев употребления фразеологизмов рассматриваемого типа в составе придаточной части сложноподчиненного предложения: «Алексеев до того глуп, что я больше к нему ни ногой» (Л. Т.); «Поставил мне

Хренов задачу, чтобы я к нему — ни ногой» (М. Г.). Вполне возможен в придаточной части предложения и фразеологизм *ноль внимания*. Например, допустимо сказать: «Он из-за того и рассердился, что (так как) я давно уже на него ноль внимания».

Приведенные здесь фразеологизмы употребляются в придаточной части сложноподчиненного предложения лишь постольку, поскольку они способны распространяться другими словами в роли грамматического дополнения, обстоятельства и т. п. Будучи употребленными самостоятельно, без зависящих от них слов, аналогичные фразеологизмы лишаются синтаксической и смысловой опоры и перестают функционировать в придаточной части сложного предложения. Например, невозможно сказать: «Алексеев до того глуп, что я ни ногой».

Почти не употребляясь в составе придаточной части предложения, анализируемые фразеологизмы, естественно, не обладают и общим грамматическим свойством придаточных — способностью более или менее свободно менять место своего расположения.

Когда речь идет о синтаксическом употреблении фразеологизмов, необходимо учитывать и их смысловую сторону. Например, выражение *и был таков* содержит заметный оттенок действия, ограниченного во времени, и употребляется в тех случаях, когда требуется передать быструю смену событий, поспешное исчезновение кого-нибудь после совершения чего-либо. На смысловую зависимость этого выражения от предшествующего действия указывает также частица *и*, являющаяся составным элементом фразеологизма.

Смысловая несамостоятельность грамматически выявляется и в структуре предложения: этот фразеологизм обычно встречается в простом предложении с однородными сказуемыми глагольного и междометного происхождения. Например: «Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья и был таков» (Л.); «А я — прыг на коня... выскакал на большую дорогу, да и был таков!» (Заг.).

Сходную синтаксическую позицию занимают и такие фразеологизмы, как *давай бог ноги*, *поминай как звали*, *ни с места* и некоторые другие, употребляющиеся в простом предложении с однородными сказуемыми и обычно не имеющие при себе пояснительных слов, например: «Видят хозяева, что за купцом приехали, испугались и давай бог ноги» (Ч.); «Разоружили казака, выбили ему зубы и — поминай как звали» (Н. О.) и т. д.

Подобные фразеологизмы, как правило, стоят после однородных сказуемых, выраженных глаголами в форме совер-

шенного вида. Лишь в единичных случаях эти фразеологизмы могут непосредственно следовать за подлежащим, что резко меняет интонационную структуру предложения, например: «Я давай бог ноги, убежал, не оглядываясь» (Марл.).

Такие фразеологизмы, как *ни ногой*, *ноль внимания*, в функции сказуемого усваивают конструктивно-грамматические свойства своих глаголов-идентификаторов. Например, на месте образования *ни ногой* может быть употреблен глагол *не приду* в форме будущего совершенного, а на месте фразеологизма *ноль внимания* легко подразумевается глагольное словосочетание в форме настоящего несовершенного *не обращаю внимания*. Разумеется, глагол-сказуемое, как наиболее конструктивная категория, свободнее сочетается с различного рода обстоятельствами, чем данные фразеологизмы. Глагольное сказуемое *обращать внимание* может сочетаться с такими обстоятельствами меры, как *совсем*, *вовсе*, *ничуть*, *нисколько*, *никак*, *очень*, *слишком*, *чересчур* и т. п.; напротив, фразеологизм *ноль внимания* в позиции сказуемого сочетается лишь с редкими обстоятельствами (*совсем*, *вовсе*).

Анализируемые фразеологизмы могут употребляться в сложносочиненном предложении с противительным союзом *а*. При этом размещаются они во второй части сложносочиненного предложения, а не в первой. Эта позиция фразеологизма соответствует их местоположению в простом предложении с однородными сказуемыми, где они находятся не впереди, а после однородных сказуемых. Такая связь с однородными сказуемыми заметна еще и потому, что в сложносочиненных предложениях с фразеологизмами несобственно глагольного типа преимущественно противопоставляются друг другу сказуемые (и подлежащие), а не второстепенные члены. Например: «Вчера один китаец сидел на палубе и пел дискантом... Все глядели на него и смеялись, а он — *ноль внимания*» (Ч.).

Если употребление фразеологизмов в составе простого предложения поддерживается наличием пояснительных слов или однородных сказуемых, то вхождение соответствующих фразеологизмов в сложносочиненные предложения поддерживается противительным союзом *а*, по преимуществу оформляющим значение несходства, несовместимости соотносимых частей.

Круг отношений, выражаемых этим союзом, сравнительно широк и вполне соответствует тем смысловым отношениям, которые могут быть переданы частями сложносочиненных предложений с фразеологизмами несобственно глагольного типа. Так, довольно широко распространены сложносочиненные предложения, во второй части которых утверждается

нечто такое, что непосредственно не вытекает из содержания первой части. Например: «Офицеры постояли около куста, потрогали его, а соловей все пел. — Каков? — слышались одобрительные возгласы. — Мы стоим возле, а он ноль внимания!» (Ч.); «Почему вы, гражданка, идете посредине улицы? Я даю свистки, а вы — ноль внимания» (Ф. Г.); «Пускай меня матушка-государыня смертью казнит, пускай меня в дальни сибирски города сошлет, а в цесарскую землю я ни ногой» (М.-П.).

Отношения, которые устанавливаются между частями сложносочиненных предложений в указанных примерах, легко могут быть переданы сложноподчиненными предложениями с придаточными условия, уступки и др. Так, сложносочиненное предложение «Я даю свистки, а вы — ноль внимания» свободно преобразуется в сложноподчиненное: «Хотя я и даю свистки, вы на меня ноль внимания». Ср. также: «Гарантьев побагровел от злости. — А! Если ты меняешь меня на немца, — сказал он, — так я к тебе больше ни ногой» (Гонч.). Нетрудно заметить, что первая часть сложносочиненного предложения в этом примере соответствует в сложноподчиненном придаточной части, а вторая часть — главной части. Ввиду того что фразеологизмы рассматриваемого типа обычно находятся во второй части, их перенос в состав придаточной части сложноподчиненного предложения определенным образом затруднен.

Отдельные фразеологизмы особенно часто встречаются в сложносочиненном предложении. Так, фразеологизм *тут как тут* употребляется в том случае, когда необходимо передать неожиданное появление кого-либо или чего-либо кстати или некстати. Значение этого фразеологизма вполне соответствует тем временным связям, которые обычно наблюдаются между частями сложносочиненного предложения. «Кричат зайцы про волка, а волк — тут как тут» (М.-С.); «Немцам мастерские наши нужны позарез, а мы — тут как тут» (Фад.); «И вот мы с вами за свадьбу, а муж — тут как тут» (Шишк.) и т. д.

Попутно отметим, что фразеологизмы с опущенным глагольным компонентом типа *по шапке, по боку, за бока, ни в какую, ни с места, в огонь и в воду, назад оглобли* и др. или без глагола-сопроводителя типа *как снег на голову, откуда ни возьмись, во все лопатки, на все четыре стороны* и т. п. также преимущественно встречаются в простом предложении, могут входить в состав сложносочиненных с противительным союзом *а* и редко попадают в сложноподчиненном предложении.

В отличие от только что рассмотренных оборотов типа

давай бог ноги, тут как тут и др. соответствующие фразеологизмы употребляются в предложении без однородных сказуемых и активнее вступают в грамматическую связь с другими членами предложения — обстоятельствами, безлично-предикативными словами и т. д. Например: «Один за одного мы в воду и в огонь» (Бедн.); «Мы ее на весь город невесткой провеличали, а он на попятный двор» (Д. П.); «Они радуются, а мы их по шапке» (М.-С.) и др.

Такова в общем структура предложения с неглагольными фразеологизмами, обозначающими заметные оттенки действия.

Эти и другие лексико-грамматические признаки предопределяют различную возможность включения глагольных фразеологизмов в состав предложения вообще и сложноподчиненного в особенности.

Фразеологизмы, подобно лексическим единицам, служат строевым элементом предложения (простого или сложного). Однако по сравнению со словом фразеологизм представляет собой качественно новое образование. Будучи раздельнооформленной языковой единицей, фразеологизм обладает более сложной, чем слово, структурной организацией. Важно также отметить, что фразеологизм для реализации своего значения нуждается в контекстуальной опоре структурно связанных с ним слов. Нередко связь фразеологизма с другими словами является принудительной, необходимой. В таких случаях фразеологизм воспроизводится в процессе общения вместе со своим окружением, что расширяет структурный минимум предложения.

Многие глагольные фразеологизмы, как уже отмечалось, наделены оценочным значением. С усилением оценочного значения соответственно ослабевают глагольные свойства фразеологизма, резко понижается его видо-временная активность (ср.: *в сорочке родился, собаку съел* и т. д.).

В составе значительной части фразеологизмов глагольный компонент, через который осуществляется связь фразеологизма с другими словами внешнего контекста, лишен изменяемости (ср.: *ума не приложу, хоть в гроб ложись* и др.).

В связи с этим прежде всего выделяются глагольные фразеологизмы, которые сравнительно легко могут употребляться в главной и в придаточной частях сложноподчиненного предложения; причем для большинства из них возможно и то и другое употребление.

Соответствующие фразеологизмы почти лишены оценочного значения, имеют незамкнутую структуру и обладают достаточно высокой парадигматической активностью, т. е. сравнительно низким «потолком устойчивости» на морфологическом уровне.

Сюда, например, можно отнести такие фразеологизмы, как: *бить баклуши, валять дурака, гнуть спину, гонять лодыря, дать прикурить, лежать на боку, лезть из кожи, ломать голову, руками разводить, развязать язык* и многие другие. Сравним такие примеры:

«Когда он спросил врача, как он тут оказался, тот только развел руками: — Вернетесь в часть, узнаете» (Сим.). — «Один только каталог... обошелся во столько, что Баклушин руками развел, деньги были просажены» (А. Т.).

«Мысль, что его любит молодая девушка, очевидно, до того вскружила ему голову и развязала язык, что он сделался несносно болтлив и даже хвастлив» (Леск.). — «С уходом адвоката в каюте сделалось как-то вольнее, как будто отсутствие его всем развязало языки» (С.-Щ.).

«У меня дядюшка на Москве спит и видит, когда уже я статским советником стану» (Тын.). — «Словом сказать, все в восторге от современной французской республики, начиная с графа Твэрдоонто и кончая князем Бисмарком, который, как говорят, спит и видит хоть на часок побывать в Париже» (С.-Щ.).

Правда, названные фразеологизмы вводятся далеко не во все традиционно выделяемые типы придаточных частей. По существу, трудно подобрать такие глагольные фразеологизмы, которые могли бы быть беспрепятственно включены в любую придаточную часть. Например, только что приведенный фразеологизм *спит и (во сне) видит* обычно употребляется в главной части сложноподчиненного предложения и требует своего восполнения в виде придаточной изъяснительной или сочетается с инфинитивом. Этот фразеологизм трудно употребить в составе временных, условных, целевых, уступительных и других аналогичных конструкций.

Подобного рода фразеологизмы оказывают структурную сопротивляемость нередко уже потому, что в составе той или иной придаточной части они вне контекстуальной поддержки воспринимаются как переменные словосочетания такого же лексического состава.

Наибольшую сопротивляемость глагольным фразеологизмам оказывают такие синтаксические конструкции, которые затрагивают в той или иной степени основные, категориальные свойства фразеологизмов. Попытка включить фразеологизмы в состав таких конструкций приводит к нарушению семантического тождества фразеологической единицы.

Вместе с тем существуют и такие конструкции, в состав которых может быть введен почти любой глагольный фра-

зеологизм. Сюда следует, в частности, отнести придаточные изъяснительные.

Выше упоминалось, что возможность употребления глагольных фразеологизмов в строе сложноподчиненного предложения определяется рядом лексико-грамматических признаков, в частности действием оценочного фактора и степенью видо-временной активности. Проследим за действием этих факторов в составе разного рода временных предложений.

Как известно, посредством этих предложений передаются различные виды временной соотнесенности и приуроченности явлений или событий. Естественно, в составе временных конструкций с наибольшей полнотой и отчетливостью обнаруживаются глагольные свойства фразеологизмов разбираемого типа. Вот почему глагольные фразеологизмы, имеющие ярко выраженное оценочное значение (например, *в сорочке родился*, *зубы свел* (на чем-либо), *собаку свел*, *охулки на руку не класть* и под.), лишены возможности входить во временные предложения, так как с усилением оценочного значения в таких фразеологизмах резко ослабляется лексико-грамматическое значение глагольности. Не удивительно поэтому, что значение, например, фразеологизма *в сорочке родился* передается не глаголом, а качественными прилагательными *счастлив*, *удачлив*.

Многие глагольные фразеологизмы русского языка не могут образовать видовую пару. Вполне понятно, что соответствующие одновидовые фразеологизмы не в состоянии передать того разнообразия временной соотнесенности между частями сложноподчиненного предложения, которое присуще глаголам свободного употребления. Так, в современном русском языке существуют временные предложения, в придаточной части которых глаголы-сказуемые имеют всегда форму несовершенного вида. Сюда, например, относятся:

а) предложения с отношениями полной одновременности; в составе таких предложений соотносятся два длительных действия, совпадающих во времени («Когда он отвечал, все следили за каждым словом»);

б) предложения с отношениями неполной, ограничительной одновременности; в таких предложениях употребляется союз *пока* («Он обдумал все, пока тот рассказывал»);

в) предложения с отношениями соответствия и интенсивности сопоставляемых явлений; в таких предложениях употребляется союз *по мере того как* («По мере того как бричка близилась к крыльцу, глаза его делались веселее» (Г.).

Совершенно очевидно, что глагольные фразеологизмы, употребляющиеся только в форме совершенного вида, не способны входить в состав перечисленных временных кон-

струкций. К числу таких фразеологизмов можно, например, отнести: *заткнуть за пояс*, *кануть в Лету*, *куда махнул (хватил)*, *стереть в порошок*, *стереть с лица земли* и др.

Наряду с конструкциями, в составе которых глаголы-сказуемые употребляются только в форме несовершенного вида, существуют и такие придаточные времени, где глаголы-сказуемые встречаются лишь в форме совершенного вида. Сюда могут быть отнесены:

а) предложения с отношениями следования; при этом действие, названное в придаточной части, предшествует действию, названному в главной части сложноподчиненного предложения («Когда ему сообщили об опасности, он принял меры предосторожности»);

б) предложения, обозначающие временные границы, временной предел и употребляющиеся с союзами *пока не*, *до тех пор пока не* («Он сидел дома, пока мы не вернулись»).

Не подлежит сомнению, что глагольные фразеологизмы, имеющие лишь форму несовершенного вида, не могут быть введены в состав аналогичных временных конструкций. К одновидовым фразеологизмам несовершенного вида можно отнести такие, например, как *водить за нос*, *лежать под сукном*, *лезть в глаза* (кому), *лить воду на мельницу* (чью, кого), *лить колокола*, *ломать шапку*, *ломиться в открытую дверь*, *марать бумагу* и др.

Глагольные фразеологизмы, имеющие только форму несовершенного вида, невозможно ввести в состав фразеологизированных конструкций условно-ограничительного или ограничительно-выделительного типа. Речь идет о таких конструкциях, как *стоит (стоило) что-либо сделать*, как *(чтобы)...* Например: «Стоило только раз попасть рабочему в медный рудник, чтобы на веки вечные обречь следующие поколения на эту же работу» (М.-С.). В первой части таких конструкций могут быть употреблены только фразеологизмы, способные иметь неопределенную форму и форму совершенного вида.

Особенно ограничены возможности употребления в составе придаточной части сложного предложения у глагольных фразеологизмов с нулевой или неполно выраженной парадигмой. Наибольшую структурную сопротивляемость при этом оказывают:

а) глагольные фразеологизмы, закрепившиеся в какой-то одной личной форме, например в форме 1-го лица: *в толк не возму*, *покорно благодарю*, *ума не дам*, *ума не приложу* и др. Соответствующие фразеологизмы трудно или вовсе невозможно употребить в составе временных, условных, целевых, сравнительных, присоединительных, присубстантивных пред-

ложений. Глагольные фразеологизмы, застывшие в форме 2-го лица (ср.: *водой не разольешь, калачом не заманишь, ничего не напишешь, своих не узнаешь, с собаками не сыщешь, шубы не сошьешь* и пр.), также не могут входить в состав временных, условных, целевых, сравнительных предложений;

б) глагольные фразеологизмы, употребляющиеся в какой-то одной временной форме, например в форме настоящего или только прошедшего времени: *ни шьет ни порет, в сорочке родился, собаку съел* и др. Подобные фразеологизмы трудно или невозможно включить во временные предложения;

в) глагольные фразеологизмы, выступающие лишь в форме повелительного наклонения: *разрази (меня) гром, скажи на милость, хоть в гроб ложись, хоть в петлю лезь* и под. Такие фразеологизмы не могут быть включены, например, в состав временных, причинных, целевых, сравнительных конструкций;

г) глагольные фразеологизмы, утвердившиеся в неопределенной форме: *раз плюнуть, нечего сказать, шутка сказать* и под. Некоторые фразеологизмы этого типа, употребляющиеся в функции вводных слов, вообще не могут входить на правах самостоятельного члена в состав простого или сложного предложения.

Легко заметить, что глагольный стержневой компонент, посредством которого фразеологизм включается в речь, полностью или частично лишен изменяемости. С ограничением или утратой изменяемости тот или другой фразеологизм теряет возможность вступать в синтагматическую связь с другими словами внешнего контекста. Иначе говоря, с ослаблением парадигматической активности ослабевают и синтагматические связи глагольных фразеологизмов. Вследствие этого структура соответствующих фразеологизмов становится полузамкнутой (при отсутствии, например, субъектного окружения, но при наличии объектного) типа *с собаками не сыщешь* (кого-либо) или вовсе замкнутой. Будучи структурно замкнутыми или полузамкнутыми единицами языка, рассматриваемые фразеологизмы, естественно, имеют тенденцию к синтаксической изоляции и специализированному употреблению.

В силу грамматической изоляции некоторые фразеологизмы глагольного происхождения употребляются в функции вводных слов и словосочетаний: *нечего сказать, с позволения сказать, шутка сказать* и др. Впрочем, грамматическая специализация фразеологизма всякий раз уточняется их семантикой. Так, фразеологизм, обладающий семантической достаточностью, употребляется в иной синтаксической функции, чем фразеологизм, отличающийся семантической недостаточностью.

Сравним несколько глагольных фразеологизмов в фиксированной форме. Такие, например, фразеологизмы, как *того и гляди (смотри)*, *того и жди*, отличаются семантической неполнотой и потому нуждаются в уточнении своего неполно выраженного значения. Такое семантическое уточнение может исходить от глаголов, с которыми эти фразеологизмы сохраняют живые связи, или даже от целой придаточной части, которая выполняет по отношению к фразеологизму смыслоуказательную функцию; причем между главной и придаточной частями устанавливается обязательная связь. В первом случае фразеологизм функционально сближается с приглагольной частицей [107, с. 108—109], во втором случае этот же фразеологизм употребляется в качестве главной части сложноподчиненного предложения; наконец, он может функционировать и как вводное слово. Во всяком случае, все названные грамматические функции обусловлены семантической неполнотой этих фразеологизмов. Ср. примеры: «Ведь он (капитан) того и смотри закричит: «Линьков!» (Бел.). — «[Фамусов:] Да, разные дела на память в книгу вносим; Забудется, того гляди» (Гриб.); «[Анна Андреевна:] Того и гляди, что он (ревизор) придет и застанет нас одетыми бог знает как» (Г.).

По сравнению с такими фразеологизмами оборот *ума не приложу* обладает большей семантической самостоятельностью и употребляется или в качестве главной части сложного предложения, или как самостоятельное предложение, правда, тесно связанное с предшествующим контекстом:

«— Ума не приложу, как мне быть... — бормотала она» (Ч.); «Ума не приложу, что можно сделать. Выписал бы я бочки из Читы, да ведь они еще когда будут» (Сед.); «Вот письмо написал приятелю в Россию, да как доставить — ума не приложу» (Шишк.); «И что мне делать — ума не приложу!» (Мед.).

«Растолкуйте мне, пожалуйста, что за чудеса такие? Ума не приложу» (Т.); «Да чем же ситцы красные Тут провинились, матушка? Ума не приложу!» (Н.).

Остановимся на структуре таких сложноподчиненных предложений, в главную часть которых вводится глагольный фразеологизм. Общей особенностью этих предложений служит то, что придаточная часть предложения не может быть связана ни с одним из компонентов фразеологизма. Дело в том, что фразеологизм обладает целостным значением. Его компоненты утрачивают системное значение и, следовательно, не могут порознь поясняться придаточной частью.

В тех случаях, когда придаточная часть связана с каким-то одним словом в главной части (одночленные структуры), фразеологизм обычно оказывается изолированным от нее. Вот

несколько примеров: «Узнает (Чапаев), что где-нибудь на складе хранится аршин полтора сукна, сколько-нибудь шапок, валенок, полушубков, — и мечет громы-молнии, домогается, чтобы все это было отдано армии» (Фурм.); «Это вполне современное явление никому не резало глаз, а подвинулось под разряд фактов, которые правы уже по одному тому, что они существуют» (М.-С.).

Непосредственную же связь придаточной части с тем или иным фразеологизмом мы обычно наблюдаем в сложноподчиненных предложениях двучленной, а не одночленной структуры. Действительно, глагольные фразеологизмы, входящие в состав главной части, поясняются временными, условными, уступительными, причинными, целевыми, сравнительными, присоединительными и другими подобными конструкциями: «Когда она мне это рассказала, я рот раскрыл» (Ант.); «А как жала рожь высокую, Слезы в три ручья лила» (Н.); «Павел был в очень трудном положении и сел бы совершенно на мель, если бы сама судьба... не подала ему руку помощи» (Пис.).

В редких случаях, если позволяет семантика, придаточная часть может прямо относиться к глагольному фразеологизму, выступающему в функции сказуемого в главной части. Так, некоторые фразеологизмы, имеющие значение речи, мысли, чувств, восприятия и под., могут распространяться непосредственно примыкающей к ним придаточной частью. Таков, например, фразеологизм *судить и рядить* 'много рассуждать, толковать, говорить'. Этот фразеологизм для реализации своего значения нуждается не столько в субъектном окружении, сколько в объектном. Например, предложение «Мы судили и рядили» без объектной поддержки кажется неполно выраженным. Поэтому чаще всего соответствующий фразеологизм распространяется в речи косвенным дополнением. Например: «Весь о предоставлении товариществу государственного кредита на машины взбудоражила всех. Судили и рядили об этом в каждой избе» (Марк.). Ср. с придаточной изъяснительной частью: «Долго судили и рядили, куда его (Горнова) отдать (учиться)» (Сер.).

Следует особо подчеркнуть, что и в сложноподчиненных предложениях с одночленной структурой придаточная часть относится не к отдельному компоненту фразеологизма, а ко всему фразеологизму. Таким образом, фразеологизм и здесь предстает как семантически целостная, нерасчлененная единица языка.

В заключение отметим, что на структуру главной и придаточной частей сложного предложения (равно как и на структуру простого предложения) влияет тип значения фразео-

логизма. Нельзя не заметить, что глагольные фразеологизмы с относительно свободным типом значения в меньшей мере воздействуют на структуру предложения, чем, например, фразеологизмы с конструктивно ограниченным типом значения.

Сравним глагольные фразеологизмы *в ус не дуть* и *в грош не ставить*. Первый фразеологизм, если не принимать в расчет субъектное окружение, обладает относительно свободным типом значения и, следовательно, не нуждается в контекстуальной поддержке других слов: в любом синтаксическом окружении этот однозначный фразеологизм равен самому себе. Поэтому значение данного фразеологизма минимально воздействует на структуру предложения (простого или сложного). Напротив, значение второго фразеологизма может быть полностью реализовано лишь в свойственной ему синтаксической конструкции, т. е. в обязательной связи с дополнением, так что аналогичные фразеологизмы к своему собственному значению как бы прибавляют семантические элементы контекста. Благодаря этому заметно расширяется структурное ядро предложения, его обязательные структурные элементы. Это можно видеть на таком примере: «Я чувствовал себя до такой степени счастливым, что, как говорится, в ус не дул и в грош не ставил ничьих насмешек и ничьих косых взглядов» (Т.).

В случае многозначности в каждом отдельном значении один и тот же фразеологизм может по-разному воздействовать на структуру предложения.

Таким образом, многие фразеологизмы глагольного характера реализуют то или иное значение в строго определенном окружении, совместно с которым они образуют структуру. Чем теснее и необходимее связь фразеологизма с его окружением, тем разветвленное, сложнее и структура предложения, в состав которого введен аналогичный фразеологизм, и наоборот.

Глагольные фразеологизмы в силу целостности значения налагают определенные ограничения на структуру того предложения, в которое они вводятся. При этом фразеологизм воздействует на структурную организацию предложения в большей мере, чем лексическая единица. Естественно, наименьшую структурную сопротивляемость оказывают глагольным фразеологизмам простые предложения, наибольшую — придаточная часть сложноподчиненного предложения, и в первую очередь такие временные конструкции, где наблюдается закономерное соотношение видо-временных форм в их частях.

Заключение

Фразеологизмы, хотя и обладают содержательными и формальными признаками уровневых единиц (слова и словосочетания), сами по себе, однако, не образуют особого языкового уровня. Дело в том, что фразеологизмы практически не сочетаются друг с другом в предложении, а также не делятся на более простые уровневые единицы и не порождают более сложные, чем они сами, единицы языка, — иначе говоря, фразеологизмы лишены синтагматических и иерархических структурных свойств.

Фразеологизм наряду со словом и словосочетанием характеризуется самостоятельной познавательной ценностью. Нередко с помощью фразеологизмов называются такие денотаты, которые не знают в языке иного способа номинации. Объективным показателем познавательной ценности фразеологизма является объяснительный минимум в составе словарной дефиниции.

Фразеологический оборот представляет собой довольно сложное и противоречивое единство. Будучи раздельнооформленным образованием, он наделен целостным значением. Одни свойства сближают фразеологизм со словосочетанием, другие — со словом. На почве несоответствия между содержанием и способом выражения фразеологического оборота возникает немало переходных, промежуточных явлений (потенциальность, синкретизм, гибридность, вариативность и др.).

Различного рода противоречия и несоответствия обусловлены также неравномерной деактуализацией слов в составе фразеологических оборотов. В составе одних фразеологизмов слова подвергаются приблизительно равномерной семантической деактуализации (эта особенность характерна в основном для налагаемых оборотов типа *стоять на задних лапках*). Такие обороты возникают в результате метафорического переосмысления свободных словосочетаний. В составе других оборотов происходит неравномерная потеря словами собственного лексического значения (*на равной ноге*). Такие обороты не могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям такого же лексического состава из-за невозможности их образовать.

Вследствие неравномерной деактуализации слова в составе многих фразеологизмов в целом ряде случаев нельзя установить четких границ между компонентом и словом-компонентом, а также между компонентом-сопроводителем и словом-сопроводителем.

В семантической структуре фразеологизма актуальное значение противопоставлено этимологическому, тогда как в слове оно слито в одно целое с этимологическим. Участвуя в образовании актуального значения, тот или иной компонент фразеологизма семантически преобразуется, деактуализуется; напротив, в составе словосочетания, формирующего внутренний образ фразеологизма, каждое слово сохраняет свое исходное социально закрепленное значение.

Фразеологизм ограничен в проявлении своих формоизменяющих и сочетательных свойств, которые регулируются и постоянно сдерживаются внутренней формой и общим (целостным) значением фразеологического оборота. Те или иные видоизменения фразеологизма, равно как и расширение контекстуальных связей, должны удовлетворять требованиям смыслового и образного единства фразеологического оборота.

Подобно словам, фразеологизмы, вступая между собой в определенные семантические отношения, образуют семантическую парадигму. В составе этой парадигмы центральное (ядерное) положение занимают фразеологические обороты, охваченные явлениями вариантности и синонимии. Все осталь-

ные члены семантической парадигмы (фразеологическая антонимия, полисемия, энантиосемия и т. п.) занимают периферийное положение. В области фразеологии подавляющая часть единиц семантически связана друг с другом непосредственно. И в этом проявляется специфика фразеологического значения.

Чем шире и разветвленное семантическое взаимодействие между фразеологизмами, тем ограниченнее круг понятий и представлений, которые могут быть переданы посредством соответствующих оборотов. Если лексика отражает все многообразие предметов, явлений и свойств внеязыковой действительности, то фразеологизмы в содержательном отношении охватывают прежде всего сферу переживаний и чувств, а также разнообразную гамму оценок и квалификаций кого-либо или (реже) чего-либо.

В области фразеологической семантики заложены основы для изучения категорий более высокого ранга — фразеосемантических полей с их разветвленной структурой.

В сфере фразеологии проявляются разнообразные закономерности и закономерные тенденции. Установлено, например, что с усилением оценочного значения соответственно ослабевают глагольные качества подобных фразеологизмов и прежде всего падает их видо-временная активность, и наоборот. Известно также, что мера идиоматичности фразеологизма зависит от характера и степени деактуализации компонентов. Чем большее расхождение наблюдается между словом свободного употребления и соответствующим компонентом, чем труднее выявить собственное значение компонента, тем выше идиоматичность, семантическая неразложимость фразеологизма. Справедлива и обратная зависимость.

Достаточно надежным способом определения семантической целостности фразеологизма служит прием наложения фразеологического оборота на эквивалентное словосочетание. При определении морфолого-синтаксических свойств и возможностей фразеологической единицы (например, при сопоставлении фразеологизма с определенной частью речи) вполне пригодным оказывается метод развернутых неизбыточных толкований. В развернутом толковании могут отражаться не только содержательные, но и формальные элементы фразеологического значения. Но не всегда по речеописательному толкованию можно достоверно судить о семантико-грамматических свойствах толкуемого оборота, так как между толкуемым оборотом и его идентификатором не может быть полного равенства.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Рецензия на книгу Н. А. Рубакина // Полн. собр. соч. Т. 25.
2. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. Т. 29.
3. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963.
4. Арутюнова Н. Д. О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке // Фил. науки. 1962. № 2.
5. Архангельский В. Л. Методы фразеологического исследования в отечественном языкознании: 60-е годы XX в. // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Ростов-на-Дону, 1968.
6. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964.
7. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957.
8. Бабкин А. М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л., 1964.
9. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970.
10. Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
12. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
13. Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. М., 1979. Вып. 5.
14. Виноградов В. В. Из истории русской литературной лексики // Ученые записки / МГПИ им. В. И. Ленина, кафедра русского языка. 1948. Т. 56. Вып. 2.
15. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // А. А. Шахматов. М.; Л., 1947.
16. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977.
17. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. 1953. № 4.
18. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
19. Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1938. Вып. 1.
20. Вопросы семантики фразеологических единиц. Новгород, 1971. Ч. 1.
21. Гак В. Г. Беседы о французском слове. М., 1966.
22. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974.
23. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону, 1977.
24. Гвоздарев Ю. А. Фразеологические сочетания современного русского языка. Ростов-на-Дону, 1973.
25. Горбачевич К. С., Сороколетов Ф. П. Значение и оттенок в лексикографической практике // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1975. Т. 34. № 6.
26. Грамматика русского языка. М., 1960. Т. 1: Фонетика и морфология.
27. Гусейнов Ф. Г. Русская фразеология: Основные тенденции развития в XIX в. Баку, 1977.

28. Дерибас В. М. Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка: Словарь-справочник. М., 1975.
29. Диброва Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1979.
30. Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики. М., 1973.
31. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке. М., 1984.
32. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
33. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1980.
34. Жуков В. П., Жуков А. В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. Л., 1980.
35. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М., 1967.
36. Звегинцев В. А. Семасиология. М., 1957.
37. Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.
38. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
39. Кодухов В. И. Контекст как лингвистическое понятие // Языковые единицы и контекст. Л., 1973.
40. Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.
41. Кондрашкина С. И. К вопросу об идиоматичности составных терминов // Принципы и методы лексико-грамматических исследований. Л., 1973.
42. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии: Проблемы, методы, опыты. Воронеж, 1978.
43. Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М., 1973.
44. Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М., 1979.
45. Котелова Н. З. О применении объективных и точных критериев описания сочетаемости слов // Вопр. языкознания. 1965. № 4.
46. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. М., 1978.
47. Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970.
48. Курилович Е. Р. Заметки о значении слова // Вопр. языкознания. 1955. № 3.
49. Курилович Е. Р. Проблема классификации падежей // Курилович Е. Р. Очерки по лингвистике. М., 1962.
50. Лавров Н. И. Факультативные элементы фразеологического значения диалектных ФЕ // Актуальные проблемы русской фразеологии. Л., 1983.
51. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии // Ученые записки / ЛГУ им. А. А. Жданова. 1956. Вып. 24. № 198.
52. Лепешай І. Я. Проблеми фразеологічної стилістики і фразеологічної норми. Мінск, 1984.
53. Лесник М. Д. Сильное управление глаголов с приставкой *в* // Ученые записки / ЛГУ им. А. А. Жданова. 1963. Вып. 68. № 322.
54. Материалистическая диалектика. В 5 т. М., 1981. Т. 1.
55. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль, 1979.
56. Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973.
57. Милославский И. Г. Производное слово как фразеологическая единица // Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978.
58. Мокиенко В. М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.
59. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.
60. Мокиенко В. М. Фразеобразование и семантика фразеологизмов // Словообразование и фразеобразование. М., 1979.
61. Молотков А. И. Некоторые особенности употребления фразеологиз-

- мов в современном русском языке // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.; Л., 1966.
62. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка. Л., 1977.
  63. *Никитин М. В.* О семантике метафоры // Вопр. языкознания. 1979. № 1.
  64. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. М., 1982.
  65. *Огольцев В. М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. Л., 1978.
  66. *Ожегов С. И.* Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
  67. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. 10-е изд. М., 1973.
  68. *Палевская М. Ф.* Основные модели фразеологических единиц со структурой словосочетания в русском языке XVIII в. Кишинев, 1972.
  69. *Панов М. В.* О слове как единице языка // Ученые записки / МГПИ им. В. П. Потемкина. 1956. Т. 51. Вып. 5.
  70. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.
  71. *Попов Р. Н.* Методы исследования фразеологического состава языка. Курск, 1976.
  72. *Попов Р. Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.
  73. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1—2.
  74. Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Тула, 1972. Вып. 2.
  75. *Прокопович Н. Н.* Изменения в системе словосочетаний // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка. М., 1964.
  76. *Прокопович Н. Н.* Некоторые вопросы управления в современном русском языке // Русский язык в школе. 1959. № 3.
  77. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
  78. *Розанова В. В.* Синонимия устойчивых глагольно-именных сочетаний в современном русском языке // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966.
  79. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
  80. Русская грамматика. М., 1980. Т. 2.
  81. *Седельников Е. А.* Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Фил. науки. 1961. № 3.
  82. *Селиверстова О. Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
  83. *Сидоренко М. И.* О смысловой структуре фразеологизмов // Ученые записки / ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1969. Т. 370.
  84. *Сидоренко М. И.* Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. Л., 1982.
  85. Словарь русского языка. В 4 т. М., 1957—1961.
  86. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1950—1965.
  87. *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956.
  88. Советский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1982.
  89. *Солнцев В. М.* К вопросу о семантике, или языковом значении // Проблемы семантики. М., 1974.
  90. *Солнцев В. М.* Язык как системно-структурное образование. 2-е изд. М., 1977.
  91. *Тагиев М. Т.* Глагольная фразеология современного русского языка. Баку, 1966.
  92. *Телия В. Н.* Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке. М., 1981.
  93. *Тихонов А. Н.* Видовое формообразование при помощи префиксов в глагольных фразеологических оборотах // Вопр. фразеологии. Ташкент, 1965.

94. Толковый словарь русского языка. /Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940. Т. 1.
95. *Торопцев И. С.* К вопросу о возникновении фразеологизмов и способе их отграничения от сходных с ними единиц // Ученые записки / МОПИ им. Н. К. Крупской. 1966. Т. 160. Вып. 11.
96. *Торопцев И. С.* Очерк русской ономастиологии: Возникновение знаменательных лексических единиц. Орел, 1970.
97. *Федоров А. И.* Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 1973.
98. *Филин Ф. П.* Очерки по теории языкознания. М., 1982.
99. *Филиппова В. М.* Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке XVIII в. М., 1968.
100. *Фортунатов Ф. Ф.* Сравнительное языковедение // Избранные труды. В 2 т. М., 1956—1957. Т. 1.
101. *Хэррис З.* Совместная встречаемость и трансформация в языковой структуре // Новое в лингвистике. М., 1962. Вып. 2.
102. *Чепасова А. М.* Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов. Челябинск, 1974.
103. *Чернышева И. И.* Фразеология современного немецкого языка. М., 1970.
104. *Шанский Н. М.* Лексикология современного русского языка. 2-е изд. М., 1972.
105. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. 2-е изд., М., 1969.
106. *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966.
107. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
108. *Шмелев Д. Н.* Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
109. *Щерба Л. В.* Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.
110. *Щерба Л. В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
111. *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Там же.
112. *Энгельгардт В. А.* Интегрализм — путь от простого к сложному в познании явлений жизни // Вопр. философии. 1970. № 11.
113. *Янко-Триницкая Н. А.* Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1969. Т. 28. Вып. 5.

Условные сокращения

<i>А.</i>	— В. А. Алексеев	<i>Д. и Ч.</i>	— В. И. Дмитриевский и
<i>Абр.</i>	— Ф. А. Абрамов		Б. Д. Четвериков
<i>Авт.</i>	— В. Автономов	<i>Добр.</i>	— Н. А. Добролюбов
<i>А. Г.</i>	— А. П. Гайдар	<i>Д. П.</i>	— Д. И. Писарев
<i>Аж.</i>	— В. Н. Ажаев	<i>Драг.</i>	— В. Ю. Драгунский
<i>Акс.</i>	— С. Т. Аксаков	<i>Е.</i>	— Н. А. Емельянова
<i>А. К. Т.</i>	— А. К. Толстой	<i>Е. Фёд.</i>	— Е. А. Фёдоров
<i>Алт.</i>	— Ал. Алтаев	<i>Заг.</i>	— М. Н. Загоскин
<i>Ант.</i>	— С. П. Антонов	<i>Ив.</i>	— А. С. Иванов
<i>А. П.</i>	— А. Я. Панаева	<i>Изм.</i>	— А. Ф. Измайлов
<i>Ард.</i>	— В. И. Ардаматский	<i>И. С.</i>	— И. Соловьев
<i>Арам.</i>	— Арамилев (И. А. Зырянов)	<i>К.</i>	— А. И. Куприн
<i>А. С.</i>	— А. Н. Соколов	<i>Каз.</i>	— Э. Г. Казакевич
<i>Аст.</i>	— В. П. Астафьев	<i>Кар.</i>	— Н. М. Карамзин
<i>А. Т.</i>	— А. Н. Толстой	<i>Кат.</i>	— В. П. Катаев
<i>А. Ч.</i>	— А. Б. Чаковский	<i>Клец.</i>	— А. Д. Клещенко
<i>А. Я.</i>	— А. Я. Яшин	<i>Кн.</i>	— Я. Б. Княжнин
<i>Б.</i>	— В. В. Быков	<i>Кож.</i>	— В. М. Кожевников
<i>Баб.</i>	— С. П. Бабаевский	<i>Козл.</i>	— И. А. Козлов
<i>Б. В.</i>	— Б. Л. Васильев	<i>Кор.</i>	— В. Г. Короленко
<i>Бедн.</i>	— Д. Бедный	<i>Кр.</i>	— И. А. Крылов
<i>Бейл.</i>	— А. Бейлин	<i>Крак.</i>	— В. Краковский
<i>Бел.</i>	— В. Г. Белинский	<i>Кремл.</i>	— И. Л. Кремлев-Свен
<i>Бл.</i>	— П. А. Бляхин	<i>Крым.</i>	— Ю. С. Крымов
<i>Боб.</i>	— П. Д. Боборыкин	<i>Куд.</i>	— В. Кудинов
<i>Бол.</i>	— А. Т. Болотов	<i>Л.</i>	— М. Ю. Лермонтов
<i>Булг.</i>	— М. А. Булгаков	<i>Лавр.</i>	— И. М. Лавров
<i>Бун.</i>	— И. А. Бунин	<i>Лаж.</i>	— И. И. Лажечников
<i>Быт.</i>	— С. Бытовой	<i>Леск.</i>	— Н. С. Лесков
<i>В. Б.</i>	— В. О. Богомоллов	<i>Л. К.</i>	— Л. Коробов
<i>Вер.</i>	— В. В. Вересаев	<i>Л. Т.</i>	— Л. Н. Толстой
<i>Вор.</i>	— Л. В. Воробьев	<i>М.</i>	— В. В. Маяковский
<i>В. О.</i>	— В. А. Осеева-Хмелева	<i>Марк.</i>	— Г. М. Марков
<i>В. С.</i>	— В. Саянов	<i>Мальц.</i>	— Е. Ю. Мальцев
<i>В. См.</i>	— В. А. Смирнов	<i>Марл.</i>	— Марлинский (А. А. Бестужев)
<i>Вьюрк.</i>	— А. Вьюрков		— М. Горький
<i>Г.</i>	— Н. В. Гоголь	<i>М. Г.</i>	— Г. А. Медынский
<i>Герц.</i>	— А. И. Герцен	<i>Мед.</i>	— Н. А. Морозов
<i>Г.-М.</i>	— Н. Г. Гарин-Михайловский	<i>Мор.</i>	— П. И. Мельников-Печерский
<i>Гонч.</i>	— И. А. Гончаров	<i>М.-П.</i>	
<i>Горб.</i>	— Б. Л. Горбатов	<i>М.-С.</i>	— Д. Н. Мамин-Сибиряк
<i>Грек.</i>	— И. Грекова	<i>Н.</i>	— Н. А. Некрасов
<i>Гриб.</i>	— А. С. Грибоедов	<i>Н. В.</i>	— Н. Е. Вирта
<i>Григ.</i>	— Д. В. Григорович	<i>Нев.</i>	— А. С. Неверов
<i>Д.</i>	— Ф. М. Достоевский	<i>Нем.</i>	— В. И. Немцов
<i>Дан.</i>	— Г. П. Данилевский	<i>Н. О.</i>	— Н. А. Островский

Н.-П. — А. С. Новиков-Прибой
Ов. — В. В. Овечкин
О. С. — О. П. Смирнов
Остр. — А. Н. Островский
П. — А. С. Пушкин
Пан. — В. Ф. Панова
Панф. — Ф. И. Панферов
Пауст. — К. Г. Паустовский
П. Б. — П. В. Быков
Перм. — Е. Н. Пермитин
Пис. — А. Ф. Писемский
Плав. — П. А. Плавильщиков
Пом. — Н. Г. Помяловский
Прок. — А. А. Прокофьев
Проск. — П. Л. Проскурин
Р. — Г. Г. Радов
Рак. — Л. И. Раковский
Расп. — В. Г. Распутин
Реш. — Ф. М. Решетников
Роз. — С. Розенфельд
Рыл. — Н. И. Рыленков
Сед. — К. Ф. Седых
Сер. — А. С. Серафимович
Сим. — К. М. Симонов
С.-К. — А. В. Сухово-Кобылин
С.-Крав. — С. М. Степняк-Кравчин-
 ский
Сол. — В. А. Солоухин
С. Под. — С. П. Подъячев
С.-Щ. — М. Е. Салтыков-Щедрин
Т. — И. С. Тургенев
Тв. — А. Т. Твардовский
Тит. — В. Титов
Тын. — Ю. Н. Тынянов
Т. Я. — Т. Ф. Якушкин
Усп. — Г. И. Успенский
Ф. — К. А. Федин
Фад. — А. А. Фадеев
Ф. Г. — Ф. В. Гладков

Фед. — П. С. Федоров
Фурм. — Д. А. Фурманов
Ч. — А. П. Чехов
Черн. — Н. Г. Чернышевский
Чулк. — М. Д. Чулков
Ш. — М. А. Шолохов
Шишк. — В. Я. Шишков
Ш. — С. П. Шипачев
Э. Б. — Э. Бобров
Ю. Т. — Ю. В. Трифонов
Ю. Ш. — Ю. Шамшурин

англ. — английский
бран. — бранный
букв. — буквально
вин. — винительный
гл. — глагол
им. — именительный
лат. — латинский
мест. — местоимение
нар.-поэт. — народнопоэтический
нем. — немецкий
неодобр. — неодобрительный
несов. — несовершенный
обл. — областной
п. — падеж
перен. — переносное
прил. — прилагательное
прост. — просторечное
противоп. — противоположный
разг. — разговорный
сов. — совершенный
спец. — специальный
сущ. — существительное
устар. — устарелый
фр. — французский
ч. — число
числ. — числительное

Предметный указатель¹

Антонимия 32, 75

База деривационная 60, 91

— мотивирующая 61

Валентность 86, 254. См. Сочетаемость

Вариантность 3, 32, 36, 37, 52, 55, 57, 65, 87, 93, 166, 226, 229, 232, 233. См.

Синонимия

— видовая 36, 167, 184

— конструктивная (структурная) 37, 167

— лексическая 168, 232

— морфологическая 36, 166, 167, 183

— словообразовательная 37, 168, 232

— фонетическая 36, 166, 183, 233

Внутренняя форма 94, 96, 99, 104, 107, 109, 110, 112, 135, 136, 162, 163, 166, 182, 183, 197, 198, 201. См. Образность

— — и фразеологическое значение 99, 110, 136

— — слова 111, 112, 135, 136

— — фразеологизма 3, 7, 12, 13, 61, 62, 74, 81, 90, 91, 131

— — фразеологического сочетания 17, 76

Внутриязыковой перевод 12, 16, 42, 74

Воспроизводимость языковых единиц 5, 20, 35, 36, 131

Грамматическая категория 128, 210

— — вида 212, 214, 216, 218—221, 227, 240

— — времени 214—216, 218—221, 227

— — одушевленности 41, 147

— — рода 84

Деактуализация 8, 10, 34, 70, 74, 99, 112, 113, 116, 117, 161, 203, 295, 296.

См. Переосмысление. Фразеологизация

— неравномерная 3, 86, 116

— равномерная 99, 100, 107, 111

Деривация семантическая 107, 109

Дефразеологизация 76, 77, 97. См.

Фразеологизация

Диахрония 3, 48, 54, 228

Идиома 64, 76, 77, 115, 132, 228. См. Фразеологизм

Идиоматичность 5, 33—36, 49, 52, 80, 104, 106, 108, 113, 114, 122. См.

Устойчивость

— ложная 101

— морфемы 114

— предложения 105

— различных частей речи 107

— слова 106, 113

— словосочетания 106

— текста 114

— фразеологизма и слова 107

— фразеологического сочетания 107

Значение:

грамматическое 15, 34, 37, 110, 117, 118, 215, 231

идиоматически связанное 107

иерархия значений 106

категориальное 134, 135, 209

компонента 88, 113

лексическое 3, 32, 117, 118, 133, 231

отвлеченное 97

оттенок значения 48, 93, 108

переносное слова 33, 47, 82, 83, 97, 110, 111, 117, 119, 137

— фразеологизма 34, 109

прямое 47, 111, 134

свободное 69, 70, 76

¹ Указатель составлен к основному тексту (с. 3—296).

- связанное 69, 70
- словообразовательное (деривационное) в слове 15, 106, 112, 134, 225
- в фразеологизме 118, 135, 217, 220, 224, 225
- фразеологизма 34, 37
- фразеологически связанное компонента 39—43, 61, 74, 75, 77, 80, 82, 115
- — слова 61, 62, 66, 68, 69, 75, 76, 107
- фразеологическое 3, 13, 32, 37, 61, 62, 117, 123, 126, 127, 134, 135, 137
- актуальное 93, 136
- валентно ограниченное 256
- и лексическое значение 133
- конструктивно ограниченное 256, 294
- свободное 64, 255, 294
- синтаксически обусловленное 64
- этимологическое 136
- Калькирование 50, 103
- Коммуникация 67
- Компенсация семантическая 145, 160
- Компонент 3, 7, 10, 14, 17, 18, 22, 32, 42, 48, 127, 131—133, 136, 252, 274, 295
- актуальное членение его 19
- архаичный (реликтовый) 57, 72, 74, 83—85, 98, 101, 122
- вторичная семантизация его 74, 75
- знаковость (словность) его 24, 33, 40, 49, 53, 57—59, 61, 62, 123, 124, 164
- знаменательный 100, 101
- значение 88, 113
- — переносное 88, 113
- — фразеологически связанное 39—43, 61, 74, 75, 77, 80, 82, 115
- и морфема 113, 134
- и слово 42, 48, 49, 59, 70, 82, 85—88, 106
- контактное и дистантное расположение 37
- маркированность семантическая 73, 117, 132
- служебный 100, 101
- Компонент-сопроводитель 120, 124, 126, 127, 295
- Компрессия 100
- Коннотация 68
- Контаминация 50, 65
- Контекст 15, 43, 45
- Крылатое выражение 15, 18, 70
- Лексема 23, 34, 35, 49, 63, 230. См. Слово
- Лексика 137
- Лексико-семантическая группа (поле) 93, 96, 97, 105
- Лексико-фразеологическая дифференциация 125
- — неравномерная 125
- — равномерная 126
- Метафоризация 64, 83, 88, 100, 111, 113, 136. См. Переосмысление
- Метафорический эффект 81, 133
- Метод (прием) исследования 43, 49, 64
- анализа по окружению 43, 44—46, 54, 72
- вариационный 43, 46, 72, 79, 80
- внутриязыкового перевода 43, 46, 82
- дистрибутивный 43
- идентификации 43, 46
- компликативный 72
- компонентного анализа 48, 49
- контекстологический 43, 44
- межъязыкового перевода 43, 46, 82
- моделирования 43
- семантического соотнесения 63
- синонимического сопоставления 47
- словарных толкований (определений) 3, 39, 40, 43, 48, 56
- сравнительно-исторический 50
- трансформационный 43, 48
- формализованный 63, 72
- фразеологической аппликации (наложения) 3, 9, 46—48, 72, 80, 89, 169, 175, 197, 296

Многозначность (полисемия):

слова 88, 106

слова-сопроводителя 128—130

фразеологизма 32, 44, 53, 62, 65,
194—196, 229

Морфема 14, 23, 66, 104, 108, 110,
112—114, 133

Мотивировка и выводимость 3, 92—94,
99, 110

Номинация 26, 67

— косвенная 66, 67

— цельность ее 34, 66

Образ 90—92, 97

Образность 32, 34, 53, 61. См. Внутрен-
няя форма

Объективация 90

Объяснительный минимум 28, 295. См.

Толкование словарное

Окружение 252. См. Слово-сопроводи-
тель

— необъектное 254

— объектное 9, 44, 254, 291, 293, 294

— обязательное лексическое 124, 257

— субъектное 9, 44, 253, 291, 293,
294

Омоним 82

Омонимия 229

— и полисемия 65

Оценочность (оценочное значение) 3,
148—158, 203, 210, 212, 215, 216,
218, 223, 225, 242—244, 249, 289, 296

Парадигма 54

— вариантная 93

— лексико-семантическая 32, 43, 69,
70, 137

Переосмысление 8, 10, 16—18, 67. См.
Деактуализация. Фразеологизация

— метафорическое 47, 73, 96, 98

Переходность фразеологическая 3, 24,
25, 116, 122, 132, 173, 192, 193,
203, 231

— — вторичная 25, 123

— — первичная 24, 123

Перифраза 20, 61, 67, 68

План выражения 25, 37, 105

План содержания 25, 37, 105

Поговорка 5, 15, 18, 37, 40, 70, 75

— как источник фразеологизма 100

Полисемия категориальная 154, 158,
205, 230, 231, 240, 244, 245

Понятие 37, 60, 62, 67, 96, 99, 102, 137

Пословица 5, 13, 15, 18, 19, 37, 38,
40, 42, 70, 75, 78

— как источник фразеологизма 100

Пословично-поговорочное выражение
19, 37—40, 59, 75, 78, 102, 204,
260, 266

Потенциальное слово (компонент) 88,
120

Предложение 15, 18, 38, 67, 68, 95,
243, 266, 287, 293, 294

Предсказуемость 6, 35, 79, 80, 131

Представление 90, 99, 137

Равновесие семантическое 146

Раздельнооформленность 9, 36

Речь 39, 90, 91, 93

— деловая 51

— разговорная 94, 99

Сема (семантический признак) 12, 20,
28, 97, 105, 108, 109, 111, 131, 137,
138, 143, 162, 206, 235

— семный состав 33, 37, 39

Семантика, ее диффузность 55—57

Семема 34, 49, 82, 115

— сочетаемость семем 35

Синоним 70, 87

Синонимический ряд 54, 93

Синонимия 3, 16, 32, 54, 65, 93, 178—
180, 232. См. Вариантность

Синхрония 3, 48, 54, 228

Системные связи и отношения:

иерархические 22

лексико-фразеологические 132

парадигматические 22, 23, 31, 68,
69, 79, 85, 159

синтагматические 22, 23, 68, 79, 85, 105, 159

Слово 33, 115, 125, 127, 132. См. Компонент. Фразеологизм

- внутренняя форма его 111, 112, 135, 136
- значение переносное 33, 47, 82, 83, 97, 110, 111, 117, 119, 137
- — словообразовательное (derivационное) 15, 106, 112, 134, 225
- — фразеологически связанное 61, 62, 66, 68, 69, 75, 76, 107
- и морфема 106
- и перифраза 67, 68
- исходное 41
- как источник фразеологизма 96, 97, 104
- конкретизатор 160
- многозначность (полисемия) его 88, 106
- отвлеченное 53
- семантическая редукция его 25, 116—118, 123
- семантически реализуемое 43, 67
- структура смысловая 47, 69, 106, 110, 117, 127, 134—136, 138

Слово-идентификатор 8, 24, 46, 67, 69, 87, 88, 134, 240, 271, 285, 296

Слово-компонент 3, 119, 124, 125, 127, 295

Слово-сопроводитель 3, 19, 80, 120, 124, 125, 127, 145, 195, 228, 256—269, 295. См. Окружение

- многозначность его 128—130

Словообразование 62, 104

Словосочетание:

- исходное 23, 61, 116, 117, 120
- как единица языка 15
- метафорическое 77
- непредикативное 38, 95
- предикативное 95
- свободное (переменное) 13, 14, 43, 46, 65, 91, 210, 225, 234, 278, 281

Смысл 104, 105, 107

Согласование семантическое 56, 68, 105

Соотнесенность семантическая 119

Сочетаемость 15, 16, 34, 35, 54, 56, 70, 240, 247, 250, 254, 281, 295. См. Валентность

Структура смысловая:

- слова 47, 69, 106, 110, 117, 127, 134—136, 138
- фразеологизма 3, 52, 53, 58, 109, 110, 127, 135, 138, 218

Термин:

- как источник фразеологизма 99
- составной 5, 17, 45, 50, 78, 100, 137

Типология:

- компонентов 3, 33, 60, 116
- связанных лексических значений 67
- слов-сопроводителей 127

Толкование (определение) словарное 8, 11, 19, 20, 26, 39, 42, 70, 108, 110, 126, 134, 154, 165, 174, 188, 200, 208, 209, 235. См. Объяснительный минимум

Указательный минимум 43

Управление фразеологизмов 4, 269, 282

- — двойное 275
- — сильное 269—271
- — слабое 56, 277, 278

Уровень (ярус) языка 21, 25, 104, 114

- — лексико-грамматический 123
- — лексико-семантический 25, 35, 46, 79, 127
- — морфологический 35, 46, 287
- — основной 21
- — промежуточный 21
- — синтаксический 25, 35, 46
- — фонетико-фонологический 115
- — фразеологический 21, 25

Устойчивость 5, 33, 35, 36, 49, 52. См. Идиоматичность

Факультативность 36, 233

Фраза устойчивая 39

Фразема 39

- Фразеологизация** 11, 53, 55–57, 84, 99, 100, 114, 116, 123. См. Деактуализация. Переосмысление. Дефразеологизация
- Фразеологизм** (фразеологическая единица, фразеологический оборот) 3, 5, 18, 19, 25, 27, 114, 132, 274, 282
- адъективный 95, 246
  - в значении вводного слова 210
  - в значении категории состояния 38, 207, 210
  - внутренняя форма его 3, 7, 12, 13, 61, 62, 74, 81, 90, 91, 131
  - глагольный 4, 41, 95, 216, 217, 259, 283, 287, 289, 290, 294
  - деривация грамматическая 230. См. Фразообразование
  - значение его 34, 37
  - — переносное 34, 109
  - — словообразовательное 118, 135, 217, 220, 224, 225
  - иноязычного происхождения 103, 104
  - и пословица 100
  - и предложение 33, 39, 77, 101, 102
  - и слово 4, 33, 39, 48, 49, 54, 86, 101, 113, 127
  - и словосочетание 33, 77, 98, 106, 109
  - и фразеологическое сочетание 63
  - как единица языка 3, 33, 34, 38, 44, 49, 56, 68, 91
  - как часть речи 21, 44, 95, 102, 229, 230
  - как член предложения 135, 243, 244
  - классификация 3, 49, 64, 66, 81–89, 123
  - маркированность компонента семантическая 73, 117, 132
  - междометный 210
  - моделируемость структурно-семантическая 50, 53, 93, 94
  - наречный 56, 95, 124, 227, 239, 240, 258, 259
  - несобственно глагольного типа 282–288
  - познавательная ценность 25, 27–29, 295
  - реализация семантическая 44, 133
  - структура смысловая 3, 52, 53, 58, 109, 110, 127, 135, 138, 218
  - содержание и форма 9, 23, 24, 33, 36, 37, 39, 42, 85
  - содержание понятийное 134, 135
  - состав компонентный 3, 15, 20, 34, 37, 44, 58, 104, 115, 233, 267, 277
  - субстантивный 95, 209, 241, 259, 279
  - схема структурная 39, 40, 42, 94, 100
  - тождество и различие 33, 36, 50, 232
  - — семантическое 58, 224, 288
  - управление 4, 269, 282
  - — двойное 275
  - — сильное 269, 271
  - — слабое 56, 277, 278
  - целостность семантическая (смысловая) 3, 9, 34, 53, 61, 68, 88. См. Идиоматичность. Устойчивость
  - центр категориальный 40, 41, 118, 126, 135, 206, 207, 209, 210, 233, 277
  - — смысловой 53, 85, 86, 116, 123
- Фразеологическая абстракция** 77, 82
- Фразеологический знак** 230
- Фразеологический ряд** 75, 94
- Фразеологическое выражение** 77
- Фразеологическое единство** 65, 70, 73–76, 86, 91, 92
- Фразеологическое сочетание** 5, 15–17, 40, 43, 45, 48, 63, 65–67, 70, 75–77, 106, 124
- Фразеологическое сращение** 65, 70, 72–74, 76, 77, 91, 92
- Фразеология¹** (наука) 3, 5, 32, 33, 55
- диалектная 49
  - историческая 49, 63, 77
- Фразеология²** (состав единиц) 3, 19, 34
- закономерности (зависимости, тенденции) в ее системе 54, 68, 70, 74, 82, 85, 100, 108, 130, 133, 137, 145, 150, 153, 158–160, 163, 168, 169, 171, 172, 189
  - объем и границы ее 34, 70, 78, 115, 116, 228

Фразообразование 32, 60, 90—104

Функции:

грамматическая 38, 130, 229, 231

знаковая 66, 70, 123

классификационная 68

контекстная 252

познавательная 27

семантическая 229

смыслообразующая 113, 134

смыслоуказательная 43, 45, 52

стилистическая 32

текстообразующая 68

формально-строевая 42

эмоционально-оценочная 28, 68

Часть и целое 105

Экспрессивность 10, 34, 112

Эллипсис 73, 266, 267

Ядро и периферия 96, 137

Язык 32, 34, 49, 50, 51, 57, 63, 66

— воспроизводимость его единиц 5, 20, 35, 36, 131

— и речь 16, 56, 99

— переходные (промежуточные) явления в нем 5, 20, 38, 60, 81, 88, 89, 213

— система его 3, 33, 40, 49, 54, 57, 71, 85, 101

— — лексико-грамматическая 122

— — лексико-семантическая 70

— — лексическая 65, 187

— — фразеологическая 24, 25, 65, 122, 159, 160, 187, 203, 227

Языковая норма 37, 58, 70, 111

Оглавление

Предисловие	3
Введение	5
§ 1. Фразеологизм как значимая единица в системе русского языка. Основные признаки фразеологизма	5
§ 2. Фразеологизм в его отношении к другим единицам языка. Объем и границы фразеологии	14
§ 3. Уровневое положение фразеологизмов в языковой системе	21
§ 4. Познавательная ценность фразеологизмов	25
 <i>Глава</i> <i>1</i>	
Изучение русской фразеологии в отечественном языкознании последних лет	32
§ 5. О разработке общих проблем русской фразеологии	32
§ 6. Об изучении исторической фразеологии русского языка	49
§ 7. Краткие сведения из истории изучения фразеологической семантики русского языка	63
 <i>Глава</i> <i>2</i>	
Систематизация фразеологических единиц	72
 <i>Глава</i> <i>3</i>	
Образование фразеологизмов	90
§ 8. Лексический состав фразеологических оборотов	96
§ 9. Основные способы образования фразеологизмов русского языка	98
§ 10. Идиоматичность фразеологизма и слова в связи с вопросами фразообразования и словообразования	104
 <i>Глава</i> <i>4</i>	
Компонентный состав фразеологизмов	115
 <i>Глава</i> <i>5</i>	
Семантическая характеристика фразеологизмов	133
§ 11. Фразеологическое значение в сопоставлении с лексическим	133
§ 12. Смыслообъединяющие признаки фразеологического значения	143
§ 13. Оценочное значение фразеологизма	148
§ 14. О парадигматических и синтагматических отношениях фразеологизмов	159
§ 15. О внутрифразовой парадигматике и синтагматике	161
§ 16. Вариантность фразеологизмов	166
§ 17. Синонимичность фразеологизмов	178
§ 18. Многозначность фразеологизмов	193
	309

Глава

6

Морфологическая характеристика фразеологизмов	203
§ 19. Фразеологизм в его отношении к части речи	204
§ 20. Морфологические свойства глагольных фразеологизмов	210
§ 21. Видо-временная характеристика фразеологизмов глагольного типа	211
§ 22. Одновидовые глагольные фразеологизмы несовершенного вида	212
§ 23. Одновидовые глагольные фразеологизмы совершенного вида	216
§ 24. Двувидовые глагольные фразеологизмы	222
§ 25. Морфологические свойства наречных фразеологизмов	227
§ 26. Морфологические свойства субстантивных фразеологизмов . . .	241
§ 27. Морфологические свойства адъективных фразеологизмов . . .	246

Глава

7

Синтаксическая характеристика фразеологизмов	250
§ 28. Фразеологизм и его окружение	250
§ 29. Управление при глагольных фразеологизмах	269
§ 30. Структура предложения с фразеологизмами несобственно глагольного и глагольного типа	282
Заключение	295
Список использованной литературы	297
Условные сокращения	301
Предметный указатель (сост. <i>А. В. Жуков</i>)	303

Учебное издание

Влас Платонович Жуков

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

Зав. редакцией *Л. П. Чебаевская*

Редактор *М. В. Лагунова*

Мл. редактор *А. Г. Бойчук*

Художник *Е. Г. Прибегина*

Художественный редактор *С. Г. Абелин*

Технический редактор *Ю. А. Хорева*

Корректор *Е. К. Штурм*

ИБ № 5502

Изд. № РЛ-224. Сдано в набор 14.03.86. Подп. в печать 19.08.86. Формат 84 × 108¹/₂.
Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 16,38 усл. печ. л. 16,38
усл. кр.-отт. 18,5 уч. изд. л. Тираж 17000 экз. Зак. № 1158. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Высшая школа», 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Жуков В. П.

Ж86   Русская фразеология: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М.: Высш. шк., 1986. — 310 с.

В пособии приводятся сведения из истории изучения фразеологии в отечественном языкознании, излагаются различные пути систематизации фразеологических единиц, освещается уровневое положение фразеологизмов в языковой системе, указываются способы их образования, дана семантическая и морфолого-синтаксическая характеристика фразеологических оборотов.

Ж   4602010000—480
         001(01)—86   КБ—22—15—86

ББК 81.2Р-9
4Р

1р.10к.

Созданием файла в формате DjVu
занимался ewgeniy-new
(декабрь 2014)